

Михаил ЮРАХНО

ПЛЯСКА
ПАРАДОКСОВ,
ИЛИ
МОЁ ОБРЕТЕНИЕ
ПЛАНЕТЫ

Норіанда
видавництва
Симферополь
2022

УДК 821.161.1(477.75)
ББК 83.3(2Рос.Кры)1–8
Ю 85

Юрахно М.В.

Ю 85 Пляска парадоксов, или Моё обретение планеты. – Симферополь:
Н.Оріанда, 2022. – 352 с., ил.
ISBN 978-5-6046931-9-3

Вашему вниманию предлагается последняя книга – мемуары доктора биологических наук, профессора, писателя и поэта Михаила Владимировича Юрахно «Пляска парадоксов, или Моё обретение планеты», изданная посмертно. В ней – интересный рассказ о жизненных перипетиях и приключениях, которые сопровождали автора на его Пути.

М.В.Юрахно – известный исследователь-гельминтолог, изучавший паразитов морских млекопитающих. За его плечами семь арктических и одна антарктическая экспедиции. Он одолел более 200 тысяч километров на различных видах транспорта (от самолёта до собачьих упряжек), пересёк все океаны планеты. Первым в мире выдвинул гипотезу расселения тюленей и моржей по Мировому океану путём изучения их паразитов. Эта концепция легла в основу его докторской диссертации. Научными достижениями Михаил Владимирович вписал своё имя в историю мировой науки, открыв 13 новых видов, обосновав новые род и пять семейств гельминтов, опубликовав свыше 150 научных работ. В белорусском обществе его называли «наш белорусский Ломоносов», поскольку он, будучи выходцем из глухой деревни, проторил дорогу в жизнь благодаря любознательности, целеустремлённости, трудолюбию, силе духа и таланту. Михаил Владимирович – один из создателей зоологического музея Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Это гордость и детище профессора. Многие экспонаты были доставлены им из разных уголков нашей планеты.

Автор – неумолимый оптимист, энергичный, волевой и добрый Человек. Главным жизненным принципом его была честность. В преклонном возрасте он стал известным детским писателем – сбылась его мечта детства. Издал 21 детскую книжку. Любимая его книга «400 загадок о животных» разлетелась по всему земному шару.

Вся жизнь Михаила Владимировича может служить ярким примером стойкости духа, жизненной силы и оптимизма в любых, даже самых парадоксальных ситуациях.

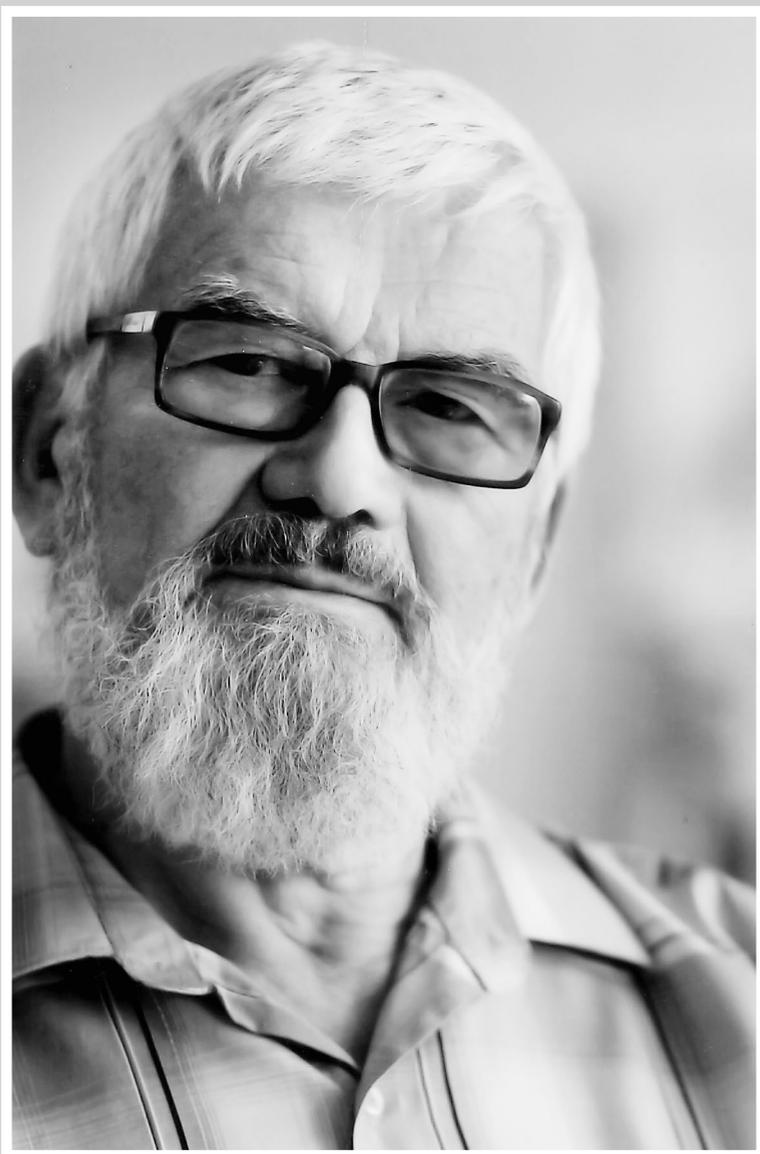
УДК 821.161.1(477.75)
ББК 83.3(2Рос.Кры)1–8

ISBN 978-5-6046931-9-3

© Юрахно М.В., текст, фотографии, 2022
© «Н.Оріанда», макет, оформление, 2022

Нет, не ненависть,
но любовь к истине
водила пером моим.

*Д.В.Давыдов,
поэт и герой
Отечественной войны
1812 года*

Михаил Владимирович Юрахно.
Фото В.В.Милюкова. 2013 г.

Предисловие

Жизнь, если к ней внимательно не присматриваться, кажется могучей, величавой рекой, фатально несущей свои полные воды в русле эволюции. Всё вроде бы сверху предписано, всё предопределено. Однако стоит только чуть-чуть к ней приглядеться и можно сразу заметить, что жизнь напоминает толкунец на море, когда оно успокаивается после шторма: тысячи мелких волн и волнишек бьются друг о друга, создавая впечатление, будто море кипит. Так и жизнь – соткана из сплошных противоречий. Надеешься на одно, а получается совсем другое.

Жизнь – это пляска парадоксов.

ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Я ещё не успел родиться, а меня уже решили убить. Мать, беременная мною, заболела тяжёлой формой воспаления лёгких. Жизнь её висела на волоске. Чтобы спасти её, врачи вынесли смертный приговор мне. Однако мать оказалась настоящей женщиной. Она заявила: «Если жить, так вместе, а если умирать, то тоже вместе».

Так я и появился на этот многострадальный «божий» свет. К востоку над речкой Волковой в дремучих лесах выли волки. К югу за линией горизонта шелестела дубравами знаменитая Беловежская Пуца, в которой степенно расхаживали не менее знаменитые зубры. А на севере, будто радуясь моему появлению, тихо всхлипывал батька Нёман. Пуца стала для меня второй матерью, а Нёман – единственным отцом. Настоящего отца 15 июня 1945 года убила белопольская банда.

С первых же минут у меня появились «глобальные» замашки: один глаз смотрел на Кавказ, а второй – на север. «Гиперметропия высокой степени», – определили врачи. «Сильное зоркоглазие», – по-своему расшифровала диагноз моя неграмотная мать. Не знала она, сколько страданий и мучений принесёт мне в будущем это «зоркоглазие». Но я с детства не привык сдаваться. Научился видеть сердцем, и оно помогло мне найти своё место в жизни. С остальными органами тела у меня всегда было более или менее нормально.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Наша хата боковыми окнами смотрела в окна дядьки Максима – двоюродного брата моего отца. Это был единственный в деревне набожный мужчина. Но бог почему-то не видел этого и обжигал его богоугодное тело колючими морозами ничуть не меньше, чем остальных крестьян – явных безбожников. Поэтому Максим, подобно другим, обложил на зиму свою хату завалинкой из картофельной ботвы. К весне эта завалинка уплотнилась настолько, что на ней беззубым старичкам стало удобно принимать первые солнечные ванны. Полюбил её и наш кабан. Поддев своим могучим рылом ветхую дверь свинарника, он легко выбирался на свободу и направлялся к завалинке. Растянувшись на ней, он тоже подставлял солнечным лучам своё объёмное тело. Несколько дней я с интересом смотрел сквозь оконное стекло на его розовое брюхо, а потом решил познакомиться поближе. Выскочив из хаты и подбежав к кабану, я прыгнул на него сверху. Мы были ровесниками. И ему, и мне было не более двух лет. Поэтому такой способ знакомства мне казался вполне допустимым. Но кабан оказался более интеллектуально продвинутым. Подчиняясь инстинкту самосохранения, он испуганно охнул, потом ахнул и вскочил с такой прытью, что я еле успел ухватиться за его жёсткую щетину. С лихостью донского казака я промчал-

ся по направлению к свиарнику мимо появившегося на пороге хаты и застывшего в изумлении отца.

– Что ж ты, гитцаль, мучаешь животных! – с укоризной сказал он, не зная, что мне судьбой будет уготовано именно на животных проскакать по всему земному шару.

Первые морозы осени 1940 года были бесснежными. Замёрзшая грязь торчала бесчисленными острыми кочками. Крестьяне метко окрестили её – «храп». Возможно, потому, что под колёсами телеги она хрустела, скрипела, хрипела и даже храпела на разные лады. Меня закутали в какие-то длинные одежды и выпустили во двор. Я весело побежал по храпу, но наступил на полу своего непонятого одеяния и со всего маху врезался лбом в острую кочку. Кровь бежала не останавливаясь. Однако не это испугало, а то, что соседские девчонки радостно запрыгали и стали дразнить меня:

– Ты умрёшь, умрёшь, умрёшь. . .

Так как они были старше меня, я им поверил, и мне стало по-настоящему страшно. Я разревелся так, что услышала мать. Она схватила меня и занесла в хату. Раздела. Бросила на свежeweымытый пол какую-то ряднушку и уложила меня рядом с собой. Я прижался к её молодому сильному телу. От подлоги (так назывался деревянный пол в нашей деревне) приятно пахло сосновыми досками, и я совсем успокоился. Но на всю жизнь на лбу у меня осталась глубокая отметина от первой встречи с надёжным белорусским храпом.

У меня на Родине всё надёжно. Много лет спустя я в этом убедился ещё раз, когда затылком попытался испытать на прочность белорусский лёд. Он тоже достойно выдержал мой сокрушительный удар. Это случилось поздним зимним вечером на окраине Свислочи, когда после Всесоюзного совещания в Гродно я решил в качестве сюрприза проведать своего брата Васю в Ханчичах. Восемь километров думал одолеть вприпрыжку напрямик по бездорожью, но только разогнался по снегу и тут же поскользнулся на спрятавшемся под ним льду так, что мои ноги и голова мгновенно поменялись местами. Я долго не мог подняться, чтобы прийти в себя. Так встретила меня моя Малая Родина. Может, и верно: предателей никто не прощает. Я ведь покинул её.

Третье яркое впечатление тех лет осталось в памяти от вступления в нашу деревню немцев. Отец говорил, что через границу и муха не перелетит, но они попёрли хуже саранчи. Дымом и грохотом заполнилась наша деревня от проходящих чужих машин. Некоторые из них по-хозяйски заворачивали во дворы соседних хат. Один грузовик втиснулся и на наш небольшой дворик. Солдаты выпрыгнули из кузова и тут же принялись обедать, открывая консервы. Родители мои куда-то испарились, а я и мои старшие братья – четырёхлетний Ваня и девятилетний Вася – устали в упор на галдящих по-гусиному непрошенных гостей. То ли по слепоте своей, то ли по любопытству или любознательности я оказался ближе всех к немцам. Один из них, проглотив содержимое консервной банки, протянул её мне.

Если выразиться современным языком, то это, по-видимому, была первая гуманитарная помощь Фатерлянда «многострадальной жертве коммунистического режима». Из банки вкусно пахло остатками мяса и пряностями.

– Бери! Бери! – шептал сзади Вася, но какая-то внутренняя сила отбросила мои руки назад и спрятала их за не самую почтительную для Фатерлянда часть моего тела.

– Крайс, доннэрвэттэр! – неодобрительно выразился немец на счёт погоды, хотя она была абсолютно ясной, и швырнул банку под куст сирени.

Сейчас приятно сознавать, что первая встреча с фашизмом, пусть даже на подсознательном уровне, закончилась в мою пользу.

Второй эпизод того же дня был тоже не в пользу немцев. Напротив нашего двора стояло гумно тётки Насти. Она жила во второй половине нашей хаты. Её муж Юляк – старший брат моего отца – умер ещё «за польским часом», а Настя осталась вдовой с двумя дочками и сыном. Гумно её было деревянное с соломенной крышей. Соломы было много и внутри гумна – в торпинах, то есть по краям тока. Такие строения были очень уязвимыми перед огнём. Вспыхивали, почти как порох. А так как все строения нашей деревни жались друг к другу, подобно летучим мышам на холоде, то крестьяне панически боялись пожаров. Любой из них мог отправить всю деревню на погибель, прямо на небеса. Немцы оказались более приземлёнными. В Настином гумне, прямо на току, они развели костёр для приготовления ужина. Крестьяне со страхом наблюдали за искрами, поднимающимися вместе с дымом к соломенной крыше. Ещё больше мне не понравилось, что немцы бесцеремонно срубили молоденькую, белоснежно-зелёную берёзку возле гумна. Чем она помешала Фатерлянду – загадка! Дальнейшие события оказались ещё более драматичными. Немцы произвели обыск абсолютно во всех хатах. Всех, кто до их прихода сотрудничал с Советской властью, арестовали. В числе арестованных оказался и мой отец. Их связали грубыми верёвками и бросили на мокрую после дождя землю. Вокруг стояла цепь автоматчиков. Ко мне подбежала заплаканная мать и, подталкивая в спину, сказала:

– Иди – простись с отцом. Они тебя пропустят.

Они действительно пропустили. Я обхватил отца за шею и прижался к его колючей щеке. По ней вдруг покатилась его горячая слеза. Сзади я услышал крик. Оглянулся и увидел, что мать убегает, а за ней гонится немец и бьёт её палкой по спине. Бедная, она подумала, что её тоже пропустят к отцу.

Его увезли на телеге. Я вышел за деревню и долго смотрел растерянно на следы от колёс, оставшиеся на прибитой дождём пыльной дороге.

Тогда его, к счастью, не расстреляли, и он успел ещё преподнести мне два хороших урока с помощью ремня: один раз – за то, что я отказался загнать в хлев нашу чёрную красавицу корову Жучку; а второй – за то, что я побежал на железную дорогу собирать камешки для игры (немцы расстреливали всех, кто приближался к ней более чем на пятьдесят метров). Отца я любил беззаветно и бегал за ним как собачонка. Однажды в очередной раз довелось удивиться его необыкновенной смекалистости.

Несмотря на вегетарианство Гитлера, Фатерлянду очень нравилось мясо. В одно прекрасное утро (прекрасное по состоянию погоды, а не по событиям) немцы приказали всем крестьянам нашей деревни привести своих коров на хутор к старосте Дунэлю, который жил примерно в полукилометре от нас. Отец накинул петлёй верёвку Жучке на рога, и мы втроём с грустью пошлёпали навстречу судьбе. Во дворе Дунэлевой усадьбы скопилось около тридцати коров (в деревне было двадцать восемь хат). Немец-ветеринар деловито переходил от одной бурёнки к другой и, если какая-нибудь из них ему нравилась, вкалывал ей в ухо зелёную круглую бирку, означающую смертный приговор где-нибудь на просторах Великой Германии. Такой вариант с Жучкой нас никак не устраивал. Она была единственной нашей кормилицей. Кабана мы уже успели съесть. Лошади у нас никогда не было по бедности, гумна – тоже. Кроме Жучки мы были в состоянии прокормить ещё лишь четырёх овецек. Поэтому отец с тревогой ожидал приближения ветеринара. Жучка не могла немцу не понравиться. Молодая, крепкая, рослая, она буквально сверкала своими упитанными боками. Немец с восторгом глянул на неё:

– О! Гут! Гут! – радостно произнёс он, поворачивая нужной стороной в пальцах правой руки зловещий зелёный кружочек. Отец вдруг смело шагнул ему навстречу и, тыкая пальцем в спину Жучке, жалобно запричитал:

– Кранк... эен зи, биттэ, кранк...

Большая, мол, корова. Не годится для Фатерлянда. Немцы панически боялись болезней. Ветеринар увидел на спине у Жучки множество конических вулканчиков, на которые указывал отец, и тут же отменил своё решение. Мы, радуясь наивности немцев, с облегчением вернулись домой. Мы знали, что вулканчики на спине у Жучки – это всего лишь пристанище для личинок оводов. Позже, когда вулканчики открыли свои жерла, мы к великой радости Жучки лёгким нажатием пальцев катапультировали спасших нас личинок на свободу, правда, с последующим неблагоприятным их уничтожением, чтобы не плодились новые оводы.

Вспоминается ещё один случай магического действия слова «кранк». Как-то вечером, при тусклом свете лучинки мы пятером (отец и четверо его карапузов), как мухи, со всех сторон облепили табуретку и, брэнча ложками, выхватывали наперебой из миски жидкую мучную похлёбку-затёрку. Уставшая мать прилегла рядом на кровати отдохнуть. Вдруг открылась дверь и из темноты в хату просунулась рыжая усатая голова немца Фуньки (Функе), которому было поручено устанавливать новый порядок в нашей деревне. Увидев мать, он выпучил глаза и испуганно спросил:

– Кранк?

– Кранк-кранк, – поспешно ответил отец.

Дверь захлопнулась гораздо быстрее, чем открылась, избавив нас от тараканьих усов Фуньки.

Надо сказать, что новый порядок Фунька устанавливал не очень успешно. Он публично изнасиловал кривоногую девушку Надю, что жила в край-

ней избе, но ноги её после этого почему-то прямее (согласно новому порядку) не стали. Наоборот, ещё более искривились под тяжестью свалившегося на бедную девушку всеобщего позора.

Колоритными были и дневные визиты немцев. Сначала вдоль деревни, поднимая пыль и создавая невероятный гвалт, почти не касаясь земли, пронеслись куры. За ними бежали немецкие овчарки. Потом, наконец, появлялись и сами немцы на велосипедах. Молодые крестьяне успевали к этому времени, пригнувшись, убежать вдоль хлевов и нырнуть в растущую сразу же за деревней рожь. Немцы ходили по хатам с большущими корзинами-кошами и повторяли согбенным старухам одну и ту же фразу:

– Матка, млеко, яйки. Матка, млеко, яйки.

По сравнению с многими другими белорусскими сёлами нашей деревушке повезло. Несмотря на то, что совсем близко от неё партизаны пустили под откос два эшелона, её не сожгли. Особенно понравился мне рассказ старика-поляка, служившего у немцев на железной дороге, о катастрофе над речкой Пекарец, что в километре к востоку от нашей деревни. Спящие солдаты полетели в болото с большой высоты так «удачно», что потом их трупы крючками вытаскивали из искорёженных вагонов.

В общем, новое жизненное пространство на востоке и даже в тихой Белоруссии счастья немцам не принесло, и ровно через три года они, согнувшись, перебежали по нашей железной дороге уже с востока на запад, то и дело закладывая взрывчатку. Попытались притормаживать таким образом катившееся следом возмездие. Рельсы и телеграфные столбы с визгом и рёвом летали в воздухе над нашей деревней. Метровый кусок рельсы угодил и к нам в хату, но попал прямо в скриню с зерном на чердаке, поэтому никто не пострадал.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Крестьяне понимали, что приближается фронт, поэтому скот выпустили из хлевов, а для себя за деревней во ржи вырыли землянки. Мы сидели в полной темноте, заткнув вход в землянку огромной подушкой. В небе весело стрекотали пулемёты, и это было совсем не страшно. Не страшно, а, наоборот, радостно было на душе, когда над нами на запад с чарующей музыкой пролетали снаряды нашей дальнобойной артиллерии. Страшно было, когда совсем рядом между нашими землянками, а также на околице и выгоне глухо и тупо ухали, разрываясь, немецкие снаряды.

К утру всё стихло. В предрассветных сумерках видно было, как из нашей деревни по выгону в соседнюю деревню Козейки гуськом побежали советские разведчики, а с восходом солнца вся деревня заполнилась войсками Красной армии. Стало известно о потерях. Одна девушка погибла. Сосед Немко был ранен в грудь. Осколком перерезало горло одному разведчику, и его наскоро похоронили в деревне под грушей, где три года назад сиде-

ли арестованные немцами односельчане. Но самое жуткое впечатление произвела на меня Жучка. Она стояла возле хлева на трёх ногах и недоумевала: за что же её так наказали? Вместо правой передней ноги у неё зияла огромная тёмно-красная рана.

Староста Дунэль, чтобы выслужиться перед новой властью, приехал к Жучке на телеге с солдатами. Тут же её зарезали, погрузили на телегу и увезли к походной кухне. На этом горе наше не закончилось. Вскоре стало известно, что овечек наших в Козейках разорвали собаки. Так что фронт прокатился по нашему хозяйству настоящим катком. Мы стали самыми бедными в деревне. Отец попросился добровольцем в армию, но его оставили восстанавливать Советскую власть в родных местах. Назначили заместителем районного уполномоченного Министерства заготовок. Помимо прямых служебных обязанностей, всем советским работникам вместе с пограничниками пришлось включиться в активную борьбу с белопольскими бандами, рыскавшими по окрестным лесам. Началась новая, но всё ещё тревожная жизнь.

С радостью я смотрел на эшелоны с танками, идущие на запад «благодарить Великую Германию за спасение нас от коммунистического ига». Радостной музыкой звучали слова в газетах «От Советского Информбюро». В то же время тревожными были дни и ночи, когда отец подолгу не возвращался домой.

ГИБЕЛЬ ОТЦА

15 июня 1945 года было погожим спокойным днём. Уставшее солнце медленно опускалось к горизонту. Я ждал отца на краю деревни возле кузни. Знал, что он всегда возвращается из Свислочи (нашего районного центра, где он работал) через Козейки по выгону и гребле пешком. До Свислочи было всего лишь 8 километров. Я не ошибся. Он появился. Уставший. Тихий. Ласковый. Дома вытащил из кармана яблоко и аккуратно разрезал его на четыре части. К тому времени нас (детей) было уже четверо: два старших брата, я и пятилетняя младшая сестра Галя. Конечно, мы ещё не знали, что через полгода у нас появится ещё одна сестричка – Валя. К сожалению, ей уже не суждено будет увидеть своего отца – единственного грамотного крестьянина на всю округу. Он был выше среднего роста. Светлорусый (в молодости у него было прозвище Белый). Волосы зачёсывал набок. Глаза небольшие, серо-голубые. Лицо скуластое. Почти монголоидное. Недаром наша деревня называется Ханчицы, по-местному – Ханчичи. Не исключено, что татаро-монголы добежали и до наших краёв, насильно осеменяя местных жителей. Возможно также, что у моих предков имелись и украинские корешки. Во-первых, откуда такая странная фамилия – Юрахно (Батька Махно)? Во-вторых, у моего прадеда по отцовской линии было слово-паразит «мауляу» (больше украинское, чем белорусское). Из-за этого слова весь наш

род даже получил прозвище Малятики. В то же время нельзя полностью доверяться предположениям о влияниях. За многовековую историю в нашей деревне осталось много разных влияний. К примеру, мою фамилию земляки произносят с ударением на предпоследнем слоге – Юра́хна (не исключено польское влияние). Сахар называют «цукер» (немецкое влияние). Женщины, ругаясь, проклинают друг дружку: «Чтоб тебя пранцы съели!», то есть «Чтоб у тебя нос провалился от сифилиса!» (французское влияние). Любимым ругательством моего деда по материнской линии Тамася Кобылко было: «Каб цябе халера узяла у хутким часе!» (явно белорусское), а вот мать ругалась по-польски: «Нех те пёрун ясны шасне!»

Отец не ругался. Некогда было. Короткими вечерами по просьбе крестьян он писал письма на фронт. А оттуда приходили радостные вести. Его младший брат Иван, прошедший к тому времени финскую и польскую кампании, перед наступлением на Берлин сообщал стихами:

*Пришла весна:
У вас птицы запоют,
А здесь у нас
Все пушки загудут.*

И вот война в Германии кончилась, но её сполохи по ночам ещё докатывались до наших краёв. Поступали всё новые и новые известия об убийствах советских работников.

На сей раз отцу нужно было пойти в соседнюю деревню Полонку в километре к югу от нашей и помочь работникам сельсовета. А там уже, оказывается, собрались двенадцать советских работников для поездки в польскую деревню Монтовты. Нужно было сагитировать крестьян для поездки на строительство Минского тракторного завода. Никто не обратил внимания на то, что при обсуждении предстоящего мероприятия незаметно исчез местный хуторянин-поляк, случайно оказавшийся в сельсовете. Пока собирались, стемнело. Выехали на двух подводах. Дорога с горки нырнула вниз вплотную к кладбищу, заросшему большими деревьями и обнесённому земляным валом. На нём и расположилась засада боевиков Армии Крайовой, стремящейся вновь отторгнуть к Польше Западную Белоруссию.

Отец сидел последним на второй подводе спиной кпереди, держась левой рукой за ручку телеги и подставив сердце прямо под дуло вражеских автоматов. Когда раздался сигнальный выстрел бандитов, он подумал, что это случайно выстрелили его товарищи, и обратился к ним со словами:

– Хлопцы! Вы чего балуетесь? Забыли, что ли, куда едем?

В ответ застрочили пулемёт и автоматы. Одна пуля оторвала отцу средний палец левой руки, вторая пробила плечо. Третья прошла сердце. Он погиб за власть, которой, по выражению матери, «жаждал, как в жаркий день воды напиться».

Утром его привезли в деревню. Сначала положили на кровать. Левая нога свисала на пол. Казалось, он просто прилёг отдохнуть – одетый, обутый.

И хотя сзади сурово молчали односельчане, я не понимал, что случилось. Рассмотрел оторванный палец, висевший на кожице, белую кость, торчащую из раны, и полез во внутренний карман ваточки на отце. Вытащил оттуда карандаш. Это было единственное его оружие. Сзади услышал старческий голос:

– Учись, сынок. Твой отец был великим человеком, потому что грамоту знал.

НЕУКЛЮЖАЯ ТЯГА К ГРАМОТЕ

Осенью того же года я пошёл в школу, но первые же морозы прервали моё благое намерение. Полтора километра босиком по снегу оказались существенным препятствием даже для такого сорванца, каким был я. Попытался восполнить пробел другим путём.

Мать купила букварь старшему брату Ване. Ему она сумела найти хоть какую-то обувь, поэтому книжка оказалась в его руках. Но я превосходил Ваню не только ростом, но и желанием учиться. Попросил показать букварь мне. Ваня отказал. Я схватил раскрытый букварь за ближайшую половину и с силой рванул на себя. Ваня потянул в свою сторону. Букварь оказался покладистым и, не желая никого обидеть, послушно с треском стал разрываться на две части. Мать, опираясь на своё незавидное материальное положение, решила прекратить наш спор с помощью ремня. Вполне справедливо она бросилась ко мне. Я был босиком, без штанов, в лёгкой по причине многочисленных большущих дыр кужелёвой сорочке, поэтому мне ничто не помешало выпорхнуть из хаты на снег и пуститься наутёк. Мать бежала следом и кричала: «Вернись!» С опозданием к погоне подключился старший брат Вася. Но бегать по снегу босиком легче, чем в тяжёлой амуниции, поэтому дистанция между нами увеличивалась, как и расстояние до деревни. Я намерен был перевалить гору и спрятаться в осоке заболоченных лугов. Более солидных природных укрытий поблизости просто не было. Но плану моему не суждено было осуществиться. Его сорвали односельчане, поздно вернувшиеся с войны и по этой причине пахавшие уже заснеженную землю. Они выпрягли лошадей и верхом с разных сторон бросились мне наперерез. Силы были неравные, и вскоре моя курчавая белая голова окуталась ещё более белым паром, вырывающимся из разгорячённых ноздрей лошади дядьки Ивана – младшего брата отца. Уж он – прошедший три войны – знал, как настигать неприятеля. Но ещё больше меня поразила гениальная простота его решения возникшей проблемы. Усадив меня впереди себя на лошади и узнав, в чём было дело, он весело успокоил меня:

– Пустяки! Я дам тебе винтовку, и ты застрелишь свою мать.

С этого момента у нас с ним началась настоящая мужская дружба. Вечером я был уже у него в гостях. Его жена – красавица Фроська – угостила

меня вкуснейшей бабкой – блюдом из зажаренной с салом тёртой картошки, но самое главное – дядька подарил мне свою пилотку с настоящей красной звездой. До этого мы вырезали их только из картона. Я часто стал приходить и днём. Дядька в гумне на току ремонтировал свою нехитрую сельскохозяйственную утварь и весело напевал:

*Ленинград мы не сдадим
И Москву-столицу.
Всех фашистов перебьём –
Станем на границу.*

Он так и остался на всю жизнь весёлым человеком. Когда через много-много лет я приезжал в деревню и заходил к нему в гости, на вопрос «Как жизнь?» он весело отвечал:

– Да всё ничего. Плохо только одно – водку не успевают завозить.

ЕЩЁ ОДНА СЕСТРИЧКА

Я поражаюсь своей тогдашней наивности. До последнего дня беременности я не заметил морфологических изменений своей матери. Поэтому мне непонятно было, с какой целью вечером 17 декабря 1945 года тётка Настя, жившая в нашей хате за перегородкой, всех нас – детей загнала на русскую печь и приказала не выглядывать в «пóкуть», то есть горницу. Даже когда там, в темноте, раздалось испуганное «Уа-а, уа-а», я не понял, что случилось.

– Ну вот! Будет у вас ещё одна сестричка, – объяснила тётка Настя.

Назвали мы новую сестричку Валею. Я полюбил её всей душой и, когда она подросла, охотно таскал её по деревне на плече вниз головой, держа за ноги. Няньки из нас были никудышные, ведь даже самому старшему – Васе – было всего лишь 13 лет, и он часто пропадал с матерью в поле. А у нас – остальных детей – были сплошные приключения.

Однажды, когда мы всю раскачали подвешенную к потолку колыбель, одна из четырёх верёвок лопнула, и бедная Валя, взлетев к потолку, грохнулась, сами понимаете, на не совсем мягкий деревянный пол.

Второе, в том же духе приключение свершилось ночью на русской печке. Спать мы легли поперёк печи ногами к краю. Но ночью всё спуталось. Сквозь сон я чувствовал, что что-то мне мешает вытянуть ноги в длину. Чем больше я их выпрямлял, тем больше получал удовольствие. К сожалению, закончилось оно страшным криком и падением Вали всё на тот же злополучный пол. Она стала инвалидом по слуху, и я до сих пор не знаю, что явилось главной причиной несчастья: мы – горе-няньки – или подключившаяся инфекция.

Несмотря на физический недостаток, старшеклассница Валя стала лучшей в школе бегуньей, а по шахматам занимала даже первые места в об-

ласти. Завершила она свою трудовую карьеру бухгалтером знаменитого БелАЗа в Жодино. Воистину неисповедимы пути господни.

ШКОЛА

В начальных классах я испытывал значительные трудности из-за своей слепоты. Особенно боялся уроков чтения в предзвездное зимнее время.

Даже керосиновых ламп в школе не было. Вызванный к доске для чтения ученик подходил к окну и разворачивал к нему свою книгу. Учитель чётко следил по тексту за каждым словом. Когда вызывали меня, я тоже подходил к окну, тоже разворачивал книгу и делал вид, что читаю. На самом деле в серой мгле я не видел ни одной буквы. Поэтому заранее дома выучивал все тексты наизусть и обычно выскакивал сухим из воды. Никто не знал моего секрета. Но однажды я споткнулся в белорусском тексте на слове «жыццё», что значит «жизнь». Я поставил это слово не в том падеже. Учитель сделал замечание, что я прочитал неверно. Я стал менять падежи, но всё невпопад. Наконец замолчал, как загнанный в угол зверёк.

В наступившей злобещей мрачной тишине вдруг раздался звонкий сочувствующий голос толстенькой чёрненькой девочки Гэли Новик из деревни Вёрдомичи:

– Ён не бачыць! – то есть «Он не видит!» – объяснила она недогадливому учителю.

Впервые в жизни я расплакался от обиды.

К тому времени в наших краях стала появляться медицина, и настоящим вторым кошмаром для меня были её рейды в нашу школу. Я очень боялся общественного позора, а он всегда сваливался на мою белокурую курчавую голову с приходом медиков. Дело в том, что они прямо на уроках начинали бесцеремонно раздевать по очереди всех учеников и искать у них вшей. На моём теле всегда был богатый улов. Вшей у меня находили и на голове, и на выдавшей виды рваной одежде. И мне всегда было невероятно стыдно в эти минуты. Помню, как во время одной из таких экзекуций ко мне неожиданно подошёл мой дальний родственник – миловидный мальчик из деревни Полонка – Коля Тур и начал меня успокаивать. Он знал, что моя мать сражается за кусок хлеба, которого мы годами не видели у себя на столе, и ей совсем не до вшей. А эти шестиногие твари по причине полной безнаказанности чувствовали себя в Ханчичах не менее вольготно, чем немцы. Говорят, кожух (тулуп) деда Тамася шевелился от них. Дед пережил двух жён. Стирать бельё было некому, и он надевал кожух прямо на голое тело, чем создавал для вшей тепличные условия.

Мыла не было, керосина – тоже, поэтому вши неплохо себя чувствовали даже на самых чистоплотных женщинах. Любимым занятием представительниц прекрасного пола было «поискать в голове». Приходила женщина к подружке или соседке и ласковым голосом просила:

– Поищи в голове.

После этого она клала свою голову на колени партнёрше и начинала балдеть. Партнёрша волосинку за волосинкой перебирала у неё на голове и выбирала оттуда непрошенных обитателей.

Борьба со вшами доставляла большое удовольствие и мне. Если удавалось достать густой гребешок, я вычёсывал их из волосяного покрова на табуретку и с наслаждением раздавливал ногтём большого пальца правой руки. Мне нравился лёгкий хруст их тела, наполненного моей кровью.

Платяных вшей приходилось казнить сразу же на месте обнаружения, зажимая между ногтями больших пальцев обеих рук. А вот с гнидами по причине отсутствия паразитологического образования в детстве у меня получился прокол. Я их считал не яйцами вшей, а их экскрементами, поэтому беззлобно соскабливал ногтём со швов одежды, оставляя в живых.

Много приключений было в школьные годы. В пятом классе без видимой причины все мои дружки-односельчане вдруг бросили школу. Я, конечно, последовал их примеру. Как ни упрашивали мать и приходившая в деревню учительница, оставался непреклонным. Так и пропустил всё второе полугодие.

Весной пас коров среди разноцветной чересполосицы – колхозов ещё не было. Отогревал озябшие от росы ноги в коровьей моче. Слушал жаворонков в синем небе. И постепенно мною овладевало сосущее всепоглощающее желание вернуться в школу. А тут ещё сон приснился Ольге Столик – женщине из предпоследней избы. Только она прикорнула во время обеденного перерыва, как дверь в хату отворилась и вошёл мой отец.

– Это правда, что мой Миша бросил школу? – грустно спросил он.

– Правда, – ответила женщина.

– Скажи ему моими словами – пусть идёт учиться: из него получится вёльки человек.

«Вёльки» по-белорусски означает «большой». Было над чем задуматься.

И тут подвернулся случай. Летом школа начала строить новое здание. Крестьяне дали мне лошадь с телегой и отправили в Вёрдомичский лес возить оттуда в школу огромные бронзовые сосновые стволы. Командовала всей этой лесоразработкой директор школы – хромая, худая, очень смуглая, с ещё более чёрной причёской под Гоголя женщина – Анна Ивановна Карпюк, родная сестра известного белорусского писателя Алексея Карпюка. Она была добрым, умным, талантливым педагогом.

Переминаясь с ноги на ногу среди примятых листьев папоротника, я нерешительно обратился к ней:

– Анна Ивановна! Возьмите меня обратно в школу...

И она взяла, причём не в пятый, а сразу в шестой класс. Учёба давалась легко. К тому времени мне привезли из Москвы толстые плюсовые очки, и теперь я всё видел насквозь. Даже стереометрия нравилась. Никому в классе не удавалось решать её самые сложные задачи, а я их распутывал. Любил докапываться до того, какие образуются новые фигуры при вза-

имном пересечении в пространстве других разных фигур. Легко давался немецкий. Преподававшая его Анна Ивановна никогда не вызывала меня к доске, никогда специально не опрашивала, но всегда за каждую четверть и за год выставляла отличную оценку. Своим безграничным доверием, а может быть, и уважением, она незримо заставляла меня добросовестно готовиться к каждому уроку.

Я сидел за первой партой. Она поднимала меня лишь тогда, когда стояло уже полкласса и никто не мог ответить на поставленный вопрос. Тогда она обращалась ко мне и уверенно говорила:

– Ну, скажи им!

Подвести её в такую минуту было просто нельзя. Я поднимался и давал правильный ответ. Мне кажется, у нас с ней были какие-то особые доверительные и уважительные взаимоотношения, несмотря на огромную разницу в возрасте.

Однако это не помешало ей резко критиковать меня на педсовете и исключить на две недели из школы в восьмом классе за то, что я, не заметив в темноте стоящего рядом учителя, матюкнулся про себя в адрес молодых учительниц, не пустивших нас – учеников – посмотреть спектакль с их участием только потому, что они должны были выступить на сцене в брюках. Такой завидно высокой была мораль в нашей глуши.

БЕЗОТЦОВЩИНА

Так неодобрительно называли в нашей местности самых хулиганистых мальчишек, у которых действительно не было отцов и которые, возможно, именно поэтому вели себя неординарно.

В ватаге таких сорванцов, безусловно, выделялся Славик Кобылко – мой двоюродный брат по матери. С родителями ему совсем не повезло. Мать его Елена померла по его вине, когда он, мордастый и плечистый, выбирался из неё наружу. Правда, злые языки говорили, что померла она вовсе не поэтому, а за грехи тяжкие в наказание божье. Будто изменила она мужу своему Остапу – старшему брату моей матери и первенцу деда Тамася. Звучит это обвинение правдоподобно, потому что Остап, хоть и был первенцем, получился худосочным и хилым мужиком и, когда Славику исполнилось лет десять, тоже помер. Но перед смертью Остап успел жениться второй раз. Он привёл в хату красавицу Соню – цветущую девушку из какой-то далёкой приграничной деревни. Она напоминала переспевшую грушу: источала нежнейший аромат и, казалось, вот-вот лопнет от переполняющих её соков. Обычно она была доброй и ласковой. Меня она называла Мишик, в то время как все остальные называли на русский лад – Мишка. И вот даже эту приятнейшую женщину, свою мачеху, Славик доводил иногда до белого каления. Как-то утром она нашла нас в гумне деда, где мы со Славиком заночевали, и, ни слова не говоря, навалилась на пасынка всем телом. Она

попыталась сначала молотить его по голове кулаками, но Славик успешно закрывался руками. Тогда она стала рвать волосы у него на висках. Славик молчал. К его чести, он никогда не плакал. Привык к побоям. Били его все, кому не лень, и в Ханчицах, и в Козейках, и в других окрестных деревнях. Часто били без всякой видимой причины, просто потому, что он – вор. Откуда взялся у Славика этот чуждый крестьянам порок, неизвестно. Говорят, что мать его изменила Остапу с жителем Волковыска Ажигером – человеком, испорченным городской жизнью. Возможно. Ведь даже кличка у Славика была – Ажигер. Воровство Славика я не приветствовал и никогда в нём не участвовал, но по чужим садам лазил с ним с превеликим удовольствием.

В заболоченной речке у самой нашей деревушки на деревьях ольхи мы свили себе гнёзда. Благо проволоки после войны на железной дороге было предостаточно. Там, на деревьях, проводили мы целые недели. Оттуда совершали набеги на сады. Оттуда бегали на озеро купаться.

Такая моя жизнь не входила в планы моей матери. Она пыталась приобщить меня к работе в поле, прополке огорода, к пастьбе скота. Отсутствие взаимопонимания заканчивалось для меня страшными побоями. Однажды сковородкой мать чуть не отрубила мне палец на левой руке, которой я успел прикрыть свою непокорную голову. И в то же время она не раз говорила мне, что я – её самый любимый сыночек, потому что «вылитый отец», даже голосом похож. Позднее я пытался проверить это утверждение с помощью фотографий, но мне всегда казалось, что лицом на отца больше всех похож Ваня. Не знаю, матери виднее, тем более что характером Ваня уж точно совсем не похож на отца. Он был тихим и послушным, как телёнок.

Полного взаимопонимания у меня не было, к сожалению, не только с матерью, но и со Славиком. Ему нравилось издеваться надо мной. Однажды мы вдвоём с ним пасли коров возле железной дороги. Славик меня обидел настолько сильно, что я на сей раз решил это дело так не оставить. Пошёл и пожаловался брату Васе. Вася был старше Славика на четыре года и вполне мог справиться с ним. Я ожидал, что он в ответ тоже поколотит Славика. Но Вася, как и Ваня, был мягким человеком. Он решительно пришёл со мной на поле боя, но вместо активных действий руками стал читать Славика мораль. Славик сидел перед нами на земле, идиотски улыбаясь. Видя такой фантастически несправедливый исход сражения, я с размаху ударил толстой палкой Славика сверху по голове. Несмотря на то, что на нём была домотканная кепка, улыбка его мгновенно побежала по лицу радиальными лучами, превращаясь в болевую гримасу. Хоть Славик и на сей раз не заплакал, я был вполне удовлетворён результатами урегулирования конфликта. Вася ушёл. Как ни в чём не бывало я стал бегать за непослушными коровами. Славик бездействовал. Но как только я нырнул в глубокую выемку, чтобы, преодолев её, согнать очередную бурёнушку с путей, Славик коршуном налетел на меня сверху, сбив с ног. Он не стал меня бить. Повернув кверху лицом, он стал пускать мне в орущий рот длинные густые струи своей слюны. Ничего омерзительнее в своей жизни я не испытывал.

Издевался Славик и над дедом. Закрывал его в погребе. У дверей на кочергу ставил кружку с водой, которая потом падала деду на голову. Придумывал и другие развлечения. Дед так и запомнился бегающим с хворостиной за Славиком. Маленький, сухонький, сутуленький, в длинной до колен белой кужелёвой рубахе, перехваченной рушником, в коротких из такого же материала портках и босиком. Бежит и беззлобно кричит: «Каб цябе халера узяла у хутким часе!»

Холера Славика не взяла. Ему лишь оторвало пальцы на правой руке, когда он, подросток, уехал по линии фабрично-заводского обучения в Калининград и попытался там разобраться какое-то взрывное устройство.

Я был, пожалуй, на втором месте в деревне по неблагоприятным поступкам. До сих пор стыдно за свою наглую выходку в четвёртом классе.

Была глубокая осень. После уроков мы пасли коров у дороги в посёлок Полонка (ныне посёлок Островский), где находилась наша школа. Мы сидели вокруг костра, в котором пеклась картошка, и в сладостном ожидании покуривали картофельную ботву. На дороге появился мой учитель Гаврушка (Гавриил Иванович Кобылко) – совершенно высохший старик с удивительно добрыми голубыми глазами. Гладко причёсанный, аккуратно одетый – он был необыкновенно интеллигентным человеком родом из Манчич, говорил только по-русски, и это особенно нравилось мне. Его сочный баритон буквально зачаровывал. То есть я относился к нему в высшей степени хорошо, поэтому мне до сих пор и стыдно за дальнейшие свои действия и всё больше я восхищаюсь его благородством.

А действия мои были такими: увидев Гаврушку, все мои товарищи бросали свои сигарки в костёр. Мне это не понравилось, и я решил продолжить курить при учителе. Гаврушка подошёл. Стал приветливо разговаривать с нами. Я продолжал окутывать себя клубами дыма. Замечания он мне не сделал. Но ещё больше удивило то, что, встретив в Ханчицах мою мать и подробно рассказав ей о моей учёбе, он ни словом не обмолвился о моей наглости.

Удар ждал меня назавтра в школе. И какой удар! Гаврушка зашёл на первый урок в прекрасном расположении духа. Он прямо светился изнутри.

– Ребята, какое у меня вчера приключение случилось, вы даже и не представляете, – начал он, обращаясь к классу. – Иду я в Ханчицы после уроков, чтобы побеседовать с вашими родителями, и вдруг вижу – навстречу поднимается огромная туча. Ну, думаю, намочит сейчас меня. Испугался, но не возвращаться же назад. Иду дальше. Подхожу ближе и вижу: никакая это не туча, а это мои хлопцы сидят у костра и курят.

Я тупо смотрел в парту и чувствовал, что моё лицо вот-вот лопнет от стыда. Гаврушка был настолько деликатен, что даже не назвал меня. Не знаю, наблюдал ли он за мною во время своего рассказа, но успеха добился полного. Никогда больше я не доставлял ему неприятных минут.

События у костра были лишь цветочками моего неблагоприятного поведения, а после цветочков, как известно, бывают ягоды. Они свалились на мою

голову очень скоро – в пятом классе, причём во втором полугодии, когда я уже бросил школу и не учился. А если быть ещё более точным, то это случилось в мой день рождения (мне в этот день как раз стукнуло 12 лет), морозным лунным вечером 20 марта 1950 года. По причине беспросветной нищеты никто тогда в нашей деревне дни рождения не отмечал, да и не вспоминал о них. Поэтому мы – мальчишки – собрались просто так в хате напротив у Веры Артёмовой, приветливой одинокой вдовы, которая любила детей. Веселились, как обычно. Со всеми у меня были хорошие отношения, кроме Ивана Шупейко. Я не помню из-за чего, но с ним мы накануне повздорили. Видно, этой ссоре я не придавал никакого значения, поэтому забыл о ней. И конечно, я был удивлён и, признаюсь, испугался, когда на снегу в лунном свете после того, как мы вышли из хаты, рядом со мной оказался Шупейко и вытащил из-за пазухи своего кожуха увесистую деревянную булаву. Оказывается, он специально приготовил её для меня. И ударил. Бросаться на него с кулаками было бесполезно. Он был года на два старше меня и, естественно, сильнее. Я бы его и без булавы не одолел, а тут ещё добавилось такое грозное оружие в его руках. Изготовил он его по единственной причине – он был очень трусливым мальчиком. Недаром кличка у него была Жид. Базировалась она на расхожей в нашей деревне поговорке: «Бойтся, як жид смерти». И так, передо мной оказался агрессор, превосходящий меня силой. Как же нанести ему урон, хотя бы моральный? Не отступить же бесславно! Я вспомнил, что в кармане моего лапсердака (одеяния непонятного вида) лежит маленький – с хамсичку – серебристый ножик. «Надо повредить его новенький кожух», – мелькнуло в голове. Я выхватил ножик, быстро открыл его и хотел полосонуть им по рукаву Шупейкиного кожуха. Ударил выше локтя и, по-моему, не успел даже рвануть вниз, чтобы расширить повреждение. Шупейко нанёс второй удар своей булавой. Я вынужден был спасаться бегством. Забежав во двор, я не стал заходить в хату, а зашёл за угол и стал осмысливать случившееся. Это меня и спасло. Вскоре я услышал во дворе скрип снега и гневные голоса Шупейкиной семьи. Когда бушующая толпа ввалилась в хату, я зайцем сиганул в открытый свинарник и затаился у стенки. Я не знал ещё, что мой злополучный ножик, проскочив сквозь кожух, задел Шупейкину руку, но всё равно выбросил его в страхе в навоз и забыл о нём. Весной его нашел Вася, когда вывозил навоз в поле.

– А! Испугался! – злорадствовал он.

Конечно, я испугался. Дело в том, что Шупейкина семья была необычной. Это были приёмные родители. Они подобрали Ивана в первый день войны среди беженцев из разбитого немецкими самолётами эшелона. Своих новых родителей Шупейко называл не мамой и папой, а дядей и тётёй. Это были бездетные крестьяне лет пятидесяти. Малашка никакого страха не вызывала. Она была миловидной и доброй женщиной. А вот Алёшка наводил ужас на нас – мальчишек. Он был больше похож на медведя, чем на человека. Громадный, сутулый, с большущими ручищами, с толстыми

чёрными усами и почти такого же цвета бровями. И на бровях, и на усах всегда виднелась мякина, что придавало его особе ещё большей дремучести. И голос у него был зычный и злобный. Даже большая гнедая лошадь его всегда вздрагивала при окрике Алёшки.

Кстати, об именах. Многие пожилые крестьяне нашей деревни, прошедшие свои молодые или детские годы во время Первой мировой войны в эвакуации в России, на всю жизнь остались Малашками, Алёшками, Наташками, Тальками, Ваньками, Васьками, Володьками, Гаврушками и т. д.

Так вот. Несмотря на то, что имя его было лёгким, Алёшка вызвал у меня животный страх, когда я сидел в свинарнике, прижавшись к стене, куда не попадал лунный свет.

– Убью гада! – сказал он, выходя из хаты.

Я был уверен, что он говорит правду, и ещё больше прижался к стенке, дрожа всем телом. Через щель между брёвнами мне была видна медвежья фигура Алёшки. К моему ужасу, он повернул не в сторону улицы, а по направлению ко мне. «Ну, всё...» – мелькнуло в голове. Однако Алёшка почему-то не стал подходить к открытому свинарнику, а остановился шагах в двадцати. Скрипя снегом и что-то бормоча, стал закуривать. Я сидел ни жив ни мёртв. Алёшка продолжал ворчать и оглядываться по сторонам. Наконец он докуривал сигарку, развернулся и ушёл. Я выскочил из свинарника, побежал к гумнам, обежал деревню вокруг, пересёк речку и спрятался у хлева деда Тамасы. В хату заходить было стыдно и страшно. Прошло часа два. Я понял, что кроме Алёшки у меня появился ещё один враг – мороз. Как ни подпрыгивал на одном месте, согреться не удавалось, и я кошкой стал прокрадываться сквозь спящую деревню к родной хате. Она была не запертой. Решил до утра переждать в сенях, но в темноте за что-то зацепился и выдал себя. Вышел Вася. К моему удивлению, он не стал меня бить, а пригласил в хату. Мать тоже не спала. Видно, они устали от переживаний, поэтому толком даже не ругали. Я забрался на русскую печку, разгорнул там всякий хлам и свернулся в уголочке калачиком, как нашкодивший кот. Так бесславно закончился двенадцатый день моего рождения – засыпал я уже в новом качестве, в качестве бандита. Поножовщина в нашей деревне воспринималась как последнее дело.

Утром проснулся от голосов. Это зашёл дядька Фадей, взять ключ от склепа, в котором хранилась его и наша картошка. Он был старшим братом моего отца. Отличался исключительным трудолюбием. Даже мочился на ходу. Снежная тропинка к его гумну всегда была украшена жёлто-зелёными змейками.

Из-за хлама, за которым я спрятался, видна была только его голова. Он весело подмигнул мне и неожиданно выпалил:

– Правильно сделал! У тебя отца нет – сам защищайся! Не давай спуску!

Горьким было это напутствие, и я ему не последовал. И хотя на Шупейкиной руке я нечаянно сделал всего лишь царапину, капля чужой крови, пролитая по моей вине, навсегда осталась самым чёрным родимым пятном на моём теле.

МАТЬ

У деда Тамася, кстати, как и у деда по отцу Фёдора, умершего ещё «за польским часом», было двенадцать детей. И у того, и у другого выжило лишь четверо. Какой по счёту у деда Тамася была моя мать, не знаю. Из выживших её братьев и сестёр я застал Остапа – Славикового отца, Нюрку – мою крёстную и Ваню, штурмовавшего Берлин. Говорят, в молодости мать была красивой девушкой и многие парни считали за честь посидеть рядом с ней. Многие сватались, но она отвергала. Выбрала белокурого Малятика Володьку, с которым и согрешила в гумне на сене. Так получился мой брат Вася. Потом дети посыпались, как из рога изобилия: Лида, Маруся, Ваня, я, Галя, Валя. Когда отца убили, матери было всего лишь тридцать семь лет, но она осталась верной своему мужу до конца дней. Особенно трудно было в первые после гибели отца годы. Привязав Вальку к груди, а ниже – фартук с зерном, обливаясь слезами, засекала она свои длинные узкие полоски земли. Новая власть стала ей помогать, и она купила корову, лошадь и даже построила гумно, чего не удавалось даже отцу.

Вместо колыбельных она пела какие-то страшные заунывные песни:

*Востанет народ на народ,
Брат на брата.
Забудут, кто мать, кто отец.*

Не по себе становилось от этих слов, и я прижимался к её нежному крепкому телу. Безусловно, именно она привила мне любовь ко всему русскому, к русским людям. Как о сказочной стране рассказывала она о России, о Саратовской губернии, о деревне Ольшанка, где провела свои детские годы, убежав вместе с родителями от немцев во время Первой мировой войны. Голод 1921 года вернул её в родные края, захваченные к тому времени панской Польшей. Лучшие земли оказались в руках хуторян-мазуров, присланных Пилсудским в качестве осадчих для освоения новых территорий и утверждения на них своего владычества. Снова нищета: землянки, рабский труд, голод. Поэтому на поляков местные жители смотрели как на оккупантов и никогда тёплых чувств к ним не испытывали.

Мать была неграмотной женщиной, но речь её была яркой, образной, сверкала бесчисленными пословицами и поговорками.

Однажды я подрался со своим дружкой Саником. Не учёл, что его отец Захар – низкорослый, но широкоплечий крестьянин – отличается прекрасными бойцовскими качествами. В молодости он дубовой кульбой, то есть клюкой, поколотил на базаре аж десять взрослых приставших к нему поляков, чем прославился на всю округу. И вот этому драчуну, то есть своему отцу, и пожаловался на меня Саник. Захар тут же появился на нашем дворе. Я успел шмыгнуть в хату, заблокировав толстой перекладной дверь в

сени. От страха даже под кровать залез, наивно думая, что она спасёт. Захар стучал в окно и от всей души высказывал мне, что он думает по поводу моего диалога с его сыном. И вот в это самое время на дворе появилась моя неграмотная мать, вернувшаяся с полей. Она сходу ошарашила Захара, да и меня тоже одной-единственной, но неотразимой фразой:

– Мой Миша – как Советский Союз: первым никого не тронет, но держись, если его зацепишь!

Захар сразу же ретировался, а я остался под кроватью восхищаться тонкой наблюдательностью, образностью и широтой политического мышления своей матери. Лучшего комплимента в свой адрес ни до, ни после я не получал.

Прекрасно проявила она себя и в эпопее с моими первыми очками. Выше уже упоминалось о том, что в приобретении их участвовала даже Москва. А началось всё намного раньше. В связи с тем, что в нашем районном центре Свислочи не было окулиста, мы с матерью отправились пешком по железной дороге в город Волковыск, что в двадцати пяти километрах к востоку от Ханчич. Туда добрались легко. Успешно прошли врача, который определил, что у меня гиперметропия высокой степени, и выписал рецепт на очки, а вот возвращаться пришлось с приключением. С запада навстречу нам поднялся сильный ветер, который очень скоро превратился в настоящий ураган. Колючий снег сёк лицо. Мы пригибались к земле, с трудом делая каждый шаг. Ветер ещё усилился и стал просто валить нас с ног. Тогда мы поползли, цепляясь за рельсы. Только поздно ночью добрались до своих Ханчич. Нужно сказать, что мы ещё легко отделались. Назавтра по радио сообщили, что этот ураган в Польше даже опрокинул некоторые поезда на железных дорогах. Мать никогда не упрекнула меня за то, что в этот день из-за меня пережила такие страсти-мордасти. Рецепт мы отдали Пете Кобылко, который как раз приехал в отпуск из Москвы, где он проходил срочную службу, и он купил мне в столице долгожданные очки, значительно улучшившие мою дальнейшую жизнь. А привёз их другой Петя – Петя Бойко из деревни Нестеровичи, который тоже служил в Москве и который тоже в скором времени приехал в отпуск. Так что с первыми очками получилась действительно целая история. Правда, и с последующими мне не везло. Хорошие очки позднее не смог я приобрести ни в Москве, ни на Аляске, ни в Вашингтоне, ни в Нью-Йорке, ни в Испании, ни в Чехии. И только в Сингапуре в 1987 году я наскочил на удачный «хамелеон» для дали, с которым не расстаюсь и по сей день. Правда, в нём я не могу читать, но полного счастья ни у кого, никогда и нигде, как известно, не бывает, – приходится довольствоваться тем, что есть.

Запомнилась также поездка с матерью в Вердомичский лес за хворостом. Он примерно в четырёх километрах от Ханчич. К тому времени у нас уже была своя молодая лошадь Мальчик, которая и окрасом, и телосложением удивительно напоминала молодого тарпана. Мышиной масти, а вдоль спины – тёмная полоска. Она была только что подкована. К подковам ещё не привыкла. Поэтому на железнодорожном переезде споткнулась и упала.

Подняться не могла. Пришлось распрягать. Во страхе натерпелись! Хорошо, что поезда в это время не было.

– Плохая примета, – сказала мать. – Не повезёт.

И действительно не повезло. Выбираясь с гружёной телегой из леса, мы потеряли чужой багор. Он был положен сверху на хворост. Им мы обламывали сухие сучья на деревьях. Терять чужие вещи в нашей деревне было не принято. Мы очень расстроились и назавтра пешком снова отправились в лес на поиски. Хорошо, что мох между деревьями сохранил следы нашей телеги, и мы по ним легко добрались до места происшествия. Злополучный багор висел на одном из деревьев, зацепившись за ветку. Тут бы и домой возвращаться в хорошем настроении, но мать вдруг закричала:

– Миша, смотри! Козы! Козы!

Я подбежал к ней. Животные вышли на поляну. Это были не козы, а два матёрых волка.

Об этих серых хищниках мы были наслышаны. Будто бы однажды зимой волки съели молодую учительницу – одни ноги остались в валенках на снегу. В другой истории рассказывалось, как один крестьянин при нападении волка успел забить ему в горло кулак, схватить за язык и удушить его. В третьей истории сообщалось о том, что к одному крестьянину повадился волк приходиться зимой в овчарню. Придёт к хлеву, засунет хвост в дырку в стене и бьёт им по сторонам. Услышит шум шарахающихся в хлеву овец, прыгнет тогда на соломенную крышу, продерёт лапами в ней дырку, спрыгнет в хлев и съест овцу. И так несколько раз. Крестьянин в очередной раз сделал засаду в хлеву. Когда волк засунул хвост в дырку, крестьянин схватил за него и держит. Волк тут и помер в страхе от медвежьей болезни. Всё это были слухи. Но однажды лунным зимним вечером я сам слышал крики на выгоне крестьян из деревни Козейки, которые бежали за волком, уносящим на спине их поросёнка. Так что у нас с матерью были основания испугаться, оказавшись в лесу лицом к лицу с серыми разбойниками. Но время было летнее, волки были сытыми, поэтому не обратили на нас никакого внимания. Постояв немного, они с места перешли на лёгкий аллюр и скрылись между деревьями. А мы, возвращаясь домой, ещё долго оставались под впечатлением от увиденного.

Ездил я с матерью на телеге и в Порозово – центр соседнего района, где мы купили для меня на базаре постолы (лапти) из автомобильной покрывки. Во было радости! Ни у кого из мальчишек такой обуви не было. Правда, и она прослужила недолго под напором моей кипучей энергии.

Не забыть также поездки с матерью за хворостом в Беловежскую Пущу. Бедный Мальчик стал настоящей криницей для слепней. Они пили его кровь, сплошь облепив его детородные органы. Пока мать собирала хворост, я лупил оводов ладонью, и лошадиная кровь вместе с их трупами капала с моей руки на зелёный мох. Я и сейчас с сочувствием думаю о тех диких животных, которые подвергаются нападению этих кровопийц. Ведь их, в отличие от нашего Мальчика, защищать некому.

Матери я помогал много, но всё-таки не всегда. В итоге я ей доставил неприятных минут больше, чем всем окружающим меня людям вместе взятым. И это один из главных парадоксов моей жизни.

А она продолжала меня любить, не раз заявляя, что я – самый любимый её сын, потому что – «вылитый отец».

МУРЗА

Так назвал я свою первую собаку, которая стала лучшим другом моего детства. Из-за неё мне не раз доставалось от матери. Зато и радости приносила она немало. Её родила беспородная соломенно-рыжая сука дядьки Фадея, а кто был отцом, совсем неизвестно. Она выросла в могучего кобеля, который и окрасом, и телосложением очень напоминал волка, а по силе, возможно, даже и превосходил его.

Принёс щенком его я в хату поздно вечером и посадил на припёк русской печи, в которой пылали большие поленья дров. Маленький серый комочек вздрагивал и боязливо смотрел в чрево печи на вспыхивающее золотисто-белое пламя. Мать не обрадовалась ещё одному голодному рту в нашей хате.

– Лучше поросёнка завести, – бескомпромиссно заявила она. – Хоть польза будет.

Но я был тоже не лыком шит. Топить Мурзу не стал. Первый раз мать поколотила меня за него, когда жена дядьки Максима Марыся сказала ей, что будто наш Мурза забирается к ним в хлев, по лестнице-дробине залазит на вышки и ворует там куриные яйца. Я не видел, чтобы собаки лазили по вертикальным лестницам, поэтому отверг обвинение и даже не стал сажать Мурзу на цепь, ибо ценил собачью свободу не меньше, чем свою собственную.

Второй раз мне пришлось спрятаться под кровать, когда в нашу хату ввалилась могучая Матрёша и заявила, что Мурза съел её индюшат. В это можно было поверить, потому что аппетит Мурзы, как и он сам, рос не по дням, а по часам. Как-то мы пасли коров далеко на западе от Ханчич, за Багном, то есть за теми заболоченными лугами, в которых я намеревался спрятаться после истории с букварём. Поля за этими лугами почему-то назывались дворыско. Они были почти непригодными для возделывания. Поросли дерезой, вереском, полынью и чернобылем, поэтому пасти на них коров было одним удовольствием. Никаких тебе рядом посевов. Сиди себе компанией да играй в карты. В общем, не жизнь, а малина. Но на этот раз мы заигрались слишком долго. Все наши коровы вперемешку с овцами скрылись за пригорком и приближались к гостинцу Свислочь-Мстибово, а за ним простирались уже чужие земли польской деревни Бортники. Они были засеяны, поэтому мы бросили играть и побежали к своим коровам. Как раз по этому гостинцу в первые дни войны наши войска отступали в

Мстибово и далее на Волковыск и именно на том месте, куда мы сейчас бежали, разыгрался бой, о котором живо напоминали две могилы временного захоронения наших солдат. Эти события были ещё свежи в нашей памяти, поэтому мы легко представили, что продолжаем бой. Бежавшего впереди Мурзу мы вообразили танком, а сами превратились в сопровождающую пехоту. По мере приближения к пасущимся коровам наш «танк» прибавил в скорости и первым атаковал кого-то в зарослях чернобыля. Сам Мурза прижался к земле так, что из полыни его не было видно, но над ним в воздухе мельтешили чьи-то длинные ноги. Я подумал, что мой друг навалился на сонного зайца и даже успел порадоваться его успеху. Однако радость очень скоро сменилась на ужас, когда, подбежав, я увидел, что Мурза мёртвой хваткой держит не зайца, а барана тётки Стэпки – матери того самого Пети Кобылко, который, как рассказывалось выше, осчастливил меня приобретением в Москве очков. Когда я оторвал Мурзу от жертвы, баран ещё дышал, но воздух кровавыми пузырями выходил уже не только через рот, но и через дырки в трахее. Самый старший из нас – Иван Масявец – достал нож и прекратил страдания бедного животного. Настроение моё, сами понимаете, разбилось вдребезги. Лишиться любой скотинки для нищей послевоенной крестьянской семьи было большой трагедией. Я понимал это и готов был понести любое наказание.

«Будут бить, – подумал я. – Правда, возможно, не смертным боем по причине отсутствия в Стэпкиной хате мужчин».

Муж Стэпки Никандр отправился на небеса ещё «за польским часом», а Петя в Москве продолжал добросовестно отдавать свой гражданский долг новому государству. Кроме Стэпки, угрозу могла представлять также её взрослая дочь Лена, недавно вернувшаяся из Германии, куда была угнана в рабство во время оккупации. Но, честно говоря, ни Стэпки, ни Лены я по настоящему не боялся, так как к тому времени научился бегать почти как Мурза. Страшно было возвращаться к матери. Ведь она не разрешала мне заводить собаку и уже немало натерпелась от проказ моего четвероногого друга. Жаловаться на него крестьяне приходили не ко мне, а к ней. Так что у неё были все основания сгонять досаду на мне, причём наиболее лёгкими, хорошо проверенными дедовскими методами. Так как розги в нашей отсталой деревне не были заведены, для экзекуции использовался любой попавшийся под руку увесистый материал. Так что ничего хорошего и на сей раз от возвращения домой я не ожидал.

К вечеру с запада стала надвигаться страшнейшая гроза. Туча была настолько чёрной, что с ней по мрачности могло сравниться только состояние моей души. Весь край неба уже грохотал и сверкал молниями. Взвалив покойника на самую спокойную корову, мы форсированным маршем по широкому угону направили стадо домой. Гроза настигла нас у самой деревни, когда стадо уже начало втягиваться с гребли в узкую улицу между нахохлившимися, жмущимися друг к другу соломенно-деревянными домами. Вихри пыли, обгоняя друг друга, вращаясь и пританцовывая, пробежали

сквозь стадо и, как ведьмы, подпрыгивая, скрывались между домами в глубине улицы. Небо уже грохотало над головой, а вспышки молний становились всё ослепительнее. От страха блеяли овцы и мычали коровы. Ударили первые крупные капли дождя. Крестьяне выскакивали из хат и поспешно забирали свою скотину. Стэпке покойник, конечно же, не понравился, и она, заломив руки, помчалась к моей матери выяснять отношения. В такой ситуации я решил в хату не заходить, а направился к гумну тётки Насти. Не успел я до него добежать, как всё вокруг зашумело и стало совсем темно. Дождь обрушился сплошной стеной. Небо вдруг как будто саблями стали полосовать. Молнии рвали его на мелкие кусочки. Когда какая-нибудь из них с оглушительным треском ударяла о землю совсем рядом, от страха мы вздрагивали. Я понял, что началась так называемая Воробьиная ночь. Обычно она бывает в наших краях не более одного раза в году. Страха на крестьян нагоняла она в те времена немало. «Это божья кара», – считали одни. «Конец света», – казалось другим. Старухи зажигали свечи, укрепляли их возле иконы, становились на колени и молились до утра, пока не стихала эта действительно страшная гроза. Нужно сказать, что любая гроза ничего хорошего крестьянам не приносила. Почти каждая из них способна была поджечь какую-нибудь деревню. И тогда из всех окрестных деревень по полям бежали с ведрами крестьяне на помощь пострадавшим. Бывало, что молния поджигала и пущу. Грустно было тогда по несколько дней смотреть на огромный столб дыма, поднимающийся высоко в небо в южной части горизонта.

На этот раз всё обошлось. И мне даже удалось избежать побоев, так как дома я не ночевал, а просидел до утра у спасительного гумна, наблюдая за разбушевавшейся стихией.

Мурза мужал. Однажды, помогая мне выгонять коров из чужих посевов, он прыгнул на одну из бурёнок сбоку и схватил её за лопатку так решительно, что бедная корова шарахнулась в испуге в сторону, споткнулась и упала. Я не на шутку испугался: Мурза мог повторить историю со Стэпкиным бараном, поэтому окриком я остановил чрезмерную Мурзину усердность.

Меня радовало то, что Мурза никогда не нападал на людей. Лишь однажды он до смерти напугал Ванину учительницу. Ваня учился хуже меня, но всё же был хорошистом, и вряд ли у его классной руководительницы была необходимость проверять Ваню на дому. Очевидно, это было просто плановое посещение родителей. В хате оказались только мы с Мурзой. Я сидел за столом и делал уроки, а Мурза блаженно дремал под кроватью. Честно говоря, я и не знал, что он находится рядом. В дверь постучали, и в хату бойко вошла аккуратенькая, черноволосая, бледнолицая Ванина классная руководительница. Ничего не подозревая, она стремительно направилась ко мне. Когда оставалось всего несколько шагов, перед учительницей вдруг во весь свой громадный рост поднялся на задних лапах Мурза и положил передние ей на плечи. Глядя прямо ей в глаза, он рокочущим баритоном весьма интеллигентно предупредил учительницу, что дальнейшее продви-

жение в направлении его хозяина небезопасно. Я кошкой прыгнул на Мурзу, схватил его за шею и опрокинул назад. Мурза, послушно пригнувшись, заполз снова под кровать. Учительница стала ещё более бледнолицей. Не проронив ни слова, она развернулась и засемила к выходу. Через окно было видно, как на дворе она всё больше набирает скорость, беспрестанно оглядываясь.

Да, Мурза охранял меня надёжно. Даже от моих дружков, с которыми мы вместе с ним целыми днями бегали по полям. Стоило мне отойти от компании шагов на десять, лечь на землю и прикинуться спящим, как Мурза тут же подходил ко мне и ложился рядом. И тут уже ни один мальчишка не мог приблизиться ко мне. Его останавливало грозное рычание Мурзы. За его преданность я платил безграничной любовью, но однажды смалодушничал. К матери обратился с просьбой житель небольшой деревушки, которая располагалась прямо на опушке Вердомичского леса. Звали его Владимир Соловей. Но жизнь у него была совсем не соловьиная. Во время немецкой оккупации он был старостой. Когда пришли наши, его не арестовали, а отправили на фронт. Он был довольно серьёзно ранен, поэтому считал, что кровью искупил свою вину. Чувствовал себя вольготно. Ухаживал за Стэпкиной Леной. И вот этот развязный тип попросил у матери Мурзу для охраны созревающего сада. Обещал хорошее вознаграждение. Я, дурень, согласился, отвёл своего друга в деревню Соловья и посадил на цепь под яблоней.

Примерно через месяц решил провести его. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что уши у Мурзы все в язвах и на них сидят толпы мух. Взгляд у него был отрешённым. Местные мальчишки рассказали, что Мурза не лаял на людей, поэтому, чтобы вызвать у него агрессию, бывший староста Соловей плавил смолу и капал ею на уши собаке. Я был слишком маленьким, чтобы прямо в лицо сказать Соловью, что он – негодяй. Я отвязал Мурзу, и мы без всякого вознаграждения вернулись домой.

Закончилась жизнь Мурзы печально. Влекомый всепобеждающей любовью, он убежал на собачью свадьбу в Полонку и там был кем-то подло убит.

ЧЕРТИ И ПРОЧАЯ НЕЧИСТЬ

В детстве, странное дело, я совсем не боялся людей. Зато очень боялся волков и чертей. Особенно чертей. Они мне мерещились повсюду. Наша «гора» в хате (так называется в Ханчичах чердак) буквально кишела ими. Вход на гору (ляда) большим квадратным отверстием зиял в сенях прямо над дверью в хату, то есть как раз над головой. И для меня всегда было большим испытанием преодоление крошечной темноты сеней, когда я, наслушавшись страшных историй, поздно вечером возвращался домой. Чтобы черти не успели схватить меня сверху за волосы, я в едином прыжке пролетал сени и хватался за спасительную дверную ручку. И вот вдруг по собственной инициативе абсолютно самостоятельно я решил дать чертям

бой – перешёл от обороны к наступлению. Чтобы перестать их бояться, я решил перенести свой ночлег из хаты на чердак (на гору), то есть в самое логово чертей. Смастерил там себе лежанку и на ней соорудил кой-какую постель. Не передать словами, с каким страхом я каждый вечер лез по дробине вверх, а затем, выставив руки вперёд, в полной темноте медленно продвигался к лежанке. Немного успокаивался лишь тогда, когда полностью, с головой укрывался одеялом. Наивно думал, что тонкий немецкий коц, который мать выменяла на молоко у возвращающихся из Германии солдат, может защитить меня от беснующейся вокруг нечисти. Очень скоро и под одеялом мне пришлось пережить настоящий ужас. Однажды, только я укрылся с головой, почувствовал, что одеяло кто-то медленно стаскивает с меня. Я замер в оцепенении. И в это время кто-то прыгнул мне на ноги. Молнией взметнулся я, сбрасывая с себя непрошенного гостя.

– Мя-я-у, – протяжно раздалось в темноте.

Конечно, теперь я понимаю, что это был обыкновенный кот. Но в детстве не всё было так ясно. Я слышал множество историй, как черти могут превращаться в чёрных кошек, в баранов с человеческими глазами и в людей.

Правильно говорят, что у страха глаза велики, а у меня по причине их неполноценности иногда они становились особенно большими. Как-то под утро я возвращался с вечеринки из Козеек. На выгоне заблудился и угодил в заболоченную его часть. Уже этого одного было достаточно, чтобы на душе стало тревожно, а тут ещё при резком повороте головы увидел, как прямо передо мной вдруг из болота быстро поднялся маленький согбенный серый старичок. Пока я разобрался в темноте, что это всего лишь серая коряга, оставшаяся от давно погибшего дерева, страху натерпелся.

Ещё страшнее был случай на кладбище. В то время я уже работал в редакции газеты соседнего района. Весь день бродил по колхозам, собирая материал. К вечеру по раскисшему снегу прямо по полям двинул к дороге на Большую Берестовицу, где находилась редакция. По пути натолкнулся на кладбище, поросшее вековыми деревьями. Обходить не стал, хотя и было неприятно в одиночестве пробираться между незнакомыми могилами. В центре кладбища увидел склеп без дверей. Зловеще чернело его чрево. Именно потому, что было страшно, решил заглянуть в склеп, чтобы побороть в себе этот нежелательный с детства порок. Только сунул голову в темноту и вдруг слышу:

– Не пугайся, браток. Может, есть кусок хлеба, помощи. Меня ищут. Я украл велосипед.

В кармане у меня как раз оставалось ещё немного хлеба. Я отдал его незнакомцу и с мурашками по всему телу зашагал дальше по кладбищу.

С чертями в конце концов я свёл счёты. Перестал их бояться. Но, к сожалению, стал бояться людей. Увидел, что некоторые из них намного страшнее и волков, и чертей.

Чтобы совсем закончить разговор о чертовщине, хочу рассказать ещё об одном случае из моего детства, который так и остался для меня на всю жизнь загадкой.

Обычно все страхи возникали в темноте – из-за отсутствия информации, от незнания, от невежества. Думаю, что именно по этой причине и возникли все религии на земле. Но случай, о котором я хочу рассказать, не связан с темнотой. До обеда мы пасли коров на полях к западу от деревни. Пригнав их на обеденный перерыв домой, мы вдвоём с Саником решили сходить на озеро искупаться. Продвигались вдоль нашей безымянной речки, которая впадает в Пекарец, перегороженный плотиной с водяной мельницей. Именно там и находилось озеро. По пути пощипывали на кустах ягоды смородины и малины. Добрались до моста на нашей небольшой речке, который обеспечивал сообщение между двумя хуторами: Боровских и Гуральских. Поднялись на дорогу у моста и оба увидели на пыльной дороге, по другую сторону моста, лежащую поперёк буланую лошадь без головы. Рядом сидели два бородатых цыгана. Возле каждого из них лежал топор с необычно длинным топорщиком. Мы побежали на озеро и рассказали об увиденном другим мальчишкам. Целой ватагой двинули посмотреть на необычную картину. Был полдень, светило солнце, но на дороге за мостом мы не увидели уже ни лошади, ни цыган, ни следов крови. Куда всё делось и что это было, объяснить невозможно.

ДРАКИ

Всеми фибрами души я ненавижу насилие в любом его проявлении. К примеру, боевики по телевидению у меня вызывают неподдельное отвращение.

А в детстве всё было не так. С интересом слушал я рассказы о том, как однажды в далёком прошлом Ханчичи и Бортники сошлись в поле стенка на стенку и швыряли друг в друга камнями; как на танцах в Шустиках всего искололи ножами Ивана Чертка (нашего соседа) и он долго потом залечивал раны, лёжа на русской печке; как самому знаменитому богатырю всей округи Мартёну безменом выбили глаз, который висел потом посреди щеки на стебельке.

Ещё интереснее было самому наблюдать подобные драки. Старался забраться в самую гущу и снизу созерцал, как у меня над головой могучие пьяные парубки месят друг друга кулаками. Обычно это бывало на танцах, когда сходились вместе парни из разных деревень. Чаще всего такие схватки напоминали турнирные бои без больших последствий: что-то вроде современных окультуренных боксёрских поединков. Но иногда драки выходили за эти рамки и превращались в массовые побоища. Как-то в марте шумный вечер был организован в новой школе, так сказать, на нейтральной территории. Молодёжь собралась их всех окрестных деревень. Как водится, для смелости выпили. Потасовка началась перед школой. В ход пошёл штакетник забора. Ханчичи и Нестеровцы атаковали Полонку. В темноте на сером снегу узнать кого-нибудь было невозможно, и я по слепоте своей оказался в стане врага. Полонка стала отступать, и я в её рядах. Я видел, как

один из её преследователей, слишком увлѣкшийся потасовкой и оторвавшийся от своих, повернул потом назад и побежал в школе, но его догнали и били бегущего кольями по голове. Оказаться в его шкуре мне не хотелось, и я продолжал отступать с противником, со страхом думая о том, как же мне вернуться к своим. Никто не станет разбираться в том, что я ещё ребёнок, и кольями могут угостить совсем по-взрослому. К счастью, вскоре по бокам дороги появились могучие вербы. Я спрятался за одну из них и вернулся к школе. У входа в окружении парней стоял тот Петя Бойко из Нестерович, который привѣз мне из Москвы очки. Окровавленными руками он сжимал голову, и лицо его было тоже в крови. Мне искренне было жаль этого красивого и могучего парня, и сердце моё разрывалось от бессилия хоть чем-то ему помочь. Быть может, именно в те минуты в душе моей появился первый протест против насилия.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Первый раз я ощутил её прелести на собственной шкуре, причѐм в прямом смысле, когда мне было лет восемь. Я помогал гнать общее стадо коров с выгона в деревню. Левое крыло выгона было увлажнено и представляло собой великолепный сенокосный луг. Называлось оно околицей. Каждый год во время сенокоса околица делилась на поперечные узкие полосы по числу хат в деревне. На этот раз трава уже была скошена, но оставалась ещё в валках на лугу для просушки. С выгона в деревню вела узкая гребля с заболоченными канавами по бокам. Моей задачей было с помощью палки теснить левый фланг стада на греблю. Сначала мне это удавалось, но у коров, как и у людей, взаимоотношения могут быть разными. Нашлась одна вредная корова, которая вдруг стала бодать свою соседку слева в бок и выгнала её из стада на сохнущие валки сена. Валки оказались частной собственностью самого высокого крестьянина деревни – Якуба Самсоника. На мою беду, он как раз подъезжал сзади верхом на лошади к своей собственности. Я палкой загонял взбунтовавшихся коров назад в стадо. Якуб налетел на меня коршуном и стеганул по голым ногам кнутом из телеграфной проволоки. Долго потом носил я на своих икрах чѐрные поперечные полосы, кричащие, что частная собственность неприкосновенна.

Это были цветочки, ягодки не заставили себя ждать. Воскресенье было чудесным: тёплым и солнечным. Не имея никаких поручений от матери, я провѣл вторую половину дня на озере. Ловил под корчами руками плотву. Засунешь руки с двух сторон навстречу друг другу в норы между корнями подводной коряги, а там плотвы – что сельди в бочке. Лихорадочно пытаешься сцапать кого-нибудь. Рыбы трутся о руки, ускользая в другие норы, но, смотришь, какая-нибудь и зазеваётся. Удовольствие от такой ловли превеликое. И это при том, что в детстве я рыбу совсем не ел. На дух не переносил. Запах селѣдки и хамсы вызывал просто отвращение. А дома все

любили. Поэтому рыбу ловил и приносил. Напоследок решил закупаться всласть. Солнце, отдав за день всю свою энергию, покрасневшись, прилегло на горизонте отдохнуть. Озеро в знак благодарности и солидарности тоже покраснелось. Берега, поросшие ольхой, умиротворённо гляделись в зеркало воды. В небе кружил аист, подсвеченный снизу розовыми лучами. Я плавал на спине, стараясь повторить его маневры. Он смотрел на меня и придумывал всё новые пируэты. Мы просто дурачились вдвоём в засыпающем мире, полностью понимая друг друга. Дав нам насладиться игрой, солнце спряталось. Ничего плохого не предчувствуя, я побежал домой. А там в хате уже бушевали страсти. Мать с Васей, вернувшись с поля, узнали, что наш Мальчик, хоть был и спутан, лишенный контроля, допрыгал через весь выгон до чужих посевов из деревни Козейки. Хозяин «занял» его, то есть взял в плен и теперь требует выкуп. А выкупа-то нет. Положение безвыходное. От отчаяния в ход были пущены надёжные дедовские методы. Больше всего досталось Ване. Он надеялся спрятаться на печи, но там его настигла метко брошенная скалка, которая угодила ему прямо в глаз.

Галя успела выскочить из хаты и ночевала в собачьей будке. А я избрал ещё более оригинальный способ самосохранения. Перебежал через речку и решил провести ночь на огромной раскидистой груше, где для волков я был точно недосягаем. С чертями было сложнее, но о них я старался не думать. Для ночлега эта груша была хороша тем, что почти у самой верхушки из одного и того же места в разные стороны расходились четыре толстые ветви. Между ними я и скорчился ничком, уткнув лицо в колени. Небо украсилось звёздами, но я на них не смотрел. Напрасно они мигали над моей спиной, пытаясь меня успокоить. Из деревни над речкой поплыла грустная девичья песня. Это молодёжь собралась на вечеринку. От обиды я заплакал, не сдерживая себя, и тёплые слёзы падали мне на колени.

Никто, конечно, не узнал бы, где я ночевал, но, заснув, без движения я к утру замёрз настолько, что весь скорёженный еле спустился по стволу вниз. Потеряв бдительность, свалился прямо к ногам бабы Ганули, которая шла в Кобылки к своей дочери Любе. Опять я прославился на всю деревню своим неординарным поведением.

Мальчику нашему повезло: за него потребовали только выкуп, а другой лошади, которая залезла в чужие посевы, перебили колом спину. И это ещё ничего. Больше всего мне не нравились рассказы о том, что бывали случаи, когда брат брата убивал при дележе имущества отца. В общем, частную ответственность в детстве я возненавидел и всей душой приветствовал приход социализма.

Но закон парадоксов неумолим. Присматриваясь к социализму на склонах лет, я ещё до развала Союза увидел, что это нежизнеспособная система. Она научила людей работать. А безделье – это осиновый кол в теле любой системы.

ИЗБИЕНИЕ НА ОЗЕРЕ

На всех широтах, где довелось побывать, я нигде не слышал плохого мнения о белорусах. Но случай, о котором собираюсь здесь рассказать, нас – белорусов – характеризует не очень хорошо.

В одно из воскресений на озере встретились: восьмиклассники Миша и Вася Забейды из Полонки и я с Саником (шестиклассники) из Ханчич. Беседа была очень приятной – о стихах. Сидели на опорной бетонной стенке у самого моста с «заставками» для сброса лишней воды. С другой стороны к мосту примыкала водяная мельница. Оттуда на мост вззошли два поляка – восьмиклассники Эдик Розальский из Монтовтов и Тадик Боровский с хутора недалеко от Ханчич. Учились в одной школе, поэтому хорошо знали друг друга. Поляки остановились на мосту недалеко от нас, и Тадик позвал меня к себе. Я подошёл.

– Сейчас мы будем бить Забейд, ты нам поможешь, – сказал он.

– Не буду, – ответил я и вернулся к своим.

Миша продолжал читать отзыв из «Гродненской правды» на свои стихи. Тадик подошёл и ударил его кулаком в лицо. С Миши слетела кепка и упала в воду. Он, бедный, как был в одежде, прыгнул к ней и, поймав, стал выбираться на берег. Тадик бил его по голове, а Миша даже не защищался. Вконец расстроенный, не понимая, что к чему, ушёл через мост домой. Тадик принялся за Васю. Вася был крепче Миши и попытался оказать пассивное сопротивление, хватая Тадика за руки. Тогда Тадик схватил камень и стал им бить Васю по голове. Вася вслед за Мишей отправился через мост домой. Тадик подошел к Саннику и ударил его по лицу. Саник заплакал звонким детским голосом и направился в противоположную сторону, в сторону Ханчич, грозя Тадику, что всё расскажет его отцу. Тадик подошёл ко мне и совсем неожиданно ударил кулаком в висок, злобно произнеся:

– Какой я тебе мазур?!

Тут вмешался Эдик, до сих пор молчавший.

– Его не надо, – обратился он к Тадику. – Помиритесь.

Тадик протянул мне руку.

– Имеешь счастье, что я тебя уважаю. Я давно хотел тебе нож в живот сунуть, – примирительно заговорил он.

«За что?» – недоумевал я долгое время. Потом неуверенно стал припоминать, что, возможно, более трёх лет назад, когда мы были ещё совсем маленькими, мы вертели на вечеринке возле взрослых, толкая друг друга. Возможно, Тадик толкнул меня слишком больно, и я сказал ему нашу дежурную фразу, которую мы говорили в адрес любого поляка, обижающего нас:

– Ах ты, мазур проклятый!

Возможно. Я это допускаю. А вот второе заявление Тадика так и осталось для меня на всю жизнь загадкой. Как можно одновременно ненавидеть и

уважать, не понимаю. Я максималист: или – или. Или ненавидеть, или уважать. Правда, чего греха таить, с годами я ловко научился сглаживать углы. А в детстве всё видел только в чёрно-белых тонах: за Советскую власть – значит хороший; против Советской власти – значит враг. Полутеней не знал.

В скором времени судьбе-злодейке было угодно поменять нас с Тадином местами. Парадоксы продолжали плясать.

УЧАСТИЕ В РАСКУЛАЧИВАНИИ

Только что организовались колхозы. Как-то под вечер мы с матерью пололи за околицей картошку. Из деревни к нам пришёл дядька Иван – младший брат отца и, как бригадир, обратился к матери со словами:

– Настя, отпусти Мишу сечки нарезать. Погонять будет лошадь.

Как тут откажешь? Дядька теперь – начальник. Бригадир колхоза. Отпустила.

Как только мы отошли от матери, дядька вдруг заговорил таинственно, понизив голос, чтобы мать не услышала:

– Сечку резать ты не будешь. Запряги лучшего коня – надо районных работников отвести в Нестеровцы.

Я страшно обрадовался. Это же намного интереснее, чем полоть картошку. Помчался на выгон. Поймал лучшего в деревне коня – серого в яблоках, сел на него верхом и поскакал на колхозный двор в Кобылках. Там запряг Сивку в телегу и с грохотом по одной гребле выскочил сначала на выгон, а потом по второй гребле влетел в Ханчичи. Остановился у конторы. Из неё вышли двое: долговязый Ивкин и среднего роста Ходакевич. Я их знал по организации колхоза. Тогда они ходили по хатам и сгоняли крестьян на собрание. Теперь же Ивкин взял стоящий у стены велосипед, а Ходакевич лёг ко мне в телегу на солому. Пока ехали по деревне, молчали. Когда стали выезжать, Ходакевич спросил:

– Знаешь, куда едем?

– Конечно! В Нестеровцы! – весело отвечал я.

– Никакие не Нестеровцы. Едем к Боровскому на хутор.

Сердце у меня оборвалось. Я понял, в чём дело. Отец Тадика Эдвард Боровский отказался вступать в колхоз. Тогда власти забрали у него все земли, а сад и постройки обложили таким налогом, что в счёт его пришлось отдать лошадь и все сельхозмашины. И вот теперь мы едем забирать всё это имущество.

За деревней Ивкин свернул направо под железнодорожный мост, откуда вилась тропинка к хутору Боровского, а мы по дороге направились к железнодорожному переезду. Чем ближе мы подъезжали к Боровским, тем тревожнее становилось у меня на душе. Когда заехали в усадьбу, Ивкин уже там орудовал. Из конюшни он выбросил к моим ногам хомут, а потом вдвоём с Ходакевичем они скрылись в стоделе, где хранились сеялка, ве-

ялка и другие агрегаты. Поперёк двора пробежала красная, заплаканная Альбина – жена Эдварда. Следом заковылял в стодолу на деревянной ноге сам Эдвард. В молодости он угодил ногой в молотилку, и её пришлось ампутировать, заменив на деревянную. Мы – мальчишки – радовались этому, потому что он никогда не мог нас догнать, когда мы своих коров пускали на его поля. Более того, это его несчастье позволяло нам играть с ним. Когда он однажды, кульгая, вытеснял нас за свои пределы, я присел и, имитируя винтовку, прицелился в него своим пастушьим кием.

– Защеле, курва твоя мать! – обрадовал я его.

– Добже, что твоего ойца защелили! – резонно парировал он.

Так что наши взаимоотношения были не самыми дружелюбными. И вот теперь по коварной воле родного дядьки я оказался в логове этого очень злобного человека.

Но по-настоящему напугал меня не он, а Тадик. Пока взрослые возились в стодоле, Тадик выскочил из конюшни и с ножом в руке кинулся ко мне. Я фатально стоял, как вкопанный, возле злополучного хомута не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Снова оказался в роли смиренной жертвы перед раскрытой пастью грозного хищника, как тогда на озере. И тут Тадик преподнёс мне ещё одну загадку, над которой я и сейчас задумываюсь. Он бросился не на меня, а на лежащий у моих ног хомут. Схватил длинный сыромятный конец, висевший у основания гужа, и отрезал его. Потом, ни слова не сказав, снова убежал в конюшню. «Зачем он это сделал? – недоумевал я. – Если бы он перерезал гуж, мы не смогли бы запрячь их лошадь и таким образом заполучить ещё одну телегу для увоза машин. А так – нам никакого вреда». Думаю, что это был просто детский протест против обрушившегося на них насилия. Всё-таки в то время Тадик, хоть и был уже крепким, но оставался ещё подростком. Позднее, заматерев, он сравнился по злобе с отцом и частенько поколачивал деревенских парней без видимой причины, пока однажды не напоролся на приехавшего на побывку из Калининграда Славика. К тому времени мой двоюродный братец успел перестроить свою психологию на городской лад и пришёл к твёрдому убеждению, что жертва не только может, но и должна защищаться. Своей покалеченной рукой он так отметелил Тадика, что тот в скором времени навсегда уехал в Польшу, пообещав, правда, крестьянам, что ещё вернётся «или с автоматом, или с фотоаппаратом». Обо всём этом я узнал позднее из Васиных рассказов. Он единственный из нашей семьи до конца дней своих оставался в Ханчичах.

ЧТО ТАМ – ЗА ГОРИЗОНТОМ?

С первых же лет своего существования мой самый обыкновенный славянский нос всё время тянулся за линию горизонта. В третьем классе я спрятался в кузове грузовика среди восьмиклассников и отправился с ними на экскурсию в Беловежскую Пущу, причём в самый её центр – посёлок Ка-

менюки, где находятся музей и управление заповедником. Какая это была чудесная поездка! Мы пересекали многочисленные речки, широкие зелёные луга на их берегах, стеной стоящие дубравы. Без конца прыгали с завыванием мотора по поперечным брёвнам гатей на заболоченных участках дороги. Зато, когда останавливались, попадали прямо в рай. В сплошном зелёном пологе над головой на разные лады звенели птичьи голоса. Казалось, лесные певуны соревнуются друг с дружкой в выражении радости нашей встречи. Только позже я узнал, что радостными трелями встречали нас не певуны, а певуны. Оказывается, у птиц поют не самки, а самцы и только в период размножения. Нам повезло, что поездка состоялась ранней весной, то есть в самый разгар птичьей любви.

Однако главное событие нас ждало впереди. После осмотра музея мы отправились на встречу с зубрами. Горбатые великаны содержались в огромном лесном загоне, огороженном толстенными жердями. Прямо у ограды стоял жёлоб для подкормки. Служитель накидал туда свежей травы и сказал, что звери скоро придут. Оказывается, они приходят подкрепиться точно по часам. Мы нетерпеливо стали ждать.

И вот они появились: громадные, неуклюжие, как танки. Выбираясь из густого ельника, они медленно передвигались зигзагами в более светлый лиственный лес, покусывая то тут, то там то листик с куста, то травинки под ногами. Когда до кормушки оставалось всего несколько десятков метров, они вдруг дружно побежали прямо на нас. Мы, конечно, их не интересовали. Своими чёрными губами они сразу же уткнулись в жёлоб. Напротив меня оказался самый крупный бык. Я протянул руку и попытался схватить его за рог. Зубр неодобрительно замотал головой. Я повторил попытку. Он вдруг сделал шаг в сторону за пределы жёлоба и прыгнул вперёд на меня сразу обеими ногами, мотая рогами у самых жердей. Я удивился, почему он не пытается разрушить разделяющую нас ограду. Стоило ему поддеть её рогами, и она рассыпалась бы. Видно, он был умнее меня. Понимал, что я ещё очень маленький и не стоит меня наказывать за эти детские шалости.

Зубр в моей жизни стал символом могущества, бесстрашия и упорства. На подсознательном уровне я в чём-то стал похожим на него. Шёл по планете, как танк, не выбирая дорог, не страшась препятствий, заботясь лишь о том, чтобы путь был честным, не задевал интересы других.

Умудрённый беловежским опытом, в скором времени я сходным образом совершил вторую дальнюю вылазку из Ханчич. Передовых колхозников везли в Гродно на выставку достижений народного хозяйства. Я снова залез в кузов грузовика и спрятался под скамейкой. Сильное впечатление на меня произвели Батька Нёман, старинные храмы – православные и католические, средневековые мощённые брусчаткой улицы, огромная свинья на выставке, которая не менее чем в пять раз превосходила по размерам своих самых крупных ханчицких сестёр. А два события меня прямо потрясли: одно – на выставке, второе – на улице Ожешко. На выставке, среди людского моря, вдруг взвились в небо два могучих жеребца. Вырвавшись из

рук своих хозяев, они сошлись в смертельной схватке. Стоя на задних ногах и крепко обнявшись передними, они кусали друг друга и дико визжали. Беспомощные люди бегали вокруг них, не зная, что делать. Когда жеребцам надоедало обниматься, они разворачивались и лупили друг друга задними ногами. Потом снова с визгом обнимались, поднимаясь над толпой. Перед нами бушевала дикая природа. А в городе я столкнулся с не менее страшным криком цивилизации. На освещённой грустным белорусским солнцем улице, прямо на тротуаре, сидел человек без рук и без ног. Вся его грудь была в орденах.

– Братцы! Вспомните Сталинградскую стену! – обращался он к растерянно семенящему мимо потоку людей. Он не просил милостыни. Нет. Он призывал не забывать величие народа, схватившего за горло страшного фашистского зверя на берегу великой русской реки. Белоруссия и Сталинград, как наиболее пострадавшие в войне, были побратимами, поэтому мне был понятен крик этого безрукого человека. Слёзы катились из моих глаз тогда и катятся сейчас, когда я через 60 лет заканчиваю писать эту книгу.

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

В самом раннем детстве я уже понимал, почему случилась революция, и полностью её поддерживал. Набегаешь за целый день по полям с мальчишками, приходишь домой, заглянешь в казанки на плите – пусто, откроешь заслонку в русской печи – пусто, кинешься к столу – ни крошки хлеба. Кишки марш играют. А в это время в пятнадцати шагах от тебя на открытом окне Максимовой хаты стоит патефон и издевательски орёт:

*Как родился я на свет,
Дал вина мне старый дед.
И с тех пор всю жизнь свою
Я вино, как воду, пью.*

Я хотел поджечь хату дядьки Максима, хоть он и был близким родственником. Моё маленькое сердце разрывалось от несправедливости. Я понимал тех крестьян, которые жгли помещичьи усадьбы. Голод и нищета были их основными двигателями.

Позднее, конечно, пришлось по-новому переосмысливать все эти процессы. Дядька Максим мог позволить себе купить патефон, потому что в хате вместе с ним жил его старший долговязый и сутулый сын Миша, который работал на железной дороге и получал кой-какие гроши. А у крестьян их совсем не было. На склоне лет я разочаровался в революции, пролившей реки славянской крови. Но это было потом, когда на помощь пришёл гениальный пушкинский «опыт – сын ошибок трудных». А пока бесилось, набивая шишки на лбу, беззаботное детство.

Как-то меня и ещё двух девочек Нина Ивановна Куличкина стала оставлять после уроков для разучивания стихов. Среди них мы учили наизусть и какое-то торжественное обещание в прозе. Наступило Первое Мая. В небольшом деревянном здании школы для крестьян был устроен праздник. Я, к ужасу своему, увидел, что девочек, с которыми меня оставляли после уроков, вызывают на сцену, они декламируют наизусть торжественное обещание, и после этого взрослые повязывают у них на шею красный пионерский галстук. Наступила моя очередь. Я вышел на сцену. На мне был новенький серый костюмчик из немецкого коца – тонкого солдатского одеяла. Но на обувь денег не хватило. Я печально глядел на свои грязные порёпанные босые ноги и, к полному смятению учителей, произнёс:

– А мне мама не разрешает вступать в пионеры.

Это был единственный в моей жизни неосознанный поступок. В четырнадцать лет я себя реабилитировал – добровольно вступил в комсомол.

Позднее никто не заставлял меня холодным январским днём 1957 года, стоя на коленях над могильной плитой на вершине Митридата в полном одиночестве, написать огрызком карандаша в озябшей руке следующие слова: «Клянусь, родные, служить Родине так, как вы служили». Это было уже моё собственное убеждение. Добровольно вступил и в ряды КПСС – продолжать дело отца. Трижды помогала мне партия на крутых поворотах, за что благодарен ей и сейчас. Поэтому не стал чернить её после развала Союза, не выбросил билет. Но и не стал поддерживать её. Партия, не сделавшая для своей защиты ни единого выстрела, нежизнеспособна. В этом тоже величайший парадокс. В процессе жизнедеятельности она уничтожила сотни тысяч, а может быть, и миллионы противников, а в решающую минуту сдалась без боя, рухнула, как карточный домик. Жизнь – сложная штука. На многие события, как и на людей, приходится смотреть иногда неоднозначно. Примером может служить дядька Иван – младший брат моего отца. Напомню, что это он прошёл три войны, поймал меня голого в заснеженных полях, подарил мне пилотку со звёздочкой, стал лучшим другом, но потом предательски послал раскулачивать Боровского, а напоследок совершил ещё один поступок, за который я чуть не огрел его железным шворнем по голове. Об этом следует рассказать, так как это очень поучительный случай.

Повторюсь, что после гибели отца Советская власть стала помогать моей многодетной матери материально. Этой помощи хватило на то, чтобы купить корову, лошадь и даже построить гумно. Оно получилось красивое, крепкое (из хорошего бруса), и только на крышу не хватило денег. Привыкшая к трудностям мать не растерялась и, наступив на горло своей гордыне, начала «жабровать», то есть просить милостыню. Она ездила по деревням, ходила по хатам и просила соломы, чтобы накрыть ею гумно. Крестьяне сочувственно относились к её просьбе, и в конце концов ей удалось собрать нужное для кровли количество снопов. То есть гумно было построено с великими трудностями.

И тут организовали колхоз. Туда прежде всего отправился наш любимый мышинного цвета Мальчик, купленный тоже с большими трудностями, и

было обобществлено также и гумно. Крестьяне – хитроватый народ. Когда было решено построить клуб в деревне, они вынесли смертный приговор именно нашему гумну: с вдовой легче бороться, чем с матёрыми мужиками. Свои гумна не стали разрушать, а на наше набросились, как стервятники. Я учился уже в девятом классе. В тот день, вернувшись из школы, увидел, что крыша гумна разлетается в разные стороны, как под натиском урагана. Вниз летит не только солома, но и латы (деревянные рейки крыши). Их грузит на телегу, чтобы отвезти их на колхозный двор, младший брат матери Иван. Рядом со мной стоит второй Иван – младший брат моего отца – главный герой предстоящих событий. Он – бригадир. Это он командует парадом.

Несмотря на шум, из гумна послышался сначала тихий, а потом всё нарастающий жуткий вой, напоминающий вой волчицы, у которой только что убили всех её детей. Я узнал голос матери. Это она, сидя на току, прощалась со своим детищем. Её брат, человек на редкость мягкий, хоть и штурмовал Берлин, не выдержал, ударил по лошади и помчался прочь. Вторым мой дядька, о котором идёт главная речь, вдруг заорал на мать благим матом. В глазах моих поплыл туман, но он не помешал увидеть железный шворень, лежавший рядом на выступе стены Настиного свинарника, у которого мы стояли. Впереди в полуметре от меня находился затылок моего орущего дядьки. «Ударить или не ударить... Ударить или не ударить...» – вертелось в голове. И сегодня я рад, что сдержался и не ударил. В жизни ещё бывали подобные случаи, благодаря которым я убедился, что выдержка всегда помогает.

КНИГИ

В Ханчичах становилось тесно. Для познания мира за их пределами путём экскурсий не было денег. И я набросился на книги. Читал всё подряд, особенно много о белорусских партизанах. Классическую французскую литературу почему-то не любил. Она мне показалась вымышленной и оторванной от жизни. Некому было направить на путь истинный. Потом мешал дефицит времени. Так и остались большие пробелы в разных направлениях на всю жизнь. В целом я – человек не завистливый, но в молодости по-хорошему завидовал тем, кто много читал и много видел.

В детстве читал везде. Как-то во время летних каникул назначили меня погонщиком колхозного стада. Моей задачей было помогать двум пастухам утром доставлять стадо по двухкилометровому угону с фермы в Багон, в обед – обратно на ферму; после обеда – снова в Багон, а вечером – опять на ферму. Так как я зарабатывал таким образом трудодни для семьи, я был освобождён от других домашних обязанностей. Пустили щуку в реку. Теперь я с книжкой не расставался. При исполнении служебных обязанностей она находилась у меня за пазухой. В Багне я читал её в тени ржаных снопов, а дома – в хлеву на вышках, тайно, чтобы никто не помешал. Там было много

соломы. Над ней я проделал в соломенной крыше дырку для солнечных лучей и часами наслаждался чтением. Помню, как-то залпом проглотил там повесть Горького «Подкидыш». Пока не закончил, с вышек не спустился. Для всех было загадкой, куда это я таинственно исчезаю.

К книге у меня было какое-то благоговейное отношение. Помню, как-то мы, группа мальчишек, улеглись на траве во дворе Толика Табуревича, образовав целый круг головами внутрь, и читали вслух «Полтаву» Пушкина.

*Богат и знатен Кочубей.
Его поля необозримы.
Там табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы...*

Когда звучали эти строки, я живо воображал эту картину и щемило на душе оттого, что этой книгой наградили не меня, круглого отличника, а всего лишь хорошистку, а мне, сдавшему в седьмом классе 10 выпускных экзаменов на «отлично», досталась лишь похвальная грамота. Я подумывал о том, чтобы в следующем году не сдавать всё на пятёрки, тогда и я получу книгу.

Сильное впечатление произвел роман «Анна Каренина», особенно объяснение в любви Вронского. После этого очень захотелось попасть на станцию Бологое, где разыгралась описанная сцена. Но особенно понравился роман «Тихий Дон». Его я прочёл в восьмом классе. Позднее слушал его по радио в исполнении Михаила Ульянова. А ещё некоторое время спустя вторично прочёл его, препарируя каждое предложение. Шолохов – непревзойдённый мастер описания бушующих площадей. Поражает также то, как он одним-двумя предложениями выворачивает душу человека наизнанку. Думаю, «Тихий Дон» – лучший роман всех времён и народов. Это замечательный памятник славному донскому казачеству, которое было так преступно уничтожено. Гибель его – один из наиболее трагичных парадоксов в русской истории. Ведь по образному выражению Льва Толстого, именно они писали в своё время эту историю. И разве не парадокс в том, что эту силу, эту мощь России уничтожили плюгавенькие Свердловы и Троцкие? Сердце разрывается от гнева!

НАОБОРОТУШКИ

Стихи я начал сочинять лет с десяти. Толчком к написанию первого стихотворения явилось событие на озере, приключившееся с моим братом Ваней. Он был на год старше меня, но плавать не умел. Друзки посадили его на широкую доску и решили покатать на глубине. Он свалился и начал тонуть. Его спасли. Я при этом не присутствовал. Рассказ ребят показался мне смешным. Почему-то захотелось его зарифмовать. Лёжа на русской печке и упёршись ногами в потолок, направив туда же свой взгляд, я начал

сочинять. Получилось смешно. Я побежал в хату напротив, где жила Вера Артёмова и где обычно собирались мальчишки моего возраста. Выпалил перед собравшимися только что сочиненную стряпню.

– Пушкин! – воскликнула Вера. Она была неграмотной женщиной и, возможно, других поэтов не знала, а может, просто выкрикнула имя своего любимца. Пушкина обожали все крестьяне. Так или иначе, но с этого дня для жителей Ханчич я стал Пушкиным. И теперь любое мало-мальски значимое событие мною рифмовалось. Причём как-то само собою получилось, что я стал сочинять какие-то несуразные, я бы их назвал, наоборотушки. Я изображал события не такими, какими они были на самом деле, а преподносил их в смешном, вывернутом наизнанку виде. Крестьяне почему-то прощали мне такую несурязицу и, наоборот, очень даже её одобряли. Возможно, она отвлекала их от тяжелого беспросветного повседневного труда и позволяла расслабиться, посмеяться беззлобно над собой и своими товарищами. В памяти сохранился один такой образчик моего детского стихоплётства.

Прошло всего лишь несколько лет после окончания войны. У нас – мальчишек – очень популярны были самопалы. Они были самодельными, деревянными. Вместо пружины использовалась резинка, вместо патронов – головки спичек. Особенно эффектно они были в темноте. Заставляли вздрагивать не только звук выстрела, но и вспышка огня. С таким самопалом в один из вечеров мы и подкрались к окну дядьки Ивана. Ни его, ни Фроськи, ни их старшей дочери Сони дома не оказалось. В хате были трое: старуха Луця – мать Фроськи, очень напоминающая сороку, а также двое детей – моя ровесница Маруся и её младший брат восьмилетний Ваня. Мы постучали в окно и, когда лицо Луцеи прилипло к стеклу, раздался выстрел. В хате, конечно, случился настоящий переполох. А вот как я его изобразил в своём, так сказать, творчестве на местном белорусско-русском диалекте:

*Дело было в январе –
Летнею порою.
Кто-то выстрелил в Луцею
Левою рукою.
А Маруся як заенчыць,
Ваня залякоча,
А Луцея як прытупне,
А сама – рагоча.*

В чём несуразность изложенного? Во-первых, в северном полушарии январь не может быть летнею порою. Во-вторых, в Ханчичах не было ни одного левши, так что стреляли явно правой, а не левою рукою. И, в-третьих, Луцее было совсем не до смеха. Не могу объяснить, почему я так коверкал события. Возможно, хотел смягчить их, преподнести не как драматические, а как комические, как безобидные детские шалости.

Но были у меня и серьёзные стихи, правда, всё-таки с определённой долей иронии и сарказма.

Это случилось в мою бытность погонщиком колхозного стада. Заведующий животноводческой фермой вдруг отдал распоряжение отпилить всем бурёнушкам концы рогов, чтобы они не калечили друг друга. Я тут же отреагировал на это новым сочинением, но преподнёс событие в смешном виде: будто рога коровам отпилили с целью повышения надоев молока. Я рекомендовал повысить продуктивность кормилиц не укорочением их рогов, а улучшением кормов. Заведующий юмора не понял и, когда мы пригнали стадо на обеденную дойку, бросился на меня с кулаками. За меня неожиданно бурно и решительно вступился обычно спокойный и покладистый пастух – мой крёстный отец Степан. Он огрел дубовым бичом заведующего ниже спины. Тот, вращаясь волчком, заплясал на пыльной площади.

Назавтра меня вызвали на заседание правления колхоза. Мне было лет двенадцать и было страшно и смешно смотреть снизу вверх на огромных дядей, которые вполне серьёзно, с государственным подходом пропесочивают меня, как врага колхозного строительства. Возможно, именно после этого у меня зародилось болезненно-трепетное отношение к людям. Всю жизнь старался ни единым шагом не усложнить бытие других. Стал рабом общественного мнения. Даже врагам своим никогда не мстил, а если они были моими подчинёнными, то и помогал, чем мог. В душе презирал, а на деле поддерживал, если они в этом нуждались.

И всё же стихи мне приносили больше приятных минут, чем огорчений. По вечерам, взобравшись на скамейку, я кидал в собравшуюся толпу новые рифмы, а благодарные крестьяне поддерживали меня кто добрым словом, а кто обшлюявленным окурком в протянутой руке. Я брал и докуривал, радуясь, что взрослые воспринимают меня как равного.

Стихи помогли мне легко поступить в областное культпросветучилище, но всё же в итоге моё деревенское стихоплётство закончилось бесславно и печально. Из республиканской газеты «Знамя юности» мне написали, что таланта у меня нет, и посоветовали бросить это бесперспективное занятие. Я безропотно согласился и замолчал более, чем на сорок лет. И только в 1997 году совершенно случайно пятилетняя внучка Настенька вернула меня в великое царство рифмы.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мне страшно начинать рассказ о ней. Боюсь исказить моё тогдашнее состояние, ибо в вопросах любви, как и в вопросах религии, с тех пор я претерпел наибольшие эволюционные изменения, причём не в их пользу. Я вполне серьёзно стал задумываться над тем, что любовь – это болезнь. Это болезненно ненормальное физиологическое состояние организма. В этом вопросе, то есть в проблеме любви, как и во многих других отношениях, человек ничего нового не придумал. Это явление он подсознательно притащил вместе с собой из дикой природы. Любовь человека в своей

биологической основе ничем принципиально не отличается от периода размножения у животных. И те, и другие в этот период неимоверно глупеют. Именно поэтому любовь сопровождается таким ужасным количеством трагедий и комедий. Я не собираюсь развенчивать величие любви, не призываю надеть на неё фату рационализма. Я пытаюсь глубже понять её и уже вижу, что это – величайшее и гениальнейшее изобретение живой природы. Именно благодаря любви жизнь продолжается и, возможно, никогда не закончится, если условия на её арене существенно не изменятся.

Как-то тёплым летним вечером мы, подростки, закончившие девятый класс, бегали с фонариками в окрестностях школы. Через дорогу, почти напротив новой школы, примерно в ста метрах от холма, на котором стояла заброшенная деревянная церковь петровских времён, поселились послевоенные переселенцы из Польши. Жила в этой хате и наша одноклассница, только из параллельного «Б» класса – Нина Янюк. Думаю, что совершенно случайно мы со своими фонариками оказались у окна её комнаты. Она уже легла спать. Кровать её стояла у самого окна. Мы бесцеремонно стали светить фонариками Нине в лицо. Она растерянно улыбалась. Лицо её, как и чуть-чуть выглядывающие из-под одеяла округлые плечи, в электрическом свете были мраморно-белыми, необыкновенно чистыми. Я вдруг почувствовал, что неравнодушен к этой девушке. Она не отвергла мои чувства, хотя к ней уже проявляли интерес аж два парня постарше меня: один – десятиклассник (весьма шляхетного вида поляк Альбин Калоша), а второй – демобилизованный из армии житель Козеек. Так что соперники были весьма серьёзные. И мне на первых порах на почве ревности пришлось основательно переживать. Иногда бывало, что мы все троём одновременно приходили на свидание. Нина никого не прогоняла. И это серьёзно нарушало моё душевное равновесие. В конце концов каждый раз по какой-то невидимой причине мои соперники не выдерживали и первыми покидали арену состязания. В итоге я был признан победителем и безраздельно овладел ситуацией. В дальнейшем моей любви – святой и чистой – мешали лишь комары, прилетавшие тучами с заболоченной речки Пекарец, которая протекала внизу сразу же за церквушкой. В те времена я ещё не знал, что по большому счёту от комаров мне не стоило отбиваться. Ведь они, как и я, оказались в тех же сетях великого биологического таинства по продлению жизни. Моя кровь им нужна была для полового созревания. Позднее я узнал, что кровь пьют, причём единственный раз в жизни, только самки комаров и только с благородной целью – стать матерью. Так что, собираясь убить комара на своём теле, хорошенько подумайте, а стоит ли это делать. Сохранив жизнь данному конкретному комару, вы бросите пятак в общую копилку жизни на нашей планете.

Что же касается моей первой любви, то она, подобно многим миллионам других аналогичных случаев, оказалась эфемерной. Приехал из Калуги в офицерских погонах старший брат Нины и забрал её с собой. Где в конечном счёте затерялась она на бескрайних просторах России, мне не ведомо. Со мной осталось лишь светлое платоническое воспоминание.

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Учился я хорошо. Шёл на медаль. Мечтал после школы поступить на факультет журналистики в МГУ. Но мечте этой, скорее всего, к счастью, не суждено было осуществиться. К счастью, потому что позднее в журналистике мне пришлось основательно разочароваться. Если не забуду, то ниже расскажу об этом подробнее. А сейчас о медали. На пути к ней я споткнулся там, где меньше всего ожидал этого. Споткнулся на языке – великом, правдивом и могучем. Темы сочинения не помню, но догадываюсь, что писал о патриотизме, потому что, рассказывая о своём герое, я под влиянием Шолохова написал, что для моего героя характерна «сыновья» любовь к Родине. В школе мою ошибку не заметили и отправили сочинение в ОблОНО, а там комиссия совершенно справедливо узрела, что вместо «сыновья» любовь надо писать «сыновняя». И вот из-за этого «ня» не получил я... ничего. Две буквы коренным образом изменили мою жизнь. Без медали думать об МГУ было безрассудно. С заоблачных высот пришлось опуститься до уровня тяжёлых грозовых туч. Началась настоящая суровая действительность. Решил попробовать свои силы на белорусском олимпе. Но факультет журналистики в Белорусском государственном университете к 1956 году закрыли. Подал документы на литературное отделение. Набор был маленький – всего лишь 25 мест. А конкурс огромный. Ходили слухи, что по 17 человек на место.

Сочинение писал в большущем зале с открытыми окнами, через которые всё время врываются сочные гудки паровозов, маневрировавших у железнодорожного вокзала. Настроение было хорошее, и я был удивлён, что за свою работу получил лишь три балла. В школе ниже четвёрки оценок не знал. Ещё больше удивил экзамен по истории. Пошёл сдавать его ранним утром в первой пятёрке. Кстати, эта привычка – идти на штурм любого препятствия в первых рядах – сохранилась у меня на всю жизнь. Передо мной отвечал демобилизованный абитуриент в солдатской форме. До сих пор помню каверзный вопрос экзаменатора этому бедному солдату:

– Какой характер носили события революции 1905 года в городе Тула?

Солдат, конечно, не ответил и получил двойку. Мне было искренне жаль его, и я атаковал более решительно. В итоге всё равно получил лишь три балла. К вечеру в общежитие вернулись абитуриенты, экзаменовавшиеся в конце дня. Они радостно рассказывали о том, что экзаменаторы за день подобрали и получить пятёрку не составляло труда. Я обиделся, а назавтра пошёл в приёмную комиссию и забрал свои документы. Не в лучшем настроении с ними приехал в родной областной центр – Гродно. В пединститут документы не приняли, уже было поздно. В городе случайно встретил односельчан, поступавших в культпросветучилище. Они восторженно упростили меня присоединиться к ним. Мне и сейчас стыдно вспоминать,

как на одном из экзаменов пел «Солдатский вальс». Помогли стихи, приложенные к документам. На всех экзаменах получил пятёрки и был зачислен. Более того, в «Гродненской правде» появилась заметка, предсказывающая, что я буду хорошим культработником. К счастью, этому предсказанию не суждено было сбыться. Когда вернулся в деревню, узнал, что разыскивает меня редактор Свислочской райгазеты «За Родину» Константин Парфёнов.

ВТОРОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Оказывается, ответственный секретарь редакции Кухарик основательно запил и превратился из Кухарика в бухарика. Пришлось его уволить. Освободившуюся должность Парфёнов и предложил мне. В качестве испытательного материала я написал первый в своей жизни очерк «Терем-теремок» об одном крестьянине из нашей деревни, который бросил вызов серой беспросветной жизни, построив красивую разукрашенную хатку в виде сказочного теремка. Получилось лирично и с юмором. Очерк понравился не только Парфёнову, но и собору «Гродненской правды» Клапцову – человеку, удивительно напоминавшему что-то среднее между клещом и пауком. Его крупная голова с правильным лицом была посажена на уродливо короткое, но широкое туловище. Ниже следовали совсем короткие, изуродованные, очевидно, ещё в детстве какой-то болезнью ноги, в виде колеса они еле удерживали у самой земли грузное квадратное туловище. Однако самой неприятной частью клапцовского тела были пальцы рук – короткие, с огромными вздутиями на месте средних суставов. Интересно, что и душа у этого человека оказалась уродливой. Раз в неделю с завидной методичностью он одалживал у меня из моего скромного жалования на водку, причём не возвращая предыдущее. Мне это не нравилось, но я стеснялся ему об этом сказать.

Парфёнов, наоборот, производил очень приятное впечатление. Сибиряк невысокого роста, лет сорока, сутулый, щуплый, прихрамывающий на правую ногу, с длинными волнистыми каштановыми волосами, с выпуклыми блестящими глазами, удлинённым носом и всегда радостной улыбкой. Даже когда он не улыбался, пухлые губы его были привлекательны, добродушно свисая, как у старой лошади. Своей правой ногой он управлял не очень хорошо. К примеру, не мог резко затормозить на своём тяжёлом трёхколёсном мотоцикле К-750, поэтому при въезде на нём в маленький тесный железный гараж, стоящий во дворе редакции на крутом возвышении, всегда просил меня удерживать изо всех сил мотоцикл сзади, чтобы тот не ткнулся с разгону передним колесом в стенку гаража. Это нам обоим поднимало настроение. Редактор радовался успешному заезду, а я – возможности быть ему полезным. Дружно мы писали и статьи в газету, дымя целыми днями, как паровозы, дешёвыми сигаретами и изредка перекликаясь в дыму весёлыми репликами. Веселили меня и некоторые его привычки и ритуалы. К примеру, он никогда не стирал своё бельё, а при полном

загрязнении бросал в угол своей комнаты, в которой жил отшельником на чердаке редакции. В итоге эта гора росла, приближаясь к его росту. Ещё более забавна была вторая его странность. Каждое утро, преображаясь внутренне, он торжественно готовился к прослушиванию белорусского гимна. Открывал настежь все окна обеих комнат редакции, включал на полную громкость огромный приёмник, становился посреди комнаты и во весь рост в унисон обрушивающейся на него волнами мелодии пел одну и ту же доброжелательную пародию:

*Мы, белорусы,
Люди – не трусы,
Але спужались,
Як ворог пайшоу.*

Я воспринимал это нормально, ибо знал, что именно сибиряки и уральцы грудью остановили немецкую военную машину в снегах Подмосковья и Сталинграда. Немало их было и в рядах белорусских партизан.

Слабой стороной Парфёнова как личности было неумение правильно организовать работу. Вёрстка каждого номера газеты начиналась в последний день. Выпуск затягивался до полуночи, а иногда и до утра. Это изматывало нас и наборщиков, которые буквально засыпали в типографии на своих рабочих местах.

В этой редакции я проработал всего два месяца. Оказывается, Парфёнов не сообщил в высшие инстанции о моём трудоустройстве, и обком партии прислал на моё место выпускника факультета БГУ. Мне было предложено перебраться в соседний Берестовицкий район. Там райгазета «Знамя Советов» превращалась из двухполоски в четырёхполоску и требовался литературный сотрудник.

Не думаю, что Парфёнов плохо относился ко мне и решил от меня избавиться. Как-то в пасмурный день мы стояли у окна и смотрели на молодую яблоньку во дворе редакции. Не помню, о чём говорили, но запомнилось его фраза:

– А ты на целую голову выше своих сверстников.

Позднее, когда и его перебросили в Большую Берестовицу, он при первой же встрече отпустил мне ещё один комплимент:

– В Свислочском райкоме партии сказали, что после ухода Юрахно газета стала хуже.

Должен признаться, что такой высокой оценки не ожидал и не стал думать, что уволили меня в Свислочи незаслуженно.

ТРЕТЬЕ ПОРАЖЕНИЕ

В Свислочском районе я мотался по колхозам на велосипеде. Собирать материал было весело и интересно. На новом месте дело усложнилось на-

ступившей зимой. Из деревни в деревню по заснеженным полям в пургу или в дождь со снегом в синем брезентовом плащике, предательски выпускавшем во все стороны тепло моего не очень объёмного тела, семенил я целыми днями, подпрыгивая и спотыкаясь. На писанину времени почти не оставалось. Поэтому, конечно, редакцию материалами я не заваливал. Усложнила моё положение и открывшаяся внезапно неприятная для журналистики одна, пожалуй, главная черта моего характера – наивная, неподкупная, щепетильная, гиперболизированная честность. Она и стала осиновым колом в моей журналистской карьере. Как-то в свежем номере своей газеты я увидел заметку о лекции в Большой Берестовице международного из Гродно. Сообщалось, что зал был полон слушателей.

– Враньё! – искренне воскликнул я в присутствии редактора. – Там было всего лишь семь человек!

– Ты что? Был на этой лекции? – удивился редактор Ампилов – пухлый, рыхлый человек, съедаемый туберкулёзом.

– Конечно, был! – горячился я.

– И не написал об этом событии? – ещё более изумился Ампилов.

– О чём там писать? – оправдывался я. – Лекция неинтересная, народу мало.

– Ты – не журналист! – вскипел редактор.

Большая грудь его при этом заклокотала, и он выпустил из неё в плевательницу содержимое густой и длинной струёю.

– Мы берём на твоё место другого человека, – откашлявшись продолжил он.

Оказывается, опять сверху прислали на моё место более подготовленного журналиста.

– Не расстраивайся, – успокаивал меня редактор. – Есть ещё один путь вернуться в журналистику – получить высшее образование по другой специальности, а потом заняться журналистикой.

Мне показалось это сущим вздором.

– Нет уж, дудки! – грубо ответил я. – Если я стану другим специалистом, то в журналистику уже не вернусь.

Не знал я тогда, что этот разлагающийся заживо человек окажется прав. Став полнокровным зоологом, я вернулся, правда, не в журналистику, а в литературу. Сбылись мои мечты юности.

А тогда я очень обиделся. Мне предлагали должности директора книжного магазина или инструктора райисполкома, я и слышать не хотел.

– Поехали со мной в Севастополь, – предложил мне знакомый паренёк. – Там у меня родственники есть. Город закрытый, но мы нелегально проберёмся!

Мы наивно верили в это и стали собираться в дорогу. В редакции и типографии переживали за меня.

– Не зная броду, не лезь в воду, – советовал ответственный секретарь Владимир Хонцер – человек лет пятидесяти с приятным лицом и большими

зальсинами. Он уверенно шёл по пути свислочского Кухарика-Бухарика, но был оптимистом. Когда после очередного запоя его ругал редактор, он резонно отвечал:

– Пьяница проспится, а дурак никогда!

Использовал он это выражение как поговорку, но, может быть, имея в виду и редактора. Об уме редактора Ампилова судить не берусь, но то, что он был не совсем грамотным человеком, для меня всегда было очевидно: все свои писания он давал мне на вычитку, и я находил в них немало грамматических ошибок.

Больше всего за меня переживала сотрудница типографии – молоденькая девушка Олимпиада. Она умоляла меня не ехать, предрекая верную гибель. Назначив на вечер свидание, она так больно кусала меня за губы, что я, как норовистый конь, топал по снегу ногами, пытаюсь вырваться из её объятий. Когда я спросил, зачем она это делает, она неожиданно ответила, что это якобы возбуждает половое влечение. Очевидно, в половом вопросе она была не более опытна, чем я. От дикой боли у меня глаза выскакивали из орбит, а половое влечение выскакивало из моего тела с ещё большей скоростью.

В итоге Олимпиада не сумела удержать меня в Большой Берестовице. Не остановило и предательство паренька с родственниками в Севастополе. В последний день он отказался от поездки. Единственным моим союзником оставался рассказ Максима Горького «Мальва». Его я услышал ещё в свислочской редакции на польском языке – транслировали по радио.

«А море смеялось», – звучала у меня в ушах последняя фраза этого рассказа.

«К морю. На рыбные промыслы!» – твёрдо решил я, и уже ничего не могло остановить меня в этом желании.

В маленький переполненный свислочский автобус, шедший на Гродно, залезать пришлось через окно. В нём оказались знакомые ребята. Сначала они приняли мой чемодан, а потом и самого втащили внутрь за плечи.

Начиналась новая, полная приключений, загадочная, неизвестная жизнь.

В Гродно зашёл проститься с ребятами из культпросветучилища. Прощались шумно. Выпив самогонки, устроили настоящий концерт с мисками и ложками. Мало знакомый мне Витька Привалов (до сих пор обожаю русские фамилии), заглушая всех, кричал:

– Да здравствует солнце русской поэзии!

Везло мне на аналогии с Александром Сергеевичем. Что ж поделать – парадокс есть парадокс.

На вокзале билет дали только до Симферополя. Признаюсь, впервые о нём услышал. Чем-то сладким, нектарным веяло от этого слова. Возможно, подсознательно оно напоминало слово «сироп». И каково было моё удивление, когда на гербе этого города я увидел пчёлку!

ЧЕТВЁРТОЕ ПОРАЖЕНИЕ

20 января 1957 года прибыл в Симферополь. Оставив чемодан в камере хранения, отправился в краеведческий музей. Там, в туалете, в своей одежде обнаружил огромное количество вшей. Откуда эти полчища переползли на меня в дороге, ума не приложу. Не испугался, но бороться с ними в зимнее время в походных условиях дело не из лёгких.

Убедившись в том, что в Севастополь мне не прорваться, начал искать работу в Симферополе. Все доски объявлений в городе стали мне знакомы, но ни одна радости не принесла. Попал в мёртвый сезон.

Сначала ночевал на железнодорожном вокзале. Целыми днями бегал в поисках работы, а по вечерам читал книгу Сергеева-Ценского «О писательском мастерстве». Условия казались вполне комфортными. Питался пирожками, которые стоили всего лишь 4 копейки. К тому же неожиданно получил материальную поддержку от незнакомой проститутки. Бежал как-то по одной из вечерних улиц, а она, пьяная, в объятиях крепкого мужика медленно, вразвалочку двигалась навстречу.

– Ну, вы нашли работу? – участливо спросила она.

В течение месяца я со многими людьми разговаривал на счёт трудоустройства, и она, оказывается, стала свидетельницей такого разговора. Узнав, что мне по-прежнему не везёт, сунула в руку 25 рублей. Бумажка обожгла меня, но мужик не позволил вернуть её обратно. К счастью, такого унижения я никогда больше в жизни не испытывал.

Примерно через месяц моё блаженство на железнодорожном вокзале закончилось. Милицейский наряд заметил, что я слишком по-домашнему расположился на ночлег и проверил у меня документы. Я чистосердечно рассказал о своей ситуации. Блюстителю порядка отнеслись сочувственно, но ночевать на вокзале запретили. Пришлось перебраться на автовокзал, где милиции не было. Автовокзал в то время находился на улице Желябова. Это была всего одна большая комната, забитая в дневное время до отказа людьми. Ночью пассажиров было меньше, но свободных скамеек никогда не было. Бетонный пол всегда скрывался под толстым слоем зимней грязи. Я выбирал уголок почище. Клал под голову папку с документами и безмятежно засыпал.

Как-то удалось заработать немного денег сортировкой кукурузы на овощной базе, но постоянной работы по-прежнему не было. Начались знаменитые крымские «февральские окна». Толстый слой снега на улицах города раскис под горячим солнцем и весело чавкал под моими крестьянскими сапогами. Ушанку пришлось сдвинуть на затылок. Я радовался первому дыханию весны. А работы всё не было. Пузатый потомок запорожских казаков на проходной одного из предприятий, со свистом прихлёбывая из блюдечка ароматный чай, в котором полоскались концы его длинных усов, разморенно говорил, не глядя на меня:

– Крым, милый дружок, не с одного снял штаны. Уезжай ты отсюда, пока не поздно. Крым, милый дружок, – это кусок дерьма, посыпанный с одной стороны сахаром, – это Ялта.

В середине марта я не выдержал. Не забирая чемодана из камеры хранения, отправился на разведку в Керчь. Там состоялось первое свидание с морем, точнее с проливом. Небольшой скверик на набережной был пуст. Я шёл на шум прибоя. И вот оно! Огромные волны одна за другой обрушивались на край бетона и вертикальными столбами взлетали в небо. Я, как замороженный, смотрел на эту силищу. Вдруг что-то заставило меня оглянуться. На скамейке сидел инвалид. Он, как паук, взмахивал перед собой руками и ногами, откинувшись туловищем назад. Создавалось впечатление, что море хочет его проглотить, а он упирается руками и ногами, извиваясь всем телом. Мне стало жутко, и я убежал. По ступенькам поднялся на Митридат. Было пустынно и торжественно. Снизу еле доносилось дыхание города, а далее блестел в блёклых лучах всё ещё зимнего солнца пролив. Рядом живо напоминали о недавних грозных событиях пушки и могилы солдат. Дул свежий ветер. Озябшей рукой я вытащил из кармана ваточки (свитки) огрызок химического карандаша, стал на колени и на одной из могильных плит написал: «Клянусь, родные, служить Родине так, как вы служили! Белорус-комсомолец Михаил Юрахно».

Керчь ко мне отнеслась благосклонно. После многочисленных расспросов попал на военный катер, на котором согласились зачислить в команду вольнонаёмным матросом. Переночевал в кубрике, буквально купаясь в доброжелательности экипажа. Окрылённый надеждой, на завтра двинул в Симферополь за чемоданом. В автобусе молодой парень Виктор без труда по акценту определил, что я – белорус, и стал настойчиво советовать зайти в Симферополе в гости к его родственнику Вовченко, который жил в районе Куйбышевского рынка, а работал начальником охраны центрального банка.

– Он тебе поможет, – уверял Виктор. – Партизанил в Белоруссии и женат на белоруске. Это мой дядя. Только не говори, что я тебя к нему направил. Скажи, что по дороге в Крым случайно на вокзале в Полоцке встретил его племянника Толика и тот дал тебе его адрес. Толик болеет туберкулёзом. Скажи, что сейчас ему лучше. Не дрейфь – действуй смело.

Впервые в жизни пришлось пойти на обман, и я прокололся. Семья Вовченко приняла меня прекрасно. Я ходил в баню, вкусно поужинал и уселся с хозяйкой рассматривать альбом с фотографиями. Верно говорят: «Чёрт шельму метит». Ни одна из фотографий меня по-настоящему не заинтересовала, и, только когда дошли до Толика, я ткнул в него пальцем и спросил:

- А это кто?
- Как? Разве не узнаёшь? Это же Толик!
- Что-то он не похож здесь на себя, – невнятно забормотал я.
- Ну что ты. Он здесь как живой!

Я почувствовал, как щёки мои горят и кровь готова брызнуть из них во все стороны.

К счастью, обман мой не был раскрыт и Вовченко отговорил меня возвращаться в Керчь:

– Ты что? С твоим зрением на море?! Ослепнешь совсем. Будем искать работу здесь.

С этого дня мне стало везти. На доске объявлений я увидел, что в пединститут требуется грузчик. 20 марта 1957 года я был оформлен на эту должность. Сравнительно легко снял угол на улице Некрасова. Московский университет, о котором я мечтал в школьные годы, перестал маячить на горизонте. Суровая жизнь приземлила меня, и я стал готовиться к поступлению в Крымский пединститут.

Несмотря на то, что работа порой была очень грязной, я был счастлив. Не замечал, например, дискомфорта даже тогда, когда возле женского туалета забирался с вилами в громадный железный ящик и выбрасывал оттуда в кузов грузовика мусор всего естественно-географического факультета. Не парировал даже однажды легкомысленной блондинке с округлой попкой, которая, торопливо семена на высоких каблучках в столь желанное заведение, язвительно бросила в мой адрес:

– Не хотел учиться – вот и копайся теперь в этом дерьме!

Мой вонючий железный ящик оказался только цветочками. Ягодки я увидел на свалке. Грязные серые люди с железными крючками набросились на мой грузовик, в мгновение ока открыли все борта и стали крючками растаскивать нечистоты во все стороны. Вокруг вертикальными чёрными змеями в синее небо поднимался дым от многочисленных костров. И везде суетились мрачные червеобразные люди. Мне казалось, что я попал в преисподнюю.

Однако гораздо большие испытания ждали меня в совсем нормальных, казалось бы, человеческих условиях. Начиналось моё великое единоборство с директором пединститута Новиковым.

Ещё в Свислочи мне дали рекомендации в партию. Отец погиб за Советскую власть, и я искренне был настроен продолжать его дело. По уставу при перемене места жительства рекомендации не утратили юридической силы, и я подал их в партийное бюро пединститута. Парторг Галина Григорьевна Морозова – на редкость доброжелательная и улыбчивая женщина – отнеслась сочувственно и приняла документы. Приветливо улыбались и другие члены партбюро, кроме Новикова. Он злобно заявил, что я – авантюрист. Приехал неизвестно откуда.

– Пусть возвращается туда, откуда приехал, и там вступает! – резюмировал он обсуждение моего заявления.

Никто перечить ему не стал. Это была первая горькая пилюля для меня. Незамедлительно последовала вторая – ещё более горькая. Узнав, что я собрался поступать учиться, он совсем рассвирепел:

– Я тебя не возьму! Ты через два года ослепнешь. Я и с хорошим зрением наберу!

За меня вступилась Морозова. Позвонила парторгу мединститута Богданову. Было решено направить меня на консультацию к профессору Азаровой. Её не оказалось на месте. Смотрела меня окулист Мальтэ. «Противопоказаний к поступлению в высшую школу нет», – гласило её письменное заключение.

Экзамены я сдал успешно. Набрал 19 баллов из двадцати. Только по сочинению получил четвёрку. Кстати, позднее, когда улёгся ураган разразившегося конфликта, заведующий кафедрой русского языка и литературы Александр Иларыч Германович при встрече сказал:

– Читал Ваше сочинение. За него тоже можно было поставить пятёрку.

Но поставили то, что поставили. Укреплял мои позиции и год производственного стажа.

Началось зачисление. Когда дело дошло до меня, Новиков опять выступил против:

– Пусть поработает ещё год, ничего с ним не случится.

В то же время зачислил двух дочерей преподавателей: Кострицкую и Простецову с таким же количеством баллов, но совсем без производственного стажа. Это мне показалось вопиющей несправедливостью, и я обратился за помощью в обком партии.

– Обком бессилён перед приёмной комиссией, – ответил мне по телефону женский голос из отдела школ.

Пришлось обращаться выше. Сейчас, на склоне лет, умудрённый жизненным опытом, я не перестаю удивляться тому, откуда тогда могла взаться такая прыть в борьбе за справедливость у восемнадцатилетнего паренька из глухой далёкой деревушки. Прямо из бюро пропусков обкома (внутри здания меня не пустили) я буквально побежал по Пушкинской на главпочтамт и написал в ЦК КП Украины.

К тому времени все мои болельщики (и сотрудники, и преподаватели института), продолжая мне сочувствовать, фактически уже смирились с моим поражением.

– Что ты будешь сидеть на эти триста рублей (дело было до реформы 1961 года. – *Прим. авт.*), на работе у моей жены требуется сменный мастер по подземным водам, давай туда, там зарплата повыше, – сказал мне Тит Фёдорович Корнев. Я и последовал его мудрому совету, от обиды даже не поставив институт в известность, куда ухожу.

Первая командировка была в Воинку. Ночевал во дворе местного представителя конторы под осокорем. Листья в звёздном небе трепетали под осенним ветерком, как обиженные сироты. На мне был тулуп, рядом лежал открытый перочинный нож.

– Стянут тулуп – убью, – пообещал куркулеватый хозяин. Было тревожно и романтично.

Во время второй командировки таскал топографическую рейку в окрестностях Керчи. 9 сентября позвонил в партбюро Морозовой.

– Ничего, Мишенька, в этом году не выйдет. Думали: может, кто-нибудь не приедет. Приехали все. Так что готовься поступать в следующем году.

Вернувшись на следующий день в Симферополь, я не стал заходить в институт. Начал готовиться к следующей командировке в Нижнегорский район. И вдруг по телефону вызвали в пединститут. «Ключуло», – подумал я.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА!

Сейчас партию чехвостят все, кому не лень, а меня она трижды спасала на самых крутых жизненных поворотах, поэтому я не пинаю ногами её труп. Не стал защищать, когда она рухнула без единого выстрела (значит, не жизнеспособна), но и билет не выбросил. За хорошие дела благодарен ей по сей день.

Птицей взлетел я на второй этаж к приёмной Новикова. Встретила ответственный секретарь приёмной комиссии Селиванова. Поправив воротник моей рабочей рубашки, она сообщила директору о моём прибытии. Дверь в его кабинет отворилась, и в проёме появился он сам. Ближайший к нему в очереди посетитель встал со стула и хотел войти. Новиков остановил его поднятием руки и пригласил меня. В кабинете он предложил мне сесть. Я поблагодарил, но остался стоять перед его столом. В дальнем тёмном углу, как каменная, сидела парторг Морозова. Обычно она встречала меня радостным возгласом:

– Мишенька!

На сей раз – гробовое молчание.

«Дело серьёзное», – подумал я.

Зловещую тишину нарушил Новиков:

– Вы на нас обижаетесь. Вы на нас крепко обижаетесь. Вы выбросьте эту обиду. Мы готовили для Вас почву. Поздравляем Вас с зачислением!

Он встал, обошёл вокруг стола и стал усердно трясти мою руку.

– Надеюсь, будете передовым человеком на своём факультете, – подытожил он.

Я был уверен, что все преподаватели заодно с директором, жалобы на него мне не простят, на первой же сессии поставят мне три двойки, и я с треском вылетчу из института. К счастью, в жизни всё оказалось не так. Со второго курса я стал отличником. На пятом курсе получал Ленинскую стипендию, а в 1962 году мне вручили диплом с отличием.

ДРУЖБА

В студенческие годы у меня было много друзей. Ежедневно получал до десяти писем. Понятие дружбы было настолько святым, что казалось: если бы друг нечаянно отрубил мне руку, я бы не обиделся. И всё же из всех друзей очень скоро я выделил одного – Виктора Ампилогова. Он учился параллельно на естественном отделении. Могучий черноволосый краса-

вещ. Он был заметно выше меня ростом и в полтора раза шире в плечах. Бесспорно, он был самым видным парнем на факультете. Но ещё больших размеров была его душа. Узнав, что мне не за что купить на зиму свитер, он потащил меня к жене известного профессора-химика Данильченко, к тому времени покойного.

– Милица Ивановна! Одолжите, пожалуйста, моему другу на свитер.

Меня удивило, с каким весёлым настроением она протянула Виктору свою сберкнижку.

– Идите и снимите, сколько нужно, – ничуть не расстроившись, сказала она.

В ещё больший восторг привёл меня Виктор после второго курса перед летними каникулами. Видя, что я озабочен поисками работы потяжелее, чтобы заработать на одежду и обувь для следующей зимы, он вдруг решительно заявил:

– Поедешь со мной в Алушту. Будешь жить у меня, и вместе куда-нибудь устроимся на подработку.

С его стороны это был очень благородный поступок. Ведь жил он в Алуште вместе с матерью и дедом в однокомнатной квартире без удобств, да и та на лето сдавалась отдыхающим. А вся семья на это время переселялась этажом ниже в огромный тёмный подвал без единого окошечка. Широта души позволила Виктору окрестить это подземное жилище очень романтично – Савойя. У дверей по обеим сторонам ступенек за занавесками, кряхтя, укладывались на ночлег мать и дед, далее справа на кухонном столе стоял наш кормилец примус, а слева – широченный топчан, на котором мы и устроили себе вполне комфортную лежанку. После дня тяжёлых земляных работ и вечерних плясок на танцплощадках различных курортных увеселительных заведений мы засыпали на своём дощатом топчане вполне счастливыми.

Благородство Виктора усиливается ещё и тем, что он из-за меня усложнил жизнь самому близкому для него человеку – своей матери Эмилии Павловне, которой пришлось теперь готовить пищу не на троих, а на четверых. Это повторилось и в следующем году. Через всю свою дальнейшую жизнь пронёс я чувство благодарности этим людям, а к Виктору ещё и сохранил чувство настоящей мужской дружбы. Правда, и здесь меня подстерёг очередной парадокс. Оберегая Виктора от лишних хлопот и особенно от лишних денежных затрат (мы оба всегда жили очень скромно), я приезжал к нему, несмотря на многочисленные приглашения, очень редко, о чём сейчас приходится жалеть. Он умер аж 8 лет назад, когда ему стукнуло 75.

ВТОРАЯ ЛЮБОВЬ

Самой замечательной порой в студенческие годы были летние полевые практики. Походы по горам с кострами и песнями от-

рывали нас от нелёгкой реальной действительности и поднимали на крыльях романтики в заоблачную розовую высь. Как-то после ночёвки нашей группы в Большом каньоне Крыма мне было поручено собирать лагерь вдвоём с высокой статной девушкой – кубанской казачкой Светланой Грищенко. Вытряхивая с ней очередное одеяло, я вдруг почувствовал, что не равнодушен к этой девушке. Так как мы были не только в одной группе, но и в одной подгруппе, очень скоро мои симпатии переросли в настоящие большие чувства. Однако, как это часто бывает, я не встретил взаимности. Света была по уши влюблена в другого – верблюдообразного верзилу из мединститута, будущего хирурга. Будучи болезненной девочкой, она с детства грезила медициной, а встретившийся на её пути студент-медик сумел затмить весь белый свет. Не остановило даже то, что он был женат и имел двух детей. Воистину сердцу не прикажешь. Мне доставалось лишь деликатное отстранение, когда время от времени я напоминал ей о своих чувствах. Все свои страдания я нёс в себе, не открываясь даже лучшему другу. Так продолжалось три года. В конце концов, как и в первой любви, я победил, но трёхлетние муки оставили на сердце саднящие рубцы. Они позволили мне в женском вопросе не брать на себя никаких священных обязательств. Максимально оберегая жену от негативной информации, я волен был поступать так, как позволяли обстоятельства.

МАЛЕНЬКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

К пятому курсу ко мне незаметно подкрался авторитет. Меня рекомендовали в партию. Назначили Ленинскую стипендию. На педагогической практике я приглянулся заведующему горно Пархоменко, и он предложил мне после окончания вуза должность директора Симферопольского детского парка. В то же время жизнь моя продолжала развиваться по каким-то невидимым парадоксальным законам, о которых моя сестра Галина метко сказала:

– Ты – в гору, а чёрт тебя – за ногу.

На сей раз ухватил меня за ногу заведующий облоно. Он запретил выпускникам вузов трудоустраиваться в городе. Наш директор А.Ф.Переход извиняющимся голосом сообщил мне, что все лучшие школы уже распределены и осталась только Артёмовская школа в Донбассе. Я, бесспорно, согласился отправляться туда.

– Отработаешь два года, и мы обязательно заберём тебя обратно, – успокаивал директор.

Отправляясь в неизведанное, я решил жениться, хотя до этого намеревался со свадьбой не торопиться и подготовиться к ней в течение нескольких лет материально.

Одолжив у друзей галстук и белую рубашку, под случайный звон церковного колокола я экспромтом расписался по протекции сестры невесты в Мазанском сельсовете.

Дальнейшие события были не менее стремительны. Меня вызвал А.Ф.Переход и сообщил, что берёт заведующим агробиологической станцией пединститута в горах, близ села Краснолесье. Её я хорошо знал: благоустроивал, ещё будучи грузчиком, а в студенческие годы проходил там практику по ботанике и зоологии.

Поселились мы с молодой женой в доме на склоне горы, с веранды которого открывался пленительный вид на живописную пёструю кашеобразную долину, окружённую величественной грядой гор, над которыми возвышался Чатырдаг. Лунными ночами любил я вслушиваться в звенящую тишину окружающего голубого пространства. Хотелось взмахнуть руками и парить, как птица, над этой чарующей красотой.

Света была настроена не менее романтично. Как-то, возвращаясь из Краснолесья, я увидел в стороне от тропинки огненно-красную в осеннем убранстве грушу. Не удержался, свернул к ней и долго любовался разнообразием красок. Каково же было моё удивление позже, когда вернувшись из города по той же тропинке Света сумела на абсолютно сухой утрамбованной почве разглядеть мои следы, подойти по ним к груше и точно описать состояние моей души, очарованной красками осени!

«Ведьма!» – решил бы другой более суеверный человек. А мне это показалось сверхъестественными способностями человека, находящегося в состоянии влюблённости. У нас была счастливая пора, поэтому и назвали мы биостанцию в горах нашей Маленькой Швейцарией.

К сожалению, блаженство длилось недолго. Через четыре месяца старая еврейка закапала мои ущербные глаза атропином и, когда зрачки расширились, злорадно заявила:

– Левый ваш глаз уже не подходит для службы в армии, а правый ещё годится.

– А я и не отказываюсь от службы, – гневно отбросил я её подозрения.

Отдать несколько лет своей любимой Родине казалось мне священным долгом. До сих пор со ступенек ночного эшелона, медленно тронувшегося с места, вижу внизу Светины глаза, полные слёз, беспомощно блестящие в тусклом электрическом свете. И с брезгливостью думаю о тех современных парнях, которые любыми средствами пытаются «откосить» от армии.

КРАСАВИЦА ОДЕССА

Покачиваясь в вагоне под стук колёс, я всматривался в лица сидящих вокруг ребят. Все они были на шесть лет моложе меня, но видно было, что советское государство успело уже воспитать их, как и меня, надёжными защитниками, готовыми выполнить любой приказ, и я успокоился. В пред-рассветной мгле огромной колонной прошли мы по спящему Тирасполю и остановились на плацу какой-то воинской части. Долго ждали «покупателей», подбрасывая в ночное небо шапки и даже буханки хлеба.

Утром меня «купил» второй отдельный гвардейский ордена Суворова и ордена Хмельницкого Уманский полк связи, маскирующийся под номером в/ч 74145. Расквартирован он был в Одессе у Горбатого моста на Ближних Мельницах, прославленных Эдуардом Багрицким. Рядом стоял танковый полк. Мы были частичкой могучего государства, готового и десантироваться на Кубу, и накрыть огнём остров Даманский.

Однако, несмотря на романтические порывы патриотической души, рутинная повседневная служба оказалась неинтересной. Высшее образование казалось лишним, а разница в возрасте мешала воспринять всех окружающих сослуживцев настоящими друзьями. Поэтому истинное наслаждение я получал только во время увольнительных, карабкаясь по обрывам морского побережья, рассматривая в порту иностранные суда, поднимаясь по мраморным лестницам оперного театра или гуляя по Дерibasовской. Правда, на этой прославленной улице я увидел и первые перекосы социализма, в конце концов разъевшие его, как ржавчина, до самого основания.

С детских лет на первое место в человеке я ставил честность. И сам старался быть честным. В школьные и студенческие годы ярко выраженной несправедливости вокруг себя не наблюдал. На Дерibasовской же она всплыла во всей красе. Солдату в то время в месяц платили лишь 3 рубля и 80 копеек. Их надо было разделить на 4 увольнительных. В итоге получалось, что голодный солдат (обед оставался в части), гуляя целый день, мог позволить себе купить только стакан сиропа и сто граммов карамелек. И вот тут-то, на Дерibasовской, при покупке конфет из-за торгового лоточка и выползала в виде чудовищной химеры эта самая несправедливость. Чёрная горбоносая старуха брала полуметровый лист коричневого полукартона, сворачивала большущий кулёк, куда можно было поместить не менее двух килограммов продукции, сыпала туда не 100, как заказывалось, а 80 граммов «подушечек», да ещё и в сдаче не добавляла копеек 30–40. Так поступали все продавцы, ибо жили по хвалёному одесскому принципу: хочешь жить – умей вертеться. Да, вертелись эти старухи здорово. В наглую дурили тебя сразу по трём позициям: экономия на таре, недовес и обсчёт. Каждый раз сердце моё обливалось кровью. Губы дрожали. Так и хотелось сказать:

– Что ж ты, морда, так обижаешь солдата!

Но высшее образование не позволяло мне сделать даже более деликатное замечание. Этим и пользовались проклятые старухи и продолжали считать, что «хорошо жить» им помогает талант. Нет уж! Дудки! За два года я хорошо разглядел, что помогает им не талант, а наглость. Постепенно улетучилась с моих глаз розовая пелена и внушаемая чёрными силами мысль об избранности одной нации, ведущей всех остальных к богу. К тому времени и самого бога мне удалось крепко ухватить за бороду, полностью и окончательно разочаровавшись в религии. Храмы, как величайшие творения рук человеческих, продолжали мне нравиться, но призыв: «Ударили тебя по одной щеке, подставь вторую» – начинал меня просто бесить. И, когда меня

били по щеке, я не подставлял вторую, а наносил удар обидчику промеж глаз, чтобы он не смог увидеть мою вторую щёку. Такая религия казалась мне более справедливой. Никогда не хотелось оставаться в дураках.

В середине службы серьёзно пострадал я также и по причине своей гипертрозированной принципиальности. В одно из июньских воскресений 1963 года, в то самое время, когда Н.С.Хрущёв продолжал лихо отплясывать гопака на гробе И.В.Сталина, вывезли наш батальон на пляж в Чабанку, туда, как раз, где был застрелен в своё время легендарный Котовский. На море только что закончился шторм. Вода перемешалась, и её температура понизилась до девяти градусов. Никто не купался. Один я прыгнул в воду и, как будто сжимаемый железными обручами по всему телу и с резкой болью в ладонях, сделал круг почёта. Выскочил, как ошпаренный, и бросил своё нежирное тело на песок, бесцеремонно вклинившись в круг солдат, которые, сблизившись головами, слушали пылкую речь комсорга батальона Удода. Он удивительно точно напоминал эту птицу. Тряся длинным носом, он страстно изрекал:

– Сталин не готовил страну к войне!

– Враньё! – перебил я. – Рабочий день был удлинён. Отпуска отменены. Войска были стянуты к границе.

Одуд (так его фамилия звучала на украинском языке) замолчал, и разговор незаметно переключился на другую тему. В конце дня мы с хорошим настроением вернулись в Одессу. Примерно через месяц, ничего не подозревая, я в числе других пришёл в клуб на батальонное собрание. Меняли секретаря: Одуд на завтрашний день должен был демобилизоваться. Он выступил с прощальной речью. В середине её он вдруг выпалил, как из пушки, в ошарашенный зал:

– Некоторые молодые коммунисты не согласны с решением партии. К ним относится рядовой Юрахно.

Зал ахнул. Рядом со мной сидел друг Одуда, тоже выпускник Полтавского пединститута Женька Черепакхин. Я увидел, как он побледнел и съёжился. Оказывается, на должность нового секретаря командир батальона майор Ранцев планировал меня, а Одуду очень захотелось протащить на эту должность своего друга. С этой целью он меня и опорочил в последнюю минуту.

– Как ты мог, подлец! – возмущался я, когда мы вышли из клуба.

– На любое дело ты имеешь свою точку зрения, – оправдывался Одуд.

Сам того не подозревая, этот никчёмный человечиска, критикуя меня, отпустил мне великолепнейший комплимент. Иметь свою точку зрения, на мой взгляд, – это не порок, а большое достоинство. Это особенно хорошо видно сейчас, когда давным-давно далеко-далеко за горизонтом скрылся дамоклов меч карающей партии.

КАФЕДРА ЗООЛОГИИ

Так как я был выпускником педагогического вуза, то меня досрочно, не через два года, а через год и восемь месяцев к началу нового учебного года демобилизовали. Это был август 1964 года. Моё место на агробиостанции было занято, поэтому декан естественно-географического факультета родного института Л.П.Попова посоветовала обратиться на кафедру зоологии, где было объявлено одно место в аспирантуру. Я обрадовался, ибо знал, что только эта кафедра посылает своих людей в дальние экспедиции. Я мечтал стать писателем, а для этого, казалось мне, нужны сильные, яркие впечатления. Клондайк родил Джека Лондона, Тихий океан, возможно, родит меня, – надеялся я. О науке не думал. Не чувствовал в себе такого таланта. И вообще казалось, что это дело избранных – особо одарённых людей. Не знал, что стать исследователем намного легче, чем стать писателем.

Робко постучал в дверь заведующего кафедрой. За столом сидел горбоносый с большими залысинами человек. На нём был белый чесучовый китайский костюм. В затенённом кабинете веяло царственным спокойствием и величием.

– Хотите с нами работать, – осведомлённо констатировал он тихим голосом (оказывается, Л.П.Попова успела с ним поговорить). – В аспирантуру я вас не возьму, – продолжал он. – Должен проверить. А вот лаборантом – пожалуйста. Можете оформляться.

Так состоялась моя первая беседа с профессором Семёном Людвиговичем Делямурё. К тому времени его монография «Гельминтофауна морских млекопитающих в свете их экологии и филогении» успела облететь весь мир и позволила ему в 1958 году побывать на международном зоологическом конгрессе в Лондоне. Он был в зените славы. Я его знал по лекциям на втором курсе. Авторитет его был непререкаем.

Целыми днями за 55 рублей в месяц, ни о чём не думая, стал рубить я долотом окошки в картоне для хранения препаратов. Несколько месяцев спустя Семён Людвигович неожиданно предложил мне выйти из лаборатории в коридор. Загадочно сел на подоконник и вдруг объявил:

– Пиши заявление в ассистенты. Хочу, чтобы потом у тебя была стипендия повыше. Будешь поступать в аспирантуру.

В скором времени я убедился, что Семён Людвигович расположился ко мне вообще сверхдоброжелательно. Мне было даже неудобно перед остальными сотрудниками. Каждый раз, когда мы группой куда-нибудь выезжали на его «Победу», он всегда на первое сиденье рядом с собой усаживал меня. Я этому не радовался, ибо чувствовал, что это обязательно вызовет ревность, недоброжелательность и даже озлобленность у кого-нибудь из окружающих. К сожалению, я не ошибся в своих предчувствиях.

БЕЛОЕ МОРЕ

Летом 1965 года состоялось моё боевое крещение. Аспиранты В.В.Трещёв и С.И.Муравьёва (впоследствии Темирова) отправлялись в Арктику для сбора гельминтологического материала по своим диссертациям. Мне было предложено помочь им в качестве лаборанта. Конечно же, я страшно обрадовался, хотя денег хватило для меня только на проезд. Даже суточных не дали. Отправились мы на Белое море – исследовать крупных полярных дельфинов белух и чаек. Из рассказов друга Семёна Людвиговича – С.Е.Клейнберга, уже побывавшего в том районе, нам было известно, что будем работать в Заполярье в становище Тарханово на полуострове Канин и что мешать нам будут огромные тучи комаров, закрывающие солнце. Было радостно и в то же время тревожно. 12 июня мы добрались поездом до города Архангельска с заболоченными улицами, с дощатыми на сваях тротуарами. Асфальт только в центре. Белые ночи – действительно белые, а не серые, как в Ленинграде. В спящем городе звонко пилит, как ножовкой по металлу, большая синица: «Фю-ти, фю-ти, фю-ти». Мы лежим на полу на шкуре белого медведя в светлой комнате научного сотрудника Владимира Потелова. Белая ночь, шкура белого медведя, за прозрачным желтовато-зеленовато-голубовато-синим горизонтом – бескрайняя белая Арктика. Разве не романтично, чёрт побери! Душа поёт похлеще, чем у большой синицы. Хочется кричать, махать от радости руками! Но приходится сдерживать себя, чтобы не посчитали сумасшедшим.

15 июня от Красной (бывшей Соборной) пристани, той самой, от которой в 1912 году отчалил к Северному полюсу Седов, мы на белом, с неблагозвучным названием «Мудьюг» теплоходе отправляемся дальше на север. Сначала по огромной, как Волга, Северной Двине, а потом по Белому морю. Оно действительно белое, не просто белое, а светится, как ртуть, серебристое. Полный штиль. Я взбегаю на верхний мостик, зажигаю спичку и поднимаю её высоко над головой. Она догорает, не колеблясь. Пароход скользит, как в волшебном сне. И кому это вздумалось пугать Арктикой?! Чудесная страна! Прекрасная страна! Весь пароход спит, а мне не хочется! Так и простоял на мостике до утра, всем телом впитывая окружающую красоту. В 9 часов вечера подошли к берегу и завернули в речку Шойну. На берегу – посёлок с таким же названием. Дома деревянные, а между ними – горы песка, как в Каракумах. Сваи дощатых тротуаров высокие, гораздо выше, чем в Архангельске. Значит, и снега здесь зимой более глубокие. Причала нет. По верёвочному трапу в подошедший от берега карбас неуклюже спускается на высоких каблуках молодая женщина кавказской национальности. За ней осторожно следует с ребёнком на руках жгучий брюнет в офицерской форме с погонами лейтенанта. Он тоже явно кавказской национальности. Прямо красавец! У меня невольно

вспыхнула симпатия к этой молодой семье, взлелеянной южным горячим солнцем. Я немножко заглянул вперед, представил их в кутерьме полярной пурги и сочувственно подумал: «Да, им уж точно служба здесь мёдом не покажется».

Шойна – это уже Заполярье. Солнце низко. Много красного цвета: на небе, на воде, на сыпучих песках, на домах, на чайках. В крайней избе на высоких сваях только что прибывшая молодёжь пляшет румбу. Всё гудит, охает, стонет. Самозабвенно и отрешённо. Край света. Здесь всё можно. Никто не станет осуждать.

У выброшенного штормом баркаса нас двое. Бывалый, но всё ещё совсем молодой полярник Борис, заикаясь, рассказывает:

– Это было на Новой Земле. В очень красивой бухте. Двигатель на моей доре забарахлил, и я залез под капот головой. Дёргаю шнур – никак не могу завести. Вдруг дору качнуло так, что чуть не перевернулась. Я рванул голову из-под капота и носом ткнулся прямо в мокрую морду белого медведя. Он, зараза, ухватился обеими лапами за борт и смотрит на меня, а туловище ещё в воде. От страха я так дёрнул шнур, что двигатель завёлся. Моя дора понеслась, описывая в бухте большой полукруг. Медведь не отцеплялся. Я включил сирену. Недалеко стоял рыболовный сейнер. Ребята сообразили что к чему. Подскачили и накинули на медведя канат петлёй. Потом лебёдкой подняли его и опустили к себе в трюм. Сдали в Архангельске в зоопарк. Ничего. Только одно ребро сломали. А я вот заикаюсь с тех пор.

Любил я слушать в Арктике таких людей, как Борис. Северная экзотика покорила меня, и через несколько лет я заболел настоящей северной болезнью. Она напоминает каменную болезнь геологов. Когда приходит лето, начинается невыносимая тоска, причём не по Южному берегу Крыма с шоколадными женскими телами, а влечёт на север, в Заполярье, к розовым чайкам. Так продолжалось у меня много лет.

А на сей раз из Шойны наш путь лежал ещё далее на север – в становище Тарханово, где планировался, как оказалось позднее, последний промысел белух. В 1966 году, то есть годом позже, дельфиний промысел везде на планете был запрещён. А в 1965 году мы со зверобоями на одной доре и трёх карбасах благополучно добрались до места промысла. По дороге не переставал удивляться расхлябанности, безответственности и бесхозяйственности социализма. Весь берег Белого моря сплошной широкой полоской был завален выброшенным плавником. Лес валили в Архангельской области. Сплавливали по Северной Двине. Многие плоты разбивались. Освободившиеся брёвна вели себя по-разному. Некоторые тонули, но большинство весело устремлялось на необъятный морской простор. Морю не нравились эти непрошенные гости, и оно с гневом выплёвывало их обратно на сушу – на пляжи и скалы. Громадному количеству брёвен удавалось избежать подобной участи, и они подобно исполинским рыбакам сбивались в косяки и направлялись через Горло Белого моря в Арктику. Там их поджидали два плавучих норвежских лесопильных завода, вылавливали и пускали бесплатное ценнейшее сырьё на переработку.

Становище Тарханово оказалось необитаемым. Высоко над водой на береговом обрыве стояли три дома: большой с громадной русской печью – для временного поселения зверобоев, второй поменьше был складом, а в третьем недостроенном, разбив палатку, поселились мы с В.В.Трещёвым. Света Муравьёва с поварихой спала в большом доме на русской печи, задёгнув от зверобоев матерчатую занавеску. Зверобои расположились на многочисленных топчанах внизу.

Не успели мы обустроиться, как погода испортилась. Цепляясь за мокрую траву, с моря в тундру поползли туманы. Потом разыгрался нешуточный ураган. Арктика показала, что она может быть не только красной девицей, но и настоящей ведьмой. Через каждые несколько минут из густого тумана доносились тревожные гудки пароходов. Застигнутые врасплох, они бросали якоря и пытались отстояться под прикрытием скал.

Я взял ружьё и сделал свою первую вылазку в тундру. Она ещё не вся освободилась от снега, но уже везде по низинкам образовались озёра, а в оврагах журчали чистые, как девичья слеза, ручьи. Вокруг водоёмчиков копошились всевозможные кулики. В тумане они казались крупнее, чем на самом деле. На воду с криками садилась морянки – небольшие утки. Над головой в белой пелене иногда слышались голоса гусей, летящих на север. Прямо надо мной в воздухе завис какой-то хищник. Я вскинул ружьё и выстрелил. Хищник спланировал в овраг. Я бросился туда. Нигде никого. Как сквозь землю провалился. Спустился к бушующей внизу воде. И каково же было моё удивление, когда я увидел, что из прозрачной воды прямо на меня смотрит искомая птица. Это был обыкновенный канюк, или зимняк. Интересно, что годом позже в такие же прятки играл со мною другой зимняк. Правда, это было уже на Чукотке. Так же в тумане, бродя по тундре, я наткнулся на одинокую скалу. На её вершине спокойно восседала довольно крупная птица. Выстрелом её сдуло на противоположную сторону. Я обежал вокруг скалы – нигде никого. Стал карабкаться на вершину. Залез на самый верх – нету. Глянул вниз – ага, сидит! И смотрит на меня снизу вверх. К счастью, настоящим охотником я не стал. Не убил ни одного зверя за всю свою жизнь.

Но на Белом море маленькое приключение всё-таки случилось со мною на охоте. Это было в тундре в окрестностях Шойны. Никого не добыв на озёрах, я решил возвращаться и вышел к морю. Как и в посёлке, на побережье были глубокие сыпучие пески. Но как раз было время отлива, и море от них отступило, обнажив широкую полосу песчаного дна, уплотнённого, как асфальт. По такой полосе у посёлка обычно мальчишки гоняли на велосипедах, а я за неимением оного, почувствовав под ногами твердь, радостно зашагал в своих сапогах-скороходах, почти не оставляя на песке следов. Светило ласковое заполярное солнышко. Чайки, хорошо позавтракав, лениво перекликались между собой. Настроение было чудесное. Завернув за очередной мысок, я вдруг наткнулся на кучу женской одежды. Соображая, что к чему, остановился. И в это время из ледяной воды прямо на меня вышла совершенно обнажённая девушка. Всё моё мужское естество затре-

петало. Русалка! Ни дать ни взять – русалка! За полярным кругом! Вот это да! Её белые распущенные волосы концами касались приятно волнующих округлостей ниже спины. Розовые соски груди торчали прямо, немножко расходясь в стороны, как бы зазывая к себе в западню. Мокрое тело искрилось на солнце. Я увидел её глаза – большие, голубые. Губы её подрагивали. Курчавый треугольник над детородным органом помутил моё сознание. В горле пересохло. Я был готов наброситься не неё, как тигр.

– Что? Голых девушек не видел? Остолбенел. Нудистка я, а в посёлке не разденешься. Думала, здесь отведу душу, так чёрт тебя принёс, – с досадой пояснила она.

Я потерял дар речи, но моя рука непроизвольно потянулась к ней.

– Не трожь! – строго сказала она. – Не твоё! Вам бы только лапать. А душа вас не интересует. А мне свободы хочется. Как вот этой чайке.

Я почувствовал, как постепенно она обезоруживает меня. Нахлынувшее желание наброситься на неё отступило.

– Не бойся, не трону, – сдаваясь, пообещал я. – Никогда не был нахалом.

– Ну, так иди своей дорогой, – не убавляя строгости, посоветовала русалка. И я пошёл. Правда, ещё долго не мог успокоиться после увиденного.

В Тарханово белухи долго не появлялись. Зверобои без дела не сидели. Несли караульную службу. Достраивали дом. Нас заинтересовал необычный способ подъёма огромных брёвен с пляжа наверх по крутому склону. Зверобои закрепили наверху два длинных пеньковых каната и сбросили их противоположные концы на пляж. Там пропустили их под нужное дерево и стали снова тянуть их наверх. Толстенный ствол, медленно вращаясь, послушно пополз по склону вверх.

– Механизация! – воскликнули мы с Видиславом Васильевичем, восхищаясь сообразительностью зверобоев.

– Сейчас всё механизировано, – добродушно отшутился могучий зверобой Володька Белоусов. Он был воплощением одновременно и русской мощи, и русской хватки, и русской сообразительности, и русской доброты. Родом он был из Курской области. Спасаясь от бедности, уехал на Север в поисках счастья. Но и в Шойне ему не повезло. Молодая жена растопила печку и пошла к подруге «лясы точить». Изба загорелась, и в ней сгорели заживо их двое маленьких детей.

Присматривался я и к местным зверобоям, которые родились и выросли здесь, на Севере. Говор у них был певучий. Прибрежные камни, торчащие из моря, они называли «луды», тундра у них – «лайда», небольшая лодка «карбас», полуторатонное пузатое судёнышко с обрубленной кормой и дизельным двигателем – «дора». Чайка у них не летит, а лётит. Но самой замечательной их чертой оказалась кристальная честность. Запомнился рассказ С.Е.Клейненберга, как в его бытность в Тарханово один из зверобоев прогнал из становища своего сына-подростка только за то, что тот взял без спроса бутылку пороха. Бедный ребёнок с риском для жизни, пешком добирался в Шойну по окутанной туманами тундре.

Все троём мы с нетерпением (а я ещё и с тревогой) ожидали начала промысла. До смерти нас запугал Видислав Васильевич. Пока я с автоматом Калашникова на груди два года печатал шаг на Куликовом поле в Одессе, он успел побывать в Арктике и вскрыть некоторое количество тюленей. Это позволило ему чувствовать себя морским волком и подняться над нами со Светой до заоблачных высот. Всю дорогу в вагоне, пока мы добирались до Архангельска, он грозно обрушивался на нас:

– Я вас научу по-настоящему работать!

От страха я забывал, что мы – однокурсники, что жили в общежитии в одной комнате, что кровати наши стояли рядом и что, наконец, почти ко всем экзаменам он готовился по моим конспектам.

Смогу ли я «по-настоящему» работать? Каким-таким золотым ключиком удалось овладеть Видиславу Васильевичу в Арктике? Эти вопросы нештучно беспокоили меня. А пока удавалось делать вылазки в тундру и даже на доре ходить на промысел полярных акул. Этим крупным – до трёхсот килограммов весом – рыбам зверобои ловили на крючки, наживлённые тюленьим салом. Ярус с крючками стоял на якорях довольно далеко от берега. Через сутки зверобои отправлялись туда на доре снимать с крючков попавшихся акул. Удивляла пассивность и послушность грозных хищников. Они позволяли накидывать им на хвосты канатные петли, вынимать изо рта большие стальные на тросиках крючки и буксировать после этого присмиривших животных живьём к берегу. Возможно, они ещё до нашего прихода успевали потратить все свои силы на борьбу за жизнь. Возможно, но нам они всегда сдавались без боя.

Ходить на акул было интересно. К доре мы с Видиславом Васильевичем сзади на буксире цепляли ещё и карбас. Пока зверобои управлялись с акулами, мы пересаживались в карбас и добывали для Светланы Ивановны чаек. Сейчас «зелёные» за такое варварство нас бы утопили, а тогда это казалось нормальным, так как жили мы с убеждением, что «наука требует жертв». Я сидел на вёслах, а Видислав Васильевич весело палил из двустволки по серебристым птицам. Мёртвых и раненых он кидал в карбас. И это мне казалось нормальным, но когда, причалив к берегу, он грубо швырял на гальку под ноги Светлане Ивановне недобитых птиц с радостными возгласами: «На! Забирай своих ворон!», меня это коробило, и я заметил, что и зверобои недовольно отворачивали глаза, чтобы не смотреть на эти издевательства. Сделать замечание городскому «интеллекту» они, видимо, не решались, а мне не хотелось с ним портить отношения. К сожалению, в будущем этот свой садизм Видислав Васильевич перенёс и на людей. Сделает пакость, потом подойдёт к жертве, сам сообщит о пакости и наслаждается мучениями поверженного. Много довелось на своём жизненном пути встречать разных людей, но ни за кем больше подобного греха я не замечал. Видимо, в жилах Видислава Васильевича уже тогда бурлила адская нагайско-южноукраинская смесь, которую до поры до времени он тщательно скрывал.

Наконец, как-то рано утром в нашем недостроенном доме зазвенел долгожданный колокольчик вахтенного зверобоя, и я, схватив кинокамеру, выскочил на улицу. Видислав Васильевич, как и подобает настоящему морскому волку, остался досматривать последние сны.

Розовое солнце только что вскарабкалось на гористую линию горизонта. Зверобои на двух карбасах примерно в ста метрах от берега вовсю палили из карабинов по воде, создавая невероятный шум, тем самым прижимая стадо белух к берегу. Третий карбас с тремя зверобоями, доверху заполненный сетью, ещё не успел отчалить от берега, и я прыгнул в него. Мы направились к ближайшим лудам, чтобы оттуда сетью перегородить выход из тони после того, как туда будут загнаны белухи. И вдруг резкая боль пронзила мой живот.

– Высадите меня на луды, – взмолился я.

– Ты что? Там рикошетят пули! – возразили зверобои. – Фотографируй с карбаса.

– У меня расстройство... – жалобно признался я.

Сухой бородатый старичок на руле лихо подвернул к камню. Я выскочил и тут же у всех на виду приспустил штаны. Повариха, как громовежнец, командовавшая доселе с крыльца всем полем боя, вдруг на полуслове осеклась. Зверобои в моём карбасе стыдливо опустили головы. И только пули продолжали визжать над головой после ударов о камни. Вот такие неожиданные случаи в Арктике. Воистину первый блин комом.

Расстрел белух в тоне описывать не буду. Он произвёл на меня тягостное впечатление.

Все последующие несколько дней мы, съедаемые комарами, вскрывали белух. Наконец-то я увидел «настоящую» работу Видислава Васильевича и, должен признаться, основательно в ней разочаровался. Вся суть её свелась к неимоверному загрязнению химусом длиннющих рукавов нательной рубахи, в которых скрывались не менее грязные кисти рук исследователя. Я недоумевал: почему нельзя закатать концы рукавов, чтобы очень просто избежать их погружения в содержимое кишечника белухи? Это выглядело тем более странно, ибо прежде я знал Видислава Васильевича, как человека, относящегося далеко не безразлично к своей внешности. В бытность студентами мы часто вместе ходили в баню и там предварительно стриглись. Каждый раз он менял парикмахершу, оставаясь недовольным предыдущей. Когда мы, распаренные, возвращались в общежитие, Видислав Васильевич первым делом заходил к девушкам в соседнюю комнату и брал у них большое зеркало. Потом доставал своё и долго с помощью двух зеркал осматривал каждую волосинку на своих висках и затылке, чехвостя при этом на чём свет стоит очередную парикмахершу. А тут вдруг такая неаккуратность с рукавами. В итоге оказалось, что именно, в них-то и заключалась «настоящая работа». Другие показатели выглядели более скромно.

И всё же беломорская экспедиция была для меня полезной. Я не научился «по-настоящему» работать, зато успел полюбить Север.

**Мой отец Владимир Фёдорович Юрахно
(1905–1945) в молодости. 1928 г.**

Отец в польской армии. 1930 г.

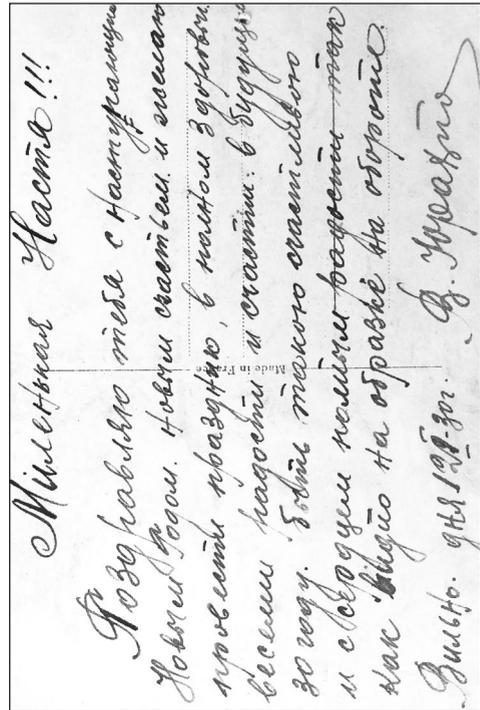
На этом месте стоял дом, в котором я вырос

Мать Анастасия Фоминична Юрахо
(1908–1975) после свадьбы. 1931 г.

Отец после свадьбы. 1931 г.

Поздравление невесты – моей будущей матери
(свидетельство того, что отец был грамотным человеком)

Я – десятиклассник. 1956 г.

**Я до поступления в институт.
Грузчик в перевоплощении. 1957 г.**

**Я – студент первого курса
Крымпединститута. 1957 г.**

Грузчик в Алупке. 17 мая 1957 г.

На студенческом субботнике. 1957 г.

По степному Крыму – колхоз, 2 курс. 1958 г.

**Студенческая дружба. У кинотеатра «Симферополь»
с Виктором Ампиловым – лучшим другом студенческих лет. 1961 г.**

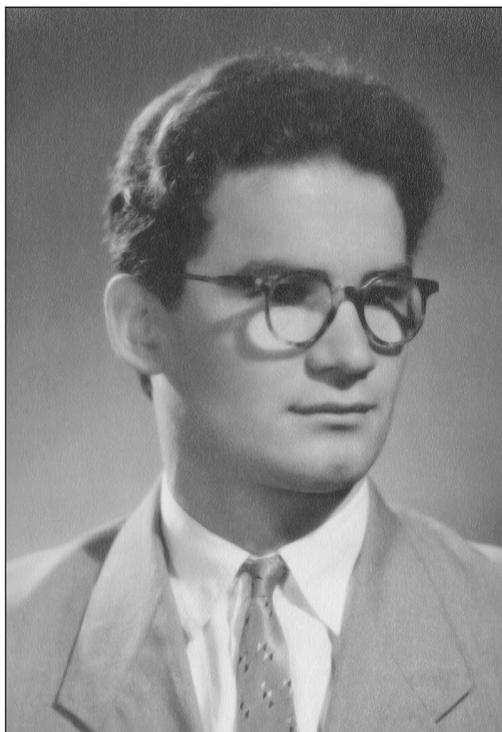
В горнолыжном лагере Карпат. Брецул. 1959 г.

**На сельхозработах,
2 курс Крымпединститута.
Совхоз им. 8-го Марта
Джанкойского района.
Октябрь 1958 г.**

На дальней комплексной практике после 4 курса. Москва, 1961 г.

Можно и жениться. 1962 г.

Верная спутница жизни – Светлана. 1962 г.

Гвардии рядовой. Одесса, 1962 г.

Солдатская жажда. 1962 г.

Сообразим на троих? *Одесса, 1962 г.*

Сообразили... *Одесса, 1962 г.*

Родственные души (поэт и музыкант) – М.Юрахно и В.Логинов. *Чабанка, 1962 г.*

На берегу Днестра. Тирасполь, 1963 г.

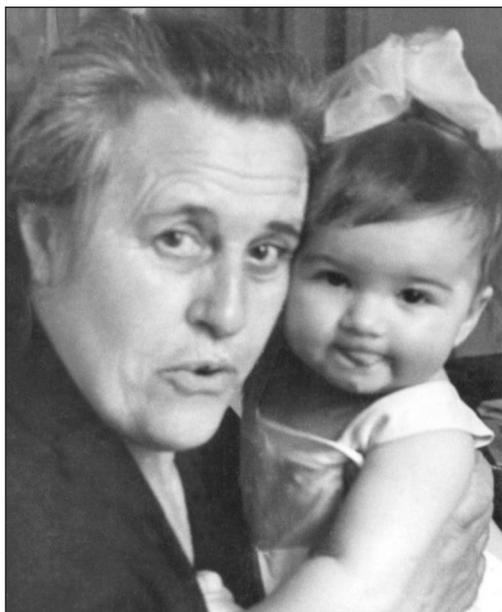
На сборах по подготовке офицеров запаса. Тирасполь, 17 декабря 1963 г.

С другом В.Логиновым в парадной форме.
Одесса, Куликово поле, 1 мая 1964 г.

Правофланговый первой шеренги на военном параде.
Одесса, Куликово поле, 1 мая 1964 г.

**Наша первая дочка Веточка
с бабушкой Варей.**
1966 г.

**Я – старший лаборант
кафедры зоологии Крымпединститута.**
1964 г.

Будни аспирантуры. 1966 г.

ЧУКОТКА – ЛЮБОВЬ МОЯ!

Страшный удар

Как только мы вернулись с Белого моря, Семён Людвигович предложил мне поступать в аспирантуру. В день первого экзамена (кстати, по специальности) я проснулся, ничего плохого не подозревая. Чтобы не разбудить годовалую дочку Веточку (мы жили тогда впятером с тещей и братом жены в однокомнатной квартире без удобств), я стал потихонечку умываться, стараясь поменьше брэнчать соском ручноймыльника. В это время в дверь постучали. Вошла медсестра и объявила, что у меня туберкулёз глаз. Чего я опасался, то и случилось. Не удалось уберечься от палочек Коха, которыми всех нас обильно обсеивал Женька – брат жены, только что перенёсший операцию на лёгких в знаменитом институте Амосова в Киеве. Взяв себя в руки, я пошёл на экзамен. И выдержал его, как и все последующие. Хотелось кричать от несправедливости, а приходилось молчать. Кому нужно чужое горе. К тому же некоторые могли бы неправильно истолковать ситуацию не в мою пользу, и все мои мечты о дальних экспедициях рухнули бы. Было над чем задуматься. Но самое страшное заключалось в том, что я, совершенно не зная, что будет с глазами, обрекал их на десятилетия с восьми утра и до десяти вечера ежедневно напряжённо вглядываться в микроскоп с подсветкой. С точки зрения здравого смысла это было настоящим безумием. Я всё это понимал и не дрогнул. Не дрогнул даже после того, когда лечащая меня окулист Александрова объявила, что заразил меня мой научный руководитель. Она хорошо его знала по совместной работе в мединституте. Не стану утверждать, кто меня заразил, но в течение многих лет борьба с недугом требовала от меня предельного морального напряжения. И я победил. Борьба закончилась одним из самых значительных парадоксов в моей жизни: мне – полуслепому человеку – удалось открыть самых мелких гельминтов тюленей и моржей.

Но это было потом, а пока параллельно с болезнью на меня обрушились и пакости Видислава Васильевича. Забыл он, что именно я после первого курса, будучи председателем профбюро факультета, забрал его с частной квартиры к себе в комнату, в общежитие. Первую недоброжелательность с его стороны я почувствовал на пятом курсе, когда мне дали Ленинскую стипендию. До меня дошли слухи, что он единственный неодобрительно отозвался о свершившемся событии. Вторую горькую пилюлю он мне преподнёс сразу же после зачисления меня в аспирантуру. Пришёл и сказал, что обсуждал с Семёном Людвиговичем мои способности и решено, что поедет на Чукотку собирать для меня материал лаборант Сердюков. Чуть позже по пьянке он полностью раскрылся и заявил, что если бы он был не в экспедиции, а на кафедре, когда я устраивался на работу, то я на кафедру не попал бы. После этого он стал придирается к каждой моей фразе и моё

пребывание на кафедре превратилось в настоящий кошмар. Я серьёзно стал задумываться об уходе из аспирантуры. Спасла Чукотка. Мне было поручено исследовать гельминтов тюленей, моржей и китов у её берегов в Чукотском и Беринговом морях. Пакость Видислава Васильевича до конца не сработала. Семён Людвигович очень был подвержен чужим наговорам, но на сей раз Видиславу Васильевичу полностью не поверил и решил отправить на Чукотку всё-таки меня, а не Сердюкова.

Москва

8 апреля 1966 года ТУ-104 взмыл в синее симферопольское небо и взял курс на Москву. На улицах Симферополя уже цвёл миндаль, а в лесах Подмосковья ещё лежал снег. Но Москва мне всегда нравилась. Во-первых, как бурлящий центр цивилизации, а во-вторых, как маленькая отдушина в удушающем мешке социалистического дефицита. В её магазинах, хоть и с большим трудом, но всегда можно было найти кое-что для любого неприхотливого советского человека. Поэтому каждый приезжающий в столицу был, как мухами, облеплен заказами родственников и друзей. Я не был исключением. Чтобы точнее воспроизвести то время, я воспользуюсь сохранившимися своими письмами к жене Светлане, практически не редактируя их с современных позиций.

«09.04.1966.

Милый Светик! Целый день мотался по Москве. Устал страшно – не взыщи, если письмо получится сумбурным. Я сейчас на главпочтамте. Только что потратил полтора часа, чтобы отправить тебе Веточкину шубку. В общем, кошмар сплошной в Москве насчёт траты времени. Трикотажных пальто (джерси) нет. Был в ГУМе, ЦУМе, "Петровском пассаже", "Москве", "Синтетике" и др. Все продавцы говорят в один голос: "Если вы достанете его, я сама его с удовольствием возьму". Только в ГУМе слышал, что изредка бывают в конце месяца, когда горит план в каком-нибудь отделе. В остальных магазинах отвечают, что пальто эти самые у них не бывают. Правда, в "Петровском пассаже" мне чуть было не повезло. Одна из продавщиц показала "чёрный" ход в подвал, где обслуживались делегаты съезда КПСС. Я думал нахально туда проскочить, но потребовали мандат. Там же я узнал от делегатов, что такие пальто вчера были, а сегодня уже нет. Белые туфли Наташке я тоже надеялся там достать. Проторчал в коридоре с час, дёргая за рукав более молодых делегатов, проходивших в этот самый зал для привилегированных, но ничего не получилось. Вообще всё это дело с подвалом мне показалось довольно омерзительным. Я плюнул и ушёл. Белых туфель в Москве и в помине нет. Очевидно, Тайкин заказ останется невыполнимым, ибо 38-го размера не только белых нет, но и вообще ничего подходящего. Веточке белых туфель тоже нет. Правда, я ещё не был в филиале "Детского

мира" на Горького в "Малыше". Завтра пойду. В первом же письме напиши, как шуба Веточкина. Я убухал за неё 47 руб. 70 к. Интересно, не напрасно ли. Но это была лучшая из всех.

Пальто тебе я было уже решался брать в ГУМе. Венгерское, бежевое, лохматое, с чёрным воротником и чёрными карманами (вернее клапанами). 76 руб.! Очень неплохо выглядело на продавщицах в накидку, но когда я встретил на проспекте Маркса одну мадам в таком же пальто – разочаровался. Я представил тебя в нём, и на меня повеяло тем твоим студенческим в клеточку старым пальто"м". Чего-то расхотелось его брать».

Вот на что в первую очередь приходилось тратить драгоценное московское время.

Правда, в Москве случилось и одно приятное событие. Пальто жене я всё-таки нашёл и отправился с ним на главпочтамт. Зал был битком набит. Сквозь толпу пробился к стенке и на ней стал заполнять бланк. В это время кто-то неуверенно стал сзади тянуть меня за рукав.

– Молодой человек, вы ошиблись, – небрежно бросил я назад, не отрываясь от бланка.

– Ошибся? – растерянно спросил меня человек сзади. Голос мне показался знакомым. Я оглянулся и узнал своего школьного друга Михаила Буслюка, которого не видел уже 10 лет. Он мотался по стройкам Средней Азии и Поволжья, а я осваивал юг Украины.

– Я тебя по почерку узнал! – радостно кричал он.

Наговорились мы вдоволь, а вечером по разноцветной Москве он проводил меня в Домодедово.

Магадан

Оторвавшись от земли, мы направились на восток, поэтому ночь оказалась короткой, и я весь день любовался необъятными просторами Сибири. Первую посадку совершили в Красноярске. Мороз 16°. Солнце. Выскочил на привокзальную площадь. Снег и серые или желтоватые многоэтажные коробки. Ничего интересного. Полетели дальше.

Магадан не принимает. Поэтому сели в Якутске. Мороз 11°, но ветер. Через иллюминатор видно, как, подобно чертенятам, подпрыгивают на снегу вихри позёмки и, подразнив нас немного, весело убегают прочь. В здании аэровокзала важно восседают местные жители: полнолицые и все в мехах. Выглядят достойно и богато.

Посадка в Магадане, а точнее в 56 километрах от него была жутковатой. Мы всё время уходили от солнца на восток. Сгущались сумерки. Под нами, как раскисшая тундра, висели тёмные густые облака. Поверхность их – островками, кочковатая. Точь-в-точь как тундра или болото. Когда стали в них погружаться, впечатление было такое, будто опускаемся на дно морское. За бортом крошечный мрак.

Сели в метель: тихую, волшебную. Самолёт атаковали фотокорреспонденты, устроив настоящий фейерверк. Оказывается, с нами прилетели делегаты съезда. Это их выхватывали из темноты фотовспышки, а вместе с ними освещались также огромные мохнатые снежинки, медленно опускающиеся по спирали на пушистую землю. Было удивительно красиво. Четырёхградусный мороз совсем не чувствовался.

Однако очень скоро моё романтическое настроение разлетелось вдребезги. Совсем молоденькая девушка отказалась принимать в камеру хранения мой экспедиционный ящик. Он был всего лишь на несколько сантиметров шире обыкновенных чемоданов, но этих сантиметров хватило, чтобы девушка стала неумолимой. Я оставил злополучный ящик без присмотра, прямо в коридоре у окна камеры, бросив девушке, что он остаётся на её совести, а сам вскочил в последний автобус, уходящий в далёкий, чужой для меня город. К счастью, в городе идиотизма оказалось меньше, и я без труда устроился в гостиницу. Ночь была тревожной. Проклятый ящик не давал мне заснуть. Его исчезновение означало бы для меня катастрофу. Я жалел, что так легкомысленно с ним расстался. Утром ни свет ни заря выскочил на улицу, намереваясь отправиться в аэропорт. Мне вдруг показалось, что я забыл надеть штаны. Все мои ноги будто обожгло калёным металлом. Это через лёгкие летние чешские брюки светло-коричневого цвета в мелкую клеточку беспрепятственно к ногам моим проник колючий магаданский ветер. Пришлось вернуться в номер и дополнительно надеть спортивные шаровары. В аэропорту за ночь безжалостная девушка сменилась, и мой экспедиционный ящик беспрепятственно нырнул в чрево камеры хранения. Можно было спокойно отправляться в Институт морского рыбного хозяйства и океанографии, с которым мы заключили хоздоговор по работам на Чукотке.

В институте ребята встретили превосходно. Настоящие землепроходцы! Подробно инструктировали, как вести себя на Чукотке.

Чёртовы ворота Чукотки

«16.04.1966.

Милый Светик! Я у ворот Чукотки – в Анадыре. Только что прилетел из Магадана. Обещают вечером отправить дальше – в Провидения (на берегу Берингова пролива). Но я не очень-то этому верю. По рассказам, обычно в Анадыре сидят неделями, бывает и больше месяца, настолько здесь подвижная и коварная атмосфера. Все порты Чукотки к нашему прилёту сюда были закрыты. Только что открыли Провидения, но улетели те, кто сидел здесь уже несколько дней. Мы – магаданцы, остались.

Светик, какая же красотища – Дальний Восток с самолёта! Полторы тысячи километров между Магаданом и Анадырем я не отрывал глаз от сверкающих на солнце белых, как сахар, гор! Прелесть! Нигде ни пятнышка, ни деревца. Поистине – белое безмолвие. Ничего подобного во всей Сибири я не

видел. Горы молодые, скалистые, обрывистые. Снегом покрыты равномерно. Благодаря солнечному свету всё оттенено – красота! Летели и над морем. У берега – припай, а дальше шугá. С высоты 8-ми километров море кажется подёрнутым сизо-голубой вуалью с разводами других оттенков. Тоже красиво.

В Анадыре всё завалено снегом. Видел перевёрнутые ураганом самолёты. Мороз в 2 часа дня (по местному, конечно, времени) на солнце 17°. Если бы не ветерок, здорово было бы. После промозглого Магадана, который на второй день моего пребывания в нём своим беспощадным ветром заставил поминутно сморкаться на его грязные крупно плитчатые тротуары и приветствовать чихом каждого второго жителя города, здесь я чувствую себя превосходно. Все вирусы врезали дуба на морозе. Мой нос вернулся в лоно добродетели и слушается меня примерно.

Мне предстоит ещё на ИЛ-14 покрыть 600 км до Providения, а оставшиеся 90 км до Яндракинота придётся преодолевать на вертолёте или, что вероятнее всего и что я особо приветствовал бы, на собачках. 90 км на собаках по снежной пустыне – разве не романтика? Правда, чукчи говорят, если поеду на собаках, меня не спасут ни сапоги 43-го размера, ни лётная куртка, ни кроличья шапка, которую я с огромнейшим трудом нашёл в знаменитой столице Колымского края и именно отсутствие которой сделало меня столь вежливым перед холодными жителями не менее холодного города (кланялся всем, правда, не почтения ради, а обыкновенного чиха для). К счастью, сегодня утром и Магадан исправился. Стал солнечным. К тому же, в отличие от встречи, проводы были куда теплее (имею в виду аэропортовских служащих). Забыли даже содрать с меня за лишний груз.

В Анадыре в самолёте впервые появились пограничники. Они очень странно проверяют документы. Крутят паспорта перед носом, как будто обнюхивают их. Оказывается, они таким образом стараются обнаружить подделку, ставят надписи в паспорте под разным углом к глазу.

Я должен сказать, господа присяжные заседатели, что Анадырь – вполне цивилизованный город. Апельсинов навалом. Правда, воды ни капли в аэропорту. Интересно, как местные власти приводят в чувства падающих в обморок пассажиров. Вполне предположительно, что явления подобные здесь возможны, ибо Россия не знает других мест, которые смогли бы тягаться с Анадырем степенью томительности в ожидании дальнейшего передвижения. Аэропорт – не в городе, а на противоположном берегу залива (лимана). Вот и сидишь, как насадка, на своих вещах целый месяц в одном здании. Можешь себе представить, что это такое. Полярным волком можно завить от безысходности.

С продовольствием нормально, но цены внушают к себе уважение. Один помидорчик может стоить 5 рублей. Это при трёх рублях и пятидесяти копейках арктических командировочных в сутки. Красота! Вообще, на мой взгляд, индикатором благополучности той или иной местности являются евреи. Их же начиная с Магадана, здесь я не видел.

Целую, М.».

Бухта Провидения

«18.04.1966.

Милый Светик! Наконец я преодолел Чёртов Барьер (так я для себя назвал Анадырь) и очутился в Западном полушарии – там, где "кончается география» (местное выражение). Анадырь (ещё раз напомним) – это ворота Чукотки, причём они почти всегда бывают на замке. Люди смирились с тем, что Анадырь по прибытии туда хватает каждого в свои железные лапы и держит по несколько недель, как будто испытывает на прочность, а заодно и приучает к своей суровой природе. Во время его свирепых пург немало людей отказывается сопротивляться этому чудовищу, то есть просто-напросто отдаёт богу душу. А ещё его можно сравнить с Кощеем Бессмертным, который охраняет не простое утиное яйцо, а золотое – Чукотку. Она даёт треть золота в нашей стране.

Мне повезло. В Анадыре я сидел только сутки. Меня посадили контрабандой в грузовой самолёт на оленьи шкуры раньше срока, указанного в билете, и вчера вечером я приземлился в чудеснейшей бухте Провидения. Когда зашли на посадку, солнце уже успело спрятаться за горизонтом, но горы по обеим сторонам долины, а также земля и небо впереди ещё горели в его красных лучах. Казалось, мы ныряем в чрево огромной догорающей русской печи. Сели. Розовый снег скрипит под ногами. Воздух звенит. Его пьёшь, как парное молоко. Чем больше пьёшь, тем больше хочется. А горы дрожат, постепенно погружаясь в сумерки. По красоте эта бухта ничуть не уступает лучшим зимним курортам Швейцарии. Это жемчужина Чукотки. Её называют Заполярным Сингапуром. Магаданцы видели, как по улицам посёлка прогуливался матрос с обезьяной.

Я хорошо разглядел бухту и сегодня днём. Она замёрзла. Кажется просто заснеженной котловиной, а буквально со всех сторон к солнцу поднимаются сахарные горы. Ей-ей, зимний Рахов в Карпатах выглядит хуже. Здесь посёлок украшает порт. Портальные краны и суда, вмёрзшие в лёд, напоминают замёрзших лебедей, которые жмутся к подножию огромной горы у её южной экспозиции, чтобы погреться на солнце.

Меня здесь чудесно встретил председатель райисполкома Геннадий Павлович Алёхин. Ориентировочно завтра он отправит меня на вездеходе в Чаплино (25 км), а дальше (в Яндракинот) – на собаках.

Здесь очень хорошо с продовольствием. Лучше, чем в Магадане. Только что отведал пурпурно-жёлтых корейских яблок – ничего подобного "на материке" не едал.

Итак, Светик, у меня в полном смысле, пока что всё отлично. Кроме полнейшего наслаждения ничего не испытываю. Даже после бессонной ночи (новосибирский паренёк-геофизик угостил вчера вечером в гостинице аэропорта слишком крепким чаем) состояние отличное!

Да! В Анадыре я ночевал у брата Раисы Викторовны. У меня был его адрес, и оказалось, что живёт он в 6-ти километрах от аэропорта. В общем, мне везёт на встречи (вспомни Москву).

Светик, буду закругляться. Ещё много дел на сегодня. Телеграмму тебе насчёт защитных очков меня надоумил дать брат Р.В. Говорит, от солнца слепнут на Чукотке. Не знаю. Кажется, это чересчур. Не беспокойся, ничего со мной не случится. Главное в том, что с каждым днём растёт уверенность – с работой справлюсь. Для меня это самое важное.

Пиши на Яндракинот. Привет казачеству. Целую, М.».

Алёхин сдержал слово. В бухту Ткачён я отправился на вездеходе. Даже для Чукотки 1966 год оказался необычным. Она была завалена двухметровыми снегами. Вездеход нырял по сугробам, как вельбот при хорошем шторме. В горах увидел первую собачью упряжку. Когда поравнялись, чукча изо всех сил погонял собак, стараясь не уступить в скорости. Однако постепенно расстояние между нами увеличивалось. Вспомнилось стихотворение Есенина о жеребёнке, который мчался параллельно поезду:

*Милый-милый, смешной дуралей,
Ах, куда, ах, куда он гонится?
Неужели он не знает, что живых коней
Победила стальная конница.*

Кровавые дороги Чукотки

В Ново-Чаплино мы добрались благополучно. Я торжествовал. Дальше предстояло передвигаться на собаках. Из сугробов торчали только крыши посёлка. Снег сверкал на солнце первозданной белизной, а далее к горизонту у подножия гор слегка подрагивала голубоватая дымка. Недалеко от конторы прямо на снегу весь в оленьих шкурах лежал человек. Это был первый чукча, встретившийся мне на жизненном пути. Я решил запечатлеть его на фотоплёнке. Открыл аппарат и приблизился к его голове. Щёлкнул, а когда опустил камеру, то довольно близко крупным планом увидел чёрное, как у негра, лицо с белесовато-зелёными выделениями из носа. И меня стошнило. Не знал я, что в недалёком будущем, чтобы не окопаться от холода, я буду прижиматься к лохматой спине этого человека. Это был каюр Эттувье из Яндракинота – добрейшая душа, безмятежно спавшая сейчас на снегу в ласковых объятиях винных паров. Сугроб ему казался не хуже самой изысканной перины. К сожалению, не с ним мне предстояло добираться в Яндракинот. Доставить меня туда напросился другой каюр – Борис Конко. Степень опьянения его была намного меньше, поэтому он предложил отправиться незамедлительно. Оказывается, он приехал сюда за каким-то движком, но я показался ему существом более интересным, чем безмолвная железяка. Меня это вполне устраивало, ибо на пути к цели ничего нет приятнее, чем движение к ней. Быстренько закупив целый пак корейских яблок (предупредили, что севернее их не будет), я уложил в нарту свои

вещи. В конце возвышался злополучный экспедиционный ящик, на котором я и уселся задом наперед. Нарта по сугробам между крышами домов заныряла даже более энергично, чем вездеход накануне. Подпрыгивая вместе с ящиком, я чувствовал себя, как ворона на суку во время разыгравшейся бури.

– Поть-поть-поть-поть, – тревожно закричал каюр, приказывая собакам повернуть направо, но они, увидев вдруг выскочившего из ближайшей избу кота, сделали «кых-кых», то есть рванули за ним в противоположную сторону. Нарта перевернулась. Мои корейские яблоки, почувствовав свободу и сверкая жёлто-красными боками, как зайцы, бросились врассыпную, вниз по склону в радиусе до пятидесяти метров. Когда я закончил их собирать, к удивлению увидел, что нарта по-прежнему лежит на боку, а каюр остолом (колом для торможения нарты) продолжает лупить по головам собак. Чтобы прекратить экзекуцию, я подбежал к нарте и услужливо поставил её на полозья. К ещё большему моему удивлению, каюр вдруг с остолом бросился на меня. После отборного русского мата он поясняюще закричал:

– Без собачек хочешь остаться?!

Оказывается, по сравнению с нашими Шариками и Жучками чукотские ездовые собаки более свободолюбивые и при малейшей возможности охотно убегают от своего хозяина, в чём мне в скором времени на собственном опыте довелось убедиться. А сейчас, понимая полную свою неопытность в местных делах, я решил больше ни во что не вмешиваться, чтобы не навредить. Именно поэтому, не смотря на то, что сердце моё разрывалось на части, весь дальнейший путь я оставался пассивным созерцателем жесточайших событий.

Через каждые пятьдесят метров Конко, воткнув железным наконечником остол в снег, останавливал нарту. Затем вставал, подходил к собакам и начинал бить то или иное животное остолом по голове. Когда этого ему казалось мало, он брал собаку за уши и начинал тыкать её окровавленной мордой в колючий обледенелый наст. Или вытаскивал из ножен на поясе охотничий нож, брал собаку за загривок и со всего маху бил остриём сбоку по морде. Кровь брызгала на снег. Собака визжала, открывая рот. Тогда он тыкал ножом в пасть, и кровь капала оттуда. Иногда каюр брал бедное животное за крестец, ставил головой вертикально на снег и, наваливаясь всем телом, ломал позвоночник. Каждая собака знала, когда её будут бить. Она, повизгивая, оглядывалась назад в ожидании каюра. Остальные равнодушно ложились на снег, чтобы хоть немножко отдохнуть. Особенно доставалось одной небольшой невзрачной серой собаке, которую каюр перецепил с середины в последний ряд и, уже не останавливая нарту, время от времени на ходу лупил остолом по спине. В конце концов она обессилела настолько, что упала под нарту, зацепившись дрожащей задней ногой за перекладину. Так её тащило несколько километров. Сначала она визжала, потом затихла. Я подумал, что ей конец, и потребовал остановить нарту. Борис вытащил собаку и благословил её остолом в дальнейший путь.

Вскорости, к моей великой радости, ей удалось оторваться, и она бежала параллельно упряжке метрах в пятидесяти от неё. Каюр продолжал экзекуцию. Когда остол сломался, он вытащил из-под себя карабин. Покачиваясь, он долго целился в ту или иную собаку и производил выстрел, стараясь, чтобы пуля только чиркнула по телу и не нанесла смертельной раны. Так продолжалось всю светлую часть суток. Понятно, что моё романтическое настроение было полностью снівелировано.

С наступлением сумерек мороз усилился до тридцати градусов. Поднялся встречный ветер. Он пронизывал меня насквозь. Через каждые сто метров я спрыгивал, стараясь согреться на бегу. Снег под ногами проваливался, а нарта предательски ускользала в темноту. Каюр давно заснул, и его ноги беспомощно волочились по снегу. Не докричишься. Приходилось делать рывок из последних сил и падать грудью на ящик, потом разворачиваться спиной к ветру. И так повторялось бесчисленное количество раз. Казалось, никогда не кончится это тупое движение в бескрайней бессмысленной пустыне. Уже более десяти часов мы были в пути. Захотелось хоть как-то разнообразить путешествие. Снял перчатку, расстегнул куртку в надежде достать из грудного кармана сигареты. Но совершенно неожиданно обнаженная рука мгновенно заоченела, и я не успел вытащить сигареты, не смог обратно застегнуть куртку и надеть перчатку. Сунул руку за пазуху и остался сидеть на ящике, лишившись возможности спрыгивать для сугрева. К счастью, в два часа ночи упряжка рухнула вниз и остановилась. Оказывается, собаки, несмотря на полную темноту, нашли посёлок, нашли свою избу и свалились с сугроба к её порогу. Каюр проснулся, и мы вошли в дом. Хозяйка приготовила чай. Борис снял с себя через голову плотную с капюшоном полотняную ветрозащитную камлейку, затем шерстью наружу верхнюю оленью кухлянку, потом такую же кухлянку шерстью внутрь и, оказавшись по пояс обнажённым, уселся на полу с чашкой в руке. Увидев рядом голую кровать с металлической сеткой, я, не раздеваясь, улёгся на сетку, отказавшись от чая. До утра не мог заснуть. Холод волнами выходил из меня. Казалось, промёрзли даже кости. Перед глазами стояла огромная белая безжизненная пустыня с кровавыми собачьими следами на снегу, с изредка попадающимися пустыни бутылками, на которых значилось: «Спирт питьевой дальневосточных заводов для Крайнего Севера». Прекрасная помощь государства малым народам.

В душе впервые шевельнулись нотки протеста.

А случаи жестокого обращения с собаками встречались и в других посёлках. Помнится, 1 июня, когда солнце в первый раз в полночь не спряталось за линией горизонта, я бродил по красному снегу в окрестностях посёлка Нэшкан на берегу Чукотского моря и, возвращаясь, у крайней избы наткнулся на собачью упряжку. Угрюмый хозяин, согнувшись, возился с упряжью, а возле нарты стоял весёлый мальчишка лет десяти. Я обратил внимание, что у одной из собак череп на макушке обнажён.

– Что это? – испуганно спросил я мальчишку.

– Это ей папка ножом. Она плохо служила.

В итоге к концу экспедиции собачьи дороги далёкого полуострова я назвал для себя Кровавыми дорогами Чукотки.

Яндракинот

Этот посёлок лежит в семидесяти километрах к северу от бухты Ткачен на берегу пролива Сенявина в общей системе более крупного Берингова пролива, напротив острова Аракамчечен. Он так же был завален снегом, как и Ново-Чаплино. Я поселился на раскладушке в одной из двух комнат сельсовета, где уже жили, тоже на раскладушках, две радиобиологини из Магадана: Нина Соколова – женщина лет сорока с прыщом на верхней губе – и совсем юная, плотная, как сдобная булочка, девушка, имя которой я, к сожалению, уже не помню. Через дверь слышно было, как председатель сельсовета – эскимос Ашкамакин – громко и добродушно диктовал девушке-секретарше: «Пиши! Познакомление...» Далее следовал текст, с которым нужно было ознакомить жителей посёлка.

Береговой припай простирался от берега на семьдесят километров. Именно туда – на кромку, где кипела морская жизнь, и отправлялись на собаках охотники за нерпой и лахтаком. Пока везли в посёлок, тюлени успевали промёрзнуть насквозь. За ночь они оттаивали на кухне охотника, а утром женщины приступали к разделке. Я успевал снимать все промеры животного, а потом исследовал передаваемые мне внутренние органы. Работа шла, как песня. Позволялось вскрывать всё и в любом количестве. Попутно, работая в разных домах, я смог узнать много интересного из жизни чукчей и эскимосов.

«24.04.1966.

Милый Светик! Уже третий день я в Яндракиноте. Вчера начал работать. Вскрыл первых пять нерп. В будущем ожидается хороший промысел, так что всё будет в порядке. А пока Чукотка мертва. Кроме ворона в Провидении, ещё не встретил ни единого живого существа из дикой природы.

Сейчас погода отличная: морозная, солнечная, а впереди нас ожидают пурги. Правда, это уже не декабрьские и не февральские. Но даже местные жители слово "пурга" произносят, как будто стоя на коленях перед иконой. Мне страшно интересно, и я жду с нетерпением эту стихию.

Поздравляю всех с праздником! Надеюсь, в Крыму он будет намного теплее. Сюда весна приходит только в июне.

Целую, М.».

Первомайский праздник жители посёлка втихаря начали встречать ещё тридцатого апреля, как только было позволено им приобрести по случаю

этого торжественного дня на торгово-заготовительной базе спиртное. Поздно вечером милостивая женщина-врач сообщила в сельсовет, что от водки «сгорели» уже два человека: мужчина и женщина.

«1-е Мая 1966.

Милый Светик! Я так ждал твоего письма. Но, увы, – ни от кого ни слова. Двадцать два дня разделяют нас, а я уже порядочно соскучился. Сегодня выходной. Охотники празднуют. Я тоже отдыхаю. Зато вчера был жаркий денёк – вскрыл 12 нерп и лахтаков. Сегодня тепло. Мороза нет. Но ничто не напоминает о празднике, кроме красного флага на нашей хибаре. Кругом снег, снег и снег – на тысячи вёрст. Если бы не работа, здесь можно сойти с ума. Работа спасает – затягивает с головой. Уже вскрыл 36 зверей. Их бьют за 50–60 км отсюда, выезжая к кромке на собаках.

Отношения у меня с чукчами хорошие. Обещают весной взять с собой в тундру поохотиться и посмотреть птичьи базары. Постараюсь записать их самые интересные легенды и случаи из жизни. Придётся также выходить с ними в море на охоту за китами, моржами и другими обитателями столь неприветливых Беринговых вод. Даже здесь трудно представить себе, что находишься действительно на краешке земли – лицом к лицу с Америкой. Как-то вечером ушёл на пролив. Светила луна. Мирно стучал мотор на погранзаставе. И было чертовски хорошо чувствовать за спиной могучую и необъятную Россию. И я запел.

С работой ладится. Это главное. Отсюда и настроение, и бодрость духа, и песни.

Я всё чаще думаю о Веточке. Вспоминаю, как она обняла меня, когда я вернулся с Белого моря. Стараюсь представить нашу будущую встречу. Она меня, наверное, не узнает и будет пугливо прятаться за тебя. Какая это всё-таки радость – дети! Поистине – цветы жизни. Напиши, пожалуйста, о ней. Какие новые слова говорит? Что у неё вообще нового? Вернусь – обязательно уедем втроём на несколько дней к морю.

Как у тебя дела? Наверное, паришься на участке? Что слышно вообще: дома, в институте, в Крыму?

Белорусы пишут? Надо мне отсюда черкнуть им пару слов. И не подозревают, наверно, что их сын расхаживает в западном полушарии по холодному льду далёкого Берингова пролива. Вот она – Советская власть. Тут всякая агитация излишняя. Не то, что было "за польским часом", когда человек, кроме плуга, ничего больше не знал.

Однако хватит тебя воспитывать. Слава богу, этого совсем не требуется.

Чукотка по-прежнему безжизненна. Ни пичушки. Ни зверушки.

Светик, пиши, пожалуйста, чаще. Это единственная отрада здесь. Вот сейчас, через двадцать минут в Москве начнётся Первомайский парад, а здесь уже 8 часов вечера. Опускаются сумерки. Сажу в закоптелой хибарке, и чувствуется полнейшая оторванность от всего, что так близко сердцу человеческому.

Буду закругляться. Что-то не клеится с письмом. Напишу в следующий раз.

Целуй за меня маму, Веточку. Привет зуйчанам, тёте Рите с дядей Аркадием, Гарику и вообще всем знакомым. Твой М.

P. S. Если ты забыла, напомню, что в ателье на К.Маркса (напротив девятики) остались мои брюки. Забери, пожалуйста. И ещё. Я умышленно не пишу о том, что предстояло тебе сделать. Но если сообщишь о самочувствии, буду рад. Вообще, всё это очень щепетильно. Не для писем. Целую».

Ровно в восемь вечера я вылез из своей хибары. По сугробам ползали на четвереньках чукчи. Над хибарой трепетало на ветру кумачовое полотнище. Вдруг из громкоговорителя раздалась над головой команда:

«Внимание! Парад, смирно!»

Грянул марш. Это в Москве по Красной площади двинули войска, «готовые и к смерти, и к бессмертной славе». Великая, могучая, любимая Родина ещё дышала полной грудью. Тогда и в страшном сне не могло присниться, что в недалёком будущем сделает с ней кучка негодяев во главе с Горбачёвым и Ельциным.

«9 мая 1966.

Милый Светик! У вас ещё 12 часов дня, а у нас уже 10 вечера. Смеркается. Идёт снежок. Не чувствуется, что сегодня – День Победы. Только что пришёл с работы. Устал. Всё же собрался с духом написать. Четвёртого числа получил твоё письмо и Семёна Людвиговича, а 5-ого позвонил из Провидения Толя. До сих пор не может сюда добраться. Он сообщил приятнейшую новость, которую ты скрыла. Это настоящий сюрприз – спидола. Светик, огромное спасибо! Я не нашёл её ни в Москве, ни в Магадане, ни в Провидении, ни здесь, хотя здесь, говорят, они были до последнего времени. Теперь жду Толика с двойным нетерпением. Он нужен до зарезу и по работе. Нерпа пошла в огромном количестве. Сегодня, к примеру, было 26, а я вскрыл только 11. Пятнадцать остались не исследованными и уже разделаны. Вчера зверя не было. Ходил на пролив рыбачить. За 2,5 часа поймал 160 саек. Это невиданно для крымских рыбаков. Здесь рыба ловится воистину по щучьему велению. Бросил крючок в прорубь без всякой наживки, дёрнул раз, дёрнул два – рыбка есть. Не удивительно, что здесь рыбаки – женщины. Они идут за рыбой, как у нас в огород за зеленью. Посидит над прорубью. Подёргает. И, смотришь, несёт домой ведро рыбы. Волшебство!

Настроен оптимистически. До возвращения так далеко, что ещё скучать по дому себе не разрешаю. Вскрыл уже 60 зверей. Сегодня в желчном пузыре нерпы нашёл трематод. Это новое для данной акватории.

Разделка на дому скоро закончится. Уже утащил к кромке четыре вельбота – начнётся массовый промысел. Разделка будет на берегу – холодно. Однако, Светик, не волнуйся. Чувствую себя превосходно. Никаких болячек. Даже насморка не знаю. Вернусь, как огурчик, – если не слопают медведи или акулы.

Отношения с чукчами замечательные. Для работы это важно.

Как Веточка? Ты бы провернула с цветными фотографиями и выслала мне, было бы здорово.

Как мама? Как у Женьки дела? Всем огромнейший привет от Мишки – Чукчи или Эскимоса. Как тебе больше нравится?

Да придёт весна скорее на землю Чукотскую, дабы глаз человеческий радовати. Уж слишком безжизненные края здешние во время суровое – майское.

Обожди, я ещё не так заговорю, как посижу здесь пару месяцев.

Крепко целую – твой М.».

«16.05.1966.

Милый Светик! Двенадцатого вечером приехал Толик. Работать будет легче. Правда, промысел усилится и придётся обоим хорошенько вкалывать.

13-го и 14-го бушевала пурга. Это была майская пурга. Всё же здорово! Ветер страшный. Хибара скрипит. Снежная пыль заполнила воздух, хотя наст обледенелый. И над всей этой кутерьмой смеётся солнце. Оно, правда, тусклое, как лампочка в бане. Потом совсем скрывается во мгле, и тогда становится пасмурно, как в сумерки. Такое состояние преобладает.

Вчера стихия улеглась. Над белоснежной Чукоткой снова солнце. Мы вышли на воскресник долбить в карьере уголь. Работали ломami, как "зэки". Вдруг кто-то закричал:

– Журавли! Журавли летят!

Это было величественное зрелище. Как воздушный парад в Тушино со всеми его фигурами высшего пилотажа. Штук 50 журавлей, светло-белых с чёрными кончиками крыльев, величественно перестраивались из одного порядка в другой. Кружили в синем небе над сверкающими снегами, то продвигаясь дальше, то снова перестраиваясь и возвращаясь к посёлку. Это канадский журавль. Говорят, три дня назад они прилетели на Чукотку. Здесь они родились. Вернулись, значит, на Родину. Поэтому так трогательно плачут в небе. От умиления, увидев родную землю. Говорят, они обычны в тундре в пятнадцати километрах от посёлка. Хотелось бы привезти такого красавца в музей, равно как и канадского белого гуся.

Чукотка оживает. В солнечную погоду порхают по сугробам со звонкими песнями пуночки. Как-то на угольной куче возле дома увидел большую чёрную муху. Обрадовался – весна идёт! И вот – журавли прилетели... Да! Недавно в тундре увидел горностаю. Узрев меня, он поспешно зарылся в снег.

Скоро будут утки, гуси, казарки, чайки и прочая тварь, двуногая и не двуногая.

В тундре уже проснулись бурые медведи. Они, как и волки, нападают на оленей. А вороны и лисицы хватают оленят. Так что у оленеводов забот много. Пальба стоит, как под Сталинградом.

Кромка придвинулась на 30 км ближе к берегу. Уже не 50 от посёлка, а 20. Охотники туда ездят на собаках за нерпой и лахтаком. Бывает, убивают

белого медведя или белуху. Шкуру умки мне бригадир, было, пообещал, но потом сказал, что за неё ему дают двигатель от автомобиля, а что я могу ему предложить? Аж ничевосеньки. Поэтому вместо шкуры белого медведя получу фигу. Даже без масла.

В двух шагах от нашей хибары проходит граница. Так что по воскресеньям я хожу ловить рыбу за границу. Разве не романтично? Сегодня магазин – выходной. Мы проголодались, а жрать нечего. Пошёл я к одному чукче, взял сердце нерпы и пару рёбер, варим. Когда приеду, буду пахнуть рыбой, как морзверь. Вообще же питание нормальное. Колбаска – майкопская по пять рубчиков с хвостиком. Салат – китайский. Яблоки – корейские. Суп грибной – польский. Короче – интернационал. А так как блюда стараются уподобиться своим нациям, то в животе между ними часто бывают самые серьёзные разногласия. Дело доходит до революций. А страдает кто? Советский Союз, то бишь – я. Стараешься утихомирить их отличным русским белым хлебом и крепким-прекрепким грузинским чаем, не жалея сахара украинского, картошки белорусской и прочей снеди, которой богата земля наша славянская. И побеждает сила русская. Ни расстройства тебе, ни насморка.

В общем, Светик, живём, времени не замечаючи, по дому не скучаючи, отрешась от всего света божьего.

Прости за корявость письма. Я – не Пушкин. С черновиками писем писать ещё не научился.

Приветствую Войско Кубанское!

Целую крепко. М.».

«19.05.1966.

Милый Светик! Получил твоё очередное письмо (от 05.05.66). Знаешь, что меня особенно радует в твоих письмах? Сообщения о Ветке. Прямо в каждом письме с нетерпением добираюсь до строчек, где ты, наконец, сообщаем о ней. Странное дело – не ожидал, что буду так сильно скучать по ней. Это не значит, однако, что о других я совсем не думаю. Я не говорю уже о тебе. Но всё же Ветка вытеснила всех. В разное время суток я стараюсь представить себе, что она сейчас делает. Вот сию минуту она, наверное, уже проснулась. У вас 8 утра, а здесь уже 6 вечера. Мы пришли с работы. Толик варит щи, а я сделал снимки патматериала и пишу тебе в маленькой комнатухе, наполненной запахами капусты и говяжьей тушёнки. После холодины, на которой мы работали почти весь день, в комнате уютно, и всё тело горит, изгоняя остатки мороза. Сегодня было холодно. Дул ветер. Мы сначала работали на снегу у жирцеа и замёрзли основательно. Затем перебрались вовнутрь. Там хорошо. Отныне будем работать только внутри. Не умирать же мы сюда приехали. Правда, в Яндракиноте мне работать осталось не долго. Самое большее – неделю. Получим пробирки, и укачу на Чукотское море в Энурмино или Нунямо. Последнее находится недалеко от мыса Дежнева, а Энурмино – западнее километров на 250–300. В Энур-

мино в 1964 году были летом Толик и Слава. Они вскрыли там 72 моржа и 8 китов. Сейчас нужно повскрывать там нерпу. Так хочет Магадан. Я решил ехать сам, ибо добираться туда трудно, и у Толика могла вся командировка уйти на дорогу. Получилось бы, что он совершил бы развлекательную поездку на Чукотку. Промотал бы 600 рублей и не работал бы. Он остаётся в Яндракиноте. В конце июня заберёт весь материал и укатит домой. Материал обещает быть солидным. Уже вскрыто 136 зверей. Однако не будем загадывать на будущее. Да поможет нам бог! Шучу, конечно. Но пока мне действительно повезло.

После Энурмино буду работать, быть может, в Уэлене или Лорино и в Энмелене. Если всё пойдёт хорошо, в сентябре буду дома. Отсюда я отправлю тебе все лишние штуки типа пальто и прочие. Они мне просто в тягость.

Да! Толик сообщил мне сегодня неожиданную новость: якобы Куха при всех заявила, что я из Провидения прислал ей письмо. Боже упаси меня от таких страстей! Я до сих пор не могу поверить, что Куха смогла сморозить такую чушь.

Ещё о деле. Сегодня получилось чисто деловое письмо, никаких эмоций. Отчасти это объясняется и тем, что я уже основательно ознакомился со щами, и мозг мой напрочь отключился. Плюс ещё одна помеха: слушаю Брежнева из Владивостока. Отвлекает.

Спидола работает отлично, Светик, но что-то она контрреволюционная. Москву еле-еле слышно. Владивосток и Магадан – то же самое. А Лос-Анджелес, Сан-Франциско отлично берёт. Пока что слушать её некогда, но в будущем, надеюсь, это будет моя единственная спутница. Ещё раз, Светик, большое спасибо!

Толик мне все твои яндракинотские письма перешлёт, так что всё будет в ажуре. Если с моими письмами будут перебои, не переживай – это Чукотка. Нельзя сказать, что на полуострове "нормальная погода". Как задует, кажется – земной шар вверх тормашками переворачивается.

Буду закругляться. Привет казачеству и тёте Рите.

Целую крепко, М.

Р. С. Побольше пиши о Ветке».

В Яндракиноте довелось встретиться с интересным человеком. Звали его Валера Тынэчейвын. Ему было лет тридцать, но он успел уже побывать в серьёзных передрягах. И знакомство наше началось с приключения. В соседней избе, точнее в её сенях, в полной темноте, ибо дело было вечером, Валера попытался помирить двух своих дерущихся соотечественников. Все они втроём завалились на дремавших в углу собак. Одна из них по закону подлости выбрала именно Валеру для расплаты за нарушение спокойствия и укусила его за ухо. Когда я выразил ему своё сочувствие, он успокоил меня, добродушно заявив, что привык к несправедливости, и стал рассказывать о том, как старухи палками прогоняли его из оленьих стойбищ, когда он там пытался проводить линию государства. Потом выяснилось, что он был делегатом партсъезда и в Кремле даже здоровался

за руку с Н.С.Хрущёвым. Но самым интересным оказался его рассказ о том, как в районе Энурмино его вместе с одним стариком и собачьей упряжкой оторвало от кромки и на льдине таскало по Чукотскому морю 14 суток то к острову Врангеля, то к берегам Аляски. Натерпелись они там основательно от холода, ветра и солёных брызг. У старика отнялись ноги, а Валера в очередной раз, что называется, вышел сухим из воды. Даже толком не болел. Спаслись они случайно. У берега штормило, и один из чукотских вельботов, лишившись возможности причалить, развернулся и снова ушёл во льды. В тумане случайно он и пристал ко льдине с несчастными путешественниками. Их раздели догола и обложили тёплым мясом только что разделанных моржей. Потом доставили в больницу.

Запомнилась также вторая встреча с жестоким каюром Конко. Всю вторую половину одного из дней я вскрывал нерп у него дома. Вернулся он к вечеру. Изрядно навеселе. Я уже знал, что в таком состоянии он становился абсолютно деревянным. Алкоголь начисто выдавливал из него все человеческие чувства. Сидя над лоханью, я продолжал вскрывать нерпичий кишечник. Он зашёл сзади, обхватил меня рукой за шею и неожиданно произнёс:

– Я – людоед. Вот сейчас зарежу тебя и съем. Майя, дай нож – я сейчас его зарежу, – обратился он к жене.

Хотелось вырваться, врезать по его пьяной роже, но пришлось сдержаться, чтобы не напортить своей будущей работе.

Колоритным оказался ещё один чукча – Аренкау. У него на кухне я вскрывал лахтака. Тут же вертелась молодая чукчанка. Настроение у меня было хорошее, и я без всякого умысла обратился к ней:

– Как Вас зовут?

– Люся, – обрадованно ответила она.

Я вспомнил расхожую нашу студенческую песенку и замурлыкал:

– Люся, Люся, я боюсь, что влюблюся...

Люся приняла мои слова за чистую монету и радостно воскликнула:

– Да? Так я скажу мужу, чтобы он сегодня ночевать домой не приходил.

Я был ошарашен таким поворотом событий и наивностью Люси. Однако ещё большее впечатление произвёл на меня старик Аренкау, спавший на полу, лёжа на боку прямо рядом с моей лоханью. В драке ему откусили нос. Это место теперь прикрывала грязная бинтовая повязка. Проснувшись, он не обратил на нас ни малейшего внимания. Подтащил к себе ночной горшок – эчульхен. Не меняя позы, помочился в него. Отодвинул и снова умиротворённо засопел. Я вспомнил ещё более занимательный рассказ об эчульхене магаданского учёного Геннадия Федосеева и считаю уместным здесь его привести. Получится настоящая баллада об эчульхене. При этом у меня нет ни малейшего намерения критически или тем более насмешливо оценивать поведение чукчей. Я проникся к ним искренним уважением и сочувствием. Возможно, другой народ в таких экстремальных условиях вёл бы себя ещё более забавно.

Так вот о Федосееве и эчульхене. До своей научной карьеры Геннадий работал на Чукотке землеустроителем, в том числе в тундре среди оленеводов. Часто приходилось ночевать в яранге вместе с чукчами. Яранга представляет собой конус, чаще всего из моржовых шкур. Внутри этого конуса вертикально висят олени шкуры шерстью внутрь, образуя небольшую комнатку, которая называется «пóлог». В пологе на земле лежат олени шкуры шерстью кверху. На этих шкурах и располагаются на ночь люди, раздевшись чаще всего по пояс догола. Полог освещается плоской с тюленьим жиром. В отдельные ночи людей набивается столько, что они могут поместиться только лёжа на боку, плотно прижавшись друг к другу. За ярангой бушует пурга. Голяком и носа не высунешь. А по малой нужде время от времени хочется всем. И тут-то на сцене появляется эчульхен. К примеру, стоит он преспокойно у правой стенки полога. Рядом дремлет Аратгыргын, а захотелось «до ветру» Тынаватгыргыну, который расположился в противоположной стороне полога, то есть у левой стенки. Вот и кричит он на весь полог:

– Аратгыргын, передай эчульхен.

И начинает эчульхен своё торжественное путешествие, плывя над головами. Федосеев признавался, что каждый раз он съёживался от страха, моля всевышнего, чтобы эчульхен не пролился ему на голову. Но больше всего не везло тому, кто последний наполнял эчульхен до краёв. Он должен был выползть в чотагын, откидывать полу яранги и выплёскивать содержимое эчульхена в беснующуюся снежную кутерьму. Колючие снежные клубы, подобно вырвавшимся на свободу чертенятам, радостно прыгали на распаренное тело несчастного и начинали щекотать его.

В начале третьей декады мая я получил телеграмму из Магадана от Федосеева с пожеланием перебраться на Чукотское море и там продолжить работы. Желание заказчика – закон для исполнителя. Оставив Сердюкова в Яндракиноте, я двинул на север.

«26.05.1966, пос. Лаврентия.

Милый Светик! Я уже не в Яндракиноте. Как только улеглась пурга, решил немедленно добираться на Чукотское море, причём не через Провидение, где можно было потерять много времени в ожидании самолёта, а на собаках через Лорино. Это трудный путь, но более надёжный. И вот я попросил каюра Эттувье отправиться утром. Днём ехать теплее. Но каюр отказался: днём тяжело собакам – снег под солнцем становится рыхлым. Договорились на три часа пополудни. Я уплатил 15 рублей колхозу, взял бутылку каюру (так принято) и жду. Проходит три часа – каюра нет. Иду к нему.

– Кит-кит обождать надо, – говорит. – Чем холодно будет, тем быстрее доедем.

Я знаю, что такое "кит-кит". У русских оно означает – немножко, у чукчей это "кит-кит" может тянуться целый день. Нервничаю. В пять часов снова иду к нему.

– Счас поедем, счас поедем.

Это "счас" длилось ещё целый час. Наконец в шесть часов выбрались. Меня провожает Толя, трое ребят из землеустроительной магаданской экспедиции и кое-кто из чукчей выходят из домов. Настроение грустное. Впереди полнейшая неизвестность.

И вдруг на краю посёлка четверо собак во главе с вожаком оторвались и понеслись к сопкам. Напрасны крики каюра – собаки ушли. Из соседнего домика на облегчённой нарте за ними в погоню пустился молодой чукча. Наша нарта тяжёлая. Оставшиеся шесть собак её еле волокут. К тому же, без вожака они совершенно не управляемы. Кричи, хоть лопни, "поть-поть", они не знают, что нужно поворачивать направо.

Мы идём по следу. На Лорино – нужно на север, а мы идём на юго-запад. Давно за сопками скрылся посёлок. Мы ещё надеемся поймать собак. Три часа кружили по горам. Большой частью пешочком. Это ужасно трудно – на Чукотке не хватает кислорода. Через каждые десять шагов выдыхаешься до изнеможения. Наконец возвращаемся в посёлок. Убежавшие собаки, оказывается, уже здесь.

Каюр уходит пить чай. Мы с Толей ещё 2 часа мёрзнем на морозе. К 11-ти всё готово. Последние рукопожатия, и мы отправляемся в путь. Собаки бегут дружно. Обгоняя нас, на четвёрках в тундру несутся олениводы. Я им приветливо машу вслед. Здесь рад каждому живому существу.

Солнце уже скрылось, но светло – начались белые ночи.

Скрипит снег под полозьями. Воздух чист и звенит, как хрусталь. На сопку взобрался длинный молодой месяц. Он страшно напоминает зайца: поднялся на задние лапки, согнулся и смотрит на нас вниз. Блестят следы полозьев. Гора – долина, гора – долина. Всё мелькает, всё завораживает. Действительно всё кажется хрустальным. Розовый небосвод медленно вращается вокруг нас. Будто передвигаемся внутри новогодней игрушки. Нарта летит вниз. Каюр тормозит, чтобы не смяла собак. В долине снег подтаял, видны чёрные кустики. Проносимся в 10-ти шагах. Оттуда выскакивает куропатка. Меня поражает её быстрый, прямолинейный полёт. А вторая так и осталась стоять, как заколдованная.

В час ночи выбрались наверх – в тундру. Небо дымчатое. Только на северо-западе розовое. Там, совсем близко за горизонтом, прячется солнце. Посмотрите, мол, как сладко без меня. Снег посинел от злости. Надоело ему девять месяцев лежать на этой безжизненной земле. Хочется звонкими ручьями спуститься с гор в моря и океаны, где жизнь, где простор.

Без четверти три добрались к олениводам. Попили чаю в тёплой яранге и снова в путь.

Ровно в три взошло солнце. Теперь небо напоминает пожар Москвы 1812 года. Клубится чёрными облаками, ворочается, как некое чудище. А снег остаётся всё таким же иссиня-белым. Лёд на речках зелёный, как светлоокрашенная яшма. Иногда по долинам рек на бреющем полёте проносятся вороны в поисках добычи.

В шесть утра мы покрыли примерно половину пути (70 км) и спустились в бухту Халюскина (в системе Берингова пролива). Там на льду сидели ян-

дракинотские рыбаки. В Яндракиноте ловится только сайка. Это мелкая рыба, сантиметров 15–20. Здесь ловится треска – до полуметра и более. Поймал и я три рыбины на счастье. Всё так же – по щучьему велению, без всякой наживки, на голый крючок. Волшебство!

Потом зашли в ярангу. Попили чаю и немного отдохнули. Долго я выгоянял из всех своих косточек проклятый холод. Всё тело горело.

Кстати, о холоде. Когда 21-ого апреля, попав из бухты Провидения в бухту Ткачен, первым из чукчей я увидел именно нынешнего каюра Эттувье, чуть не вырвал. Это он лежал на снегу весь в шкурах. Лицо чёрное, как уголь. На губах – белая пена. Под носом тоже видны были обильные выделения. Он был пьян. Я сфотографировал его и отбежал в сторону. Всё нутро моё стало судорожно сокращаться. А нынешней ночью я прижимался спиной к этим шкурам, чтобы не так мёрзнуть. И маленькие блестящие глазки его напоминали добрую забавную обезьянку.

В 9 утра двинули дальше. И снова однообразная ослепительно-белая пустыня. Без защитных очков никак не обойтись. Один яндракинотский охотник забыл их дома, так потом катался по полу, держась руками за глаза и крича от боли. Сам видел.

В час дня выбрались на пролив. Тут мы увидели двух журавлей, стаю куropаток и двух крачек. Журавли подпустили совсем близко. Я их сфотографировал примерно метров с сорока. Дальше шпарили целых 4 часа прямо по государственной границе. Метрах в двухстах на льду у лунок грелись нерпы. Ближе не подпускали. Щёлк – и нету, скрылась подо льдом.

Лорино произвело на меня приятное впечатление. Ещё издали оно выделялось на берегу среди бесконечных снегов чёрным пятном. Хотя оно на 140 километров севернее Яндракинота, весна здесь орудует вовсю. Бегут ручьи, по лужам на ящиках отправляются в кругосветные путешествия раздевшиеся ребятишки. Их звонкие голоса сливаются в солнечном небе с криками чаек. Тянут на север косяки уток. И кромка здесь ближе. Море всего лишь в нескольких километрах от берега. Его синь видна на горизонте. В Яндракиноте этого не было.

Однако всё это оживление только там, где солнечные лучи не встречают коварной отражающей белизны. А вокруг всё те же двухметровые мёртвые снега.

В Лорино мне здóрово повезло – к вечеру из Лаврентия пришёл чукотторговский вездеход. После страшного холода на собаках я попал в настоящую русскую баню. Пришлось снять и куртку и шапку (торбаза и меховые лётные штаны снял раньше). Но не в этом заключалась основная прелесть путешествия из Лорино в Лаврентия (44 км). В вездеходе нас было двое: водитель, кстати, из Севастополя, и я. Кузов был забит грузом. Мы шли по льду у подножия береговых сопок. Их склоны юго-восточной экспозиции оголились от снега, и на проталинах стадами паслись журавли. У нас было ружьё и мелкашка, и мы всю дорогу гонялись на вездеходе за журавлями. Это настоящее удовольствие, ни с чем не сравнимое. Я испытал настоящий

охотничий азарт. Странное дело: вездеход внешне напоминает танк и ревёт, как танк, а журавли подпускают его ближе, чем человека. Но ещё ближе подпускают его куропатки, буквально до 30-ти метров. Водитель у посёлка Аккани (в 18 км от Лаврентия) двух застрелил в упор. Когда убивают самца, самка его не бросает, умирает вместе с ним. Вот это я понимаю – любовь. Не то, что у людей.

Лаврентия встречало нас снежным зарядом и сильным ветром. "Дворники" не успевали очищать лобовые стёкла. Мы продвигались больше ошупью. И в этой кутерьме пограничные наряды один за другим без конца проверяли наши документы. Вот тебе и "солдат спит, а служба идёт". Тут этого не скажешь. Служба та, что надо – рядом враг, самый сильный, самый коварный – Америка. И мы с каждым километром продвигаемся всё ближе к ней. Поэтому к нам и такое отношение. Но я не обижался. Наоборот – на душе было хорошо. Лица все русские. Такие насмерть стояли под Москвой. Такие сломали хребет Гитлеру под Сталинградом.

В Энурмино добраться в ближайшее время, возможно, не удастся. Тогда буду работать в 120-ти километрах от Лаврентия – в Уэлене. Затем попробую пробраться на запад (Инчоун, Энурмино).

Светик, закругляюсь. И так переборщил. Тебе повезло: мой дневник заперт в аэропорту, поэтому так подробно пишу тебе об этом интереснейшем отрезке пути, чтобы не сгладились впечатления. Могут быть изменения в месте работы, поэтому пока на Уэлен не пиши. Туда тоже не просто добраться: самолёты вообще месяца на полтора остановились – в Лаврентия всё раскисло.

Жди телеграммы.

Целую крепко, М.

P. S. Само собой разумеется – привет всем!»

Должен признаться, что молодой жене я изложил не все подробности этого путешествия. Маленькое приключение случилось со мной в Мечигменской губе (бухта Халюскина).

Как только мы с Эттувье нырнули в чотагын яранги яндракинотских ловителей трески, все сидевшие там и пившие чай мужики подозрительно быстро выскочили из яранги и отправились на пролив. В чотагыне осталась лишь совсем молоденькая девочка, как она сама призналась, только что закончившая 8 классов. Она усердно угощала нас чаем, причём часто вскакивала и умудрялась в это время вертеть у меня перед носом наиболее округлой частью своего тела, будоража в моей крови давно уснувший тестостерон.

– Отдохни... – загадочно шепнул мне Эттувье, показывая глазами на девушку.

Я прикинулся дурачком, залез в полог и тут же заснул. Когда проснулся, Эттувье и девушка всё так же сидели в чотагыне.

– Поехали, Эттувье! А то опять будет холодно, – решительно обратился я к каюру.

– Ты отдохни... отдохни... – продолжал он упрасивать меня всё так же таинственно.

Я ещё раз залез в полог. Попробовал заснуть, но не смог. Выбравшись оттуда, обрушился на Эттувье с ещё большей решительностью, не оставляя ему шансов на сопротивление. Он сдался. Когда мы уселись на нарте, он разочарованно произнёс:

– Почему ты не отдохнул с девушкой? Ты мне хорошо сделал, я тебе хотел хорошо сделать.

Оказывается, он хотел меня таким образом отблагодарить за бутылку водки, которую я купил ему в дорогу в Яндракиноте.

Конечно, остановила меня перед девушкой не только верность молодой жене. Не малую роль сыграл и блестящий жир на её лице. Умываться в тех условиях не представляется возможным, но брезгливости не прикажешь. Опасался я и венерических заболеваний, которые свирепствовали в то время на Чукотке. В памяти ещё свеж был рассказ одной медички из бухты Провидения. Её муж в чукотской одежде уехал на собачьей упряжке в сопки охотиться. Назад возвращался бухтой. Уснул. Собаки угодили в полынью. На глазах у всего посёлка он барахтался в воде, отбиваясь от собак, которые норовили взобраться ему на голову. Исцарапали всё лицо, но, в конце концов, утонули. Жена видела его в эти трагические минуты, но приняла за чукчу и, измученная лечением их венерических болезней, равнодушно обронила:

– Пусть тонет – одним трипперным станет меньше!

Была ещё одна заковыка, которая помешала мне поддаться на предложение каюра. От Федосеева я слышал, что такая девушка в яранге выполняет роль общественной жены. Он сам наблюдал, как одна и та же девушка в разные ночи занималась любовью с разными мужчинами. Когда он спросил её, кто из них муж, она спокойно ответила, что муж в тундре и как раз сегодня вернётся в ярангу.

Так что гигиена тоже сказала своё веское слово против предложения Эттувье.

В Лаврентия мне удивительно повезло. 28 мая решили отправить в Нешкан последний самолёт в зимнем варианте, то есть на лыжах. Потом нужно было ждать полтора месяца, чтобы в Нешкане взлётно-посадочная полоса просохла и смогла принимать самолёты на колёсах. Я ликовал.

Нешкан

«Аннушка», попрыгав немного по сугробам, легко, как стрекоза, поднялась в солнечное небо. Она была до отказа набита детьми и взрослыми чукчами в торбазах и оленьих кухлянках, а остальное пространство было занято самым разнообразным багажом.

Нешкан расположен на берегу Чукотского моря, в 250 км к западу от Лаврентия, который, как известно, находится на берегу Берингова пролива,

отделяющего Чукотку от Аляски и соединяющего Чукотское море с Беринговым. Первое входит в систему Ледовитого океана, второе – в систему Тихого. Так что этот район является одним из самых интересных на планете. Именно здесь соприкасаются и взаимодействуют два величайших гидрогиганта: Арктика и Пацифика. Атмосфера здесь на редкость динамична. Но нам на сей раз везло. Мы плыли в мутноватой голубизне, пронизанной бесчисленными солнечными лучами.

Нешкан явился внизу грязным пятном среди бескрайних белых снегов. Взлётная полоса раскисла, и на ней из-под снега грозно торчали опасные для посадки кочки. Пилот стал выискивать подходящую площадку на льду моря, но оно замерзло в схватке с жесточайшими штормами и было настолько заторошено, что ровного места на нём не оказалось. Я жадно смотрел в иллюминатор. Самолёт вдруг стал выписывать в воздухе такие пируэты, что я потерял ориентацию. Солнце то сверху смотрело на меня, то вдруг оказывалось внизу. Я недоумевал, что творится. Но пилот, оказывается, хорошо знал своё дело.

Покувыркавшись в воздухе, он ловко приземлился и побежал по взлётной полосе, обминая кочки.

В посёлке встретили меня недружелюбно. Председатель колхоза оказался ворчливым. Не лучше выглядел и продавец в продовольственном магазине:

– Знаем мы вас – учёных. Брехуны! Был тут в прошлом году Дима Козлов из Академии Наук. Сказал чукчам, что они умрут, а они не умерли. Вот и верь вам.

О Диме Козлове я был уже к этому времени наслышан. Знал, что он впервые в СССР обнаружил у моржа очень опасного для человека паразита – нематоду трихинеллу. Нашёл он её, оказывается, именно в Нешкане в мясе разделанного зверя, которого уже успели отведать некоторые местные жители. Дима узнал, кто ел трихинеллёзное мясо, и заявил им, через сколько дней помрут. А они взяли и не померли.

Этот случай произвёл на меня сильное впечатление. Я дал себе зарок – никогда не делать безапелляционных научных прогнозов.

Не везло мне в Нешкане в главном – с работой. Береговой припай стал трескаться. Охотники боялись ходить по нему к кромке, где можно было добывать нерп и лахтаков, поэтому промысел практически прекратился. Как-то узнал, что один из охотников привёз нерпу. Заскакиваю – лежит красавица в сенях. Прошу хозяина, чтоб не разделывал, пока я сбегая за инструментом.

– И-и, – соглашается он.

Возвращаюсь – собаки приканчивают нерпичьи кишки.

– Уже разделал? – с негодованием удивляюсь я.

– И-и, – как ни в чём не бывало, отвечает чукча.

«Вот бы икнуть тебе промеж глаз!» – нежно подумал я.

Даже собаки были против меня в этом посёлке. Когда я вскрыл всё-таки нерпу в сенах одного из охотников и, обнаружив в желчном пузыре трематод, высунулся на крыльцо, чтобы при лучшем свете сосчитать их, одна из голодных собак в невероятном прыжке схватила меня за руку, и нерпичий желчный пузырь вместе с трематодами исчез в её чреве.

Отсутствие работы убивало меня и, тем не менее, начавшиеся перемены в окружающей природе зачаровывали. Сижу как-то в своей избе после двенадцати ночи (на самом деле полярный день в разгаре), вожусь с инструментом, форточка открыта, и через неё слышно, как совсем рядом на розовом озере, образовавшемся прямо на снегу, молятся богу сауки (utki-морянки):

– Ал-аллах, ал-аллах.

Волшебство! В такие ночи не спится. Бродил я без усталости вокруг посёлка в инфракрасных лучах.

В конце концов из-за отсутствия промысла я вынужден был покинуть Нешкан.

Энурмино

«06.06.1966.

Милый Светик! 4 июня в полдень по раскисшему снегу в числе других пассажиров направил я свои стопы на санях, еле-еле ползущих за трактором, на восток по берегу Чукотского моря. За день до этого был дождик. Но сейчас снова светило солнце, спасая нас от промозглого чукотского холода. Этот проклятый холод вызывается малейшими движениями воздуха. Трактор идёт – чувствуется встречный ветерок. Остановился – теплынь, как в Крыму. Снимаешь шапку и хочется её от радости зашвырнуть куда-нибудь подальше на облака, легко висящие в безбрежной синеве. Небо здесь особенное. У горизонта – лазурное. А выше – синее. И макушка – почти фиолетовая. Но особенно красивое оно ночью. Правда, ночей фактически уже нет. Первого июня в час ночи я заснял солнце над самим Северным полюсом. Тогда оно катилось по линии горизонта. Я шёл к нему на лыжах по льду Чукотского моря, пробираясь сквозь торосы, как в лесу. Но так и не дошёл. Льдины торчат под разными углами, как противотанковые ежи, преграждая путь. Пришлось вернуться. С тех пор солнце совсем не заходит. Не даёт мне спать. Каждый раз мы встречаемся в полночь где-нибудь на берегу моря или в тундре у озёр. Они образовались из талой воды прямо на снегу. И представляешь, какая красотища! Небо – розовое. Снега – голубые. Лёд – изумрудный. Озёра – оранжевые. С одной стороны – солнце, с другой – луна: огромная и грязная, как снежный ком в угольной пыли. Всё играет. Всё звенит в могильной тишине. Как-то иду по тундре – впереди костёр. Красный и длинный-длинный. Подхожу ближе – деревянный столб. Это колеблющийся воздух размыл его в виде пламени. А изломы льдин отливают золотом. В озёрах молятся сауки:

– Ал-аллах, ал-аллах.

Это небольшие утки-морянки с длинными косичками на хвостах.

Всё это в полночь. Настроение в это время особенное. Днём оно тоже бывает хорошим, но только тогда, когда есть промысел. А когда промысла нет, я злой, как чёрт.

Вот и сегодня: уже второй день в Энурмино, а вскрытия ни одного. Я даже удивляюсь, как это ещё с письмом более или менее получается. Обычно отсутствие промысла убивает меня совсем. Начинает болеть голова. Вчера, правда, было воскресенье: устраивался с жильём. Поселился у нового зампреда. Старый председатель дней через 10 уезжает на материк. Возможно, будет в Крыму – зайдёт к вам. Зовут его Семёнов Михаил Михайлович. Хороший парень. Меня встретил отлично. Не то что в Нешкане председатель.

Светик, пиши мне на Лаврентия. Там я получу с гарантией, а сюда можно посылать только телеграммы. Это письмо я отправляю, пользуясь случаем: за результатами выборов прилетит вертолёт.

Сегодня снова дождик. Даже на охоту нельзя пойти.

Энурмино чище Нешкана. Прямо на берегу. Вокруг сопки с гребешками скал. Скалы далеко отстоят друг от друга и издали напоминают нефтяные вышки. В посёлке снега уже нет, а вокруг ещё очень много. Но уже местами появляются проталины. Кромка далеко, километров пятнадцать. Большие трещины. Охотники боятся ходить туда. Они без байдарок, в отличие от янтракинотских, поэтому и промысел такой дохлый.

Из Нешкана сюда мы добирались на тракторе 8 часов. Сей вид транспорта не более весёлый, чем нарты.

Светик, не волнуйся за меня. Имею в виду – во всех отношениях. Надеюсь на взаимность.

Целую крепко, М.».

«12.06.1966.

Родной Светик! Завтра, наверное, придёт вертолёт за результатами выборов. Хочу использовать эту возможность: отправить тебе пару строчек. Иначе тут письма не доходят. Как уехал из Янтракинота, ниоткуда ни строчки. Получил только две телеграммы: из Магадана и от Сердюкова.

В Энурмино очень трудно было организовать начало работы. Семёнов запил, и его выгнали. Теперь другой. Я у него живу. Распинался, что разделка будет в жирцехе. Туда, мол, охотники будут свозить зверей. Хорошо, что я вовремя плюнул на его обещания и сам стал налаживать контакты с охотниками. Оказалось, что они привозят нерп вечером домой и тут же разделявают. Утром заходишь:

– Уйна нерпа (нет, значит).

В других посёлках привозили нерпу тоже вечером, но разделявали утром, когда звери оттаивали. Однако не это оказалось самым страшным, а то, что энурминские чукчи сначала отнеслись к моим попыткам исследовать

зверя очень недоверчиво. Скрывали всё на свете. Я мотался по посёлку, как угорелый. Никто не помог. Однажды всё-таки зацепился. Обрусевший поляк Стрекочинский (заведующий торгово-заготовительной базой) подсказал мне, что в крайний дом (напротив погранзаставы) вчера вечером охотник Рыгчуйгын затаскивал нерпу. Я к нему. Закрыто. Рядом у собачника возится старый чукча. Я подумал, что это Рыгчуйгын.

– Мемель варкен? – спрашиваю, то есть: нерпа есть?

– Уже разделал.

Стал я у него выспрашивать фамилии охотников, чтобы подкараулить, когда они будут возвращаться с охоты. Он говорит неуверенно, с опаской. Я достал блокнот, записываю. Из домов в дверные щели выглядывают чукчи: кого это продаёт Аратгыргын? Он видит это и совсем замолкает.

– Не знаю, – говорит.

Это проклятое "не знаю" я слышал на каждом шагу. Однако три фамилии у меня уже были. Я обежал эти дома: мемель уйна. Побежал в контору. Семёнову не говорю: боюсь всё дело испортить. Обращаюсь к чукче – завскладом, когда Семёнов вышел:

– Так, оказывается, нерпа есть?

Он уже не говорит, что не знает, а говорит, что обещали сдать нерпу на склад неразделанной.

– Кто обещал?

– Ретыгреу.

"Ага! Ещё один есть!" Бегу к нему. Нерпа ещё не разделана. "Хорошо!" Побежал за инструментом. По дороге русская женщина сказала, что ещё один охотник привёз. К нему – одни ребяташки. С ними проще: выдадут.

– Нерпа есть?

– Нету.

– А у кого есть?

– Старик Кайкако двух убил.

Бегу к старику Кайкако. Дома никого. Открываю кладовку – к чёрту условности! Лежит красавица! Правда, одна только.

Вскрыл я эти две нерпы. Возвращаюсь домой. У магазина – чукчи. Они знают, что я уже зацепился, да и приветливость моя видно пришлась по душе. Уже не говорят, что не знают, а называют охотников, не вернувшихся с кромки:

– Атпре, Сику, Тналяу.

Лёд тронулся!

Сложно запомнить сразу всех охотников, но ещё сложнее найти к каждому из них подход. Чтобы они позволили тебе вскрывать. А охотников – пруд пруди: Эйнанеку, Сику, Атпре, Тналяу, Кымынрультет, Кейпеткын, Унпенер, Тынаном, Каём и т. д. В первый же день я всех их запомнил. Чукчей это поразило. Теперь они относятся ко мне чудесно. Сегодня, например, иду голосовать, а Тналяу кричит в форточку:

– Зайдите, нерпа есть!

Здорово! Но промысел очень слабый: далеко кромка – 20 км. Торосы, трещины. Ходить туда крайне опасно. Охотятся у лунок. В Энурмино уже вскрыл 16 нерп и лахтака.

Всего наилучшего!

Целую, М.».

Очень грустная история

По случаю выборов 12 июня в клубе устроили танцы. Перед этим молодёжь собралась на небольшое застолье и пригласила меня. Мне было любопытно наблюдать, как молодые девушки и парни, немного развеселившись, дружно и задорно пели о тяготах чукотской жизни, а потом ещё более задорно обрушивались на них (на трудности) ошеломляющим припевом:

*Зато вокруг такая благодать, едрёна мать!
И нам на трудности, конечно, наплевать!*

В их звонких голосах чувствовалась такая святость, такая непорочность, что в устах девушек даже матерное слово не казалось вульгарным. Это были честные труженицы детского садика и младших школьных классов. Особенно милостивой мне показалась Света Кунцевич. Её красивое лицо прекрасно сочетало европейские и азиатские черты. Танцуя с ней в клубе, я узнал, что отец у неё русский, а мать – якутка. Она уже замужем, но муж её в армии. Она верно его ждёт. Мне это очень понравилось, потому что живо напомнило мою судьбу. Я ведь тоже служил в армии уже будучи женатым и знал, как хорошо, когда тебя ждут. Я искренне пожелал ей счастья.

К огромнейшему моему сожалению, которое не оставляет меня всю мою жизнь, судьба Светы Кунцевич закончилась очень скоро и ужасно трагично. Об этом я узнал на следующий год, когда со зверобойной шхуны «Оленница» высадился на Чукотке в посёлке Лаврентия. Возле одноэтажной гостиницы, съедаемый комарами, я сколачивал из фанеры ящики для отправки в Симферополь музейного материала. Из гостиницы вышел знакомый энурминский чукча. Я обрадовался и стал расспрашивать обо всех моих энурминских знакомых. Когда дошёл до Светы Кунцевич, чукча совсем сник.

– Уже больше месяца лежит в леднике. Мать почему-то не может прилететь из Якутии и забрать, чтобы похоронить нормально.

Оказалось, что в Свету влюбился местный ветеринар. Она его, конечно же, отвергла. Однажды он напился и пришёл к ней с ружьём.

– Не пугай. Стрелять не станешь, – спокойно сказала она.

Но этот мерзавец выстрелил ей в бок и убил.

«Передовой» оленевод

13 июня, узнав, что на окраине посёлка вот-вот должен приземлиться вертолёт, я бросил все свои дела и побежал вдоль центральной улицы. Странное дело – в Заполярье в Энурмино, как и в Шойне на Белом море, дома утопают в сыпучих песках, как где-нибудь в Кара-Кумах. Я проваливался в песок выше щиколотки. Улица была широкой и пустынной. И вдруг впереди я увидел странную картину: прямо на моём пути посреди улицы, коршуном склонившись над своей жертвой, кулаками в песок вколачивал мужчина женщину. Он был без головного убора, в кухлянке, в оленьих штанах и торбазах. Значит, только что вернулся из тундры. Женщина сидела в песке. Её голова со всех сторон была опутана слипшимися от влажного песка и крови волосами. Лицо её было тоже в крови. Никаких звуков ни мужчина, ни женщина не издавали. Оба были мертвецки пьяны. Я схватил мужчину сзади за плечи и решительно оторвал от женщины, пригрозив ему напоследок кулаком. Времени на дальнейшие разбирательства не было, и я побежал к толпе на краю посёлка, где ожидалось приземление вертолёта. И он действительно очень скоро совершил посадку. Люди окружили его. Из вертолёта чинно сошли члены избирательной комиссии, а за ними бойко выскочил очень вертлявый человек с огромным фотоаппаратом в руках. Представившись фотокорреспондентом газеты «Советская Россия», он, как дрозд, запрыгал в толпе вокруг вертолёта, пока не наткнулся на прибредшего к этому времени пьяного чукчу, только что избивавшего женщину.

Корреспондент радостно вскрикнул:

– О! Это тот, кто мне нужен! – он подскочил к другому чукче, у которого на голове был национальный убор, сорвал его и нахлобучил на пьяного изверга. – О! Это будет передовой оленевод! – продолжал восторгаться он, нацеливая фотоаппарат на лицо пьяницы.

«И это так они собирают материал для газет?!» – в ужасе подумал я. Захотелось подскочить, ударить по фотоаппарату, чтобы прекратить явное безобразие. Но омерзение моё было настолько велико, что помешало мне исполнить внезапно вспыхнувшее желание. «Горбатого могила исправит», – попытался я успокоить себя. Потом всю жизнь жалел об этом, потому что полюбил тезис Л.Н.Толстого: «Равнодушие – это нравственная подлость!»

Кончилось тем, что описанный случай навсегда отвратил меня от журналистики. А ведь в школьные годы я мечтал об МГУ и именно о факультете журналистики.

Радоваться рано

В течение шести дней мои отношения с охотниками совсем наладились, и я успешно вскрывал нерп у них на дому. Однако с 13 июня по команде на-

чальства добытых зверей стали доставлять в жиротопку – строение с одним подслеповатым окошечком. Здесь моя работа снова превратилась в кошмар. Чукчи противились моим вскрытиям, как могли. Женщины-раздельщицы умудрялись подтаскивать нерпу к самому окошечку и, согнувшись, помещали своё седалище как раз перед моим носом и почти полностью перекрывали и без того тусклый свет. Выкидывали изо рта измеренных мною животных этикетки, а когда я преодолел решительным протестом это препятствие, стали швырять внутренности нерп в мою лохань с такой силой, что я обливался нерпичьей кровью. Пьяный старик стал говорить мне, что я мешаю, плохое дело делаю.

И тут я заметил, что одна молодая девушка вытаскивает из кишки лахтака крупных червей (цестод *Pyramicocephalus phocarum*) и складывает в кучечку. Ну, думаю, хоть одна добрая душа нашлась. Помогает. Однако когда я потянулся к червям, чтобы законсервировать их, девушка решительно заявила:

- Не бери!
- Это черви! – попытался я оправдаться.
- Это не черви! – возразила девушка. – Мы их едим!

После этого напустилась на меня женщина, пришедшая за внутренностями.

– Нам есть нечего, а ты внутренности портишь. Нам что, в море их теперь выбрасывать?

- Сколько тебе лет? – в ответ атаковал я.
- Двадцать.
- А я вскрываю нерп, чтобы ты жила до ста лет. Поняла?

На чукчанку это подействовало, потому что по слухам было известно, что средняя продолжительность жизни чукчей якобы составляет всего лишь 27 лет.

Поход за белым гусем

Весна в том году явно не торопилась на Чукотку. В Энурмино только в июне «лунными ночами» (на самом деле в разгаре был полярный день) холодный воздух стал оглашаться криками гусиных стай. Обалдевшие от восторга, они летели из далёкой Калифорнии на север, на остров Врангеля, чтобы там, вдали от беспокойного человека, вывести потомство и тем самым продлить свой гусиный род. Я знал, что некоторые стаи садятся на отдых за горным перевалом в тундре: в верховье реки, примерно в двадцати километрах от посёлка. Нужно было только выбрать свободное время.

8 июня я сделал первую вылазку в тундру. В результате в дневнике появилась следующая запись: «Взял у Семёнова ружьё. При переправе через бурную речку сбило с ног. Возвращаться в посёлок было стыдно. Весь мокрый в течение восьми часов продолжал охоту. Тундра спит. Напрасно

стараясь разбудить её, кричат на разные голоса кулики, курлычут на сопках журавли, молятся в отчаянье морянки – тундра спит. Солнце тоже взялось оживить её. Круглосуточно, отдохнув немного в полночь на горизонте, взбирается оно всё выше и выше, чтобы отогреть спящую красавицу. Ядовитые туманы ползают по бурой прошлогодней траве, вгрызаясь в тощий хребет одряхлевшего снега. Последний, как старец с русской печки, ворчливо сползает по долинам вниз, к морю, уступая место жизни».

18 июня я повторил попытку добыть в музей белого гуся. Ружьё мне дал на сей раз секретарь Энурминского сельсовета – молодой чукча Ято, который только что похоронил свою красавицу жену, умершую от поселившегося в её печени эхинококка. Еле сдерживал он рыдания, рассказывая об этом. Он же посоветовал отправиться в тундру ночью, чтобы легче было форсировать вздувшиеся реки. И хотя я вышел из посёлка в 23 часа 40 минут, первая же река встала на моём пути непреодолимой преградой. Я решил обойти её морем по льду и удалился в результате этого километра на два от берега, ибо пришлось обходить целые озёра, образованные на льду той же рекой. Погода была тихая и ничто, казалось, не предвещало неприятностей. Однако, когда я невзначай взглянул на перевал, то увидел, что оттуда, одолев горный хребет, по тундре катится навстречу мне светло-бурый вал тумана. Он окутал меня ещё в море, но я засёк направление ветра и успешно добрался до берега. Правда, ветер незаметно для меня поменял своё направление с западного на северо-западное, и я отклонился вправо, обойдя, сам того не зная, полярную станцию не с востока, а с запада. В тундре я продолжал ориентироваться по ветру и лишь намного позднее убедился в том, что этого делать было нельзя. За сутки ветер обошёл по кругу всю линию горизонта, постепенно меняя направление. Погода страшно испортилась. Было очень холодно: шёл дождь со снегом. Часа через два я понял, что заблудился. Никакого подъёма на перевал не чувствовалось. Ноги по-прежнему вязли в раскисшей тундре. А когда стали чудиться гудки парохода в Чукотском море, которое было полностью покрыто льдом, мне стало не по себе. Уж не галлюцинации начинаются? Стал прислушиваться, откуда могут взяться здесь эти неожиданные звуки. Оказалось, их рождает ветер в стволах моего ружья за спиной, а трансформирует их опущенная и завязанная внизу шапка ушанка. Я понял, что продолжать движение вперёд бессмысленно и даже опасно, потому круто развернулся на 180 градусов в надежде вернуться к морю и на полярной станции переждать непогоду.

К морю я вышел без труда, но продвижение на запад долгое время ничего не давало. Стало ясно, что я снова заблудился и на полярную станцию мне не попасть. К моей радости, вскоре из тумана выросла совсем крохотная избушка, не более пяти квадратных метров. Приняв её за охотничью, я взялся за топор и быстро нарубил дров. Буржуйка, стоящая посередине, вскоре стала для меня милее крымского солнца. Я прилёг на лежанку и сладостно задремал, не раздеваясь, конечно. Ровно через полтора часа

проснулся от ужасного холода. Мной овладела полная апатия. Не хотелось ни думать, ни шевелиться.

«Лучше замёрзну, но подниматься не стану», – вяло проплыло в подсознании. Но вдруг вспомнилась двухлетняя дочка Веточка. «Это она останется сиротой, – продолжали плыть неясные мысли. – Ей будет очень трудно. Я ведь вырос сиротой и знаю, что это такое. Нет! Ради неё надо бороться». Как пружиной, подбросило меня. Поднялся, вышел на улицу, нарубил дров, затопил печку, замотал висевшую на двери верёвочку на гвоздь в ушаке и снова прилёг. В это время в дверь решительно постучали.

– Кто? – невольно вырвалось у меня.

– Руки вверх! – грозно раздалось за дверью, но по какому-то еле уловимому нюансу я понял, что команда несерьёзная.

Я открыл дверь и увидел двух вооружённых людей. Познакомились. Это были радисты с полярной станции: медлительный, степенный Владимир и очень подвижный Виктор. Пока я объяснял, кто я и куда иду, я обхватил руками трубу буржуйки и прижимался к ней всем телом, стараясь хоть немного согреться.

– Брось ты это! На ходу быстрее согреешься. Мы идём туда же. Осталось перевалить одну гору, – суетясь, заговорил Виктор и, не дав мне опомниться, схватил с пола кастрюлю, выбежал на улицу, зачерпнул из лужи на льду воды, вернулся и плюхнул свою ношу в печку. Дым и чад, как от взрыва, мигом заполнили всю нашу хибарку, и мы выскочили на улицу. Виктор замотал дверь на верёвочку с наружной стороны, и мы двинулись в путь.

Действительно, перевалив через гору, мы оказались у большой реки. Птичий гогот доносился с разных сторон. В тумане проносились стаи уток, а среди них попадались и казарки. Мы, изредка постреливая, поднимались всё выше и выше к верховью реки. Незаметно пролетели четыре часа. Туман сзади вдруг рассеялся, и мы увидели на горизонте огромный чёрный столб дыма, как раз там, где осталась наша хибарка. Сердце у меня ёкнуло. Я уже знал, что это не домик охотников, а обогреватель пограничников. С ними шутки плохи. Мои опасения подтвердил и Виктор, сразу же отмежевавшись от главного «поджигателя». Воистину друзья познаются в беде. Настроение у меня испортилось на весь день. Ни журавли и казарки, ни сауки и гаги не смогли поправить его. При возвращении мы оказались на месте бедной хибары. От неё остались лишь кучечка пепла да лежащая на боку «буржуйка». Так бесславно закончился мой поход за белым гусем. К счастью, с Чукотки меня не выдворили. Пограничники с пониманием отнеслись к происшествию. Смастерили новую хибару. Поставили её на сани и оттащили трактором на то же место. Я беспрепятственно продолжал сбор научного материала. Теперь я вскрывал не только тюленей, но и моржей. Интерес к этим великанам был огромен. Я ловил каждое слово о них. Ниже предлагаю одну из историй, рассказанных чукчами. Она касается хищного моржа, который называется у чукчей «кэлючин», а также взаимоотношений белого и бурого медведей.

Схватка

Когда моржонок был маленьким, охотники убили его мать. Она не успела научить его добывать себе пищу честным трудом: роясь в иле, выискивая там различных червей и моллюсков. Он стал настоящим морским разбойником: нападал на нерп, лахтаков и даже других моржей. Моржи невзлюбили его, и всю жизнь он прожил в одиночестве. А когда настало время помирать, никто из моржей не пришёл ему на помощь, не поддержал клыками на волнах его массивное одряхлевшее тело. Вылез рырка (морж) на берег, посмотрел с грустью на весеннее солнце и умер.

Тем временем брёл по тундре голодный кейнын (бурый медведь). С прошлой осени он ничего не ел: всю зиму пролежал в берлоге, а весна ещё не успела оживить тундру. Внутри подташнивало и мутилось в голове. Он брёл бесцельно навстречу освежающему бризу и не сразу уловил запах рырки на берегу, а когда его увидел, даже замер от неожиданности. Перед ним был зверь раз в пять больше самого кейнына. Он лежал неподвижно, вытянув на песке свои широкие ласты. Тело у него было сморщено, как у болотной черепахи, и только метровые клыки говорили о его когда-то недюжинной силе.

Кейнын в нерешительности переступил с ноги на ногу, роняя на песок крупные капли слюны. Рырка не шевелился. Кейнын сделал несколько шагов, поводя носом и пьянея от сладкого запаха рырки. Морж лежал всё так же неподвижно. Кейнын вдруг рывкнул так, что с моря с криком поднялась стая бургомистров. Рырка и на сей раз не шевельнулся. Кейнын осмелел и впился зубами в тёплый бок рырки. Только сейчас он понял, что рырка мёртв. Он стал рвать его с жадностью. Запах крови ещё больше разбудил его голод. Он так увлёкся, что не заметил, как сзади на белоснежной льдине подъехал гроза северных морей – белый медведь-умка.

Умка не дождался, пока льдина причалит к берегу. Он спрыгнул в воду, добрался до берега вплавь и лёгкой походкой направился к рырке с кейныном. Он не был особенно голоден, но моржатину любил. Не обратив ни малейшего внимания на кейнына, он пристроился рядом и принялся тоже свежевать рырку. Однако кейнын не намерен был делиться с умкой своей добычей. Для начала он предостерегающе зарычал. На умку это не подействовало. Тогда кейнын ударил его в ухо: так, не особенно сильно, но умка понял, что с ним хотят иметь дело. В ответ он стукнул сверху кейнына по голове. Тот перелетел через рырку и ткнулся носом в песок. Такого поворота событий кейнын не ожидал. «Отдать рырку этому белому наглецу? Ни за что!» Он мигом перемахнул назад через рырку и сильно ударил умку в бок. Умка охнул, тяжело осев назад, но снова его могучая лапа опрокинула кейнына на песок. Кейнын совсем вышел из себя. Он прыгнул на умку и вцепился зубами в его жирный загривок. Для умки дело приняло серьёзный оборот. Он упал на спину и стал кататься по песку, стараясь освободиться от кейнына. Долго ему это не удавалось. Дикий рёв, сотрясая полуденное без-

молвие, поплыл над тундрой, отдаваясь эхом в заснеженных сопках. Кружили над берегом потревоженные чайки. Борьба продолжалась. Шерсть, чёрная и белая, летела во все стороны. Наконец разъярённый умка поймал кейнына за голову и оторвал ему нижнюю челюсть. Когда он кончил трепать безжизненное тело кейнына, раздался выстрел. Вторая пуля свалила его на песок.

Ни умка, ни кейнын не знали, что из-за ближайшей скалы уже давно за ними следит охотник Ококо. Он ни с чем возвращался домой. Охота в том далёком году была трудной: зима долго не уходила с Чукотки, а когда южак внезапно угнал льды от берега, зверя совсем не стало.

Весь посёлок ликовал по случаю удачи Ококо. Старик Аратгыргын даже достал с чердака свой старый запылившийся бубен.

Когда разделявали умку, обнаружили, что три ребра у него сломаны.

«17.06.1966, Энурмино.

Милый Светик! Приземлился вертолёт. Прилетел знакомый геофизик. Только заправится и улетит. Я взял у него бумагу и карандаш, чтобы черкнуть тебе пару строчек.

Промысел всё ещё никак не раскачается. Сегодня, к примеру, вскрыл только одну нерпу, а всего в Энурмино – 30 нерп и одного лахтака. Работает ютак. Может, оторвёт льды, тогда начнётся весёлая жизнь. Охота пойдёт с вельботов. Мне тоже придётся поболтаться на волнах, ибо лахтаков разделяют в море. Так что вернусь не прежним Мишкой, а настоящим Морским Волком. Шучу, конечно.

Со здоровьем у меня всё в порядке. Глаза и желудок работают как часы. Вот только настроение паршивое бывает, когда промысел неважный.

Вчера и сегодня почему-то из головы не выходит Крым, вы все. Неужели началась тоска по дому? Рановато. Ещё работать и работать надо.

Получил твою телеграмму, а Толину нет. Мы договорились, что он общит, какой повезёт музейный материал. Я запросил ещё раз. Не ответил. Геофизик говорит, что он уже улетел. Видел его в Провидении.

Светик, если продлят командировку, то я вернусь не раньше половины сентября. Целую М.».

Скелет нерпы

Со сбором музейного материала в той экспедиции мне совсем не повезло. 23 июня выпросил у чукчей одну нерпу для изготовления скелета. Мясо обрезал, скелет заколотил в ящик с узкими щелями. Привязал его к длинной жерди и затолкал в море подальше от берега с надеждой, что окончательную очистку костей произведут рачки чилимы (бокоплавы). Именно так советовали мне поступить друзья-магаданцы из Института морского рыбного хозяйства и океанографии. Они уже имели опыт по очистке костей без вываривания.

В этот день промысла не было и я решил сбегать в тундру на охоту. 14 часов гонялся по тонкой заболоченной местности за серыми гусями, казарками и журавлями. Домой плёлся по болоту еле живой. Взобрался на гребень, увидел на горизонте посёлок, и на душе стало легче. Тут же из болота торчал небольшой камень. Я уселся на него и, пригреваемый ласковым солнышком, сладко задремал. Оказывается, и на болоте можно спать, причём даже сидя. Проснувшись, я двинул в посёлок. Домой не стал заходить. Направился к драгоценному скелету, чтобы насладиться первыми приятными впечатлениями. Но, как часто бывает в жизни, предвкушаемая радость вдруг резко сменилась на ужас. Я, не имея опыта, не учёл, что приливы и отливы в Чукотском море неправильные. На сей раз отлив оказался непредвиденно большим. Ящик оставался в воде, но лишь наполовину. Вместо чилимов обработки скелета усердно занимались голодные собаки. Я, конечно, сказал им, что это нехорошо, нечестно, однако дело поправить было уже нельзя.

Там, где начинается Россия

10 июля я покинул Энурмино и сначала на теплоходе «Гжатск», доставившем на Чукотку генгруз, перебрался в Нешкан, а затем самолётом с посадкой в Лаврентия добрался в один из интереснейших посёлков Чукотки – Уэлен. Это бывший административный центр всего Чукотского национального округа, колыбель чукотской национальной культуры. Именно там находится знаменитая на весь мир косторезная мастерская «Северные сувениры». В этом посёлке родился известный чукотский писатель Юрий Рытхэу. Там меня свела судьба с прославленным эскимосским танцором Нутетеином, а также с заслуженным художником Российской Федерации Туккаем, который делился впечатлениями о том, как инкрустировал костью дверь в кабинете Сталина, и много другого интересного рассказывал.

Интересным оказался путь из Энурмино в Уэлен. Об этом свидетельствуют два нижеследующих моих письма красавице-жене.

«8.07.1966, Нешкан.

Милый Светик. Виноват пред тобой премного. И не Чармиан тому вина, а плохой промысел. Помню, 22 июня сел тебе писать, и ничего не получилось. Последние недели в Энурмино были кошмарными. Промысла почти не было, а если и попадалось что-то, чукчи старались разделаться с ним без моего участия. 29-го июня погода страшно испортилась, и охота на зверя совсем прекратилась. Её нет и по сей день. Всё время с сопки и с моря на посёлок обрушивались валы тумана, и я чувствовал себя, как кот в мешке. Собрал вещи и решил вырваться оттуда. Целую неделю ждал какой-нибудь транспорт – тщетно! От тоски и волнений разболелась голова. К счастью, 3 июля пришёл теплоход с генгрузом. Он разгружался с перерывами, уходя от берега, когда двигались массы льда. Вчера энурмический груз был "снят",

и я на этом теплоходе сегодня ночью вернулся в Нешкан. Здесь больше шансов улететь на Лаврентия.

В Нешкане меня удивила приятная неожиданность. Только сошёл на берег (в четвёртом часу ночи), сообщили, что мне есть письма. Я сразу же их получил. Это были твои чудесные послания конца мая – начала июня, где много говорилось о Веточке и был рассказ Паустовского "Вилла Боргезе". И хотя ноги мои были мокрые (баржа из-за мелководья не могла причалить к берегу), а вокруг не было ни души и моя одинокая фигура, сидящая ночью на берегу, могла показаться с признаком ненормальности, я долго сидел на гальке среди белой ночи и читал твои письма и рассказ Паустовского, и радости моей не было границ. Может быть, именно благодаря твоим письмам и сегодня у меня чудесное настроение. Дышится легко. Небо с белыми барашками кажется непривычно высоким. Море шуршит ласково. Лёгкий ветерок щекочет лицо. И необычайно пахнет свежей сочной травой!

Лаврентия до часу закрыто. Оно может быть закрыто и до вечера, и на неделю, и на месяц. Это ведь проклятая Чукотка, или, как её более образно называют (даже некоторые чукчи) – чахотка. У меня стало появляться желание поскорее вернуться на материк. Так надоела вся эта моржати́на, нерпячина, лахтаци́на – мочи нет. Вчера питался на судне и снова почувствовал громадную разницу в чукотском и материковском питании. Однако не подумай, Светик, что это намёк на посылку. Ни в коем случае! Посылка сюда не дойдёт. Даже лимоны не выдерживают такой дороги. Видишь, твои майские письма, как мне сказали, попали в Нешкан только 28 июня. Кроме того, я не знаю, где продолжу работу. Все говорят, что посылку сюда отправлять бессмысленно.

Светик, пиши пока на Лаврентия. Потом брякну телеграмму.

Меня так радует каждое твоё слово о Веточке – представить себе не можешь. Не верится, что она начинает уже говорить во всю.

Ничего, скоро увидимся. Осталось меньше половины – 2 месяца.

Напиши, где отдыхала? Кого видела из знакомых по институту? Какие новости вообще? Провели ли водопровод в квартиру? Вот здорово будет! (Мы жили впятером в однокомнатной квартире без удобств. – *Прим. авт.*) Только без санузлов! Чем дышать будем?

Здоровье моё в порядке. Удивляюсь: за всё время ни насморка, ни чиха! А ведь всякое бывало. И в тундре ночевал, сидя один среди болот на камне (причём не в меховых брюках), и на льдинах работал, и разгорячённый пил всласть ледяную тундровую воду, и снег ел без конца во время 40-километровой охоты за белыми гусями. И ничего!

Написал маленький рассказ "Куропаточья любовь". Отнеси, пожалуйста, его Тимошенко.

Привет маме, Тайке, Жене, Арсену, тёте Рите, дяде Аркадию! Целую. М.».

Не менее интересно второе письмо. Оно помогает реально представить себе то далёкое время.

«10.07.1966, Уэлен.

Милый Светик! На Чукотке – белая ночь. Я уже не в Энурмино, и не в Нешкане, а в древнейшем Чукотском посёлке Уэлене, расположенном всего лишь в 18-ти километрах от мыса Дежнёва. Он на косе. С одной стороны у самых домиков грохочет море, с другой – лагуна. Коса настолько узкая, что вместились лишь 2 ряда домиков. Посёлок стоит на гальке: аккуратненький, чистенький.

Я лежу в светлой комнате на верблюьем одеяле поверх чистеньких простыней и пишу тебе. В комнате никого. Я один. Две кровати ещё не заняты. Это своего рода трёхместная гостиница. Кровать себе я выбрал у окна. Розовая вода лагуны плещется так близко, что, кажется, через стекло чувствуешь её прохладное дыхание. До неё метров пять, не больше. За лагуной сопки. Массивные. В снежных пестринах. Небо блёкло-сиреневое.

Я кое-как протопил печку, и сейчас мне чертовски хорошо! Над головой на полочке приглушённо играет спидола, а рядом приютились совсем не залапанные, чистенькие Джек Лондон, Золя, Лацис. Наверное, в этой комнате останавливается, когда приезжает в Уэлен (он здесь родился и вырос), очень талантливый чукотский писатель Юрий Рытхей. Это чукотский Паустовский. Не меньше. Я его по-настоящему полюбил. Короче, всё меня в этой комнате радует, даже несмотря на то, что остался без курева и без ужина: поздно прилетел.

Чудеса! Ещё в три часа дня был в Нешкане. Я рад был, что вырвался из Энурминского котла, ибо чувствовал, что мне нужно встряхнуться после месячной депрессии. По случаю воскресения я совсем не ожидал самолёта, тем более, что утром погода топталась, как наседка у гнезда, и нельзя было предположить, когда она, наконец, усядется (или уляжется, если говорить о погоде).

Однако бывают на свете неожиданности: самолёт пришёл. И мне снова начало везти: этот же самолёт после Лаврентия сразу же должен был идти на Уэлен. Я немедленно принял решение следовать туда, хотя в Лаврентия уже больше месяца меня дожидались пробирки и письма, а, как мне сказали, сегодня почта будет там закрыта. Всё это я надеялся утрясти потом, из Уэлена телеграммой.

Прилетев в Лаврентия, я сразу же взял билет на Уэлен и собрался вернуться в самолёт. Вдруг узнаю, что почта открыта! Я передал билет диспетчеру, попросив, чтобы самолёт не отправляли, пока я сбегаю на почту. Она сказала, что ждать не будут, и всё равно я побежал. Грохот от моих сапог стоял такой, что дома в посёлке зашатались и стали, как старухи, качать головами, сожалея, что я, мол, такой молодой и вдруг спятил.

Пока на почте меня мариновали, сколько содрать за хранение, из аэропорта позвонили и сообщили, что самолёт отправляется. Хоть и с посылками в руках, назад я бежал ещё быстрее.

Самолёт загружался. Пока пограничники обнюхивали мои документы, я тем временем лихорадочно вскрывал конверты и читал твои письма – единственную отраду дней моих суровых.

В Уэлен летели вдоль Берингова пролива, синеего внизу. Погода была на редкость солнечная – ни облачка! Немножко впереди, как панцирь черепахи, выступал в море мыс Дежнёва – самая восточная точка СССР.

Рядом – остров Ратманова. Это наш остров. За ним, как Везувий, виднелся американский остров Крузенштерна. И вдали – на линии горизонта – в дымке чернела Аляска. Проклятая Аляска, которая постоянно обрушивается на Чукотку громады дождливых облаков или ядовитые туманы.

Устроившись с жильём, я пошёл побродить в окрестностях Уэлена. Посёлок курился в лучах заходящего солнца. Сверкало море. Из громкоговорителя к американским берегам неслась мажорная музыка, утверждая незыблемость земли нашей русской здесь, на подступах к коварному врагу.

Россия-матушка обращена к Америке неприступной стеной.

Она достигает в высоту двухсот метров. Далеко внизу бессильно бьются о берег волны. Их шум наверх не долетает, а летающие птицы над водой кажутся маленькими точками.

Черты рельефа спокойные. Сопки пологие, массивные. Всё окружающее придаёт тебе какую-то уверенность и твёрдость.

Я собрал тебе букетик цветов. И пусть они останутся неотправленными, но я нёс их в посёлок в озябшей руке, думая о тебе!

* * *

11 июля.

Погода кошмарная, как в пекле, ворочаются облака, поливая холодным дождём. Ветер дует с Аляски, льды двигаются к проливу – ни черта не разберёшь! (Тогда я ещё не знал направления морских течений в Беринговом проливе. – *Прим. авт.*).

Говорил с заместителем председателя колхоза (последний в отпуске). Вроде бы всё будет немельхен (нормально). Поживём – увидим. Во всяком случае, дух у меня пока вполне боевой.

Светик! Меня очень радуют твои письма. Жду их с нетерпением. Пиши побольше о Веточке (до мельчайших деталей).

Привет казачеству!

Целую крепко! М.».

* * *

В Уэлене относительно быстро я наладил контакт с охотниками, вскрывал не только тюленей и моржей, но и серых китов.

Мыс Дежнёва

21 июля я вместе с охотниками на серого кита на вельботе отправился к самой восточной точке азиатского материка – мысу Дежнёва. Именно там начинается Россия. О моих чувствах, которые я там испытывал, свидетельствует дневник:

«Я стою на краю земли. Внизу плещется холодный Берингов пролив. За ним на горизонте чернеет Аляска. Вокруг ни души, и мне немножко не по себе. Я поднимаю голову и смотрю на бронзовое изваяние Семёна Дежнёва Отважный мореплаватель грустит. Он сморит на пролив, который открыл более 300 лет назад. Тоскливо ему одному здесь без дела. Вокруг такой простор: слева – Ледовитый океан, справа – Тихий.

Раньше было веселее. Вон в тех домиках внизу, что висят, как птичьи гнёзда, над обрывом, жили эскимосы. Это были мужественные люди. На кожаных байдарках ходили на моржей и китов. Женщины наравне с мужчинами носили оружие. Сейчас домики опустели. Люди не выдержали борьбы с природой во время свирепых пург. Некоторых из них срывало ветром прямо в пролив. С болью в груди покинули они родные места и переселились дальше на юг в Нунымо.

Осталась здесь горсточка русских людей во главе с начальником радиоэлектромаяка Юрием Ивановым. Осталась, потому что иначе поступить было нельзя, потому что нужны они здесь людям. Радиомаяк через каждые четыре минуты – ни на секунду раньше, ни на секунду позже – посылает в эфир позывные для тех, кто ведёт корабли сквозь грохочущий шторм. Электромаяк всю ночь прощупывает тьму пролива.

Вдруг справа за скалами раздаётся оглушительный грохот, потом ещё и ещё. Пролив ожил. Подобно бомбардировщикам, потянули над водой тяжеловесные бакланы. Им наперерез отделяются от скал стремительные в своём полёте тихоокеанские тупики-ипатки. Они напоминают истребителей. Будто ракетноносцы, несутся стаи торпедообразных кайр. Запорхали по воде хохлатые конюги. Сбивая гребни волн, идут вдоль пролива длинные цепи гаг. В воздухе тревожно кричат чайки.

Я знаю, что случилось, и нетерпеливо смотрю вниз направо, на колышущуюся чёрную пучину. Так и есть! У самого берега, пуская фонтаны, идёт кит. За ним из-за поворота выскакивает вельбот. На носу, сияя от радости, стоит чукотский мальчик Кунки. Посреди, укрепив на высокой деревянной стойке противотанковое ружьё и вцепившись в него обеими руками, стоит на бортах вельбота маленький кривоногий Эйнанеку. На корме, придерживая рукой деревянный руль, торжественно стоит Ратвыргин. Как всегда, он без головного убора. Волевой подбородок с отвисшей нижней губой заметно выступает вперёд. На крупной лысой голове играет солнце.

Я машу им рукой, своим друзьям из чукотского посёлка Уэлен. Не одни сутки провели мы вместе в море, пробиваясь сквозь торосистые льды в поисках лахтаков и моржей. Не одни сутки, притаившись, вместе сидели у скал, подстерегая чуткого морского зверя. Не раз вот так гонялись за китом. И я сейчас желаю им удачи – мужественным, добрым людям сурового края Чукотки».

Большая конюга

Север – это царство чистиковых птиц. Кайры, топорки, чистики, тупики (ипатки) составляют основу знаменитых северных птичьих базаров. К этому же отряду относятся и небольшие птицы конюги: большая, малая и крошка. Мне особенно нравится большая конюга. Местные жители называют её морским попугайчиком. Размером она почти с куропатку. Такая же толстая и неуклюжая. Коричнево-бурая. Клюв и лапки красные. Клюв по строению напоминает клюв попугая. Но особенной примечательностью большой конюги является лобный хохолок из чёрных рассученных перьев. Он направлен не назад, как у всех порядочных птиц, а вперёд, располагаясь над клювом. Это придаёт большой конюге какой-то особенный – задорный, залихватский и в тоже время несколько комичный вид. В Чукотском море она встречается в больших количествах. Обычно целые стайки рассыпаются перед вельботом в разные стороны. Птицы порхают по волнам на небольшие расстояния, не уходя далеко от человека. Несколько раз, бродя задумчиво в ненастную погоду по чёрному галечному пляжу у самого уреза воды, я чуть не наступил на большую конюгу. Видно, и она, подобно мне, иногда не прочь была, выбравшись на берег, задуматься над смыслом жизни. Именно при таких обстоятельствах попала она к нам в музей. Я взял её, что называется, голыми руками. Это было первое в моей жизни чучело, и я радовался, что получилось оно (без всякой науки и опыта) вполне неплохо. А бедной конюге было не до радости. Не знала она, что глубоко задумываться не всегда полезно. Бездумным существам живётся легче – они реже попадают в беду.

Ипатки

Восточнее Уэлена Чукотское море упирается в высокие, красивые и недоступные скалы. Я любил к вечеру приходить к их подножию, чтобы полюбоваться полётом белогрудых ипаток. В лучах заходящего солнца они без конца отрывались от скал, направляясь в море за рыбой, и быстро снова возвращались назад. Видимо, аппетит их подросших птенцов к вечеру особенно разгорался. Чувствовалось, что и сам их полёт доставлял им в хорошую погоду большое удовольствие.

Я знаю, что многим нравятся топорки: крепкие чёрно-бурые птицы с красным плоским по вертикали топовидным клювом, с белыми щеками и с такого же цвета косичками по бокам головы, но мне больше нравятся ипатки. Они удивительно нарядны. Прямо аристократки голубых кровей. Клюв у них только на конце красный, а всё основание жёлтое. Щёки белые. Над глазом вверх чёрным пучком торчат реснички – прямо как у писаной красавицы. Фрак чёрный, а манишка белоснежная. Многие десятилетия я окончательно не мог решить для себя: какая всё-таки птица Севера являет-

ся для меня самой любимой – розовая чайка или ипатка. И только недавно склонился в сторону первой. И хотя ипатка оказалась на втором месте, я её очень люблю.

А любовь, как известно, требует жертв. Из-за ипатки я чуть не погиб на тех же скалах: забрался так высоко, что назад еле спустился.

Тяжёлое испытание

Пятнадцатого июля мы ушли на вельботе на моржей. Я любовался причудливостью многих льдин. Одна из них напоминала бегущего оленя, другая – взлетающий самолёт, третья – человека, четвёртая – сказочный замок и т. д. И по цвету они были разные: белые, нежно-голубые, купоросного цвета или даже бутылочно-зелёные. Всё шло хорошо, пока я не почувствовал вдруг резкую боль в животе. Свет для меня померк, охота – тоже. Я кусал губы и мысленно искал выход из создавшегося положения. Улучшать его на виду у чукчей мне не хотелось. По трое суток, бывало, рыскал с ними во льдах, но никогда не видел, чтобы они справляли большую нужду в море. Поэтому даже на большой ровной льдине, на которой добыли первого моржа, я не решился присесть в непотребном виде. К счастью, вскоре начался шторм, и мы повернули к берегу. Более трёх часов я продолжал кусать губы и сплёвывать за борт стекающую по моему позеленевшему лицу солёную морскую воду. Зато с какой радостью направился я танцующей походкой к родному дому на берегу!

Интуиция

«За что он меня недолюбливает? За что?» – эта мысль мучила меня постоянно, пока мы ходили на моржей. Каждый раз, когда мы суток по трое рыскали во льдах на маленьком вельботе в поисках зверя, он сидел неподвижно на носу в лохматой, как у басмача, шапке и молчал. Я так и назвал его для себя – Басмач.

За что недолюбливает? А может, даже и ненавидит? Другие охотники, особенно школьники, наоборот, окружают, спрашивают, как жизнь на материке. Он – никогда! Не похож он был на других чукчей. Глаза крупные. Сидят вразлёт под крутым широким лбом. Глядят, как мне казалось, недобро. Усиливало мою тревогу и то, что он никогда не здоровался. Предвзятость к нему достигла апогея, когда он однажды в предрассветном тумане перед самым моим носом оттолкнул вельбот с охотниками от берега, вскочил в него и направил в море, хотя видел, что мне осталось добежать не более десяти шагов. Я, как оплётанный, остался на берегу. Так со мной другие чукчи никогда не поступали.

Развязка наступила весьма необычным образом. В тот день я не пошёл на моржей. Охотники одного из вельботов притащили в посёлок серого

кита. Два трактора весело танцевали на песчаном берегу, оттаскивая гиганта от воды. Вскрывал я его весь день и очень устал. Когда вернулся домой, на кухне моей трёхместной однокомнатной гостиницы за бутылкой водки сидели мои старые знакомые охотинспектор бурят Гриша Оксогоев и ветврач ленинградец Витька Ястребов. Они несколько недель были в тундре у оленеводов и сейчас «отмечали» возвращение в посёлок. Смуглое монголоидное лицо Оксогоева украшал глубокий шрам, пересекающий пополам верхнюю губу. Примечательной чертой Ястребова был его кривой нос, так что наблюдалось соответствие его лица и фамилии.

Ссылаясь на усталость, я отказался от водки и лёг спать. Часа в три ночи, светлой июльской ночи, они разбудили меня.

– Вставай! – загадочно подмигнул мне охотинспектор, растягивая в улыбке свою заячью губу.

– Вставай, жук! – поддержал его ветврач и, несмотря на моё недоумение, принялся стаскивать с меня одеяло, приговаривая: – Ишь, подпольщик, прикидывался тихоней. Блудливый кот! Мы-то думали... Вставай!

Его ястребиный нос трясся от удовольствия.

– Что случилось? – ничего не понимая, отбивался я.

– Не прикидывайся, разбойник! – издевался ветврач. – Тут к тебе пришли.

– Кто?

– Басмач в лохматой шапке.

– Ну и что?

– Он не один пришёл.

– Ничего не понимаю...

– С девушкой пришёл – торжествовал Ястребиный Нос. – Спрашивает: где тут живёт в очках? Я ему любить привёл. Любить, ха-ха-ха...

– Хи-хи-хи, – вторил ему Гриша-Заячья Губа.

Быстро одевшись, я вышел на кухню. У дверей стояли Басмач и молодая эскимоска с накрашенными губами. Её свежее лицо утопало в меху новой кухлянки, «отороченной белым песцом».

– Заходите, – пригласил я, указывая на стулья возле стола.

Басмач сел, а девушка как ни в чём не бывало прошла в комнату и усеялась на кровать напротив моей.

– Как тебя зовут? – обратился я к ней, усаживаясь на свою кровать.

– Ветер.

– Ветер? Я не ослышался?

– Да, Ветер, – подтвердила она, ничуть не смущаясь. Её чёрные раскосые глаза с любопытством уставились на меня. Я чувствовал себя настолько глупо, что вдруг неожиданно выпалил:

– Знаешь что, Ветер, дуй-ка ты отсюда, пока эти молодцы с тобой не разобрались! – кивнул я в сторону своих пьяных товарищей. Я искренне не хотел никаких осложнений с чукчами, так как сбор научного материала шёл с большими трудностями, и я боялся, что не выполню программу. Не

помню, как мы расстались с неожиданными гостями, но мне на всю жизнь запомнилось, что моя интуиция на сей раз меня очень сильно подвела. Это был один из самых ярких парадоксов моей молодой, ещё не привыкшей к неожиданностям жизни.

Охота на уток

Все посёлки на Чукотском море стоят на косах. Длина этих песчаных или галечных природных насыпей достигает 15-ти и более километров. Ширина небольшая, часто менее ста метров. С севера грохочет море, с юга вплотную к домам подходит более спокойная лагуна. С морем она связана проливом в своей западной части. На востоке, за посёлком, коса, как правило, упирается в скалы, переходящие к югу в пологий водораздельный вал, простирающийся за лагуну далеко в тундру.

Утки (это в основном гаги) к осени собираются в огромные стаи. В хорошую погоду километровые цепи над морем не редкость, и даже часто идут одна за другой. В зависимости от погоды утиные стаи летают над посёлком то на море, то на лагуну. Тут их и подстерегают мальчишки с ружьями. Когда утки долетают, мальчишки начинают свистеть. Утки мечутся и снижают высоту. В это время из-за углов раздаются выстрелы. Бедные птицы падают между домами чуть ли не на сковородки. Такого на материке не увидишь. Эти выстрелы в Уэлене меня иногда раздражали. Бывало, только задремлешь часа в три ночи, то бишь полярного дня, намаявшись перед этим на вскрытиях, и вдруг выстрел прямо над головой (я спал у окна). Невольно вскакиваешь и думаешь: «Ребята! Вы неправы!»

А вообще чукотские мальчишки, как и все мальчишки на свете, – прелестные создания! В суровых условиях Арктики они постоянно согревали мне душу. Целой ватагой сопровождали меня, когда я бродил вокруг посёлков в тундре или по берегу моря. Среди них было немало настоящих друзей. Прихожу как-то после тяжёлой работы домой, а на стене у двери висит утка. Второй раз там оказалась камбала и во всю дверь надпись карандашом: «От лучшего друга Гены!»

И взрослые чукчи в большинстве своём относились очень хорошо. В результате в течение многих лет я искренне говорил всем: «Чукотка – любовь моя!» Из дневника видно, что трудностей было немало. Но они как-то забылись, и я по сей день считаю, что Чукотка – это одно из самых интересных мест на нашей планете.

Правда, не всегда там было такое радужное настроение. 25-го июля 1966 года я писал из Уэлена жене:

«Милый Светик! Казни меня, окаянного, когда вернусь, за подобные задержки с письмами. Конечно, за две недели Уэленской жизни можно было и больше написать, чем одно письмо, но то ли занятость, то ли лень, то ли отсутствие настроения мешали взяться за перо. Пожалуй, последний

фактор был главным. Я уже порядком устал налаживать отношения всё в новых и новых посёлках. Нервы сдают. Ужасно хочется домой! И я радуюсь, что только месяц осталось здесь прозябать. Правда, ещё раз (надеюсь, последний) придётся сменить место работы. Предстоит перебраться в Инчун. Это в 23-х километрах западнее Уэлена. Там промысел лучше: добыли 10 китов. Бьют моржей, лахтака. Здесь же у меня только 26 вскрытий и только два кита. Маловато. Тешу себя надеждой на более благоприятные времена.

Милый Светик! Я побывал дважды на мысе Дежнёва. Во! Самая восточная точка СССР, как ты помнишь. Обе поездки были очень интересными в познавательном отношении. Обилие птиц необычайное: кайры, чистики, бакланы, конюги (морские петушки или попугайчики), гаги, чайки (само собой разумеется). Берега скалистые. В плохую погоду их вершушки – в тумане. Всё – величественно, дико, девственно! Берингов пролив всегда штормит. То и дело: то летишь на своём маленьком вельботе вниз, куда-то в пропасть, то швыряет тебя вверх – под облака. Не успеваешь сплёвывать за борт солёную воду, а очки даже самые отменные дворники не могли бы очищать от брызг. И вот в этом аду приходится охотиться на китов. Омерзительна сама охота, особенно когда видишь, как целый сноп огня из противотанкового ружья врежется бедному животному в спину. Целые сутки, как поболтает тебя за этим занятием, так и свет не мил, и не до любования природой.

Памятник Дежнёву заснял, мыс – тоже.

Здесь, в Уэлене, я познакомился с одним москвичом – интересным человеком лет 48-ми. Он создаёт чукотско-эскимосский танцевальный ансамбль. Работал в Германии. Бывал в Англии, Дании, Голландии, Швеции, Финляндии, Чехословакии, Польше, Монголии. Брал Берлин. Воевал вместе с Мелитоном Кантария, который, как известно, водружал знамя Победы над Рейхстагом. Запомнились два случая из его военной службы. Первый: их часть тайно заняла лес на склоне к реке. Приказ: себя не обнаруживать! И вдруг внизу в реке раздаётся многоголосый весёлый смех русских баб вперемежку с готом немецкой солдатни. Сердце одного из наших солдат не выдержало, и он пальнул из винтовки в сторону реки. В ответ немцы открыли беглый артиллерийский огонь по лесу. Москвич Щебетов (мой рассказчик) сидел спиной к реке и разговаривал со своим другом. Вдруг голова друга продольно раскололась на две части и мозг поплыл вниз к бороде. Это в лицо друга врезался крупный осколок снаряда. Щебетов схватил лежащую рядом каску и, соединив обе части головы друга, надел на них каску сверху. Второй случай: Щебетов в числе других по глубокому снегу бросился в атаку. Вдруг пола его шинели в снегу за что-то зацепилась. Он оглянулся и увидел, что за шинель его держит скрюченная рука давно погибшего человека. Щебетов в ужасе рванулся, и рука отломилась от насквозь промерзшего трупа. Вот такие будни войны бывают. Сейчас Щебетов работает в министерстве культуры. На Чукотке находится в годичной командировке.

Жил я и с работниками хабаровской кинохроники. Они понравились меньше, но с оператором мы однажды отличных китовых отбивных нажарили.

Погода немного стабилизировалась. Правда, ветер с юга дует постоянно и довольно сильный. Хотя светит солнце, колотун приличный, и, пожалуй, сейчас Чукотка больше даже, чем зимой, воспринимается тем удалённым краем земли, коим она есть на самом деле.

Если бы не проклятая мнительность и суперисполнительность, всё было бы нормально. Но дух материковский из меня пока ещё не выбит, и каждый потерянный час кажется для меня преступлением, хоть и потерян он не по моей вине.

В целом всё нормально. Уже сделано больше, чем можно было ожидать. Но аппетит, как известно, приходит во время еды. Светик, пиши на Уэлен. Если я буду в Инчоуне, всё равно возвращаться придётся через Уэлен. Тогда и получу.

Ждать осталось уже совсем немножко. Появляется желание сорваться после 20-го августа. Значит, в начале сентября можно будет предстать пред очи твои.

До скорой встречи!

Целую крепко! М.».

Последнее письмо с Чукотки

«30.07.1966, Уэлен.

Милый Светик! Получил твоё послание, полное прелести и поэзии. Ты так расхвалила мой довольно схематичный рассказ, что я пришёл к твёрдому убеждению: жена – как литературный критик – твой злейший враг! Усыпляет бдительность! И не будь у автора достаточно трезвости – пропадёшь. Шучу, конечно, но это сушая правда.

Есть, конечно, люди, которые думают о себе не так скромно. К примеру, Бернард Шоу, будучи уже прославленным писателем, столкнулся однажды на дороге с велосипедистом. К счастью, оба отделались только испугом. Велосипедист начал извиняться, но Шоу возразил:

– Вам не повезло, сэр. Ещё б немножко энергии, и Вы заслужили бы бессмертие, как мой убийца.

Юморист, не правда ли?

Ещё один забавный случай из другой уже оперы. На торжественном обеде, посвящённом открытию нового университета, известный естествоиспытатель Эрнст Геккель оказался соседом по столу с одним священником. Когда тот после обеда вынул сигарету, Геккель любезно предложил ему огонь, но сделал это так неловко, что зажжённая спичка, как только оказалась в руках священника, потухла.

– Смотрите! – сказал священник насмешливо, свет науки погас!

Геккель утвердительно кивнул:

– Ничего удивительного. В руках церкви это не впервые.

Однако соловья баснями не кормят. Перехожу к жизнеописанию своему на суровой земле Чукотке.

В Уэлене промысел слабый. И хоть он не успел ещё пошатнуть мой оптимизм, я решил уже перебираться в Инчоун. Там ожидаются киты, моржи, лахтаки, а возможно, и нерпа. В Уэлене вскрыл трёх китов, штук десять моржей и немногим больше лахтак. Подогнал музейный материал. Сделал и чучела. Три в институт, одного – по заказу местного костореза. Я рад, что с этим сложным делом справился. И хоть мне самому чучела не нравятся, другие хвалят.

Слушаю спортивные известия. Отвлекают, а посему прошу простить сумбурность письма. Спидола стала настоящим другом моим, и я успел уже основательно к ней привыкнуть.

В Уэлене интересно. Я ходил на охоту за китами, моржами, лахтаками. Лазал по скалам за тупиками, топорками. Наблюдал розовые закаты и непогоду на море. Встречался с заслуженным художником РСФСР, заслуженным деятелем культуры РСФСР, с отличными мастерами косторезного дела, с прототипами героев Рытхэу и т. д. Собирался сходить в Долину Смерти, но, наверное, уже не удастся.

Здесь такая утиная охота, какой свет не видал. Утки идут стаями прямо над посёлком. Из-за углов домов, из раскрытых окон открывается такая пальба, как, скажем, в Венгрии в 1956-ом году.

Канонада не стихает ни днём, ни ночью. Утки падают между домами, чуть ли не на сковородки. А сейчас, когда я пишу тебе, в лагуну зашёл лахтак и заглядывает ко мне в окно: правду ли я пишу о Чукотке. Немного утрирую, но всё это так. Одним словом – Волшебство.

Милый Светик! Ждать осталось совсем немного – чуть больше месяца. Задерживаться здесь я не собираюсь. Соскучился чертовски и по Крыму, и по дому, и по Веточке! (О тебе мы уговорились молчать!)

Бегу на берег посмотреть, не возвращаются ли вельботы. Вернусь – продолжу.

Вернулся! Вельботов уйна (нету, то есть). Продолжаю исповедь. Светик, пусть не пугает тебя Томино сообщение, что я убавил в весе. Просто мой черниговский живот стал геббельсовским. Только и всего! Оптимизм у меня фюррерский, решимость сталинская, выносливость русская, изворотливость еврейская. Весь этот бульон заправлен чукотскими специями, так что кушать можно, хоть и непривычное блюдо для человека с "материка". И если уж я незаметно для самого себя попал в суп, то продолжу в таком же духе. На днях некое судно забросило сюда свежие помидоры. И хоть здесь я себе ни в чём не отказываю, всё же и четырёхрублёвая цена меня отшатнула (в 40 раз дороже, чем в Крыму). Я решил перенести это удовольствие на возвращение домой. Чувствую себя (без брешешь) отлично. Ничто не беспокоит, чего нельзя сказать о моём соседе по кровати – старикашке Щебетове, мается печенью. И хоть он из министерства, собачья жизнь у него, я тебе скажу, при его возрасте.

Пиши, родная, на Уэлен. Даже если я буду в Инчоуне, на обратном пути получу. Телеграммы шли на Инчоун, если я буду там (о чём сообщу). Привет казачеству. Целую! М.».

В Инчоуне

4 августа на вельботе с пьяными чукчами, всё время пытающимися подрасть у меня над головой, которую я втянул в плечи, перебрался я из Уэлена в Инчоун, надеясь, что там к осени, как обычно, сформируется моржовое лежбище и будет продолжена добыча этих великанов. К сожалению, надежды мои не оправдались. С севера обрушился ураганный ветер. Морской прибой напоминал сплошные разрывы снарядов. Море отчаянно сопротивлялось. Оно с яростью выбрасывало на берег отдельные льдины, прибежавшие с севера, чтобы укротить его. И всё же 10 августа случилось то, чего я так боялся все эти дни. Проснувшись, я не услышал обычного грохота морского прибоя. Выбежал на крыльцо: море до линии горизонта было забито льдом, а ветер с нарастающей силой продолжал свой победоносный бег на юг. Все мои мечты о лежбище в этом году окончательно рухнули. Нужно было думать о возвращении домой – в Симферополь. Убитый горем я решил украсить свою жизнь чтением. Зашёл в библиотеку и ахнул! Передо мной стояла невысокая, сильно горбатая, средних лет женщина. Я её сразу узнал. В анадырском порту по пути на Чукотку за 4 дня ожидания я успел переговорить со всеми пассажирами. Эта горбатая женщина вызвала у меня особое сочувствие. Она везла с собой своего мужа – горького пьяницу – с наивной надеждой излечить его от недуга в непроходимых снегах Чукотки. И теперь, в Инчоуне, встретив её, я, не более опытный знаток алкоголизма, чем она, радостно бросился к ней с вопросом:

– Ну что? Вылечили?

– Куда там, – грустно ответила она, – ещё хуже. Устроила на почту – целый месяц закрыта. Проснётся, сбегает за бутылкой и снова спит.

Это был мой первый шаг в деле изучения проблемы алкоголизма. Только позже я смог по-настоящему оценить наивность этой женщины. Не знала она, как и я, между прочим, что чем дальше на север, чем дальше на восток, тем острее проблема алкоголизма.

Ещё более сильное впечатление на меня в Инчоуне произвело другое событие. Гидрографы, работающие на лагуне, принесли мне двух больших красивых птиц, погибших в рыболовной сети. Это были полярные гагары – самые крупные представители своего племени. Конечно, я обрадовался такой добыче. Эти птицы были для меня недостижимыми. Не раз они хохотали у меня над головой, пролетая высоко в небе, когда я бродил с ружьём в тундре. Нечего было и думать добыть их на плаву на озёрах. Они прекрасно реагируют на выстрел и успевают нырнуть, о чём во всей красе писал в своё время Остап Вишня. Под водой они могут находиться до двух минут

и покрыть за это время расстояние до 300 метров. Одну из мёртвых птиц я подвесил к потолку и стал сдирать шкуру, как с барана. Спинай вдруг почувствовал, как за мной кто-то наблюдает. Оглянулся: к окну прилипли чукотские мальчишки. Я успел уже с ними познакомиться и не раз бродил вместе по окрестностям посёлка. На сей раз они были чем-то сильно возбуждены. Я пригласил их зайти. Они наперебой со страхом стали рассказывать, что только что в тундре, недалеко от моего дома, увидели гроб, в котором лежит их знакомый парень. Ему что-то обидное сказал отец, и он повесился.

– В глазах у него черви, – со страхом говорили мальчишки. Я бросил свою гагару, и мы двинули к покойнику. Оказалось, что гроб стоит в траве на пригорке всего лишь метрах в двухстах от моего дома. Но самое интересное в том, что именно оттуда бежит к моему дому ручей, из которого я брал ржавую воду для приготовления пищи. «Очень мило», – невольно подумал я.

Гроб, видимо, открыли собаки, но покойника тронуть ещё не успели. Он лежал свеженький, правда, действительно с червями в глазах. Это были личинки мух. Я хорошенько рассмотрел его и посуду у головы, и мы пустились в обратный путь. Дело было к вечеру, и мальчишки разошлись по домам. Моя изба стояла на отшибе, на берегу лагуны. Стало темнеть. Как только дальний угол перестал просматриваться, мне начало казаться, что там, в углу, стоит только что увиденный мною мертвец. Все попытки избавиться от этого наваждения ни к чему не привели. Кончилось тем, что я выпил стакан вина, подаренного ещё уэленскими друзьями, и только после этого удалось заснуть. Все последующие ночи начинались такими же видениями. И каждый раз удавалось от них избавиться только с помощью стакана сухого молдавского вина. Я не рад был, что пошёл к злополучному гробу. Подобные открытые гробы в траве я видел раньше в окрестностях Уэлена, но в них лежали только обветренные белые скелеты, и они никогда не преследовали меня потом. Этот же покойничек вцепился в меня мёртвой хваткой и неумолимо тащил к алкоголю, противником которого я был всю свою жизнь.

К счастью, 17 августа закружил в воздухе снег. 18-го вечером гидрографы на вездеходе по тундре доставили меня в Уэлен. Оттуда самолётом добрался в Лаврентия, затем в Магадан с падением в безвоздушную яму над Анадырем и далее в Хабаровск. Из Хабаровска поездом пересёк всю Россию-матушку и 1-ого сентября бодренько прибыл в Симферополь. Покойник, видимо, не привык к таким скоростям и где-то затерялся в пути. Меня это вполне устраивало.

Возвращение с Чукотки было интересным. Запомнились некоторые штрихи. Первый: перед падением в упомянутую выше безвоздушную яму я сидел на одной из двух продольных скамеек грузового варианта «Ил-14» и лицом к лицу беседовал с одним очень приятным полярником. На другой скамье его жена беседовала с женщинами. Когда самолёт внезапно рухнул вниз и рюкзаки полетели по всему салону, полярник инстинктивно

бросился на меня и обнял, как самое дорогое существо на свете. Мне показалось, что жене его это не очень понравилось. Очевидно, она посчитала своего мужа трусом на фоне меня, не дрогнувшего ни одним мускулом. Она ошибалась. Парадокс заключался в том, что я был гораздо большим тугодумом, чем её муж, и просто не успел испугаться. Думаю, что всем людям падать в безвоздушные ямы страшно, потому что неизвестно, чем всё закончится. Запомнилась также встреча с магаданскими друзьями: Геннадием Александровичем Федосеевым и Артуром Петровичем Шустовым. Назавтра было воскресенье, и они вытащили меня на загородную гулянку. Расположились на макушке сопки. Было солнечно, но по-северному свежо. Друзья взяли с собой волейбольный мяч и пригласили меня участвовать в игре. Внизу синела Нагаевская бухта. Настроение у всех было восторженно-праздничное. Однако я вдруг почувствовал себя настолько сонливо, что не смог принять участие в веселии. Увидев в стороне огромный плоский камень, выступающий из травы, я направился к нему, свернулся калачиком и заснул. Как только проснулся, пригласили меня к импровизированному столу. Милейший человек Артур Петрович, глядя на меня, сочувственно и в то же время философски сказал:

– Каждый час, проведённый на Чукотке, даром не проходит.

Он знал, что говорил, так как прошёл её всю пешком. Я вдруг почувствовал, что в лице Чукотки судьба прикоснулась меня к чему-то значительному, осветившему мою дальнейшую жизнь манящим, загадочным, притягательным сиянием. Это была любовь до гроба! Или – настоящее счастье!

В Хабаровск я прилетел поздно вечером. В полной темноте перебрался в какое-то тесное мрачное помещение, как оказалось, временно исполняющее роль железнодорожного вокзала, который в это время был на ремонте. По периметру комнаты стояли скамьи, но все они были заняты спящими пассажирами. Пол был чёрный и влажный. Расположиться на нём не было никакой возможности. Я увидел в стене маленькое почтовое окошечко с небольшим подлокотником. Оно было закрыто. Я радостно устремился к нему. Опёрся локтем на выступ, щекой – на ладонь и начал дремать. Блаженству моему не было границ. Но тут вмешалось земное притяжение. Как только я начинал засыпать, камнем валился вниз. Мгновенно проснувшись, ловил локтём ускользающую точку опоры. И так всю ночь. В итоге она оказалась самой кошмарной в моей жизни, доведя меня до полного изнеможения.

Но молодость! Всё побеждающая молодость! Стоило мне утром выбрать-ся из злополучного помещения, и всё моё существо вдруг затрепетало. Прямо передо мной в синем небе величественно возвышался обожаемый мною Ерофей Тимофеевич Хабаров! Это он в числе других землепроходцев на своих могучих плечах продвигал к Океану Великому пределы Отечества. И теперь мне предстояло в течение целой недели любоваться его южными просторами, так сказать подбрюшием России. Любовь к жене уступила любви к Родине. Я не устремился в Крым на самолёте, а медленно поплёлся

в вагоне, наполовину высунувшись из окна, и жадно пожирал глазами проплывающие мимо красоты Дальнего Востока и Сибири. Особенно понравилась Забайкалье. Живой змеёй казался мне поезд, извивающийся вдоль Амура на фоне нескончаемых зелёных горных громад.

Поезд возвращался в Москву порожняком, бесконечно уступая дорогу эшелонам, переполненным загоревшими в Крыму и на Кавказе курортниками. Они весело неслись на восток радостные и довольные. Суток трое я был один в вагоне. В следующем вагоне ехали демобилизованные солдат и матрос. Они бесконечно пили, вырвавшись на свободу. Потом чего-то не поделили и начали драться. На одной из остановок они умудрились забраться под наш вагон и продолжали там мутузить друг друга кулаками. Но не они меня возмутили, хотя я ненавижу любое насилие, а старичок проводник из переднего вагона. Он прибежал к нам, присел и, заглядывая под вагон, стал энергично науськивать дерущихся, подсказывая кому куда бить. Это настолько не вязалось с его государственной формой, что вызвало у меня отвращение. Я понимал, что веселился он от скуки, потому что никакой злобы в нём не чувствовалось. Однако этот весёлый спектакль закончился печально. Ночью меня разбудил следователь для дачи свидетельских показаний. Оказалось, что один из дерущихся погиб, ещё раз подтвердив тот факт, что водка никогда до добра не доводит.

На всю жизнь запомнилась встреча с Байкалом. Несколько часов поезд двигался у самой воды. Она была настолько прозрачной, что были видны все камешки на дне. Потом поезд вдруг остановился без всякой видимой причины. Люди, как горох, посыпались из него к воде. Они радостно хватали воду руками и причащались. Я поддался общему ликованию. Поезд незаметно тронулся с места. Насыпь оказалась песчаной и сыпучей, и взобраться на неё было непросто. Люди на ходу запрыгивали в вагоны. Я уступал им место. Девушка передо мной ухватилась руками за поручни, но её ноги вдруг потащило под колёса. Я бесцеремонно схватил девушку за задницу и швырнул вверх. Поезд набирал скорость. Держась за поручни, я бежал рядом, пытаюсь оттолкнуться от земли, но она предательски уплывала из-под ног. Помня, как потащило под колёса девушку, я не решился на прыжок. Мгновенно явилась мысль оттолкнуться от поезда и остаться на насыпи. А вещи? Я сжался в комок и подтянулся на руках вверх. Спасла молодость, я всё-таки забрался в вагон, но ещё долго всё моё тело дрожало.

1-го сентября после пересадки в Москве я в конце концов добрался до Симферополя. Моя двухлетняя Веточка успела от меня отвыкнуть и стыдливо пряталась за маму, но как только оказалась у меня на руках, обхватила за шею своими коричневыми ручками.

Некоторые итоги первой чукотской экспедиции

Отправлялся я на Чукотку, абсолютно не имея исследовательского опыта. Поэтому возвращался со страхом. Казалось, материала собрал мало и совсем не смогу его обработать.

Однако страхи мои оказались напрасными. Во-первых, материал был не таким уж маленьким. Исследования проводились на побережье Чукотки в посёлках Яндракинот (Берингов пролив), Нешкан, Энурмино и Уэлен (Чукотское море). Всего с 23 апреля по 31 июля было вскрыто 308 зверей (3 серых кита и 305 ластоногих). Среди последних: тихоокеанский морж (22 экземпляра из Чукотского моря); кольчатая нерпа Крашениникова (244 особи – 184 из Берингова пролива и 60 из Чукотского моря); морской заяц, или лахтак (38 зверей – 21 из Берингова пролива и 17 из Чукотского моря), и одна ларга из Берингова пролива.

Во-вторых, собранный материал содержал очень много нового. Было открыто 7 новых для науки видов гельминтов. Два из них – уникальные. Трематода, названная мною *Microphallus orientalis* (Yurakhno, 1968), оказалась самой маленькой в классе сосальщиков – всего лишь 0,2 мм в длину, а трематода *Orthosplanchnus oculus* (Yurakhno, 1970) была с глазами! Исключительный случай среди 5 тысяч видов взрослых сосальщиков. Помню, как подпрыгивал от восторга испанский профессор Рага, наблюдая эти глаза на моём препарате. А трематода Микрофаллюс ориенталис ещё больше прославила меня. Ею заинтересовался французский профессор Деблок – крупнейший в мире специалист по микрофаллидам. Он запросил препараты. Возможно, он отнёсся с недоверием к моему открытию. Дело в том, что первый блин, как это чаще бывает, получился комом. «Зоологический журнал», опубликовавший моё описание вида, потерял рисунок к нему, и моя красавица оказалась без портрета. А какая ж песня без баяна?! С тревогой я отправил препараты во Францию, ибо не уверен был, что правильно разобрался в статусе вида. Некому было мне помочь на кафедре. Никто с микрофаллидами не сталкивался.

И какова была моя радость, когда Деблок признал вид, включил его в обзорную статью по роду микрофаллюс и потом в течение многих лет присылал мне свои новые работы.

Порадовал также третий вид, названный мною *Diphyllobothrium microovatum* (Yurakhno, 1988). Его позднее нашли японцы у малого полосатика и прислали мне описание на японском языке. Научный мир открылся передо мной глобально! Была посрамлена злобная фраза моего главного недоброжелателя на кафедре Видислава Васильевича, который заявил лаборанту Головчанскому после моего уезда на Чукотку: «Где я побывал, Юрахно делать нечего!» Впоследствии не раз приходилось убеждаться в том, что самоуверенность и злобность губительны.

Сокрушительное поражение в это время потерпел Видислав Васильевич и как исследователь. Тогда я этого не осознал. Лишь гораздо позже, опираясь на многие факты, пришёл я к нынешнему заключению.

А началась верёвочка виться с открытого мною микрофаллюса (самой маленькой трематоды). Паразит был не видим невооруженным глазом. Обнаружен в слизи под микроскопом при обработке пробы от моржа. Как только Видислав Васильевич узнал об этом, он бросился к своему материалу 1964 года. И микрофаллюса в нём не нашёл. А я нашёл, но это случилось несколько десятилетий спустя, когда материал Видислава Васильевича стал доступным для всех. Потом подобные случаи повторились в сопоставлении с другими материалами и другими исследователями. В результате оказалось, что я – полуслепой человек – с помощью оптики мельчайшие детали вижу лучше, чем некоторые зрячие люди. Этот парадокс, один из главных в моей жизни, помог мне открыть многих мельчайших гельминтов тюленей, моржа и серого кита.

Никогда не забудется одна из осенних суббот 1966 года, когда в течение нескольких часов в моём материале было обнаружено сразу три новых для науки вида гельминтов. Это была великолепная поддержка для становления меня как исследователя. Я начал верить в свои силы. После первой чукотской экспедиции я получил моральную поддержку ещё в одном направлении. Прочитав мой отчёт по объёму почти как диссертация, мой научный руководитель С.Л.Делямуре сказал: «Хорошо пишешь!» Понравился отчёт и магаданцам, поэтому хоздоговор с ними был продолжен. К моей радости, мне предстояло собирать материал в районе Чукотки на зверобойной шхуне. Она ждала научную группу во Владивостоке.

Помимо научного материала в 1966 году я доставил также с Чукотки в создающийся на кафедре зоологический музей морских ежей, звёзд, улиток, чучела большой конюги, ипатки, топорка, полярной гагары, рога северного оленя, ус серого кита, клыки моржа и др.

БЕРИНГОВОМОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1967 ГОДА

Для краткости и большей достоверности воспользуюсь дневником.

2 марта 1967 года. 9 часов. «Волга» остановилась у парадного подъезда. Вышли провожать Семён Людвигович Делямуре, Александр Сергеевич Скрябин, Анатолий Иванович Мирошниченко, Светлана Ивановна Темирова, Долорес Даниловна Завалеева и Видислав Васильевич Трещёв. Слава Трещёв, Толик Мирошниченко и Алик Головчанский сели со мной в машину.

Заехали за Светой. Забыл программу работ, её привёз Лычик. Перед вылетом выпил «Плиски». Веточка расплакалась:

– Я тоже с папой на Чукотку поеду...

11:30. Ту-104 поднял нас в воздух и взял курс на Москву.

Никогда ещё не было так грустно расставаться с близкими. Даже приближение столицы не тронуло.

Во Внуково-1 сразу же оттащил вещи в камеру хранения. Устал, как чёрт, а тут, оказывается, нужно перебираться в Домодедово.

Перебрался. 9:55. Ту-104 оставил плюс-одноградусную заснеженную землю Москвы и пошёл на Свердловск. Садись ночью. Только на миг проснулся.

3 марта (пятница). Приземлились в Новосибирске. Светает. Мороз – 18 градусов. Небо сиреневое. В фиолетовой дымке по аэродрому между крылатых великанов ползают огромные мазы – заправщики. Сбежал в вокзал. Дал телеграмму в «Приморье» забронировать место.

Через пару часов пошли на посадку в Иркутске. По аэродрому ползут непонятные белые волны. Остановились. Мороз – 22 градуса, ветер – 15 метров в секунду. Вылезать в ловсановом костюмчике братьев-поляков на такую стужу не решился. Заправщики в тулупах и рукавицах расхаживают по крыльям нашего самолёта. Экипаж сменился.

Хабаровск заснежен. Купил Шолохова (шестидесятилетнего). Я его обожаю, хоть и пострадал из-за него ужасно. Вслед за ним в своём выпускном сочинении я написал «сыновья» любовь к Родине. В школе ошибку не заметили, а в Облоно усекли. Оказывается, нужно писать не «сыновья», а «сыновняя». Это проклятое «ня» испортило всю мою дальнейшую жизнь. Золотую медаль не получил, а поэтому в МГУ на факультет журналистики не стал поступать. Судьба начала выписывать такие зигзаги, что моя младшая сестра Галя как-то сказала: «Наблюдаю я за тобой. Ты – постоянно в гору, а чёрт тебя за ногу!» Что правда, то правда. А ведь эта чертовщина полностью увязывается с моей теорией парадоксов, хотя давно не верю ни в бога, ни в чёрта.

В 7:30 по Владивостокскому времени приземлились в Озёрных Ключах. До Владивостока 55 км. Дождь. Велика ты, Матушка Россия!

Позвонил в гостиницу – место обещают. Приехал – дудки! Направили в «Золотой Рог». Звучит! Остановился в 50-м номере. Люблю круглые цифры.

4 марта (суббота). Зашёл в ТИНРО (Тихоокеанский научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии). С его магаданским отделением наша кафедра и заключила хоздоговор, по которому я попал сюда. Сразу же нашёл Геннадия Александровича Федосеева – главного магаданского куратора по морскому зверю. Недавно он защитил кандидатскую диссертацию по кольчатой нерпе. Впоследствии нас судьба связала на многие десятилетия. Чем-то он напоминал мне старшего брата Васю, хотя внешне совсем был не похож. Маленький, коренастый, лысый, с густой чёрной бородкой, с сильно прищуренными монголоидными глазами. «Магаданский чукча!» – любовно называли его друзья. Душа у него была чистая и наивная. Это позволяло мне чувствовать себя рядом с ним на равных, хотя он и был старше меня на шесть лет.

Узнав, что я зачислен в аспирантуру, он пошутил:

– Думаешь, легко защищать диссертацию? Я всю ночь в гостинице «Челюскин» отстирывал от вина скатерть после обмывания даже не защиты, а

предзащиты. Дежурная по этажу увидела следы нашего вечернего веселья и заявила, что номер с грязной скатертью не примет. Пришлось подчиниться.

Позднее мы не раз встречались с Геннадием в Крыму и чудесно проводили время в Гурзуфе, Ялте и Николаевке. Последнюю на старости лет он особенно любил и приезжал туда почти каждый год.

Оказалось, что к моему появлению во Владивостоке в ТИНРО 4 марта 1967 года из магаданцев туда кроме Г.А.Федосеева прибыл также Артур Петрович Шустов, заканчивающий диссертацию по крылатке (полосатому тюленю). Это была исключительно колоритная личность, веселившая нас – научную группу – в нескольких будущих совместных экспедициях. «Последняя неудачная попытка на роль Ленина», – шутили о нём магаданцы. Артур действительно был похож на Владимира Ильича. Невысок. Лысый. С прищуренными глазами. С бородкой клинышком. Отличались только губы. Пухлые и всегда влажные. Их обожали женщины, благодаря чему Артур превратился в непревзойдённого Дон Жуана. Во всех городах, где мне приходилось его видеть, на первом месте у него были женщины. Он ходил и нервно повторял: «А план командировки-то не выполняется». Тоска по Родине, то есть по тому месту, откуда родился (пояснил он мне), не унимается. И, наконец, само сближение с женщиной он называл «Операция "Чёрный треугольник"». В каждом городе у него был свой «отдел кадров»: женщина, поставлявшая ему других женщин.

Забегая наперёд, я должен предупредить других мужчин, чтобы они не следовали примеру Артура. Подобный образ жизни добром не кончается. К старости Шустов променял женщин на водку и в компаниях, захмелев, искренне обращался к женщинам:

– Девочки! Я уже не любовник. Я – алкаш.

Редкий случай, когда алкаш соглашается с тем, что он действительно алкаш. В большинстве же случаев алкаши очень агрессивны и не признают, что они уже горькие пьяницы. Впервые я познакомился с Артуром годом раньше в Симферополе. Он привозил к нам на кафедру на обработку гельминтологический материал от крылатки. Так что во Владивостоке мы сразу приступили к делу. Для начала пошли в управление зверобойным промыслом. После обеда он позвонил в два своих отдела кадров, но безрезультатно – они не ответили. Ничуть не расстроившись, мы взяли сухого вина и втроём (с Федосеевым) пошли на квартиру Альфреда Берзина, – автора монографии «Кашалот» и близкого друга Артура. Сам Фред был в это время в Москве, а его жена Люда – в Артёме. Магаданцы давно уже знали толк в сухом вине. Это был их любимый напиток. Я же в алкогольных делах заметно отстал от них и делал в этом направлении только первые шаги. До этого я напоминал красную девицу – самогонку и водку на дух не переносил, пиво – тоже. Единственным приемлемым напитком показалось сладкое вино, но и им я не увлекался. Чтобы не быть белой вороной, я без всякого удовольствия под влиянием магаданцев плюхнулся в безбрежный океан сухих вин. К счастью, не утонул. Два моих брата погибли от водки, а меня спас какой-то

внутренний стержень, останавливающий меня в любых пьянках. Говорят, что М.И.Калинину принадлежат слова: «Самая вредная – последняя рюмка, но где она?» По моим наблюдениям, большинство мужчин живёт по пословице: «Первая – колóm, вторая – соколóm, а третья – мелкой пташечкой!» Меня природа устроила наоборот. Если компания приятная, первая рюмка кажется «сладкой водочкой», вторая – горькая, а третья – совсем неприятна. Я встаю из-за стола. Ищу укромный угол и засыпаю. Домой возвращаюсь как огурчик.

В квартире А.Берзина я «перебрал» и там же заночевал. В памяти остались лишь самые разнообразные предметы в столе, найденные Альфредом в желудках вскрываемых кашалотов, например, детская кукла.

5 марта (воскресенье). Ходил с Артуром на толчок. Купили перчатки.

Владивосток неприветливый. Солнце не такое ласковое, как в Крыму. Ветер холодный.

Пили сухое болгарское вино. Оно мне по-прежнему не нравится, но известно, что за компанию кто-то даже повесился: не то жид, не то цыган. А характер у меня мягкий. Легко поддаюсь чужому влиянию. Правда, до поры до времени. На крутых поворотах всегда соскакиваю, чтобы остаться на магистральной линии. У каждого человека должен быть свой внутренний стержень. Поэтому я никогда не оправдывал пьяницу. Правда, никогда и не ругал. Их не ругать, а лечить надо. Это несчастные люди. Теперь-то мне совсем ясно. Алкоголизм – это такая же болезнь, как и многие другие. Одни к нему устойчивы, а другие – нет. И ничего тут не попишешь. Правда, это совсем не значит, что не нужно сопротивляться соблазну. Удержаться на краю пропасти всегда приятнее, чем свалиться вниз.

6 марта (понедельник). С Артуром и Эдиком Тихомировым отправились на шхуну «Оленница». Толком не договорились, чтобы мне на ней заякориться. Старпом Хлопотовский – за, а кэп Белицкий отделался шуточками. Распили бутылку «Московской», затем ещё одну – на «Воямполке» и разошлись.

Эдик – сотрудник ТИПРО. Худощавый. В тюленьей шапке и сильно хромой. Когда выпьет, передвигается стремительно и очень забавно.

Назначили свидание Белицкому, но Федосеев задержался в университете, и всё сорвалось.

Пили сухое вино в ресторане «Челюскин».

7 марта (вторник). С утра утрясал вопрос о Сердюкове и ружье. Сбежал на почту: дал телеграмму Свете и Семёну Людвиговичу (научному руководителю). Купил подсобные материалы для экспедиции: полиэтиленовые мешки, лейкопластырь и тому подобную мелочь.

Провожал Г.А.Федосеева. Втроём пили сухое вино.

Поздно вечером проехался на трамвае – посмотреть город. Холодно. Мороз –12°. Ветер 6–7 баллов.

8 марта (среда). Шустов заскочил рано. На завтрак ограничились бульоном. Для меня это необычно. Но для тех, кто дружен с алкоголем, утром куриный бульончик – в самый раз. Должен признаться, что и мне он понравился.

Прошлись по Владика заснять памятники. Для меня это намного приятнее любого вина, но без него с друзьями тоже нельзя. Пили «Анапу». Анапа – это родина моей жены. Как тут откажешься. Выпил. Но каждый раз внутренне всегда был уверен, что это временные издержки. В любое время смогу остановиться и алкоголиком не стану. Так и получилось по жизни. В компаниях никогда не отказывался, но вовремя останавливался. В итоге и белой вороной никогда не был, и к алкоголю не пристрастился.

Заскочил в музей Арсеньева. Своей мощью поразил уссурийский тигр. Захотелось лечь ему на спину (такая она была широкая). Говорят, тигр сильнее даже льва. Так что царь зверей получил корону скорее не за силу, а за гриву.

Обедали в «Золотом Роге». Романтика! Звучит, как музыка. Потом долго бродили по городу.

Вечером состряпал письмецо домой.

9 марта (четверг). Прилетел ещё один магаданец – Виталий Николаевич Гольцев. В будущем он сыграл в моей жизни особую роль: стал кумом и верным другом на всю жизнь. До Владика я его ещё не знал, а он уже был, можно сказать, морским волком. Освоил Чукотку. Шастал по морям. Специализировался по моржу и ларге.

Виталий был моим ровесником, но своим северным авторитетом он подавил меня, и я легко ему подчинился. К тому же он был выше меня ростом и ко всем окружающим относился с лёгкой иронией, как бы подсознательно утверждая своё превосходство. В то время он был ещё без бороды, но на людей уже воздействовал магически. Мы сразу же встретились с капитанами Белицким и Усаченко и утрясли самые важные организационные дела. Было решено, что наш лаборант А.М.Сердюков пойдёт в Охотское море на шхуне «Санзар» (капитан – Николай Арсеньевич Усаченко), а я с Виталием Гольцевым отправлюсь в Берингово море на шхуне «Оленница» (капитан – Виктор Данилович Белицкий).

10 марта (пятница). Утрясали разные дела. Шустов рассказал об интереснейшем случае из своей жизни, как он чуть не отправился к «верхним людям». Работал он тогда землеустроителем в Западной Чукотке. И вот однажды нужно было ему перебраться в другой посёлок 150 км за рекой Турульча (или Туромча). Дали ему двух лошадей, две винтовки и проводника ороча Костю в придачу. Погода сначала была отличная. Потом повалил снег. Набросало по пояс. Ветер с ног валит. Потом мороз. Ночевали в снегу. Подошли к реке. Уже успели образоваться ледяные берега. Лошади не идут. Шустов разделся догола и топором проделал путь. Был привязан верёвкой к седлу. Съели последнюю луковицу и выпили одеколон. Потом шесть суток ничего не ели. Чтобы не замёрзнуть, спали по очереди у костра. Путь прокладывали тоже по очереди. Шустов ночь не спал, карауля сон Кости. Зато приказал ему назавтра прокладывать путь. Первыми выбились из сил лошади. Их пришлось оставить. Со временем побросали винтовки и лишнюю одежду. Силы были на исходе. Неожиданно выбрались на след оленьей

упряжки. Это их уже искали. Шум подняла в Магадане жена Шустова – Галка. Позвонила на Чукотку. Сердце женское не обманешь – почувствовала беду. Ниже по реке прошла собачья упряжка. Пошли по следу и наткнулись на орочей, приехавших за дровами.

В посёлке Костя зашёл в крайний дом к родичам, а Шустов направился в сельсовет. Выпил воды и потерял сознание. Когда на следующий день очухался в больнице, сказали: Костя умирает. Его тоже привезли в больницу. Дали рвотное. Из рта летели разлагающиеся куски мяса: желудочный сок за шесть суток прекратил выделяться. Шустова спасло то, что его начали возвращать к жизни чаем, а не мясом.

11 марта (суббота). Намечался выход в море. Шхуну после девиации искали полдня. Нашли в рыбпорту. Затем перешли в завод. Вечером с капитаном Белицким отправились в «Золотой Рог». Романтика!

12 марта (воскресенье). Голосовали.

13 марта (понедельник). Были в ТИПРО. Посмотрел музей. Экспонаты со всего мира. Интересно. В шесть вечера вдвоём с Гольцевым пришли на судно. Ночевали в каюте капитана.

14 марта (вторник). В песне верно поётся: «Провожают пароходы совсем не так, как поезда». Полдня прощались с Владивостоком. Шхуну заполнили жёны и поклонницы зверобоев. Все навеселе. Шум, гам. Объятия. Поцелуи. В одной из кают электрик Паша (по кличке Светило) стрижёт наголо своего друга. Дойдя до половины, берёт вдруг со стола открытую банку варенья и выливает ему на голову. Потом равномерно размазывают по её поверхности, голой и ещё не остриженной. Никто не возмущается. Никто не смеётся. Всё деется, как в каком-то замедленном беззвучном фильме.

Продолжаю знакомиться со шхуной. На высоком пороге сушилки висит согнутый пополам бесчувственный Борис Хаков – лучший стрелок Дальневосточной флотилии. Его туловище и голова (вниз лицом) свисают в полутёмную сушилку, а «корма» и ноги – в коридоре. Какой-то шутник стащил с «кормы» штаны и на широкой голой татарской заднице углём нарисовал чёрта с кочергой.

Не скрою, что такой экзотический выход шхуны на полгода в море произвёл сильное впечатление, но ещё большее воздействие в будущем оказали на меня исповеди зверобоев по дороге в Антарктику. Выслушав их, я сделал для себя вывод: «Души моряков – это зияющие раны». Но об этом позже. А сейчас вернёмся к прощанию с Владивостоком.

Жадно всматривался я в берега бухты Золотой Рог. Погода была отличная. Солнце вспыхивало на воде мириадами бликов. Великолепен был и залив Петра Великого. Ночью нас ощупывали береговые прожектора. Сторожевые посты запрашивали, кто мы, куда путь держим.

15 марта (среда). Весь день шли вдоль берега на север по синему морю под голубым небом. Умиротворённо пролетали в стороне от нас чайки, не издавая ни единого крика, такого обычного для них, и не обращая на нас ни малейшего внимания. Блаженный край!

К вечеру в лучах склонившегося к горизонту солнца встретилось нам 15–16 бело-розовых японских тральщиков. За ними тяжело чернели три наших СРТ (средних рыболовных тральщика).

16 марта (четверг). Утро – солнечное. Море искрится, будто радуется исчезновению «колотуна» – ветра. Недалеко от берега пасётся стадо китов.

К обеду погода изменилась. Началась настоящая болтанка. Меня поселили на диване у Деда – старшего механика. Зовут его Михалыч. Невысокий, плотный, светловолосый, с добрейшим усатым лицом. С юмором жену называет нежно и ласково – моя ведьма. Когда начался шторм, залез в свою кровать, лёг на спину и, закрыв глаза, тяжело задышал. Я понимаю, что он не спать улётся. Просто ему нехорошо. А мне смешно. Я ещё не знаю, как буду переносить качку. От нечего делать тоже принял горизонтальное положение на своём дерматиновом диване. Смешно: шхуна поднимает левый борт – сунешься по дивану направо, пока не упруешься ногами в переборку; поднимается правый борт – сунешься налево, пока головой не ткнёшься в стенку коридора. Это забавляет. Но вдруг шхуна зарылась носом воду. Наша каюта первая справа. Прямо примыкает к нижней палубе. Вода сразу же через открытый иллюминатор хлынула к нам в каюту. Вторая волна прошла по палубе с прикреплёнными ботами и через высокий порог запрыгнула в открытую дверь коридора. Небольшой своей частью через решётку в двери она тоже ворвалась в каюту и смешалась с водой, попавшей через иллюминатор. Наши тапочки, а также сигареты, упавшие со стола, с лебединым величием стали плавать по каюте. Дед кошкой бросился к иллюминатору. Кто-то протопал задраивать входную дверь коридора. Качка продолжалась. Дед снова улётся на кровати и продолжал тяжело дышать, глядя в потолок. Мне не терпелось поскорее осваивать морские премудрости, и я обратился к Деду:

– Это уже настоящий шторм?

– Да-а... Это уже настоя-ящий шторм, – растягивая слова, – отвечал он и отказался от обеда.

Я отправился один в кают-компанию. В узком коридоре под углом сорок пять градусов к палубе, цепляясь обеими руками за поручни, навстречу брёл незнакомый матрос. Картинка была необычной, поэтому показалась смешной. Ещё больше рассмешил сам обед. Столы были накрыты мокрыми простынями, и на них лежали деревянные решётки с гнездами для посуды. Тарелки были заменены на глубокие алюминиевые миски. Решётки не спасали, поэтому моряки держали миски с борщом в левой руке и балансировали ими в воздухе, стараясь удерживать жидкость всё время в горизонтальном положении. При этом нужно было умудриться удачно выхватить ложкой в правой руке часть содержимого миски. Координация постоянно нарушалась, и алюминиевые ложки звонко бились об алюминиевые миски. Было впечатление, что в кают-компании гогочет стая гусей. Мне стало настолько смешно, что я вынужден был кусать губы, чтобы не выдать своего душевного

состояния. Боялся, что сочтут сумасшедшим и будут близки к истине, так как сам я не понимал, почему там, где другим свет не мил, мне смешно.

Забегая наперёд, скажу, что отучили меня смеяться во время шторма неистовые пятидесятые в Индийском океане, когда мы в 1987 году возвращались из Антарктики по пути на Сингапур, шесть суток пробивались сквозь девятибалльный шторм. Но об этом в своё время. А теперь вернёмся на шхуну в 1967-ой год.

17 марта (пятница). Ночью спал плохо – качало. Зато утро волшебное. Заснял восход солнца над Сахалином. На палубе сделал зарядочку – ни ветринки. Солнце поднималось всё выше и выше, но утренняя свежесть сохранялась.

В Холмск прибыли в 13 часов. Зашли в магазин, и прилавки вдруг заплясали перед глазами. До самого вечера земля ходила под ногами, как палуба. Интересно!

18 марта (суббота). Весь день бродили по городу. Судно запаслось пресной водой и приняло на борт оружие (карабины для отстрела тюленей). Чувствуется приближение весны. Снег раскис. Тепло.

Вечером двинули в дальнейший путь. Предстоит повернуть на юг, через Цугару (Сангарский пролив между японскими островами Хоккайдо и Хонсю) выйти в Тихий океан и много-много дней потом сквозь бесконечные шторма пробиваться к Чукотке, где в Анадырском заливе ждала нас настоящая охотничья страда.

19 марта (воскресенье). Весь день погода отличная. Мимо проплывают различные японские острова. Вечером вышел на палубу. Луна стоит высоко, так что дорожки на море не видно. Вода чёрная, как бархат. Колышется за бортом с лёгким шорохом.

После ноля сели отмечать мой день рождения. Мне 29, но ничего существенного в жизни пока не сделал. Институт. Армия. Это бывает у многих, но своего, индивидуального пока ничего. Лермонтов был моложе, а сумел весь мир перевернуть. Грустно. Горький прав: рождённый ползать летать не может. Что ждёт? Совсем неизвестно. Даже направление не определено: наука или литература. Ни в чём нет уверенности.

За «маврешкой» просидели до двух ночи.

20 марта (понедельник). Около семи утра так тряхнуло, что мы с Дедом сразу же проснулись. И снова вода хлынула в иллюминатор. И снова вторая волна рванулась в коридор и залила нашу каюту. Началась настоящая болтанка. Так Японское море приветствовало моё рождение. Кресло опрокинулось. Падали книги, сигареты. Не было воли подняться и навести порядок. Иллюминатор всё чаще и чаще скрывался под водой. Только после пяти вечера курс сменили, и болтанка прекратилась. Я прилёг отдохнуть, чтобы ночью посмотреть Цугару. Потом, проснувшись, смотрел в кают-компани «Сколько лет, сколько зим».

21 марта (вторник). Около ноля вошли в Сангарский пролив. Родина, словно проклиная нас за то, что мы её покинули, с помощью могучего се-

веро-западного ветра обрушивала на нас снежные заряды один за другим. Это дышала родная Сибирь. Включили радар. Я надел овчинный тулуп и взобрался на самый верхний мостик. Стало проясняться. По небу бежали рваные облака. Из-за них то и дело пыталась взглянуть на нас красавица луна. Игралась, как красная девица. Вокруг внизу колыхался пролив: серо-белый, весь в пене. Волны были выше, чем в открытом море. Слева на берегу виднелась ровненькая цепочка огней. Я спустился в рубку. Все ждали, когда на траверзе появятся огни Хакодате. Капитан всё время шутил. Обращаясь ко мне, сказал: «Вот сейчас японцы возьмут нас в плен и будут бить бамбуковыми палками по пяткам». Мне было совсем не страшно: ведь бамбуковые палки – это не харакири. Прорвёмся!

22 марта (среда). Тихий океан нас встретил вместе с вышедшим из его вод огромным красным солнцем. На пару они приветливо приглашали нас в безбрежный голубой простор. Не менее радовались нашему появлению дельфины. Они стали играть с нашим судном, как с котёнком. Нырjali с одной стороны, выныривали с другой. Сопровождаемая их танцами шхуна повернула на север и взяла курс на далёкую-далёкую Чукотку. А пока я фотографировал Хоккайдо. Остров был близко. В одном месте неожиданно появился православный храм. Чудеса! Настроение поёт.

Вечером смотрел совсем неинтересный фильм «Люди с поезда». Зато потом до часу ночи с упоением читал «На чужбине» Любимова. Прелесть! Особенно понравилось о национальной гордости. За границей я чувствую себя русским и радуюсь, что принадлежу к этому великому народу. Правда, иногда всплывают в сознании строчки нашего белорусского поэта Богдановича: «У бубны дахаў вецер бье. Шуміць па ім, грывіць, пяе». Но национализма во мне ни капельки. Другое дело – национальная гордость. Она не покидала меня ни на минуту.

23 марта (четверг). Пасмурно. Океан – серый. Зыбь большая. Амплитуда 40–50 м. Часто пробиваемся сквозь ледовые поля. Вспугнули сивуча. Сейчас 19:30. Всё ещё не можем преодолеть Фриза. Итуруп был виден лишь на линии горизонта. Горист. «Рубцовск» бросил плестись за нами в хвосте. Ушёл в Северо-Курильск. Утром какая-то девица гнула чуть ли не матом по радио. Весь день ветер «по зубам», а посему качка во всех плоскостях. Кувыркаемся, как в космическом корабле. Настроение игривое, и я сочинил письмо Магеллану, давшему название этому самому большому в мире океану. Он пересёк его в тропическом поясе и горя не знал. У нас другое дело:

Письмо Магеллану

*Здравствуй, дядя Магеллан!
Избавь ты нас от лиха –
Забери свой океан:
Он совсем не тихий.*

*Был тебе в нём полный штиль.
Ну а нам он прочит,
Что ни миг, то аверкиль;
Словно ад грохочет.*

*Ох, совсем несладко нам
В этой схватке дикой.
Брюхо порем мы валам
Мачтой, словно пикой.*

*Не видать вокруг ни зги,
Боль в мозгах такая,
Будто чёрт мои мозги
Ложкою черпает.*

*Всем канонам вопреки
Вразнобой при этом
Тянут хором моряки
Соло риголетто.*

*Добрый дядя Магеллан,
Не попомни лиха –
Забери свой океан:
Он совсем не тихий!*

Виталий спасается бипольфеном. Я держусь пока так. Даже хочу, чтобы обрушился девятибалльный шторм: интересно, выдержу или нет.

В рубке на вахте третий помощник. Невысокий, лысый, с глубоким шрамом на лице. Матершинник непревзойдённый. Но тут и он присмирел. Матом не гнёт. Интересуется пингвинами, страусами и так далее. Несмотря на его вид уголовника, я заметил в нём человечность ещё в порту – время прощания его с семьёй. Приятно, когда в людях не ошибаешься. А они такие разные. Некоторым качка нипочём. Сидят и смотрят в кают-компании «Твои следы». А океан беснуется.

24 марта (пятница). Ночью угодили в огромное ледяное поле. Пробиться не удалось. Вернулись и стали обходить его. «Рубцовск» тоже не пробился и снова пристроился к нам в хвост. Вдвоём веселее в этом крошечном аду.

Весь день пробирались сквозь ледяные поля. В них качает меньше, но всё равно океан колыхается, как чудовище. А тут ещё и снег, падающий с неба, добавляет движения. Голова начинает кружиться. Волшебство!

Вечером смотрели «Три весны Ленина». «Для интересу» принял бипольфен. Ночью прошли Буссоль и прочие проливы.

25 марта (суббота). До Северо-Курильска осталось 200 миль. Норд-вест нещадно кувыркает нашу посудину. Началось обледенение. Самочувствие

всё равно отличное. Ночью тоже основательно трепало. Тем не менее слушал по спидоле репортаж о встрече хоккеистов СССР – Швеция. Полтава № 2! Русские – всё-таки особый народ. Лучше всех о нас сказал Лермонтов:

*Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За Родину свою!*

26 марта (воскресенье). Солнечно и тихо. Идём под прикрытием Парамушира – самого большого острова Курильской гряды. Он предательски скрывается от нас в тумане. Всё равно через пару часиков бросим якорь в Северо-Курильске!

* * *

Стали на рейде в Северо-Курильске. Когда входили в пролив, погода страшно испортилась. Ветер. Снег. Белые барашки. Морянки. Чайки. Кое-что снял.

Связались с «наждаком». Обещают завтра подбросить водички (30 т) и топлива (тонн 10).

27 марта (понедельник). Проснулся в море солнечного света! Сверкали Парамушир и Шумшу. Заснял. Затем высадились на берег (Гольцев, Дед, Маль и я). Северо-Курильск завален снегом – ослепительно белым. В первый попавшийся магазин спускались вниз по снежным ступенькам, как в нору. Здания не видно. Внутри обратил внимание, как загорелись глаза местных мальчишек при виде нас. В море мы успели основательно обрасти бородами и в совокупности с полярной одеждой были похожи больше на огромных медведей, чем на людей. Романтика! Мальчишки завидовали нам, а мы – им: ведь они жили в прямом смысле на краю света, куда не каждому посчастливится добраться.

Оказалось, что в качестве такси в городе служат трактора и лошади с бубенцами (колокольчиками). Мы с Гольцевым выбрали второй вид транспорта. Весело было под музыку нырять по сугробам. Однако получилось не сразу. Пограничники не хотели пускать в город без оформленного документа. Угостил «Шипкой» – лица потеплели. Северо-Курильск – город с трагической судьбой. В 1952 году его почти полностью смыло цунами. Отстраиваясь, он всё дальше уползал в горы, остерегаясь повторного гнева морской стихии. Над ковшем кружат чайки – поблизости рыбокомбинат.

Назад на шхуну подбросил некий военный катер, ждать которого пришлось, однако, довольно долго. У пьяного матроса выпросил в музей крупного камчатского краба. Погода стала портиться. Вечером ребята смайна-ли бот и привезли килограммов 300 копчёной камбалы. Раньше я никакой рыбы не любил, а к этой пристрастился. В организме что-то переменялось. В детстве любил под корчами на озере ловить руками плотву. Домой при-

носил, а сам не ел. Запах хамсы и селёдки вообще не переносил. Не мог долго находиться в магазине, где её продавали. Позднее на Командорах копчёные балыки из нерки поедал с превеликим удовольствием. А вот к икре (что чёрной, что красной) за всю жизнь так и не прикипел. Ем бутерброды на торжествах, но главным образом не потому что вкусно, а потому что престижно.

До двух ночи пили «маврешку», а в 6:30 нужно вставать – слушать репортаж о встрече наших хоккеистов с канадцами. Не мог уснуть до четырёх часов. Чёрт те что!

28 марта (вторник). С утра погода – блеск: тихо-тихо хлопьями падает мокрый снег. Ребята в рубке слушают второй и третий периоды встречи, а я формалиню краба. Наша победа – ура! А начало было тревожным.

Лёг отдохнуть. Проснулся и зашёл в кают-компанию. Капитан говорит:

– Не был на улице?

– Нет.

– Порывами 35 метров в секунду. 11–12 баллов.

Поднялся в рубку. Параллельно поверхности моря несутся сплошные снежные нити-провода, будто трассирующие пули летят. Вот так Северо-Курильск! С берега передаёт какому-то судну, просящему укрытия (оно в Охотском море), что видимость – ноль! Оставайтесь, мол, там. А те продолжают умолять – помогите! Кромешный ад!

Мы вынуждены ждать «Подосиновца» для смены радиста.

Смотрел «Учитель из Виджевано» и «Морозко».

29 марта (среда). В первом часу ночи подошёл «Подосиновец». Швартовался, направляя на нас свой циклопический глаз – прожектор. Падал снег. Дул ветерок. «Подосиновец» ушёл ночью, доставив нам нового радиста (Маркони). Впервые после второго марта я сладко заснул.

В 8:30 камчатского времени снялись с якоря и двинули дальше на север. Погода стала проясняться. Идём по солнечному океану. Слева – низкий, в снегах последний в Курильской гряде остров Шумшу. Справа – под матовым небом сверкающий на солнце океан. Настроение поёт (11 часов 21 минута). После обеда заснял заснеженный остров Уташуд.

30 марта (четверг). Прошли Петропавловск-Камчатский. Заснял Козельскую, Авачинскую и Корякскую сопки, а также конечный мыс полуострова Шипунского. Камчатка! Долго она мне не давалась. В 1966 году я пролетел над нею на самолёте, жадно всматриваясь в чёрные грани заснеженных вершин. А теперь вот она проплывает на горизонте – снова манящая и снова недоступна. Ну, погоди, красавица, всему своё время!

Проверил краба – замёрз, бедняга, в пожарном ящике.

До четырёх утра играли в преферанс: кэп, Виталий и я. Я – новичок в этом деле. Тяжеловато и неинтересно. Просто приходится поддерживать компанию.

31 марта (пятница). Погода солнечная. Правда, изредка ползут навстречу снежные заряды. Тогда наша шхуна гудит печально и тревожно.

Велика ты, Матушка Русь! В 20:00 прошли мыс Африка и вошли в Берингово море. Льдов не видно. Погода тихая.

Своего бедного краба повесил сушиться в выводной трубе машинного отделения. Горячий воздух обдувает его, направляясь в атмосферу.

В кают-компании крутят «Дождливое воскресенье». Нет охоты смотреть.

1 апреля (суббота). Идём Беринговым морем. Погода хорошая. Изредка натываемся на снежные заряды.

Спидола сообщила о кончине Малиновского.

Вечером читал «Тропами Карибу». Охота волков описана превосходно!

2 апреля (воскресенье). Это предлинное путешествие начинает надоедать. В последние дни напала сонливость, апатия и даже неудовлетворённость. С таким настроением промаялся до обеда. Но даже и обед не ободрил, а был он превосходным: камбала в маринаде, супчик и компот с начинённой булочкой. Пришёл в каюту, глянул в иллюминатор и чуть не воскликнул от восторга: янтарно-голубое море почти не колыхалось за бортом. Взобрался на верхний мостик. Шхуна подходила (13:00) к Олюторскому мысу. Море, небо и снежные скалы застыли в молочно-голубой дымке как зачарованные! Никаких кричащих красок! На надстройке играют зайчики! Невдалеке вынырнула крылатка (полосатый тюлень). Шхуна, еле покачиваясь, незаметно движется вперёд. Размеренно и сонно стучит главная машина. Всё, как в волшебной сказке! Я долго сидел, греясь на солнце и любуясь этой мягкой красотой.

Вечером играл в преферанс. Погода резко ухудшилась.

3 апреля (понедельник). После трёх ночи не мог уснуть: качка безбожная! Утром еле встал попить чайку и снова залёг.

После обеда выбрался на ботдек – заснять сопровождающих нас сивучей. На ногах удержаться невозможно. Я изловчился и, как кошка, прыгнул к трубчатым перилам на корме. Обхватив полую куртки одну из трубок и крепко удерживая конец куртки левой рукой, стал наводить фотоаппарат на усатую морду сивуча. В это время шхуна носом полностью зарылась в волну и корма мигом взлетела вверх. Я испытал неприятное чувство невесомости. Но по-настоящему страшно стало, когда корма со всего маху плашмя ахнула об воду и по ней поплыли разноцветные нефтяные круги вместе с небольшими деревянными досками. Я в ужасе подумал, что шхуна дала течь и нам конец. . . Спасти в таком аду невозможно! Человек казался бессильной невидимой глазу песчинкой в этой бушующей природной стихии. В эту минуту я не думал, что человек – царь природы. В будущем, правда, иногда приходилось мнение менять на 180°.

А сейчас Берингово море бесновалась по-настоящему. Наше ветхое судёнышко то проваливалось куда-то вниз, то взлетало под облака. Укрываясь за гребнями волн, неистовую пучину утюжили чайки. Ветер в 8 баллов, смешавшись со сплошной стеной летящих брызг, нещадно хлестал нас «по зубам». Шхуна, подобно скорлупе грецкого ореха, заплясала вдруг во всех плоскостях, совсем не продвигаясь вперед. Качка переносилась тяжелее, чем прежде.

Уже 9 вечера, а море по-прежнему ревет. Обиднее всего, что до льда осталось не более суток хода.

4 апреля (вторник). Началось сильное обледенение. Из-за него в прошлом году в Бристольском заливе (совсем недалеко отсюда) погибло несколько наших рыболовных судов. Так что шутки плохи. У обледеневшего судна нарушается центр тяжести и равновесия. Оно переворачивается и весело идёт ко дну. Нас это не устраивает, поэтому, несмотря на штормовую погоду, намерены обкалываться. Сивучи 25–30 голов таращат на нас глаза, как на инопланетян: вляпались, мол, ребятушки. В 17:00 мы приступили к скалыванию льда. Он везде – на снастях, на бортах, на палубе. Ради интереса проглотил бипольфен. Состояние муторное, но укачивание вроде бы уменьшилось. Летящие брызги – ледяные. Открытые мокрые участки тела обжигают, как металлом. Мы не сдаёмся. «Наша русская кровь на морозе горит!»

5 апреля (среда). Подошли к какому-то берегу. Определиться невозможно: радиомаяки не работают, солнца нет. Зато атмосфера начала успокаиваться. Весь день шли по шуге. Перед ужином, застопорив машину, продолжили обкалывание. Совсем не качает – блеск! Но ветер – обжигающий.

До двух ночи играли в преферанс. Зашёл Кроха (Виталий Гольцев) сказать, что кромка льда – от Наварина до Провидения. Кошмар – без зверя остались!

6 апреля (четверг). Без четверти 8 разбудил капитан – посмотреть на мыс Наварин. Идём по схваченной шуге (блинчатый лёд). Не качает. Даже движения не заметно. Только «лапоть» (наша шхуна) чуть-чуть подрагивает. Солнце и обжигающий ветер. Ничего не попишешь – это ведь Чукотка, а она умеет быть коварной.

Команда села пить чай. Из кают-компании донёсся тоненький голосок Курья: «Мушкетёры! Один за всех!» В ответ грянуло дружно: «Все за одного!» Это всего лишь игра. На деле Курьясь мечтает вернуться на Украину и построить себе дом на небольшом острове посреди огромного озера. Так что он больше Манилов, чем мушкетёр. Положиться на такого нельзя, продаст на первом же крутом повороте.

После чаепития сыграли: «Аврал!» Грузили бочки в корзину на корме. Обкалывались. Оказывается, мы в бухте Гавриила: солнечной, но коварной. Она грозила захватить нас в ледовый плен. Но мы – не дураки: рванули на зюйд-вест и обошли косу старого льда со стороны моря.

Сейчас обед. Погода исключительная! Смайнали боты. Прямо со шхуны убили двух крылаток. Боты добыли несколько крылаток, ларг, а Хаков – и лахтака.

Вечером проявил плёнки. Не мог заснуть до двух часов ночи. Проснулся в шесть. Началась «великая гельминтологическая лихорадка». Впоследствии я болел ею на всех широтах планеты, доводя себя в каждой экспедиции до полного изнеможения. Зато материал собрал для двух своих диссертаций (кандидатской и докторской) и ещё для двух кандидатских: подарил другим исследователям – своим будущим ученикам.

7 апреля (пятница). Погода испортилась. Команда занята ликвидацией мелких неполадок на ботах и судне.

Попытался договориться о рабочем месте. Побывал в помещении цистерны. Капитан обещал всё устроить. Неопределённость угнетает.

Ветер усилился до штормового. Видно, боты спускать сегодня на воду не будут. Тогда, возможно, отпечатаем фотоснимки.

Кроха ожил во льдах. Ходит и весело напевает: «А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты», или из «Мимино»: «Чито, гврито, чито-маргалито, да...», или что-то в этом роде (грузинским не владею). Удивительно приятный человек: с чувством юмора и иронии. Всё в меру и с доброжелательностью. Прекрасная черта.

8 апреля (суббота). Утро солнечное. Решили подаваться на ост – остзюйд-ост, в сторону островов Святого Матвея. В обед (12 местного) наскочили на зверя. Смайналы боты. Ходил с Хлопотовским (старпом и стрелок). Добыли 5 ларг, последнюю – на плаву, недалеко от судна. Зверь чуткий. Держится больше на кромке льдов.

Лёд местами сплошной. Косами. Зверя мало. Небо низкое. Нежно-голубое. Облака белые, у горизонта – тёмные.

Зыбь огромная. Весь горизонт ворочается в виде гор. Это особенно заметно, когда прыгаешь по льдинам к убитому зверю.

После заката небо стало светло-синим с яркой золотой звёздочкой на макушке. Кое-где паслись отдельные барашки-облачка. Наблюдал льдообразование.

* * *

Целлофановые мешочки оказались непригодными для работы – маленькие для внутренностей. Мешочки для инструмента не выдержали мороза – полопались. Жизнь учит. Всё предусмотреть невозможно. Пушкин и здесь молодец: «И опыт – сын ошибок трудных».

9 апреля (воскресенье). Взяли курс на Матвея. Кайткулов (капитан другой шхуны) предполагает, что там льда нет.

Ура! Капитан разрешил мне работать в душевой. Тепло и вода – как раз то, что мне нужно. Навёл порядок. Блеск! А вот внутренности никак не разморозятся.

После обеда авиаразведка сообщила, что ларга с детёнышами как раз в том районе, где мы только что были.

Ребята уже в который раз смотрят «Ракеты не должны взлететь». Что касается меня, то даже хороший фильм второй раз смотреть мне неинтересно. Жёваное – невкусно!

10 апреля (понедельник). Проснулся в 4 утра. Больше заснуть не мог. В полшестого встал. Пошёл вскрывать. После обеда устроили баню. Пришлось сматывать удочки. Не повезло – удалось вскрыть только трёх зверей.

11 апреля (вторник). Встал в полшестого. Вчера вся команда в бане помылась, а капитан – нет. Значит, мне там пока работать нельзя. Впоследствии

оказалось, что капитан очень не любил мыться и каждый раз задерживал из-за этого моё возвращение для работы в душевую на 2–3 дня. Гольцев, сочувствуя мне, пытался его уговаривать, но даже это не помогало. Поэтому банные дни, в конце концов, я возненавидел. Из-за них приходилось много страдать. Вот и на этот раз я пристроился вскрывать тюленьи внутренности на трапе, ведущем из машинного отделения на верхнюю палубу. Снизу меня обдувало поднимающимся тёплым воздухом, а лицо обжигал ледяной ветер. Мороз был 20°.

До обеда вскрыл шесть зверей. Прилёг отдохнуть и заснул. В четыре смайнали боты. Погода чудесная! Солнце. Сверкающие льды. Над нами летает «Рыба» – самолёт ледовой разведки. Со шхуны убили лахтака, ларгу и двух крылаток. Заготовил внутренности на завтра. Вернулись боты. Кроха привёз ещё трёх крылаток. Настроение – заоблачное, у команды – тоже, особенно у капитана.

12 апреля (среда). До обеда вскрыл двух зверей, после обеда – четырёх и двух заготовил на завтра. Погода страшно испортилась. Пятёрка вернулась ни с чем, так что Виталий внутренности не привёз. Ветер и снег. К нам прибилсь «пензенский» (со шхуны «Пенза») бот. Люди промокли насквозь. Два наших бота (1-й и 2-ой) тоже заблудились. Старпом вернулся лишь в 10 вечера.

Сфотографировал белька на льду. Людям снимок очень понравился, и его назвали романтично: «В снежной колыбели».

13 апреля (четверг). Проснулся в 6:30. Идём на норд – норд-вест. Колотун и зыбайло страшнейшие. На бледный небосвод взбирается безразличное ко всему солнце.

Вскрыл вчерашнюю крылатку.

14 апреля (пятница). Погода с утра и весь день скверная: ветер со снегом. В 2 часа смайнали боты. Пошёл со старпомом. Привёз материал от двух крылаток, двух лахтаков и семи бельков. И Кроха двух зверей привёз, так что работы на завтра выше головы. Устал немного и промёрз.

Заготовка тюленьих внутренностей на льду для дальнейшего исследования на шхуне сложная. Зарплата зверобоев зависит «от хвоста», то есть от количества добытых зверей, а точнее – их общего веса. Темп охоты бешеный. После удачного выстрела стрелка рулевой лихо подлетает к льдине. Стрелок и матрос-раздельщик выскакивают из бота и бегут к зверю. Перевернув его на спину, выхватывают из деревянных ножен самодельные ножи и одним взмахом делают продольный разрез шкуры с салом от нижней челюсти до хвоста. Потом каждый со своей стороны ловкими движениями отделяет хоровину (шкуру с салом) от раушки (остальной части туши зверя). Снятую хоровину переворачивают салом на снег и топчутся по ней, чтобы охладить и таким образом избежать в дальнейшем подпарки меха, то есть волосяного покрова зверя.

Главной моей задачей было не тормозить работу зверобоев, не снижать им заработок. Достичь этой цели можно было лишь одним путём – работать по сравнению со зверобоями в ещё более бешеном темпе. Так я

и старался делать. Первым выскакивал на лёд. Быстрее их бежал к зверю. Измерял длину и обхват тела. Затем, пока зверобои снимали хоровину, брал возрастной материал: или отрезал коготь, или клещами выдирали нижний клык (это зависело от вида тюленя). И, наконец, когда зверобой исполняли свой дикий танец на хоровине, я несколькими взмахами ножа вырезал все внутренности тюленя, которые компактно держались на брыжейке. В бот я прыгал последним, когда он, дрожа от нетерпения, уже отчаливал от льдины. В прыжке я выглядел комично: в одной руке – окровавленный нож, в другой – окровавленные тюленьи внутренности. Шкуры на дне бота, скользя друг на друге, были плохой опорой, и я обычно останавливал свой полёт ударом головы в борт. Благо, на ней была толстая кроличья шапка, и я не испытывал боли. Неудобство испытывал лишь иногда, когда шапка при ударе о борт сползала мне на глаза. Зато потом наступало блаженство. Я запихивал этикетку и возрастной материал в тюлений желудок и все внутренности помещал в огромный полотняный мешок. Таким образом очередной зверь оказывался, что называется, у меня в кармане. А добыча, как известно, почти всегда приносит радость.

15 апреля (суббота). Проснулся рано. Погода отличная. Во льдах чайки встречают солнце. Гогочут и пищат, как на птицеферме. Боты смайнали в 8. Скоро освободится душевая и я пойду работать.

Вскрывал до позднего вечера, поэтому не успел даже заготовить материал на завтра. И Кроха не привёз.

16 апреля (воскресенье). Встал в 6:30. Туман. Погода мерзкая. Куда-то идём. Качает. До чая нужно вскрыть хотя бы одного зверя (из двух заготовленных).

Больше добычи не было. Ветер и снег. Отстаивались. С промыслом дело обстоит плохо.

17 апреля (понедельник). Погода не улучшается. Отстаиваемся. Кошмаревич!

После обеда ходил на боте. Ничего не привёз. Зато Виталий доставил две ларги.

18 апреля (вторник). Боты ушли с утра. Погода – блеск! У меня под иллюминатором на солнечном льду топчутся маленькие белые чайки. Вскрываю ларг.

К вечеру заготовил 9 зверей: 4 ларги и 5 крылаток. Трёх из них вскрыл. 6 осталось на завтра. И Виталий двух привёз. Настроение – на все 100! Нашёл трематод в желчном пузыре ларг.

Пошёл на боте за материалом на завтра. Прыгал по льдинам, как чёрт. Выворачивая ларгам челюсти, где-то поранил палец. Руки всё время в ссадинах, царапинах и трещинах. О чинге не думаю. И напрасно: это профессиональная болезнь зверобоев. Можно руки искалечить на всю жизнь.

19 апреля (среда). Погода страшно испортилась. В три ночи судно так стало качать, что спать было невозможно. К тому же нужно было бежать в душ и спасать свои банки-склянки.

К утру ветер достиг 9 баллов. Снег бесился похлеще чертей. И такая кутерьма продолжалась весь день. Меня эта непогода напрямую не коснулась. В душе меня ждали 8 зверюг. Вскрывал до полдвенадцатого ночи. А завтра? Заготовок нет.

20 апреля (четверг). Боты ушли рано. Погода наладилась, и шхуна сама по пути начала добывать зверей. Заготовил внутренности от 11 животных, и Кроха привёз двух. Настроение – блеск! Работал до двух ночи.

21 апреля (пятница). Весь день обрабатывал материал. Просидел до часу ночи. У крылатки нашёл в желчном пузыре мелких трематод. У ларги – в поджелудочной железе.

Вечером Кроха привёз двух ларг.

Фотографировал нематод в желудке.

22 апреля (суббота). Встал в 7. Перебрал банку с нематодами. Надо занять желудок самца крылатки.

Боты ушли рано. Кроха, возможно, что-то привезёт.

Привёз двух ларг.

Днём, вернее в 10 часов утра, случилось маленькое смешное и в то же время тревожное происшествие. Я услышал выстрелы. Схватил ведро и выскочил на палубу. Оказывается, моторист Григорьев убил крылатку. Буфетчик Серёга с багром выскочил на лёд забрать белька. Я – за ним с ведром. Крылатка была метрах в пятидесяти. Пока мы к ней добирались по льдинкам, судно (с выключенной машиной) унесло метров на 150. Оно, гонимое лёгким ветерком, уходило от нас боком, оставляя на нашем пути полосу чистой воды шириной более 50-ти метров. Забрав с собой хорошину и внутренности крылатки, мы перепрыгивали с льдины на льдину, стараясь вернуться на судно. А оно предательски удалялось. Используя багор как весло, мы бесконечно подгоняли одну льдину к другой, перепрыгивали и снова подгоняли. Большинство льдин были крупными, и мы совсем выбились из сил. Начал наползать туман. Стало тревожно. Я злился на капитана, догадавшись, что он решил нас проучить, чтобы мы в дальнейшем не выскакивали своевольно на лёд. Это было жестоко и несправедливо. Отчаявшись и не надеясь на помощь, мы выбрали небольшую льдинку и, как на лодке, стали продвигаться по чистой воде. К счастью, через 3 часа шхуна упёрлась боком в сплошной лёд и мы, совсем обессиленные, настигли её. Капитан хотел всё перевести в шуточки, но, почувствовав моё негодование, сознался всё-таки, что следил за нами и готов был в критическую минуту включить двигатель и спасти нас. Я легко простил его, понимая, что он поступил так безобидно, стараясь хоть как-то разнообразить свою монотонную, неинтересную жизнь. Он же рассказал, что один капитан, высадившись в иностранном порту, нанял для себя не одну, а две машины такси. На одной катался по городу сам, а на другой, гордо сверкая кокардой, следовала за ним его фуражка. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось. Глупость всегда проявляется ярче, чем ум. Для этого требуется меньше усилий.

23 апреля (воскресенье). Боты ушли рано. Погода отличная, но в 3:00 вернулись ни с чем. Зверя нет. Правда, Кроха двух ларг привёз.

Поймали на удочку белую чайку. Хотел сделать чучело – не получилось: сломался череп.

Взяли курс на север и рванули во все лопатки.

24 апреля (понедельник). Уже 9 утра, а мы всё шуруем по чистой воде. Видать, были на острове льда.

25 апреля (вторник). После обеда смайнали боты. Ходил с Петровичем. Привёз четырёх крылаток.

26 апреля (среда). Погода – швах. Брали лёд. Решили устроить баню. Пришлось в спешном порядке форсировать своих крылаток и наводить порядок в бане.

После обеда гоняли пульку. В 12 ночи искупался.

27 апреля (четверг). Весь день погода дрековская. Отстаивались или двигались на норд и около.

Только 73 вскрытия, а планировал в апреле догнать до ста. Теперь уже ясно, что в прогаре.

28 апреля (пятница). Уже 10 утра. Всё шлёпаем куда-то на норд-ост. Нет, пробилось солнышко, и повернули на вост. Осталось два дня до праздника. Здесь его приближение не чувствуется, хотя изредка и говорят о нём.

В полтретьего смайнали боты. Ходил со старпомом. Привёз двух лахтаков, 6 ларг и двух крылаток. Кроха доставил акибуху (кольчатую нерпу) и ларгу. Работы-ы-ы... выше головы. Лёг во втором часу ночи.

29 апреля (суббота). Шлёпаем по открытой воде на зюйд-вост. Кэп ещё не мылся, и я не могу в срочном порядке оккупировать душевую.

Весь день прошёл в нервотрёпке. На ботдэке холодно. Вскрыл лишь четырёх зверей. Остальных (8) перенёс на завтра.

30 апреля (воскресенье). Работал, как чёрт. Вскрыл 10 зверей. Еле успел к началу торжества.

Лёг спать в 3:30 утра.

1 Мая! (понедельник). Зверобои настроены были отсыпаться, так как вчера была выпита вся водка, припасённая к празднику. Однако старпом знал, что у меня есть спирт для консервирования паразитов, и очень захотел отпраздновать 1 Мая ещё раз – на боте во льдах. Это и мне показалось романтичным, и я согласился. Команда бота на радостях так заторопилась, что потеряла бдительность, и при спуске с верхней палубы бот не медленно стал опускаться вниз, как обычно, сохраняя киль в горизонтальном положении, а полетел носом вниз и чуть не зарылся в воду. Мы оказались на волоске от серьёзного ЧП. Однако людей, настроенных выпить, остановить почти невозможно, и мы смайнали бот.

Погода стояла чудесная. Мы весело рыскали во льдах в ожидании праздничного обеда. Зверя почти не было. Добыли лишь четырёх крылаток. Но я сдержал слово и угостил ребят спиртом. Разогретая на движке свиная тушёнка на свежем воздухе казалась вкуснее любого деликатеса. Выпили

за праздник, за Родину, за тех, кто в море, за женщин (на шхуне не было ни одной) и в 16:00 вернулись на родную посудину.

К этому времени, оказывается, к ней пришвартовалась ещё одна зверобойная шхуна – «Акиба». Праздник продолжался. Обменялись фильмами, а мне ещё и передали письмо от жены, сброшенное на «Акибу» с самолёта-разведчика. Вот это был сюрприз!

Я даже не расстроился, увидев, что по палубе в каюте гуляет морская вода, проникающая через пробоину, полученную при резком столкновении шхуны с льдиной. Наш «лапоть» был полностью деревянным и не был рассчитан на русскую удаль. Ведь строили его не русские, а финны. Дед тоже равнодушно отнёсся к пробоине, решив ремонт перенести на завтра. Уже стемнело, и он тяжело дышал через свои пшеничные усы, лёжа на кровати кверху пузом. Я улёгся, как обычно, на диване. Свет был выключен. В дверь постучали, и в каюту вошёл старпом. Он уже знал о пробоине и стал ползать на четвереньках по палубе, макая пальцы в воду, а потом облизывая их.

– Солёная, – глубокомысленно заключил он и подполз в темноте к моей голове. Он был моложе деда, боялся его, поэтому перешёл на шёпот. Ткнувшись пьяными усами в моё ухо, жалобно взмолился:

– Налей хоть стограммулечку – трубы горят.

На сей раз я был неумолим.

2 мая (вторник). До 7-ми вечера возился с крылатками. Вскрыл. Заснял. У двухлетней самки родился мёртвый белёк. У неё в кишечнике необычно много для такого возраста скребней *Corynosoma villosum* (более ста). В лёгких – нематоды *Parafilaroides krascheninnikovi*. Это новый для науки вид. Я назвал его в честь прославленного исследователя Камчатки Степана Крашенникова. В толстой кишке этой же крылатки обнаружил сквозное прободение китовым скребнем *Bolbosoma nipponicum*. Мёртводеторождение и такое интенсивное поражение гельминтами этой самки, возможно, связано со слишком ранней беременностью. В таком возрасте (менее двух лет) крылатки к размножению ещё не приступают. Даже у трёхлетних самок это явление встречается редко. Из вышеизложенного видно, что праздничный поход во льды принёс мне несколько интересных научных открытий. Это очередной маленький парадокс в моей жизни.

Сегодня погода тоже отличная, но целый день бились в сплошном ледяном массиве. Жаль терять такое золотое время в бездействии. Правда, меня это не касается – весь день пахал как проклятый. Да и ребята даром время не теряли: крутили новые фильмы, переданные «Акибой». Как говорится, каждому своё. Моряки в таком случае говорят: кто на что учился. Не поспоришь. Хорошо устроились. Этот сомнительный тезис позволяет легко уживаться бездельникам рядом с настоящими трудягами, на которых земля держится. И никакого угрызения совести.

Такая несправедливость мне всегда не нравилась, и бездельники обычно вызывали раздражение. Хорошо, что тяга к труду у человека развивается пропорционально возрасту. Иначе к концу жизни были бы одни бездель-

ники. Такая моя общая настроенность однажды привела меня к неблагоприятному поступку. Обычно отношение к книгам у меня святое. Делать какие бы ни было пометки на них рука не поднимается. И только однажды я это правило нарушил. Как-то из Москвы жена привезла прелестный томик рубаи Омара Хайяма. Я набросился на него, «как обжора на клубнику в январе» (выражение М.Горького). Проглотил его залпом, но вместо общего восхищения наступил какой-то внутренний протест. Протест против общего лейтмотива Хайяма «Пей! Гуляй! Не оглядывайся! Не задумывайся!» Я не выдержал и в конце сборника написал:

*О мудрецы великие Омар Хайямы!
От вас несёт душком помойной ямы.
Ежели всем себя вину отдать,
Кому ж вино то созидать?!*

И это были искренние строки, несмотря на божественное величие древнего мудреца.

3 мая (среда). Ходил с утра на боте. Притащил 13 зверюг. Да Кроха двух доставил. Завтра будет жаркий день.

4 мая (четверг). С 7-ми утра до 24-х не вылезал из душевой. Без всякого отдыха. А душа поёт! Вот тебе и «пей и гуляй»! Не в одном вине счастье. Хорошая работа тоже приносит удовлетворение.

5 мая (пятница). С утра вскрыл 5 зверей. Потом ушёл на боте. Притащил двух лахтаков, 3 акибы и 5 крылаток. Лёг в 24:00.

6 мая (суббота). Все ушли на шкерку (отделение подкожного сала от шкуры). Я взялся за журнал и дневник. Нужно ещё зарядить фотоаппарат: возможно, будет интересный материал.

Кстати, из всех снимков по специальности в морских условиях наиболее качественно получились на шхуне во время остановки машины (прекращалась вибрация), а на более крупных зверобойных судах (ЗРС), на которых мне приходилось работать в будущем, главный двигатель никогда не выключался, и вибрация судна, часто незаметная, всегда отрицательно сказывалась на качестве фотосъёмки.

Сегодня вскрыл трёх лахтаков и четырёх крылаток. Работал до пол-одиннадцатого ночи. У лахтаков нашёл огромное количество трематод в печени и поджелудочной железе. Ещё больше гельминтов у них в кишечнике. У каждого взрослого зверя просвет этого органа полностью заполнен цестодами (до 40 000 экземпляров у одного животного), а на ворсинках кишечника сидят сотни тысяч микроскопических сосальщиков двух видов (*Microphallus orientalis* и *Pricetrema erignathi*), описанных мною в качестве новых для науки.

На завтра осталось вместе с привезёнными старпомом и Крохой 9 зверей.

7 мая (воскресенье). Погода, как говорят поляки, «спшетилась», то есть испортилась. Дует южак. Туман и зловещие тучи.

С утра штурмовал своих зверюг. Команда готовится брать лёд. Значит, будет баня и нужно поскорее сматывать удочки из душевой. До часу вскрыл (не в ущерб качеству) 7 зверей. Лахтаки и крылатки остались на завтра. Сейчас команда начнёт мыться.

Вечером проявил 6 плёнок. Ребята (зверобои) в это время в очередной раз смотрели «Мушкетёров», и снова по шхуне отовсюду несло: «Один за всех!» и «Все за одного!» Прямо как на Бородинском поле. История показывает, что русских лучше не трогать. «Кто с мечом придёт, от меча и погибнет!» Мне приятно, что я имею некоторое отношение к этим словам. Я – белорус, а автор этих слов (Александр Невский) был женат на представительнице моего народа – дочери Полоцкого князя. Какая тут, к чёрту, самостийность! Мы из одного теста! Счастлив, что у моих земляков это проклятое шило самостийности в известной части тела абсолютно отсутствует. Мы русских любим больше, чем себя. Редкий случай в мировой истории.

8 мая (понедельник). Искупался. После обеда надо взяться за лахтака и крылатку. Погода всё та же – мрак.

9 мая (вторник). День Победы. Погода улучшилась, но зверя нет, лёд сбит. Идём на зюйд-ост вдоль кромки.

Ходил на боте. Привёз 16 зверюг. Из них – три лахтака. Работы будет на завтра-а-а...

10 мая (среда). Работал как проклятый. На ботдэке. Баня занята. Опять капитан никак не соберётся искупаться. Зло берёт. В этом отношении он – настоящий лентяй. Лишний раз не хочет пошевелиться. И поторопить нельзя. Кроха к нему ближе – живёт в одной каюте. Переживая за меня, пытается ускорить дело, но безуспешно. Обычно 2–3 дня страдаю от холода, вскрывая на морозе. Сегодня тем не менее вскрыл 13 зверей.

Обнаружил, что у моего краба, распятого в машинной трубе для сушки, отломили клешню. Собаки. Ведь он проформалинен, то есть не съедобен.

Кроха привёз 4-х зверей, старпом – одну акибуху.

11 мая (четверг). С утра делал ящик для краба. Прекрасный экспонат в наш кафедральный музей.

У акибухи в сердце нашел скрябинарию. Это длинная (до 17 см) нематода. Заполучить её в своем организме – удовольствие маленькое. Все тюлени, поражённые ею, погибают. В правом желудочке одной ларги я насчитал их 44 экземпляра. Путь заражения ими тюленей пока неизвестен. В кровь наземных животных родственники этой нематоды на личиночной стадии попадают через кровососов. Возможно, сходное заражение и у тюленей. Ведь и ларга, и акиба (кольчатая нерпа) в летнее время на берегу бывают. Но этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Вскрывал и лахтаков. Замучился. Трематод (моих любимых червей) – навалом.

Борис Хаков привёз розовую чайку, Кроха – пятёрку зверей. Завтра будет жарковато.

12 мая (пятница). Весь день (до 12-ти ночи) вскрывал. После бессонной предыдущей ночи самочувствие неважное.

Кроха привёз трёх зверей. Завтра буду делать чучело розовой чайки. Моросит дождь. Туман. Слякоть.

13 мая (суббота). Пасмурно. Все ушли на шкерку. Еле ползём сквозь сплошной лёд.

Сегодня для меня – чёрный день: не получилось чучело розовой чайки. Порвалась кожа на шее – очень нежная.

Вскрыл только трёх зверей. Настроение – швах.

14 мая (воскресенье). Кроха привёз четырёх зверюшек. Погода мерзкая. За иллюминатором – молоко.

15 мая (понедельник). Ходил на боте. Промысел слабый. Взял 9 штук. Вернулись в два часа ночи. Замёрз до невозможности.

16 мая (вторник). Весь день (до полпервого ночи) вскрывал. Охотились у солнечной Чукотки. Жаль, что не было времени полюбоваться красавицей. Чёрная графика на голубом небе, а у подножия – бесчисленные льдины на спокойной прозрачной воде.

17 мая (среда). Солнечно. Ходил на боте. Чукотка великолепна! Взял 18 зверей: четырёх лахтаков, одну ларгу, две акибухи, а остальные – крылатки. Трёх зверей привёз Кроха. Да капитан убил крылатку. Итого на завтра – 22 зверя.

18 мая (четверг). Работал как угорелый, но вскрыл лишь 11 зверей. К вечеру старпом доставил акибуху да Кроха 5 животных. Запарка.

19 мая (пятница). У внутренностей на ботдэке появился запах. Пришлось отказаться от взвешивания органов и ускорить вскрытия.

Добыли крылатку. На завтра остаётся 7 зверей. Дал телеграмму в Магадан, чтобы сбросили самолётом рыбразведки 100 г метилового спирта для фиксации тюленьей крови.

20 мая (суббота). Как и в многие предыдущие дни – туман. Но дело потихоньку продвигается. Уже 207 вскрытий, 7 заготовлено.

Вскрыл остальных. Освободил баню – будут мыться. Плохо, что не в один день, а по мере свободного времени. Это усложнит моё положение на много дней. Ничего не попишешь – сэ ля ви.

21 мая (воскресенье). Ходил на боте. Очень удачно. Привёз 22-х зверюшек (ларг, крылаток, акибушку).

Что-то из дому долго нет вестей. Соскучился ужасно.

Позавчера охотники находили на льдинах мёртвых оленей с обгрызенными рогами. Бедняжки сами себя ели от голода.

Погода всё время туманная (морось и прочие прелести). Совсем не Крым.

22 мая (понедельник). Шуруем сквозь сплошной ропачистый лёд. Команда на шкерке. Я готовлюсь к работе на ботдэке. Выдержать целый день на холоде будет не сладко.

Выдержал. Вскрыл 15 зверей. Остальные 7 – на завтра. Боты взяли плохо. Зато Паша Удович (Светило, то есть электрик) привёз кайру для музея.

Погода весь день мерзкая – туман и морось.

23 мая (вторник). Команда на шкерке. Мне нужно вскрывать оставшихся зверюшек и браться за чучело.

Рванули по чистой воде в северо-западный сектор Анадырского залива. Качало прилично. Еле вскрыл 6 зверюшек. Даже законсервировать собранный материал не смог. Оставил на завтра.

24 мая (среда). Добил зверюшек и сделал чучело кайры. Устал как пёс. Боты смайнали в 4 после обеда. Кроха привёз 4-х зверюг.

25 мая (четверг). Из-за четырёх вскрытий не стал оставаться на судне. Ушёл на боте. Привёз 18 зверей. Работой на два дня обеспечен.

26 мая (пятница). Вскрыл 12. Десять оставил на завтра. Устал, как чёрт. Боты притащили 5 т 600 кг хоровины.

Погода пасмурная. Ветер остовый.

27 мая (суббота). Погода та же. Делаем небольшой переход на запад. Все на шкерке. Мне нужно подогнать журнал вскрытий.

Потом одолел 13 зверей. Завтра надо идти на боте.

28 мая (воскресение). Вчера боты привезли 7,8 т. Настоящая удача для охотников.

Кроха притащил двух лахтаков и двух ларг. Остался вскрывать.

Подогнал все хвосты: приготовил растворы, переложил пробирки, заготовил второй журнал, подготовил стёкла для мазков крови.

Кроха притащил 6 зверей. Однако завтра всё же иду на боте, чтобы потом вскрыть больше.

29 мая (понедельник). Готов идти на боте. Делаем переход на ост. Были совсем близко от западного берега Анадырского залива. Костарев ответил на телеграмму, что «Рыба» летать не будет, поэтому метиловый спирт он передать не сможет.

Пошёл с Хаковым на норд. Зверя почти не было, но мне удалось заиметь аж 25 зверюг. Да Кроха доставил одного.

30 мая (вторник). Жду «майна-бух», чтобы взяться за работу. Два дня придётся вкалывать, не разгибая спины.

Сегодня вскрыл 11. Нашёл много интересного, в том числе нематоду в сердце одной ларги.

31 мая (среда). Боты не привезли ничего. Решили податься на ост. Работал весь день. Ещё у двух ларг в сердце нашёл скрябинарий. Вскрыл 9 зверей.

1 июня (четверг). Вторые сутки шпарили по чистой воде. Весь день работал. Вскрыл 8 зверей. При качке это делать намного труднее. Устал, как чёрт. Прямо с ног валюсь. В печени старого самца акибы нашёл огромное количество трематод. Патология ужасная.

Вошли в Берингов пролив. Льда мало. Боты охотились напротив бухты Ткачен. В прошлом году я там был. Заносит меня судьба действительно к чёрту на кулички. Не каждому так везёт. Я счастлив!

Холодновато. Моя любимая подруга Чукотка что-то капризничает и не хочет приласкать и обогреть. Настоящая женщина. Может преподнести любой

сюрприз. Но трудности меня не пугают, а радуют: закаляют. Пушкин и в этом вопросе молодец: «И опыт – сын ошибок трудных». Великолепно сказано.

2 июня (пятница). Уже 9 утра, а мы всё идём почти по чистой воде на норд-ост.

Жду «майна-бух», чтобы вскрыть оставшихся 3–4-х зверей. В общем, дела идут. Уже 297 вскрытий. Но Берингов пролив помог мало. Зато романтика: рядом два острова – наш Ратманова и американский Крузенштерна. И наш крупнее (пустячок, а приятно). А что касается названий, то оба они наши, русские.

Жаль, что Аляску так бездарно профукали. Сейчас там стояли бы наши ракеты у американцев над темечком, и не рыпались бы они со своими глобалистскими замашками. Грустно, что наш Крым имеет прямое отношение к потере Аляски. Как известно, в так называемой Крымской войне 1854–1855 годов мы потерпели поражение. Обнаглевшие англичане не только вторглись в Крым, но и с кораблей обстреливали Петропавловск-Камчатский. Война кончилась. Но царь боялся, что Аляску у России могут силой отнять, поэтому во избежание возмущения общественного мнения он фактически тайно (в присутствии лишь одного министра) продал её за бесценок американцам. Бездарь, как и нынешний Горбачёв. Люди столетиями лепили страну, а он взял и всё развалил. Подлец высшей категории. Всех перещеголял. Даже Власов по сравнению с ним кажется мелкой букашкой в деле нанесения вреда России.

3 июня (суббота). По-прежнему находимся в Беринговом проливе. Ходил с Хаковым на боте. Охотились напротив Аккани, залива Лаврентия и Нунымо.

День был солнечный. Прелесть! Перед выстрелом с выключением мотора наступает такая тишина, что слышно, как дёргает нарывающий палец. Чукотка – чёрная у берегов, а дальше – заснеженная. Над проливом носятся табунками большие конюги, кайры, гаги.

Наш бот привёз 1 885 кг хоровины, я – 7 лахтаков, одну акибуху и 4-х крылаток.

Борис Хаков – лучший стрелок дальневосточной зверобойной флотилии, но сегодня ему не везло. Мазал. Много лахтаков ушло. Зверь чуткий и сильный. Хотели добрать до двух тонн – не получилось. Зверя мало. К концу дня мозги стынут от холода, а усталость парализует волю. Все раздражены. А где тонко, там и рвётся: утопили ещё двух лахтаков и упустили несколько крылаток. С последними – что-то непонятное. Крылатка – зверь удивительно доверчивый. Подлетая к ней, бот двигатель не выключает. Бедное животное в конце концов от нарастающего рёва начинает беспокоиться. Подбегает к краю льдины и кивает головой, думая, нырнуть или не нырнуть. В это время рулевой орёт ей во всё горло:

– Обожди, дура! План срывается.

Крылатка застывает в недоумении, соображая, кто это её так бесцеремонно беспокоит. А Хакову только того и нужно. Раздаётся выстрел, и голова тюленя падает на лёд. Омерзительная охота! Но сегодня и с ней не

ладится. А бот – завистливый и жадный, хоть и на первом месте. Вечером, узнав, что тройка нас обошла – притащила 2330 кг хоровины, члены экипажа нашего бота матрос-раздельщик Курысь и рулевой Ермин заявили, что это я несчастливый, помешал им дотянуть до нормы. Нашли крайнего. Их бот вся шхуна называет бешеным. С ними я чувствую себя совсем неуютно. Всё время думаю, как бы не помешать, как бы не стать обузой. Настроение от этого неважное. С Хлопотовским (старпомом) было намного лучше. Но Хаков сам пригласил ходить с ним на боте. Видно, захотелось ему тоже подружиться с наукой.

Всё чаще думаю о том, что до 400 вскрытий, как планировал изначально, не дотяну. Промысел кончается. Льда мало. И зверя не больше.

4 июня (воскресение). Под пасмурным небом идём на норд, очевидно, к островам Диомид. Вчера «рыба» сбросила карту: у Ратманова и Крузенштерна – лишь небольшое скопление зверей. Основное же – в Анадырском заливе. Как раз там, откуда мы убежали 31 мая.

Судно остановилось у вышеназванных островов – Ратманова и Крузенштерна, а боты устремились на норд-ост – к Аляске.

Хаков и Садоха сегодня завершили выполнение общего плана – 30 т. Пришлось раскошелиться – отдал последнюю бутылку спирта. Я не пил, но голова всё равно болела. Вскрыл лишь 8 зверей.

5 июня (понедельник). Повернули в Анадырский залив. Ветер и снег. Но работать пришлось весь день на палубе. Пристроился на ботдэке, на самой корме. Шли весь день. Вечером оказались напротив бухты Провидения. Берега Чукотки чертовски красивы. Графика. Снимал.

6 июня (вторник). Шли до 4-х дня. Лахтаки мои в мешках за 3 дня так распахлись, что Ермин, подойдя, чуть не стравил. А я терплю. Наука требует жертв. У последнего лахтака в печени, желчном пузыре и поджелудочной железе – только мелкие трематоды. Интересно.

Боты смайнали в пятом часу. Ветер холодный. Руки мёрзнут, аки зимой.

7 июня (среда). Утро солнечное. Идём к заливу Креста.

Ходил с Хаковым на боте. Притащил 26 зверюг. Плюс добыли самца крылатки на чучело! День чудесный во всех отношениях: и погода, и работа, и настроение.

8 июня (четверг). До четырёх возился с крылаткой. Поместил в тузлук. Осталось обработать кислотой и засолить.

Вскрыл 5 зверей. У ларги снова в сердце нашёл нематод.

9 июня (пятница). Весь день пахал.

10 июня (суббота). Вскрывал.

11 июня (воскресенье). Ходил на боте. Охотились северо-восточнее Барыкова. Напали на лахтаков. Вернулись на шхуну в 3 ночи. Весь день – туман и морось. Устал как пёс.

12 июня (понедельник). Вскрывал 5 лахтаков и одну крылатку. Фиксировал цестод в Корнуа. Заснял цестод в кишке лахтака. Красил цестод и трематод.

13 июня (вторник). Если не нападём на зверей, зайдём в посёлок Беринговский за куревом. Сейчас все на шкерке.

Хаков привёз ларгу. Делал чучело.

14 июня (среда). Ходили в Беринговский за куревом. Определились с помощью радара. Туман, как молоко. Бросили якорь. На боте стали продвигаться к берегу. Туман расступился внезапно. Мы обалдели. Прямо перед нами в небо уходили высокие, скалистые горы. Их склоны были сплошь усеяны кайрами. Немало было и других птиц: ипатов, топорков, чаек, чистиков. Огромное количество птиц было в воздухе. Кто-то на другом боте из хулиганских побуждений выстрелил. Огромная туча перепуганных птиц отделилась от скал и закрыла небо над нами. В воздухе начался настоящий гвалт. Меня удивило то, что не меньшее количество птиц осталось на скалах. Значит, мы напоролись на настоящий птичий базар. Впечатление было ошеломляющее!

Сильное воздействие на нас оказал и посёлок. Во льдах мы совсем одичали. И когда встретили первых наземных двуногих существ, немало удивились, а когда увидели первых женщин, внутри у нас вообще всё перевернулось вверх дном. Мы не понимали, что с нами стряслось. Не на другой ли планете мы. Воистину: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!»

На обратном пути насобирали на «базаре» птичьих яиц на всю команду.

В итоге от высадки на берег получили удовольствие превеликое!

15 июня (четверг). Вскрыл оставшихся 11 зверей. Подготовился на завтра к взятию мазков крови.

16 июня (пятница). Дома, наверное, что-то неладное. Снова приснился кошмарный сон. Проснулся в час и не мог заснуть до утра.

Погода под стать настроению – прескверная. Туман, как гороховый суп, и дождик моросит. Да ветер ещё дополняет картину. На боте идти неохота.

Пошёл. К радости, промысел оказался удачным. Притащили 1590 кг хоровины, а я – более 20-ти зверюг, да ещё и мазки крови умудрился взять. Запарился. На судно вернулись в 1:20 ночи. Спать лёг в полтретьего.

17 июня (суббота). Идём на норд по чистой воде. Погода вроде бы улучшилась. Вскрыл 11 зверей.

18 июня (воскресенье). Рано утром встретились все три шхуны: наша «Оленница», «Пенза» и «Акиба». Интересно. Все – морские волки. Народ бывалый. Я люблю слушать их рассказы. Например, наш Никулин. Высокий, жилистый, светловолосый, с пышными белыми усами. Ему лет 35, не более. Жил где-то в Сибири. Любил ходить в тайгу за кедровыми орешками. Однажды залез на дерево. Рвал, рвал, а потом – глядь, а перед ним человеческий скелет висит и на него – Никулина – своими огромными глазницами пялится. Никулин мигом на земле оказался, хотя был не из робкого десятка. Он – потомок тех древних казаков-землепроходцев, которые первыми осваивали Сибирь.

20 июня (вторник). Утром погода была хорошая. Пошёл на боте. Стал накрапывать дождь. Убили только 5 крылаток. Промокшие вернулись на судно.

21 июня (среда). Шхуна ночью залезла в такой тяжёлый лёд, что выбираемся вот уже до часу дня и никакого просвета впереди.

Дождик. Вскрыл привезённых вчера зверей. Все болеют за мой «план». Думают, что мне предписано вскрыть 400 тюленей. Я же в этом отношении свободен как птица. Настроен вскрыть столько, сколько позволит посуда.

Всё чаще снится дом и всё в одном и том же духе – жена изменяет. Прямо кошмар какой-то. Даже Веточка отошла на задний план.

Весь день просидели в сжатии. Ребята не унывают. Выскочили на лёд. Гоняют футбольный мяч. Разделись до пояса. Загорают – лето всё-таки. Я засолил шкуру ларги на чучело.

22 июня (четверг). Ночью лёд немного развело. Чуть-чуть продвинулись. Весь день опять в сжатии.

Нужно заполнить журнал и начинать потихонечку упаковываться: закатывать банки и так далее.

Настроение – швах. Хочется поскорее вырваться домой. Что-то там не ладно. Полное молчание. Тяжёлая штука – жизнь. Счастья нет ни у кого.

23 июня (пятница). Весь день простояли в сжатии.

Упаковал экспедиционный ящик. Это тысячи пробирочек, баночек, скляночек. Дорога предстоит дальняя. Нужно, чтобы ничего не разбилось.

24 июня (суббота). Лёд разводит. Весь день выбирались к кромке. Подгонял «хвосты». Сделал ящик для кайры. Часть груза придётся отправлять почтой. То, что не бьётся при бросках в самолётах. А бросают так, что грохот разносится по всей Сибири. Не раз сам наблюдал.

25 июня (воскресенье). Боты ушли на охоту. Попросил привезти зверюшек, а сам вываривал когти для определения возраста вскрытых крылаток и лахтаков. У остальных возраст определяется по зубам. Придётся делать это в лабораторных условиях.

26 июня (понедельник). Вчера притащили аж 30 зверюшек. Весь день напряжённо работал. Вскрыл 16. Устал до изнеможения.

27 июня (вторник). Проснулся в полтретьего от объяснения с женой. «Я сама не знаю, что со мной творится», – говорит. Потом – слёзы. «Я ведь имею на это право», – продолжает. И так далее. В общем – весёлый разговор. Надо ехать – разбираться.

Боты ушли во льды в последний раз. Вскрывал весь день. Вечером устроил генеральную стирку.

28 июня (среда). Думали ночью отправиться в Провидения – дудки. Азика и тройку зажало у берега. Остальные боты привезли отлично: четвёрка – 2200 кг, пятёрка – 1640 кг и двойка – 1100 кг.

Идём к зажатым ботам. Команда – на шкерке.

К сожалению, мой дневник на этом обрывается, но я чётко помню многие дальнейшие события этой экспедиции.

Вот они. К концу промысла мы так загрузились тюленьими шкурами и их жиром (тушки-раушки остались во льдах), что получился перегруз.

Ватерлиния спустилась под воду. Из-за этого капитан не решался зайти в Провидения, боясь ареста судна за перегруз. В конце концов, мы вошли в бухту и бросили якорь. В посёлок высадились двумя ботами. Со мной на боте были Дед и Кроха. Я с большим нетерпением направился на почту. Они последовали за мной. Они за меня переживали. Своими душевными волнениями я с ними особенно не делился. Но эти волнения, очевидно, так лезли из меня наружу, что не заметить их даже невооружённым глазом было нельзя.

Вышел я из почты в крайне подавленном виде. Ни единого письмеца от любимой жёнушки я не получил. В голове бурлили всякие догадки. Рисовалось самое плохое – полный разрыв. Надо ехать домой и разводиться. С таким настроением я вернулся на шхуну. Свет был не мил. Рухнула романтика. Исчезли мечты о радужном будущем. Развод и только развод. Этот вывод железными обручами сдавливал всё моё существо. И всё же я нашёл силы остаться на судне, чтобы продолжить потом, высадившись в Лаврентия и добравшись в Лорино, сбор научного материала от серых китов.

В худшем положении оказался в Провидения матрос Маль. Он повёл себя крайне неожиданно и, несмотря на уговоры и большие финансовые потери, списался с судна. Он – единственный. Рослый, красивый, весёлый и, как казалось, бесшабашный, он удивлял меня и даже шокировал своей крайне оригинальной любовной бравадой. Он страшно любил говорить о женщинах и каждый раз обязательно в этих разговорах переходил на свою жену. Меня поражал его цинизм в вопросах крайне трепетных интимных семейных отношений. Например, однажды он заявил:

– Прощаясь с женой, я сказал ей: ты особо не церемонься. Можешь изменять мне, но только чтобы каждый раз навар был. Отдайся, например, старшине, может, сапоги подбросит.

Я наивно думал, что Маль говорит правду, что семейные отношения для него ничего не значат. Как оказалось, я ошибался. Очевидно, он весь рейс переживал разлуку не менее тяжело, чем я. Разница была в том, что я свои чувства железными клещами держал внутри, а он свои выбрасывал наружу, одевая их в неимоверно причудливые облачения.

В Провидения нервы его окончательно сдали. Ему следовало задержаться на судне ещё всего лишь на две недели – до сдачи продукции на берег. И тогда он получил бы бесплатное возвращение на самолёте с Чукотки во Владивосток, а также всевозможные доплаты за переработку сверх нормы каждого рабочего дня, за работу в северных широтах и так далее. Всего этого он лишился, сорвавшись с судна раньше положенного срока.

Сапоги старшины оказались сильнее его и ещё раз доказали, что любовь – это не шутка!

Не менее разбитый, чем Маль, я всё же удержался на судне и поплёлся на нём на север – в Лаврентия. Там мы тоже стали на якорь, чтобы оформить сдачу продукции в Нуямо. Это были заботы капитана, а мы втроём – Дед, Кроха и я – смайнали бот и устремились к берегу, чтобы побыстрее попасть

на почту. По гальке мы почти бежали к заветной цели. Мне казалось, что мои спутники переживают даже больше, чем я. Море нас по-настоящему сдружило, а Кроха в будущем в добавок стал ещё и моим кумом.

Но увы и ах! В Лаврентия меня ждал не меньший удар, чем в Провидения. Я не получил ни одной строчки. Грустно было нам расставаться. Мне казалось, что в моей жизни случилось большое несчастье, и друзья это видели и от всей души сочувствовали мне.

Они вернулись на судно, а я со всем своим экспедиционным грузом устроился в гостинице. Мне предстояло добраться в Лорино (Мечигменская губа в системе Берингова пролива), где ожидался промысел серых китов. К этим морским великанам (до 40 т весом) у меня был большой интерес. В прошлом году они подарили мне новый для науки вид сосальщиков. Я назвал его *Orthosplanchnus pygmaeus* (то есть маленький).

В этом году я надеялся на новые открытия. Даже мнимая семейная трагедия не остановила меня в этом устремлении.

К большой радости, я узнал, что именно сейчас в Лаврентия находится лоринский китобоец. Я сразу же устремился к нему на берег. На Чукотке в то время в заполярных посёлках причалов не было. Китобоец просто уткнулся носом в чёрную береговую гальку. С берега на борт была перекинута широкая доска. По ней, балансируя руками в воздухе, и попадали на судно люди. Картина предо мной открылась живописнейшая. Запчасти к тракторам, забитые в деревянные ящики, пытались перенести с гальки на китобоец пьяные чукчи. Многие из них на перекинутой на борт доске теряли равновесие, и ящики падали в воду. Другие чукчи с палубы китобойца вылавливали эти ящики баграми и поднимали на борт. Некоторые чукчи вместе с ящиками тоже падали в воду, и их тоже приходилось вылавливать баграми. Такая весёлая загрузка китобойца продолжалась весь день. Я заметил, что «грузчики» часто сменялись. Те, кто успевал немного протрезветь, уходили к магазину восстановить «статус-кво», а идущие навстречу от магазина были уже вполне довольные собой и принимались за работу.

Китобоец был очень маленьким – с одним кубриком. Корпус его – цельнометаллический. Гремел, как огромная пустая бочка. Вся команда состояла из одного лишь человека. Это был капитан Юра – единственный встреченный мною в Заполярье еврей. Он отнёсся ко мне очень приветливо, и мы сразу же подружились. Вместе бегали в разные учреждения, а потом и на погранзаставу – получить разрешение на выход в море. К сожалению, с Аляски пополз густой туман и на погранзаставе выход наш запретили.

Капитан Юра предложил мне вещи свои перетащить из гостиницы на его крошечное судёнышко. Выход в море погранцы могли разрешить в любое время ночи или дня, так как разницы между ними летом никакой не было: солнце круглосуточно кружило в северной части неба и только в полночь спускалось совсем низко к линии горизонта прямо над северным полюсом. Сейчас оно пряталось в тумане, так что над посёлком его свет был сильно приглушён.

Весь свой груз (ящик с научным материалом, чемодан и огромный рюкзак) я перетасил на китобоец. Фанерные ящики с чучелами успел сдать на почту для отправки в Симферополь.

В кубрике китобойца картина была ещё более экзотична, чем снаружи. Справа у стенки, наглухо прикрепившись к ней, висела двухъярусная кровать. На нижней, вплотную прижавшись друг к другу, сидели пьяные чукчи. На палубе, то есть на полу, они просто лежали вповалку. Слева у трапа, по которому я только что спустился, сидела пьяная чукчанка и время от времени завывала, как волчица. При этом она слегка приподнимала голову, но лицо её всё равно оставалось закрытым свисавшими сверху волосами. Вскоре я понял, что женщина руководит общим хором чукчей-мужчин. Пока они поют, она молчит. Но как только они замолкают, она издаёт свой волчий зов. И они снова подхватывают упавшую мелодию. Чем-то древним, первобытным веяло от исполняемого действия. Пели не все. Некоторые копошились в кубрике, переступая через лежащих или даже наступая на них. У одного лежащего нерпичьи штаны сползли до колен, в результате чего обнажились все его мужские достоинства. Никто на это не обращал ни малейшего внимания. Я понимал, что чукчи напились потому, что вырвались из своего посёлка на свободу. В небольших посёлках местные власти разрешали торгово-заготовительным базам (ТЗБ) продавать спиртное только по субботам. И это было правильно. Такая регуляция хоть как-то спасала коренное население от угрожающей алкогольной зависимости. Я искренне был на стороне чукчей и сочувствовал им от всей души, хотя в то время я ещё не дошёл до понимания того, что алкоголиков не ругать, а лечить надо. Они не виноваты в том, что родились неустойчивыми к алкоголю. К огромному несчастью малых народов Крайнего Севера, природа не заложила в их организме механизмов защиты от этой страшной беды всего человечества.

Косвенно сейчас страдал от неё и я. В связи с высадкой на Чукотку я в течение двух суток не спал. Прямо с ног валился от усталости. Но приткнуться где-нибудь для отдыха в переполненном кубрике не было никакой возможности, и я выбрался на палубу. Моросил мелкий-мелкий дождик. Я увидел открытый люк в машинное отделение и спустился туда. Под ногами оказалась сплошь покрытая отработанным маслом деревянная решётка. Под ней масло блестело в полумраке сплошным слоем. На машине висела тоже промасленная до предела фуфайка. Я обрадовано схватил её и растелил на решётке. Свернувшись на ней калачиком и совсем не обращая внимания на сыплющуюся на меня через открытый люк водяную пыль, я благостно собрался задремать. Но не тут-то было! Оказалось, что над головой цельнометаллическая палуба китобойца гудит так, будто пьяные чукчи топают ногами не по ней, а по моим обнажённым мозгам. В это время из-за машины выполз совсем маленький, весь в масле, чёрный щенок. Он дрожал всем телом. Подполз к моей груди и прижался к ней. Через люк продолжала сыпаться морось. Я не стал прогонять щенка. Смотрел на его маленькое дрожащее тельце и думал: «Интересно, кому из нас хуже».

Заснуть мне и на сей раз не удалось. Прокантовавшись до утра, мы с Юрой снова бегали весь день по каким-то инстанциям, решая его многочисленные дела. К вечеру туман немного подняло над водой, и мы опять побежали на погранзаставу получить разрешение на выход. На сей раз ответ был положительным, и мы, радостные, вернулись на своё крохотное судёнышко, шумевшее по-прежнему пьяными голосами. Видя мою крайнюю усталость, Юра сочувственно распорядился:

– Я поведу свой боевой корабль, а ты полезай на мою кровать и отдохни.

Я с радостью согласился и, сняв сапоги, прямо в верхней одежде взобрался на второй этаж. Сразу же отключился и погрузился в небытие. Однако долго блаженствовать мне не удалось.

– Человек за бортом! Человек за бортом! – услышал я сквозь сон тревожный крик. «Пусть тонет – не пойду даже посмотреть...» – проплыло неясно в подсознании. Передряги и бессонница последних дней довели меня до полного изнеможения и безразличия. И вдруг я встрепенулся: «Чёрт! Они же не умеют плавать! Кто его спасёт?» Пружиной подбросило меня на кровати. Я прыгнул в сапоги и выскочил на палубу.

Туман висел над водой чёрным потолком на высоте метров пятидесяти. Вода Берингова пролива, абсолютно спокойная на сей раз, хорошо просматривалась и совсем не колыхалась. На ней метрах в сорока от нас лицом кверху, вытянув ноги, как покойник, абсолютно неподвижно лежал человек. Казалось, он спит на воде или того хуже – отдал богу душу, но тонуть не собирается. Китобоец медленно разворачивался в его сторону. Стояла мёртвая тишина. На палубе находились человек 10 чукчей и возвышающийся над ними могучий русский парень.

– Давай баграми его подцепим, – предложил я и устремился к пожарному щиту. Он молча последовал моему совету. Подойдя к лежащему на воде чукче, мы аккуратно взяли его баграми под мышки и подняли на палубу. Он не проронил ни слова – настолько был пьян. Его спасла оленья кухлянка, перехваченная внизу поясом, которая стала для него надёжным поплавком. Далее мы с ним не церемонились. Поставили на голову и вылили из кухлянки воду, которая в небольшом количестве сумела всё-таки через шейный отдел в неё попасть. Потом подтащили спасённого к трапу и бросили вниз. Он кубарем покатился по ступенькам в кубрик. На этом инцидент был исчерпан. Я снова взобрался на кровать и наконец-то сладко заснул.

Через несколько часов китобоец ткнулся носом в тёмную гальку посёлка Лорино и началась такая же весёлая разгрузка, какой была погрузка в Лаврентия. Перекинутая с борта на берег доска оказалась над водой намного выше, чем в предыдущем посёлке. Поэтому балансировать на ней было ещё труднее. И снова падали в воду ящики и люди. Меня это уже не интересовало. Со своим грузом я дотащился к ближайшему барaku, который оказался колхозным общежитием, и снова свалился на кровать, не раздеваясь и даже не снимая сапог. Но на этом приключения мои не кончились.

Не успел я основательно забыться, как пришлось проснуться оттого, что пьяная чукчанка тащила меня за ногу с кровати.

– Идём в клуб танцевать! – настойчиво предлагала она. Я поймал себя на мысли, что начинаю Чукотку ненавидеть. Казалось, что везде над ней колыхается прозрачным облаком алкогольный угар и спасения от него нет. После неудачной попытки освободиться я грубо оттолкнул от себя сапогом назойливую танцовщицу. К счастью, это был первый и последний в моей жизни случай такого грубого обращения с женщиной. Во всех остальных случаях я женщин любил, и им грех жаловаться на меня. А этот безобразный поступок объясняется тем, что я всегда злюсь, когда меня будят в начале сна. Я тогда себя просто не контролирую. В нормальных условиях никогда не позволял себе обижать людей.

Инцидент в общезнании был безобидным цветочком по сравнению с дальнейшими моими переживаниями. Тревожные мысли о доме не давали покоя ни днём, ни ночью. Подозрения переросли в убеждённость, что я жестоко обманут и нужно немедленно ехать и разводиться. Я пишу об этом так откровенно с единственной целью поделиться своим горьким опытом с теми молодыми ревнивцами, которые напрасно сжигают себя необоснованными подозрениями, нанося тем самым вред и себе, и семье.

Кончилась моя ревность тем, что меня перестала радовать даже моя любимая работа. Вскрыв всего лишь пять китов, я собрал манатки и двинулся в обратный путь. Это был единственный случай в моей жизни, когда я не довёл задуманное дело до конца.

В Лаврентия меня ждал очередной парадокс. Ни на что не надеясь, я всё-таки на всякий случай заглянул на почту. И – о чудо! – из окошка мне протянули целую пачку писем! Оказалось, что моя любимая жена не совсем внимательно слушала меня и, не представляя во времени развитие нашего промысла, Провидения исключила из адресатов и стала сразу писать на Лаврентия. Письма, пролежавшие на почте этого посёлка более месяца, стали раздражать сотрудников, и они отправили их на стройки искать меня, не обращая внимания на надпись на конвертах: «До востребования». Пока письма безуспешно кочевали по районному центру, у нас не было ни малейшей возможности встретиться, так как на то время я был не строителем, а зверобоем и находился далеко на юге – в Анадырском заливе.

Ревность меня настолько разбалансировала, что даже полученные письма не сразу успокоили.

И только радостные лица жены Светочки и дочери Веточки в Симферопольском аэропорту расставили все точки над «и». Это был суровый жизненный урок для меня. Больше я эту злобную змеюку – ревность – к своему сердцу никогда не подпускал и стал проще смотреть на пословицу: «Не верь коню в дороге, а бабе – дома!»

Я – на Чукотке. *Посёлок Яндракинот, 1966 г.*

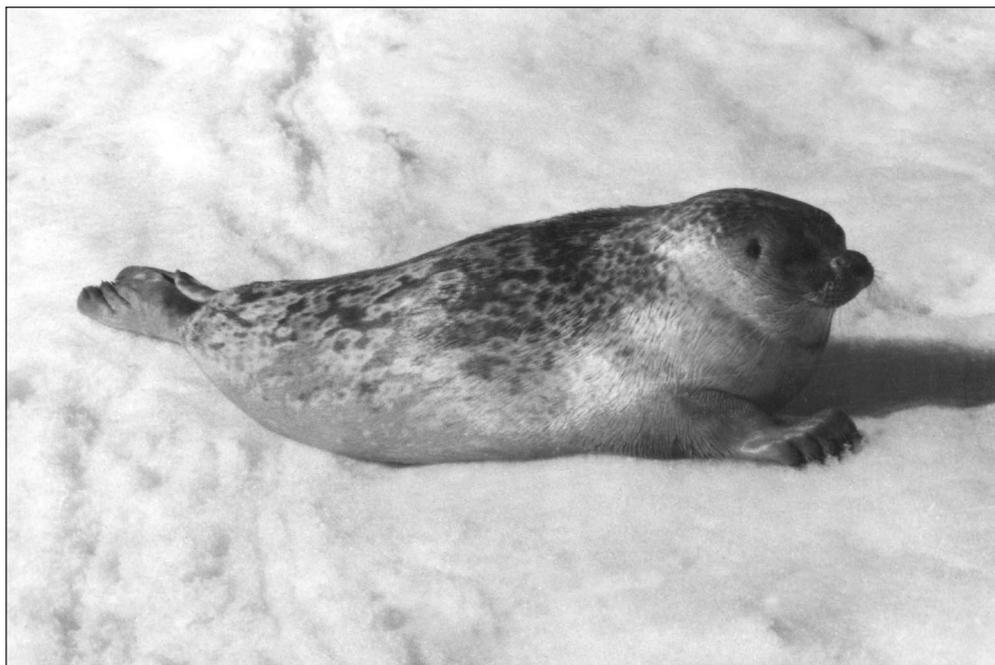
**Из Магадана получено предложение перебраться на Чукотское море.
Аспирант М.В.Юрахно и каюр Эттувье.**
Подготовка собачьей упряжки. Яндракинот, 1966 г.

**Четвёрка передовых собак оторвалась и убежала в сопки.
Тундра в окрестностях Яндракинота. 1966 г.**

**На Чукотку пришла весна. Зверобой посёлка Энурмино
потасили вельбот к разводьям. Чукотское море, 1966 г.**

Основной объект добычи зимой – кольчатая нерпа

Расстрел моржей чукотскими охотниками на Чукотском море. Энурмино, 1966 г.

У добытых животных. Энурмино, 1966 г.

Части моржей удалось спасти. Энурмино, 1966 г.

Посёлок Уэлен. 1966 г.

Скалы восточнее Уэлена. 1966 г.

Здесь кончается, вернее, начинается необъятная Россия. Самое восточное поселение СССР – Наукан – и радиомаяк с памятником Семёну Дежнёву. Мыс Дежнёва, 1966 г.

Его взгляд устремлён на Берингов пролив, который он открыл более трёхсот лет назад. Памятник Семёну Дежневу. 1966 г.

Буксировка серого кита вельботом. Берингов пролив, 1966 г.

Буксировка кита на берегу. Уэлен, 1966 г.

Окрестности Инчоуна. 1966 г.

Скала Вороний Зуб. Окрестности Инчоуна. 1966 г.

Выброшенный на берег серый кит. Коса западнее Инчоуна, 1966 г.

Море штормило. Инчоун, 1966 г.

Зверобойная шхуна «Оленница». *Залив Креста, 1967 г.*

Чукотское море снова покрылось льдом. *Инчоун, 1966 г.*

**Иногда море выбрасывало
вкусные вещи, например,
морскую капусту.**
Инчоун, 1966 г.

Шхуна попала в сжатие. Можно и почитать.
Анадырский залив, 1967 г.

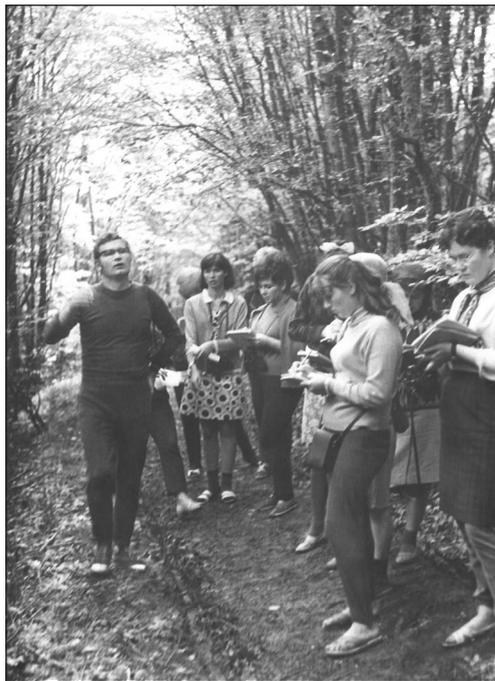
**Памятник в Анадыри талантливому чукотскому писателю Юрию Рытхэу,
родившемуся в Уэлене**

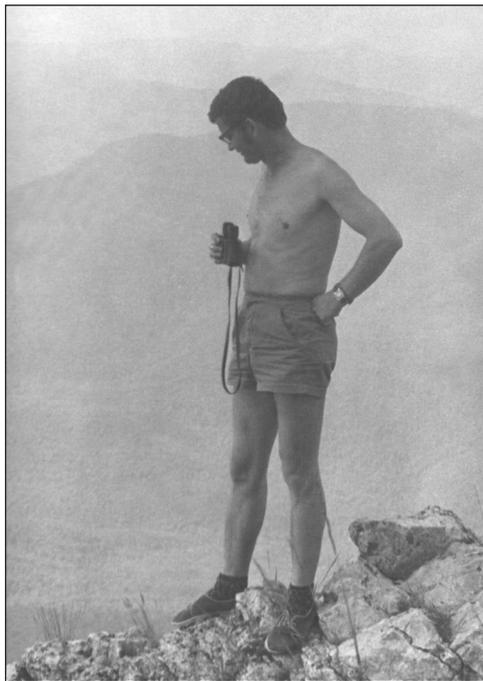
Разделка серого кита. Посёлок Лорино, 1967 г.

**А дома ждёт
красавица-жена –
Светик**

На полевой практике.
Крым, с. Краснолесье, 1968 г.

На вершине Чатырдага. 1968 г.

В северной столице. 1970 г.

У посмертной маски А.С.Пушкина. 1970 г.

Наша вторая доченька Наташа. 1971 г.

Наташеньке один год и пять месяцев

Встреча на кафедре канадского учёного Лео Марголиса. 1971 г.

Лео Марголис знакомится с моей кандидатской диссертацией. 1971 г.

На заснеженных улицах Магадана. 1974 г.

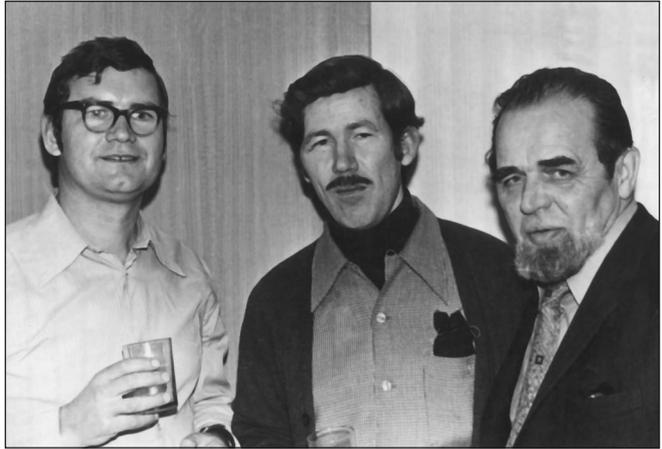
Среди магаданских друзей. 1974 г.

На научной
конференции.
Магадан, 1974 г.

У истоков зоологического музея. 1973 г.

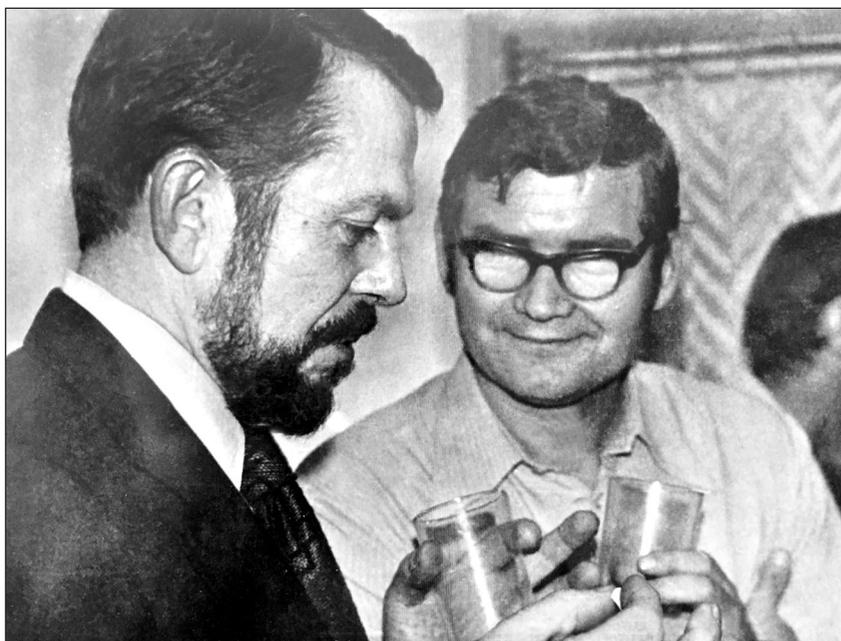
**Джон Бёрнс, Артур Шустов и Михаил Юрахно.
Москва, гостиница АН СССР, 1976 г.**

Подписание советско-американского соглашения по совместному исследованию ледовых форм ластоногих. Слева направо: профессор Вячеслав Земский, Геннадий Федосеев, Михаил Юрахно, Юрий Бухтияров, Виталий Гольцев, Боб Миллер (США). Москва, гостиница «Ленинградская», 1976 г.

Михаил Юрахно, Джон Бёрнс (США) и Вячеслав Земский.
Москва, гостиница АН (Академии наук) СССР, 1976 г.

**Фрэнсис Фэй
(США)
и Михаил Юрахно.**
*Москва,
гостиница АН СССР,
1976 г.*

Участники первой советско-американской экспедиции Джеймс Эстес, Фрэнсис Фэй и Михаил Юрахно. Берингово море, Бристольский залив, 1976 г.

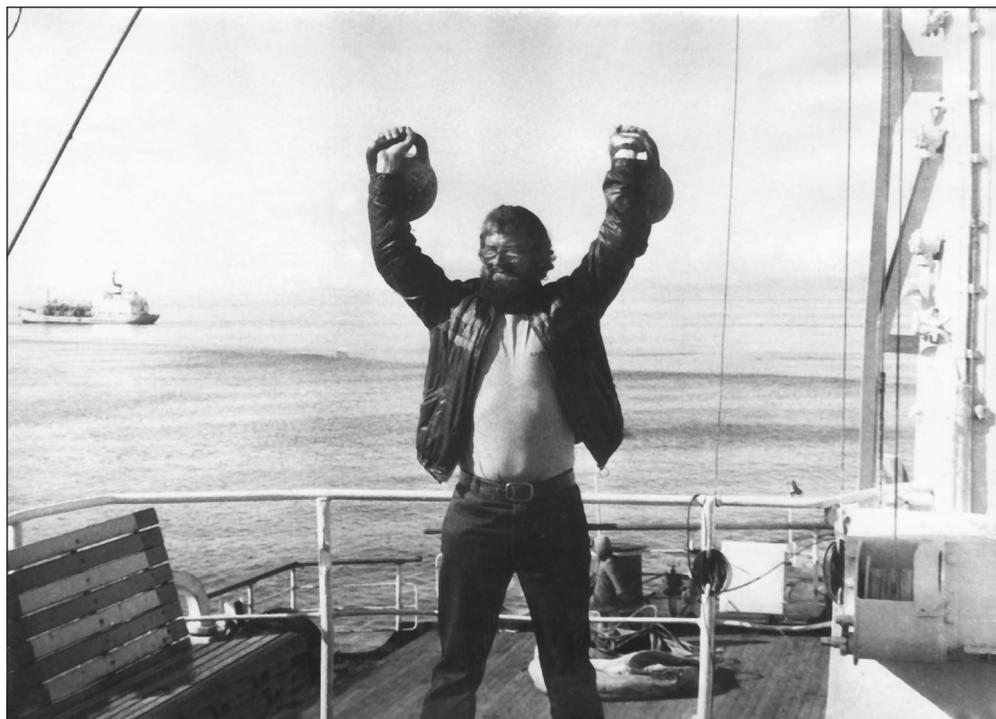
На повышении квалификации в МГУ. Звенигород, 1977 г.

С дочерьми Ветой и Наташкой в Бресте. 1977 г.

Родная кафедра. 1978 г.

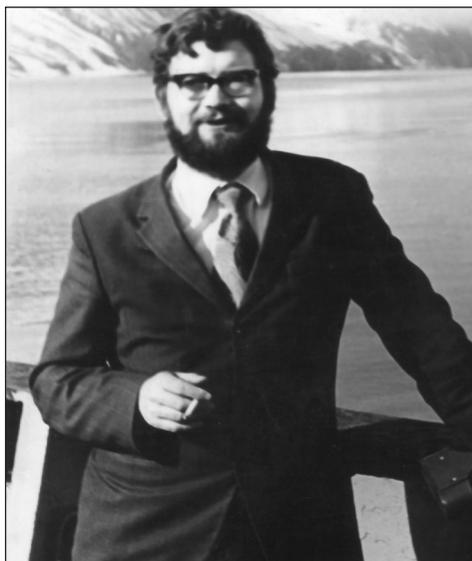
В Тихом океане. ЗРС «Звягино», 1981 г.

**Среди участников второй советско-американской научной экспедиции.
Аляска, 1981 г.**

Мне 43 года.
ЗРС «Звягино», 20 марта 1981 г.

Возвращение на Родину.
Камчатка, Русская бухта, 1981 г.

Я – доцент. 1981 г.

Наша младшая растёт

**А старшая – круглая отличница
и уже выпускница. 1981 г.**

У первого захоронения М.Ю.Лермонтова. Пятигорск, 1981 г.

Встреча американского учёного Мюррея Дейли. Симферополь, 1982 г.

Сведения о Командорах. *Остров Беринга, 1984 г.*

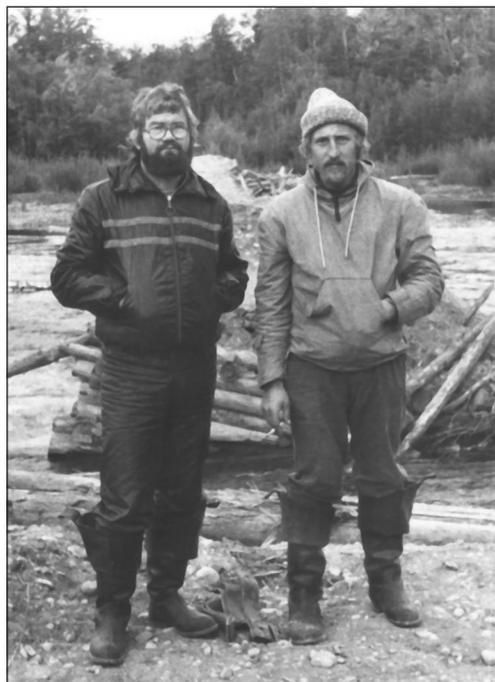
Травы острова Беринга. *1984 г.*

Командорские зверобои.
Остров Беринга, 1984 г.

Северные морские котики. *Остров Беринга, 1984 г.*

Здравствуй, Камчатка!
Михаил Юрахно и Игорь Тайков. *1984 г.*

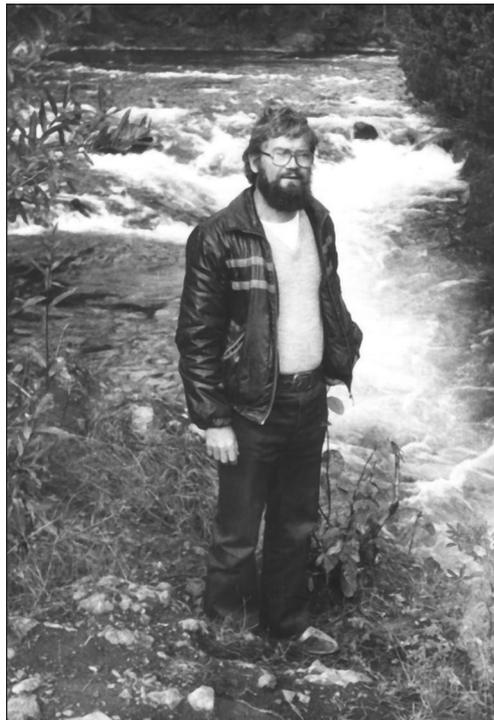
Добрейший камчадал Валерий. *1984 г.*

Вперёд! На Паратунку! Камчатка, 1984 г.

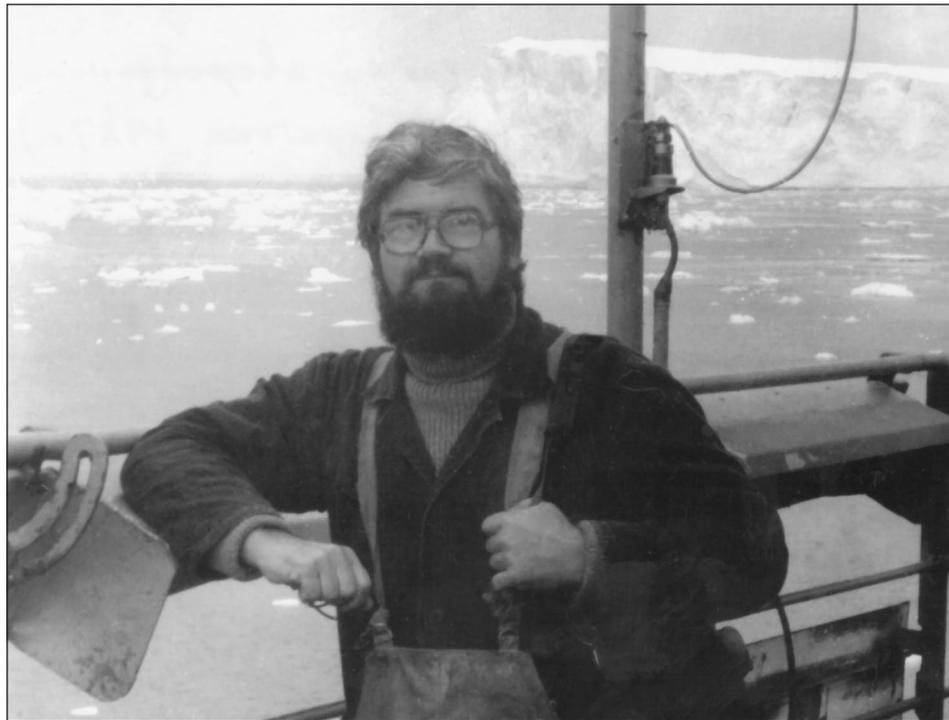
Большой поклонник Дерсу Узала, милиционер из Хабаровска на подступах к Эссо. Камчатка, 1984 г.

На реке Паратунка. Камчатка, 1984 г.

В термальном бассейне. Эссо, 1984 г.

Антарктика. ЗПС «Зубарево», 1987 г.

МЕЖДУ ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЁРТОЙ ЭКСПЕДИЦИЯМИ

Наука в СССР финансировалась государством, но денег выделялось явно недостаточно. По меткому выражению моего научного руководителя профессора С.Л.Делямуре, «их хватило только до семафора и обратно». Поэтому наша кафедра при организации дальних экспедиций искала выход в заключении хозяйственных договоров с научно-исследовательскими учреждениями, которые финансировались гораздо лучше, чем педвузы, и были заинтересованы в наших исследованиях. Такими учреждениями в начале нашего пути стали Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (г. Архангельск) и Магаданское отделение Тихоокеанского научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии (г. Магадан). В то время вёлся интенсивный промысел морских млекопитающих (ластоногих и китообразных) по всему Земному шару. Этот промысел нужно было организовать рационально, чтобы не подорвать запасы морских зверей в разных частях Мирового океана. Наши объекты исследования – гельминты (паразитические черви) – являются прекрасными природными метками своих хозяев (тюленей, моржей, дельфинов и китов). Они помогают выявлять локальные группировки и пути миграции этих животных. Вот почему специалисты по морскому зверю очень охотно заключали с нами хозяйственный договор.

Однако такие договоры требовали огромных затрат труда и времени. Работа в экспедициях – это только цветочки, причём чаще всего очень приятные и красивые. Они всегда были окрашены в розовый цвет романтики. А романтика всегда прочно стояла на энтузиазме молодости. К примеру, для меня в молодости трудностей не существовало. Я их преодолевал с большим удовольствием.

Обработка в лаборатории собранного в экспедиции научного материала тоже была настоящим наслаждением. Я – жаворонок. Просыпался всегда рано – около шести часов. И всегда настроение было превосходное – обычно в душе вились какие-нибудь мелодии. Они сопровождали меня и в дороге. За микроскопом я проводил весь день – в аспирантуре чаще всего до десяти вечера. На обратном пути домой в голове продолжали плясать мелодии. Я лишён музыкального слуха, но в душе всю жизнь пел (очередной парадокс). Видно, моя физиология работала всегда исправно. Она и обеспечивала хорошее настроение.

Помимо изготовления и исследования препаратов из крупных гельминтов с ещё большим упоением я вглядывался под микроскопом в каждую капельку слизи из нескольких сотен пенициллиновых пузырьков, заполненных на шхуне соскобами из разных органов вскрываемых животных. Я целенаправленно искал мельчайших, невидимых невооружённым гла-

зом паразитов и возлагал на них большие амбициозные надежды. Ведь в прошлом году несколько видов таких гельминтов, оказавшихся новыми для науки, были обнаружены в небольшом количестве случайной слизи, попавшей в посуду вместе с крупными гельминтами при их консервации в спирте. Зная это, собираясь в экспедицию 1967 года, я специально выпросил в областном аптекоуправлении упомянутые выше сотни пенициллиновых пузырьков для сбора слизи. Обработка её под микроскопом требует огромных затрат времени. Ведь нужно исследовать каждую капелючку. А таких капелек в каждом пузырьке – астрономическое количество. Окончательная обработка повергла меня в шок. Я не только не обнаружил в слизи ничего нового, но и не нашёл в ней прошлогодних малюток. Я стал жертвой очередного парадокса. Не знал ещё тогда, что мелкие сосальщики поражают морских зверей только у берегов. Они недолговечны, развиваются в своём жизненном цикле с участием прибрежных моллюсков, поэтому в открытом море не встречаются. А именно там промышляла тюленей в 1967 году зверобойная шхуна «Оленница».

Тем не менее экспедиция 1967 года не стала для меня абсолютно безрезультатной в смысле новых открытий. У серого кита была обнаружена цестода (ленточный червь) с самыми крупными яйцами среди её сородичей из рода *Diphyllobothrium*. Этот признак я и использовал, давая ей имя как новому для науки виду. Я назвал её *Diphyllobothrium macroovatum*. Вскоре этот вид был найден японцами у кита малого полосатика, и они прислали мне описание его на японском языке. Так я был признан как учёный не только на Западе (Франция), но и на Востоке (Япония). Заинтересовались моими работами и в других странах. Запросы поступили из США, Канады, Чили, Испании, Южно-Африканского Союза. Не скрою, что для начинающего исследователя это было лестно и жить стало ещё более интересно.

Однако вернёмся к хоздоговорам. Каждый из них требует обстоятельнейшего научного отчёта, а каждый такой отчёт по объёму приближается к диссертации. За время аспирантуры я написал два таких отчёта да плюс целый год потратил на экспедиции и сдачу экзаменов по кандидатскому минимуму. Так что в годы аспирантуры у меня совсем не было времени для написания кандидатской диссертации. Начал писать её после аспирантуры, когда был брошен уже в котёл учебного процесса. Через два года диссертация была завершена, и меня сразу же направили на четыре месяца в Московский госуниверситет им. М.В.Ломоносова для повышения квалификации в качестве преподавателя вуза. Я был счастлив, так как со школьных лет мечтал об этом главном университете страны. Позже я ещё два раза (в 1977-м и 1983-м годах) с превеликим удовольствием проходил там повышение квалификации. А первое повышение оказалось для меня вообще триумфальным. За день до его завершения – 9 июня 1971 года – во Всесоюзном Ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательском институте гельминтологии имени К.И.Скрябина я успешно защитил кандидатскую диссертацию «Гельминты промысловых морских млекопи-

тающих Берингова и Чукотского морей». Район исследований на редкость интересен. Он находится на стыке двух величайших гидрогигантов – Северного Ледовитого и Тихого океанов. А между ними любовь моя – Чукотка, одно из самых интересных мест на нашей планете. Такого обилия жизни в летнее время я нигде не встречал. Необычайная суровость климата и обилие жизни – очередной парадокс.

ПЕРВАЯ СОВМЕСТНАЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛЕДОВЫХ ФОРМ ЛАСТОНОГИХ

После защиты диссертации мне было поручено помимо других видов учебной нагрузки читать курс лекций по зоологии беспозвоночных. К этому я был абсолютно не готов, так как вёл лабораторные занятия и полевую практику только по зоологии позвоночных. Я их любил (особенно птиц и зверей), и жаль было с ними расставаться. Но в жизни часто получается не так, как хочется. Поэтому я и назвал это явление пляской парадоксов.

Деваться некуда. Взятся за разработку порученного курса, со страхом вспоминая заявление одного из преподавателей нашей кафедры, что ему удалось освоить многие курсы (читал лекции даже по дарвинизму и генетике), но зоологии беспозвоночных так и не одолел. А я не считал, что я умнее его. И так, меня ждали 1,5 миллиона видов разнообразнейших беспозвоночных. Начался каторжных труд. На каждую лекцию уходило не менее недели. В итоге разработать весь курс было труднее, чем написать кандидатскую диссертацию. К тому же, лабораторные занятия, лекции и полевая практика были на всех трёх отделениях: дневном, вечернем и заочном. Как и в аспирантуре, рабочий день начинался в 8 часов утра и заканчивался в 10 часов вечера. Но гораздо больше приходилось заниматься не наукой, которую я очень любил, а учебным процессом. Именно им предстояло овладеть. В конце концов я с этим справился, и преподавание, как и наука, стало доставлять мне большое удовольствие. В таком состоянии я и встретил 1976 год, надеясь на спокойную, уравновешенную стабильность.

Однако мы предполагаем, а жизнь располагает. Она схватила меня за шиворот и бросила в водоворот новых событий.

В январе три человека с нашей кафедры (С.Л.Делямуре, В.Н.Попов и я) были приглашены в Москву на советско-американское совещание по ледовым формам ластоногих. На нём было решено организовать первую совместную экспедицию в Берингово море на советском зверобойно-рыболовном судне. От нашей кафедры в состав экспедиции могли включить

лишь одного человека. Решался вопрос – кого? Я так увяз в учебном процессе, что, казалось, вырваться из него на 3–4 месяца нет никакой возможности. В.Н.Попов, как аспирант, был свободен от занятий. Логично было послать его. И я не возражал. Но заведующий лабораторией морских млекопитающих Магаданского отделения ТИНРО Г.А.Федосеев категорически выступил против В.Н.Попова. Он заявил:

– Берём вашего человека, но им должен быть только Юрахно!

Сработал, как говорят в таких случаях, человеческий фактор. Получилось по белорусской поговорке: «Кинь за собою, найдешь перед собою!» Иными словами: как ты относишься к людям, так и люди будут относиться к тебе. Очень поучительный случай, особенно для молодёжи.

Оказалось, что все магаданцы возненавидели В.Н.Попова за его поведение в одной из охотоморских экспедиций. Они знали, что его вторая по счёту жена должна была вот-вот рожать, и переживали за неё, чего нельзя было сказать о нём. В семейных делах он был абсолютный подлец! Отказался от собственного ребёнка от первой жены. Позволил удочерить его чужому человеку. Не лучше складывались дела и со второй женой. Она собралась рожать, а он в это время на зверобойном судне в Охотском море закрутил любовь с третьей женщиной – сотрудницей магаданской лаборатории, с которой мы вели хоздоговорные работы. Его нечистоплотность в половом вопросе вообще не знала границ. В это же время он умудрился блудить ещё с двумя женщинами – уже на нашей кафедре. Тем самым нарушил святую заповедь мужчин: «Волк, где живёт, там не охотится!»

С магаданкой он совсем потерял голову. Дал телеграмму домой, что вылетает, а сам с этой самой мадам забурился на неделю в одну из московских гостиниц. Родители с ума сходили. Был объявлен всесоюзный розыск. Я начал писать некролог. И тут он появляется. Исхудавший, с ещё более увеличенным носом. Этот орган был у него в прямом смысле выдающимся. Когда открывалась дверь в лабораторию, сначала появлялся нос, а потом – сам Попов. Недаром профессор Делямуре остроумно называл его Дегоголь, объединяя в его лице двух великих людей – Деголя и Гоголя. Так вот: поведение Дегоголя определило моё участие в первой советско-американской экспедиции. Этому можно было бы радоваться, если бы не дальнейшее поведение В.Н.Попова в далёком будущем. По отношению ко мне в 1981 году он поступил ещё более подло, чем со всеми своими женщинами. Но всему своё время.

Итак, в январе 1976 года я был включён в состав первой советско-американской экспедиции по изучению тюленей и моржей Берингова моря.

Начались лихорадочные приготовления в двух направлениях. Во-первых, нужно было пройти многочисленные медицинские обследования, чтобы получить разрешение на работу в море на зверобойном судне.

Во-вторых, по согласованию с деканатом нужно было уплотнить и ускорить выполнение своей учебной нагрузки, запланированной на ближайшие три месяца. «Вешать» её на других сотрудников кафедры мне не хотелось.

Уже тогда мною был выработан принцип, которого я придерживался всю жизнь: «Идя к своей цели, никому не наступай на ноги!» Это базировалось на моём представлении с детских лет, что, характеризуя человека, всегда нужно на первое место ставить честность. В каждом человеке она должна быть кристально чистой. К концу жизни я отверг все религии, ибо стал понимать, что все они возникли на почве страха и невежества. Но одну религию я принял бы и сейчас с радостью и самозабвенно. Эта религия должна называться честность. Если бы человечество сумело создать такую религию, причём не на словах, а по сути, исчезли бы войны, несправедливость, обман и, кстати, терроризм, который в настоящее время стал настоящей головной болью для всей планеты. Терроризм нельзя искоренить до тех пор, пока люди не перестанут верить, что после смерти они попадут в рай. Борьбаться нужно не только с террористами, но и с религиями, воспитывающими настоящих баранов, верящих, что их наземная жизнь ничего не значит, а вот если они убьют других людей («неверных»), то обязательно попадут в рай и будут блаженствовать вечно. Надо убрать этот дурман с мозгов разных национальностей, и терроризм сам исчезнет, в конце концов, лишившись почвы.

Однако вернёмся к моему обретению планеты.

5 марта 1976 года я прибыл в город Холмск на Сахалине. Там собралась советская часть экспедиции: сотрудники Магаданского отделения ТИНРО Юрий Афанасьевич Бухтияров (начальник научной группы), Артур Петрович Шустов (непревзойденный рассказчик о своих похождениях) и Михаил Юрьевич Засыпкин (в будущем пристрастившийся к алкоголю и погибший от него), а также сотрудник ВНИРО (Москва) Аркадий Анатольевич Кибальчич (превосходный охотник, зверолов, птицелов, зверобой и прочее) и я (к тому времени скромный доцент Крымпединститута). Правда, незадолго перед этим (в 1975 году) мне удалось «пробить» в Москве издание проспекта «Гельминты морских млекопитающих Мирового океана», который был представлен на Всемирную выставку «Экспо-75» «Море и его будущее» (Окинава, Япония). В этом проспекте из двадцати одной иллюстрации кафедры шесть оказались моими, а фото гельминтов в органах хозяев были, несомненно, лучшими. Это был успех и очередной парадокс: не фотограф, а победил. Скромно я относился и к своим успехам в науке. На обложке автореферата своей кандидатской диссертации, подаренного моему научному руководителю профессору С.Л.Делямуре, я написал: «Человеку, поверившему в мои силы задолго до того, как я сам в них поверил». Мне всегда казалось, что способности мои весьма ограничены. Поэтому я всегда старался сделать побольше, чтобы хоть что-то из этого получилось. На поверку к исходу жизни оказалось, что это неверие в себя позволило сделать больше и добиться большего, чем многие-многие, в том числе и очень самонадеянные люди. Разве не парадокс?

Весь день с кинокамерой в руках я месил раскисший снег Холмска. Уже было известно, что пойдём мы на новеньком ЗРС польской постройки «За-

горяны». Он стоял на рейде, что называется, «под парами». Предстояло зайти в американский порт Датч-Харбор на Алеутских островах (о-в Уналашка) и взять там на борт трёх американских исследователей тюленей и моржей. Мне было приятно сознавать то, что двух из них я уже знал по московскому совещанию. Это профессор Френсис Фэй (очень крупный учёный) и Джеймс Эстэс (длинный, как жираф, и молчаливый, как дюгонь). Я радовался предстоящей встрече с ними.

Отход из Холмска сначала был назначен на 10 утра, но, как известно, «провожают пароходы совсем не так, как поезда». Удалось отчалить только в 17:00. Сразу же повернули на юг в Японское море, чтобы затем через Сангарский пролив (Цугару) между островами Хоккайдо и Хонсю выйти в Тихий океан и двинуть на север. Предстояло двухнедельное путешествие по бушующему океану.

Сразу же начался шторм. Качка килевая. Очень неприятная. Первым плохо себя почувствовал Кибальчич. Он побледнел, как Иисус Христос, и внешне очень его напоминал. Вторым «травить» начал Засыпкин. Нас двоих поселили в одной каюте, на двери которой висела табличка «Два мастера рыбцеа». Расположение каюты было предельно экстремальным: справа по борту первая от носа. Значит, при малейшем шторме иллюминатор не откроешь: заливаает. Но и дверь нельзя было открыть: рядом располагалась дверь женского туалета. Венчало полное сходство нашей каюты с преисподней то обстоятельство, что палуба в ней (так называемый пол) накалялась машинным отделением до невозможности. И вот в этой душегубке в первый же день начал страдать мой тёзка Засыпкин. Ни бипольфен, ни другие лекарства не помогали. Сбегал к врачу за валидолом – не нашёл. «Остаётся поступить так, – заявил он. – Очки положим сюда, – положил на иллюминатор, – а рожу – в раковину!» Я хохотал дико. Давно заметил, что во время первой качки на меня нападает необузданный, управляемый хохот.

Тёзка стонал над раковиной несколько часов. Сначала в неё летели остатки пищи, а потом – жёлчь. Поймав некоторое затишье в волнении моря, он открыл иллюминатор, стал перед ним на колени и, воздев руки к небу, торжественно запел: «О великий, могучий русский язык! Помогите мне в трудную минуту...» В иллюминатор понёсся такой мат, что судно, как мне показалось, стало медленно погружаться под воду. «Двенадцать колен! – похвастался Засыпкин. – Сам изобрёл. И ты знаешь – помогает!» Я сочувствовал ему и тихо радовался, что у меня нет такой болезни.

Более того, даже закон индукции был бессилён против меня. Засыпкин своими изрыганиями не спровоцировал меня вслед за ним «отправиться в Ригу». Его утробные стенания я воспринимал спокойно.

Приходили Шустов и Бухтияров. Чувствуют себя тоже неважно. А я хочу. Чёрт те что! Аж неудобно. А дело всё в том, что в моей голове, а точнее в мозгу, удачно удалены друг от друга рвотный центр и центр равновесия. Спасибо родителям! Не доработали с глазами (получился

плоский хрусталик), зато всю жизнь помогали спокойно шастать по морям. В результате – сугубо сухопутный человек пересёк все океаны планеты. Парадокс!!! И не маленький!

Шустов интересно рассказывал об охоте на волков, а также об охоте волков на лосей. Одно место из его рассказа меня сильно покорило: «Обложили их флажками. Бегают вдоль их, а перескочить не решаются. Один волк остановился напротив меня. Смотрит умоляющими глазами. Потом вдруг лёг на снег и стал ползти ко мне. Глаза в глаза. Уши назад. Жалобно повизгивает. Всем своим видом просит – пощади меня. Я выцелил лоб. Нажал крючок. Мозги так и брызнули в разные стороны».

«Как хорошо, что я – не охотник», – подумалось мне.

Зашёл капитан Власов – маленький, горбатый, осторожный и трусливый. Попросил задраить иллюминатор. Будем поворачивать. Ударит «по скуле» – может залить.

6-го марта весь день лежал трупом. Ни завтракать, ни обедать, ни ужинать не ходил. Вечером смотрел фильм «Они сражались за Родину».

К сожалению, все остальные дневниковые записи этой экспедиции утрачены. Расскажу лишь о том, что осталось в памяти и содержится в «журнале гельминтологических вскрытий тюленей и моржей».

Тихий океан и на сей раз не соответствовал своему названию. Бушевал в пределах семи баллов всю дорогу до Датч-Харбора. А это ни много ни мало – 15 суток. Заниматься серьёзным делом в таких условиях было невозможно, и я пытался в условиях бесконечной качки не только бороться с ней, но и зализывать раны своих многочисленных литературных поражений. На глазах рушились мои школьные грёзы – хотелось стать не просто писателем, а хорошим писателем. Пока что не получалось. В Свислочи – фиаско. В Большой Берестовице – фиаско. Правда, в Свислочском райкоме партии редактору райгазеты «За Родину», в которой я проработал сразу же после школы только два месяца, сказали, что «после ухода Юрашно газета стала хуже». А ведь на моё место прислали выпускника факультета журналистики из Минска. Но запоздалый комплимент в мою сторону был слабым утешением для меня. Не лучше получилось и в Берестовице. На моё место прислали более подготовленного литературного сотрудника, а мне предложили должности инструктора райисполкома или директора книжного магазина. Редактор заявил, что один из путей в журналистику – это предварительное овладение какой-нибудь специальностью. И он «накаркал». Я сначала стал всемирно известным исследователем гельминтов морских млекопитающих, получил звание профессора в этом направлении, а уж потом вернулся по-настоящему к своей школьной мечте. Но пошёл не в журналистику, которую в конце концов возненавидел, а в литературу, причём детскую – самую честную. И я счастлив на склоне лет. Но прийти к этому было очень и очень непросто. Пятьдесят лет я шёл по планете как тяжело больной, раздваиваясь между наукой и литературой. В науке, несмотря на слепоту, получалось неплохо (парадокс), а вот с любимой литературой просто не везло. Я боялся полностью плюхнуться в неё, чтобы в случае вполне веро-

ятной своей бездарности не потерпеть окончательное фиаско и не утонуть совсем. Это было бы настоящей катастрофой не только для меня, но и для моей семьи. А ею рисковать я не мог. Поэтому как страховочный вариант я тащил в виде рюкзака за спиной науку, а в литературу лишь изредка тыкался мелкими уколами. Дело дошло до того, что в Антарктике я вообще решил поставить на ней крест. Я сказал себе: «Стоп! Я – только исследователь и никто больше! К чёрту страдания! А значит, и – к чёрту литературу!» И мне стало легко и просто. Однако парадоксы, как чёртики, продолжали скакать вокруг меня. Что из этого вышло, узнаем позднее, а сейчас вернёмся в Тихий океан на борт ЗРС «Загоряны» и продолжим вспоминать свои поражения к этому времени на литературном поприще.

Во время службы в армии (1962–1964) я написал несколько небольших рассказов («Морское свечение», «Чёрные галки», «Счастливые сапоги») на военную тематику, но они так и не были опубликованы. В 1963 году я послал в «Гродненскую правду» незатейливый рассказ об одной пожилой женщине из нашей деревни Крыстыне, которая все послевоенные годы носила при себе прядь волос своего сына Николая, погибшего на войне, каждый день смотрела на них и плакала. Мне пришёл ответ литконсультанта газеты Василя Быкова, ставшего впоследствии всемирно известным писателем, превосходным певцом военного патриотизма. Он деликатно писал мне:

«Дорогой Михаил Владимирович!

Алексей Карпюк, к которому Вы обратились в своём письме, в настоящее время не работает в "Гродненской правде", и поэтому Ваш рассказ попал в другие руки. По поводу рассказа хочется сообщить Вам, что написан он со знанием дела, живо и хорошим языком, но, конечно, рассказом это сочинение назвать нельзя. Это скорее путевой очерк, записки, до рассказа материал не дотягивает, так как отсутствуют характеры в их развитии, нет должного для этого жанра осмысления, а то, о чём следовало бы сказать больше, показать глубже, только названо. Опубликовать же в газете это в качестве путевых записок не удастся, так как областные газеты такого рода материалы почти не печатают из-за недостатка газетной площади.

Так что просим не обижаться.

С приветом, литконсультант "Гродненской правды" В.Быков».

Он прав. Я не стал настоящим писателем, потому что внутренний мир человека меня по-настоящему никогда не интересовал. Привлекали внешние события. А писатели, по меткому выражению Сталина, – это инженеры человеческих душ. В молодые годы я вообще делил людей только на две группы: кто за Советскую власть – хороший, кто против – плохой. И никаких полутеней!

В 1966 году на Чукотке я написал три небольших рассказа: «Куропаточья любовь», «В суровой Арктике» и «Интуиция». Первые два послал в «Юный натуралист». Получил отзыв Б.Хотимского:

«Уважаемый Михаил Владимирович!

Ваш материал написан складно и увлекательно. Однако он не подходит нашему журналу по двум причинам. Во-первых, Вы адресуетесь не столько юным натуралистам, сколько юным охотникам, а это далеко не одно и то же. Во-вторых, материал очень уж перенасыщен всяческих "кровавых" сцен, драк, убийства и т. п. – это нежелательно, если учесть возрастную специфику нашего читателя. Нас интересуют в первую очередь такие материалы, в которых ярко и увлекательно говорилось бы о чём-то принципиально новом из жизни животных (и растений), о чём юннаты не могли ещё узнать ни из школьного курса, ни из популярной литературы».

Согласен. Что тут скажешь.

После этого началась настоящая эпопея с попыткой опубликовать свою первую «пробу пера» в Магадане в альманахе «На Севере Дальнем».

7 августа 1975 года я писал в Магадан своему закадычному другу Виталию Гольцеву:

«Дорогой мой Кроха!

Твоё письмо, как свежее дыхание Севера, вернуло меня к жизни. Конец учебного года и особенно вступительные экзамены, а также мысль о том, что отпуск придётся пожертвовать на разработку нового спецкурса "Основы научных исследований", настолько придавили меня, что я чувствовал себя каким-то бездумным мезозойским животным. Всё для меня было уже абсолютно безразличным. И я страшно обрадовался, когда, читая твоё письмо, снова ощутил крыло давно покинувшей меня литературы. Значит, я ещё не умер!

Сообщаю, что свою литературную стряпню я направил в альманах "На Севере Дальнем". Получил ответ ведущего редактора альманаха И.А.Письменовой, что рукопись будет рассмотрена, но она должна быть в двух экземплярах. Очень прошу – зайди к Письменовой (Пролетарская, 15) и узнай результат. Хотелось бы узнать также мнение твоих друзей Эдидовича и Мифты (Мифтахутдинова). Оказывается, везде нужны протезы, туды его в качель! Если "рассказы" пойдут, передай, пожалуйста, Письменовой ещё по одному экземпляру. Твой М.».

Вскоре я получил письмо от Альберта Мифтахутдинова с его внутренней рецензией на мои рассказы. «В суровой Арктике» он признал. Согласился, что история интересная, и обещал рекомендовать её «Магаданской правде». Два других рассказа разнёс в пух и прах. Я сначала согласился, но потом увидел, что в рецензии много несправедливости, поэтому обратился в альманах с письмом:

«Глубокоуважаемые товарищи!

Мне стало известно содержание внутренней рецензии Альберта Мифтахутдинова на мою пробу пера в виде небольших рассказов "В суровой

Арктике", "Интуиция" и "Куропаточья любовь". Как человеку доверчивому, с первого взгляда она мне показалась очень толковой. Даже на душе по-светлело. "Как он досконально знает чукчей", – мелькнула у меня мысль. Но это было первое впечатление. Когда я затем попробовал разобраться, как же так получилось, что нежданно-негаданно в моих рассказах, прежде всего, пострадала научная информация, которой я так дорожил, стараясь в каждой фразе не грешить против истины, рецензия показалась не такой уж хорошей и справедливой.

Выскажу о ней свои соображения в той последовательности, в какой она написана.

На первой и второй страницах, критикуя рассказ "Интуиция", т. Мифтахутдинов утверждает, что у чукчей обычая предлагать женщину приезжему человеку нет. Возможно. Однако в рассказе изображён абсолютно достоверный факт, который имел место со мной в посёлке Уэлен. Я действительно думал, что один из чукчей, с которым я ходил на моржей, меня недолюбливает, а может быть, даже ненавидит. "За что?" – ломал я голову. И вот всё прояснилось, когда он однажды ночью (правда, тогда был ещё полярный день) привёл мне девушку, как он выразился, любить. Ситуация в рассказе воспроизведена, как мне казалось, даже чересчур достоверно. Я мучился, например, оттого, что сохранил подлинные должности, фамилии и имена Вити Ястребова и Гриши Оксогоева. Последний, кстати, в настоящее время работает в Магадане.

Второй пример относительно вышеупомянутого обычая. Каюр Эттувье, которого я изобразил в рассказе "Куропаточья любовь", тоже мне предлагал девушку в яранге на берегу Мечигменского залива, куда мы с ним попали по пути следования на собаках из посёлка Яндракинот в Лорино.

Объяснил он мне это так:

"Ты мне хорошо сделал – я хотел тебе хорошо сделать". Моё "хорошее" дело по отношению к нему заключалось в том, что по его просьбе я купил ему в Яндракиноте на дорогу "для сугрева" немного спиртного.

Вот, что было со мной. Я уже не говорю о сообщениях некоторых моих знакомых, которым я верю.

Относительно охраны молодого человека в тундре в Долине Смерти чукчей с карабином я действительно придумал и сам считал это неудачным, так как не терплю детективов. Однако и такой вариант мне кажется допустимым, потому что однажды в тумане на вершине Таганая (Южный Урал) меня страховала совсем незнакомая девушка, которая увидела, что я заблудился, шла следом и не решалась окликнуть. Этот случай мне кажется более фантастичным, хотя и был на самом деле.

И всё же, несмотря на вышеприведённую защиту "Интуиции", я согласен поставить на этом рассказе крест, так как им не очень дорожу.

Но "Куропаточью любовь" намерен защищать. Рассказ написан с целью, чтобы прочитавшие его не поступали так же необдуманно и легкомысленно, как герой рассказа. Не приходится говорить о том, что это злободневно

в свете охраны природы. Беру на себя смелость утверждать, что рассказ достиг цели. Он апробирован на разных аудиториях (учителя-биологи, студенты-биологи, кандидаты и доктора наук, филологи). В большинстве случаев он производит сильное впечатление. К примеру, на лекции по зоологии, говоря о взаимоотношениях у животных, я зачитал его студентам. Через неделю от них услышал, что после той лекции они собирались пойти в кино, но после "Куропаточьей любви" так расстроились, что не пошли и ещё несколько дней были под впечатлением.

Прошу правильно меня понять. Ко всему своему, в том числе и к литературным попыткам, я всегда относился скептически. Но в данном случае жизнь заставила меня говорить иначе.

Теперь о претензиях т. Мифтахутдинова к этому рассказу.

Он начал с того, что попытался доказать, что "арарай" – по-чукотски не "веселее". И, в конце концов, пришёл к тому, что это слово значит, чтобы собаки бежали быстрее. Так ведь это одно и то же! Только слово "веселее" в данном применении мне кажется более колоритным. Именно так мне перевёл его на русский язык каюр Эттувье, которого я об этом спросил.

Теперь о "наивности" рассказа. Очевидно, т. Мифтахутдинову не известно, что среди представителей отряда куриных белая куропатка, о которой идёт речь в рассказе, составляет исключение. Она – не полигам, а моногам (подобно лебедям), на которых ссылается оппонент. Так что проявление "любви" ей свойственны, особенно самкам.

Самцы не столь самоотверженны, возможно, потому, что у них ещё остался дух их полигамных предков.

Следует также критически отнестись к утверждению т. Мифтахутдинова о том, что куропатки – "самые дурные птицы". Не все так считают. Например, Брем писал: "Белая куропатка принадлежит к числу самых высокоодарённых, живых и резвых куриных, которых я только знаю" (Жизнь животных, т. 4, ч. 1, стр. 345, 1869).

И, наконец, о "разрушении" рассказа чукотской приметой о том, что куропаток надо убивать по пути "на счастье". В данном случае художественная правда должна быть выше (сильнее) чисто житейской в пределах одного национального округа. Я умышленно взял вину на себя (написав рассказ от первого лица), хотя лично ни одной куропатки не убил. Правда, видел, как это делают другие, что и явилось толчком к написанию рассказа.

Эттувье, в моём понимании, должен быть выразителем целого народа. Он должен тоньше и глубже чувствовать явления окружающей его природы, чем вторгшийся желторотый пришелец. Считаю это глубоко символичным. В противном случае я бросил бы тень на всех чукчей. Иногда художественная вещь должна не только "скрупулёзно" отражать жизнь, но и учить, как нужно жить. Подкреплю мысль примером. Действительные события, которые заставили Куприна написать "Гранатовый браслет", закончились тем, что все посмеялись над несчастным влюблённым. Однако Куприн увидел жизненную силу не в этом смехе, а в диаметрально проти-

воположном чувстве. И он заставил миллионы поверить художественной правде, а не действительной.

С учётом сказанного роль Эттувье мне не кажется наивной. Выходит, что в "Куропаточьей любви" несуразностей не так уж много, как утверждает Альберт Мифтахутдинов. Значит, у меня остаётся основание просить Вас опубликовать рассказ на страницах вашего альманаха».

К сожалению, просьба моя не была выполнена. Но в будущем справедливость восторжествовала и «Куропаточья любовь» трижды взлетала до небес: в газете «Крымское время» (15 апреля 1998 года), в книжке «Северное сияние» (2012 год) и в «Литературной газете» (декабрь 2013 года). Отзывы были восторженные, некоторые женщины плакали.

Рассказ «В суровой Арктике» 4 сентября 1976 года был опубликован под названием «Схватка» в «Магаданской правде», затем в газете «Крымское время» (июль 1998 года) и в «Северном сиянии» (1912 год).

На рассказе «Интуиция», как и обещал, я поставил крест. Не стал публиковать.

О моём душевном состоянии на ЗРС «Загоряны» (помимо страданий от бесконечной болтанки) можно судить также по письму от 17 октября 1975 года, которое я в отчаянии направил в «Гродненскую правду»:

«Уважаемые товарищи!

Обращаюсь к вам как к землякам с большой просьбой – оценить мою "пробу пера". О литературе я думаю с детских лет, но считаю себя неподготовленным в этой области, поэтому до сих пор (за исключением трёх маленьких рассказов на северную тематику) ничего не написал (детское стихоплётство не беру во внимание). А мне уже 37 лет! Жизнь сложилась так, что и времени на литературу не было – ушёл в науку и даже защитил диссертацию, но она меня не радовала. Я понимал, что попал в тупик, из которого не выбраться. Мелькнула мысль даже о суициде. 25 лет желание писать было доминирующим в моей жизни. Несколько раз начинал, но видел, что ничего не получается, и бросал. Свои северные рассказы я осмелился показать товарищам по работе – зоологам. Отозвались положительно. Но мне по-прежнему не верится, что рассказы получились. Хочется узнать мнение литераторов. Накануне празднования 30-летия Победы попытался написать рассказ "на злобу дня" – "С победой, мамаша!". Но закончить к празднику не успел. Высылаю на ваш суд всё написанное. Если рассказ "С победой, мамаша!" достоин опубликования, прошу сделать это на страницах "Гродненской правды". Но под своей фамилией мне не хотелось бы этого делать, потому что рассказ в очень большой степени автобиографичен. Крестьяне деревни Ханчицы Свислочского района, где я вырос, хорошо знают меня. Подумают, что это документальный рассказ о себе, и скажут, что кое в чём я "прибрехал". Не знают они, что к своей судьбе я добавил ещё и судьбу моего шурина (мужа моей сестры), который двое

суток ползал в картошке вокруг своего отца, убитого тоже бандой. Можно было бы пустить мой рассказ под авторством Михаила Сосновского.

Что касается северных рассказов, то, если они достойны, посоветуйте, куда их направить».

Мои земляки поступили благородно, но не до конца. Рассказ «С победой, мамаша!» они опубликовали в «Гродненской правде» аж 9 июля 1977 года, но мне – ни гу-гу. Только в 1985 году я случайно узнал об этом радостном для меня событии.

2 марта 1985 года этот же рассказ был опубликован и «Крымской правдой».

Но в марте 1976 года на борту ЗРС «Загоряны» я был в отчаянии. «Пионер» – отказ. «Костёр» – отказ. «Неман» – отказ. «Советская Белоруссия» – отказ. «Юность» – отказ. «Маладосць» – отказ. «Советский воин» – отказ. Свихнуться можно. А я не свихнулся и был в более бодром состоянии, чем американцы, которых мы поднимали на борт в Датч-Харборе. Русские не сдаются!

Мы подошли к Датч-Харбору глубокой ночью. Американцы наладили связь с нашим судном и на маленьком катерочке вышли в море нам навстречу. Наша команда была не визирована, поэтому мы не могли зайти в порт. Брали их прямо в море. Я предвкушал встречу с Фрэнсисом Фэем и Джеймсом Эстэсом, поэтому не спал. Одедся потеплее и, чтобы не мешать швартовке, взобрался на верхнюю палубу. Американский катерок с одноглазым прожектором долго прыгал, как блоха, по волнам, потом приблизился к нам и попытался прилипнуть боком к нашей стальной махине (длина нашего судна 75 м). Волны нещадно подбрасывали катерок и с размаху били им о наш борт. В тусклом свете фонаря я пытался разглядеть лица американцев в надежде увидеть Фрэнсиса и Джеймса. В это время сзади меня появился один из могучих наших зверобоев. Он был «расхристан», в тулупе в накидку, в шлёпанцах на босу ногу. Подойдя ко мне, он тоже заглянул вниз и удивлённо воскликнул:

– А это что ещё за вошка бьётся о борт?

В душе я расхохотался. Этот могучий русский медведь пренебрежительно назвал американский флот вошью. Да, такой народ победить нельзя!

Американцы укачались в усмерть. Их подняли на борт зелёными. У них не было сил не только порадоваться нашей встрече, но и как следует поздороваться. Их поспешно увели в отведённые им каюты. Фрэнсиса Фэя поселили с Шустовым (для смычки двух народов), а Джеймсу Эстэсу и Говарду Фёрену (студенту из Нью-Джерси) предоставили отдельную каюту.

Из Датч-Харбора мы двинули на север – в Бристольский залив и в районе островов Прибылова начали промысел. Бедных моржей по одному, а то и по два сразу за прорезанные загровки цепляли гаком лебёдки и поднимали с льдины на палубу. Работа закипела. Палубу по щиколотку залило моржовой кровью. Мясо разделанных зверей большими кусками летело

в жерло мясорубки и с визгом проваливалось вниз – в утробу парохода, прямо в рыбцех. Там его в виде фарша расфасовывали в картонные коробки и отправляли на заморозку. Потом эти брикеты на берегу поступали на зверофермы или использовались для других нужд. Жир вытапливался отдельно и шёл на изготовление всевозможных смазок. Кожа отдельно не снималась. Раньше чукчи строили из неё яранги, позже делали подошвы, а сейчас она и вовсе не была востребована.

Мне было интересно в кишечнике у моржей встречать своих малышей (открытых для науки у берегов Чукотки ещё в 1966 году). Численность самой мелкой из них (*Microphallus orientalis*) потрясает. В лабораторных условиях с помощью микроскопа удалось подсчитать, что на одном квадратном миллиметре (я подчёркиваю – миллиметре) слизистой кишечника моржа может встречаться до тринадцати экземпляров этих прикрепившихся к ворсинкам сосальщиков (трематод). С опубликованием этих данных произошёл казус. Редакция научного сборника одно «м» в моём сообщении (не знаю, по какой причине) выбросила, и получилось не 13 экземпляров на 1 мм², а 13 экземпляров на 1 м². Видно, подумали, что в моём сообщении опечатка, и своею властью уменьшили показатель в миллион раз. Вот вам и наука! И в ней бывают ляпсусы.

Интересно было узнать кое-что и о второй моей красавице – трематодке с глазками *Orthosplanchnus oculatus*. У берегов Чукотки она встречается у всех моржей, причём сотнями тысяч, даже миллионами экземпляров, а у берегов Аляски – единично, и часть в неполовозрелом состоянии. Возможно, влияют течения. Чукотка омывается холодным арктическим течением, идущим из Арктики (Чукотское море) через Берингов пролив в Пацифику (Берингово море). У берегов Аляски в Беринговом проливе течение противоположное: из Пацифики в Арктику (из Берингова моря в Чукотское). Оно более тёплое. Образуется от слияния Куроисио и Калифорнийского течения.

Интенсивно поражают моржей и более крупные сосальщики. К примеру, у пятнадцатилетней самки (вскрытие № 32) в желчном пузыре мною было обнаружено 1349 экземпляров трематоды *Orthosplanchnus rossicus*, а она в длину часто превышает сантиметр.

У десятилетней самки (вскрытие № 53) 136 метровых ленточных червей (цестод) *Diphyllobothrium romeri* сплелись в клубок и закупорили кишечник.

Много было собрано и другого патологического материала.

С американцами мы сработались очень хорошо. Фрэнсис Фэй (английского происхождения) был человеком интеллигентным, очень деликатным и очень скромным. Ни на один из вопросов, поставленных ему, он не отвечал безапелляционно, как это делали мы, а каждый свой ответ он начинал словами: «Я не знаю, но я думаю, что...» Я рад, что с ним судьба меня свела не только в этой, но и в следующей советско-американской экспедиции. Он сносно говорил по-русски, и я услышал от него много интересного. Например, однажды он без всякой рисовки заявил, что лучший напиток – это русская водка. Я тихо радовался, что при первой нашей встрече на «Загорянах»

я подарил ему бутылку именно русской водки – «Столичной» в экспортном исполнении с благим намерением, что он разопьёт её на Аляске вместе со своей жёнущкой Барбарой (польского происхождения). И каково было моё удивление, когда после высадки Фэя на Аляске я обнаружил эту бутылку нетронутой в картонном паке Шустова (я помогал ему наводить порядок в каюте). На бутылке рукой Фэя фломастером было написано: «Для другой дни». Фэй знал, что Шустов любил русскую водку ещё больше, чем он, поэтому решил на прощание преподнести своему русскому коллеге такой сюрприз. Благородно! Ничего не скажешь.

Джеймс Эстэс, в отличие от Фэя, не любил спиртные напитки. И когда они у нас кончились и вместо них к концу экспедиции я как-то на очередном торжестве выставил на стол спирт, он заинтересованно спросил:

– Что это?

У меня было игривое настроение, и я шутя ответил:

– Бензин!

– Бензин? – наивно переспросил он. – Бензин ноу!

Все остальные поняли, что к чему, и принимали на душу «бензин» с превеликим удовольствием и не только на этот раз. Вслед за мной (то есть с моей лёгкой руки) все стали называть спирт бензином. При очередной торжественной встрече кто-нибудь, у кого слюноотделение начиналось не на шутку, обращались ко мне:

– Ну, давай свой бензин!

Третьим американцем, как уже упоминалось, был студент из Нью-Джерси Говард Фёрен – добрейший и милейший великан. Но самой примечательной его особенностью была растительность на голове. Она покрывала его всего, как колдуна. В СССР никто из мужчин в то время женских причёсок ещё не носил. А у Фёрена волосы сзади с головы на спину сбегали могучей плетью, доставая до пояса. В двух местах эта плеть была перехвачена резинками. На всю команду нашего судна (более восьмидесяти человек) Говард своей причёской производил впечатление не менее удивительное, чем любой воображаемый инопланетянин. Ещё более к концу рейса он удивил меня, но не причёской, а поведением – и совсем не небесным, а вполне приземлённым и очень неприятным.

Охотники по ошибке застрелили беременную моржиху. Когда детёныша вырезали из утробы матери, он был живой. Его подняли на палубу. Помню, как он беспомощно тыкался в неё, обледенелую, свою мордочкой. Учёные набросились на него. Взвесили, измерили обхват, температуру тела, а потом развели руками: «Не выживет, мол. Его надо умертвить». К чести советских зверобоев, стоя на палубе по щиколотку в моржовой крови, они отказались убивать беззащитное животное, а Говард Фёрен, насмотревшись к тому времени вдоволь американских боевиков, достал из ножен охотничий нож и спокойно сказал:

– Давайте я его заколю.

И заколол.

Я привёз этого моржонка к себе в музей – на кафедру. Кричащим укором служит он бездушной жестокости американской молодёжи. Во время экскурсий в музее я не жалею наших русских ребят. Рассказываю им, как попал моржонка к нам и к чему приводят боевики. В то время советские ребята, лишённые иммунитета, с жадностью набрасывались на иностранщину. А она, как оказалось, бывает разная. Недаром Солженицын вынужден был заявить: «Мы открыли шлюзы для американской культуры, а к нам хлынули нечистоты». Теперь наша главная задача – не захлебнуться в этих нечистотах.

После высадки американцев в Анкоридже наше судно на всех парах двинуло во льды продолжать охоту, чтобы хоть как-то покрыть расходы на экспедиции.

По пути нас – научную группу – пересадили на могучую плавбазу, которая в открытых водах Бристольского залива ловила рыбу. Предстоял долгий путь возвращения на Родину. Сначала нужно было попасть на какой-нибудь сухогруз, забирающий на плавбазе готовую продукцию, то есть рыбные консервы. Таким образом можно было добраться до берега, родного берега, а потом уже – кто во что горазд: кто в Магадан, кто в Москву, а кто в Крым.

Ждать такого судна пришлось не менее десяти суток. За это время удалось в общих чертах ознакомиться с плавбазой – машиной около двухсот пятидесяти метров в длину. Можно первенство мира по футболу на палубе проводить. Команда в основном женская. Она наполовину спит, наполовину готовит консервы. На палубе в первый раз я увидел лишь двух представительниц прекрасного пола. Очевидно, у них было деловое свидание. Не стесняясь меня, проходившего мимо, одна другой (брюхатой) гневно заявила:

– Сейчас как врежу ногой в живот, тут у меня и родинка. Будешь знать как путаться с чужими мужиками.

Мужиков на судне было мало, и борьба за них шла нешуточная. Девять месяцев в море без захода в порты – это вам, как говорил один магаданец, не хухры-мухры, а мухры-хухры.

Боясь стать свидетелем необычного деторождения, я ускорил шаг и удалился от спорящих женщин. Мне было интереснее наблюдать за тем, как к плавбазе один за другим подходят рыболовецкие суда и сдают на переработку только что выловленную в океане сверкающую серебром живую продукцию.

Ещё интереснее было увидеть плавбазу и её окрестности ночью, когда зажглись огни на всех судах. Это был плавучий город, советский город у американских берегов. Я не раз гордился своей страной позднее и на других океанах, когда на встречных кораблях видел в основном красные флаги. Родина была великой морской державой. Смириться с тем, что мы потеряли, нельзя. Поэтому я, прошедший с охотниками всю планету и не убивший ни одного зверя, вдруг созрел закопать живьём в моей родной Беловежской Пуще трёх известных мерзавцев, смертельно ранивших там мою Родину.

Через 10 суток сухогруз «Целиноград» нёс нас на своих плечах к родным берегам. Ими оказалась Камчатка. Величественная и вся в снегах. А ведь мы вышли из Анкориджа месяц тому назад. Он был уже весь в зелени. Мальчишки бегали по пляжу босиком. И это при том, что по широте Анкоридж на 1000 км севернее!

Какая колоссальная разница в климате между Аляской и Камчаткой! Виноваты опять-таки течения: холодное у Камчатки и тёплое у Аляски. Как тут не вспомнить ещё раз «добрым» словом царя-батюшку, продавшего американцам этот райский уголок.

К сожалению, в Петропавловск-Камчатский мы не зашли, поэтому вынуждены были вместе с судном следовать дальше на юг – в славный город Владивосток.

Но на Камчатку мы всё-таки зашли и даже высадились, где я провёл один из лучших дней в моей жизни. Это случилось в пятидесяти километрах южнее Петропавловска-Камчатского. Чтобы запастись пресной водой, мы завернули в изумительную по красоте и названию Русскую бухту. Солнце сияло. Горы сверкали в лазурной синеве. И вся эта красота отражалась в застывшей водной глади.

Родина! Как ты прекрасна! Как ты ласково встречаешь своих сыновей! Слёзы наворачивались на глаза.

Символично: первым на берегу к нам подошёл Рыбкин, мой земляк! Он прилетел на Камчатку порыбачить. А живёт в Евпатории. Он сразу же повёл нас (научную группу) в свою избу метрах в пятидесяти от берега. По пути приподнял один из лопухов и показал пузатую, как поросёнок, рыбу. Это была чавыча – князь лососей. В ней было не меньше пятидесяти килограммов. С чавычей я встретился впервые, поэтому рассматривал с интересом. В избе Рыбкин угощал нас всевозможными блюдами из красной рыбы.

Горестно мне было узнать позднее (уже в Крыму), что Рыбкин погиб в автокатастрофе.

В Русской бухте на пляже я собрал кое-какой материал для нашего музея: губок, морских ежей и раковин всевозможных моллюсков. Даже колючего краба удалось заполучить у местных рыбаков.

Распрощавшись с приветливой Камчаткой, мы двинули дальше на юг – в таинственные владения Дерсú Узалы.

Неожиданно для меня появившееся на горизонте утопающее в зелени Приморье совсем не тронуло по сравнению с суровой красотой Камчатки. Да, моя северная болезнь была в полном разгаре. Много лет ещё она мучила меня и не давала спокойно спать даже на Южном берегу Крыма.

Следующая наша остановка была в Находке. Поразили необъятные размеры бухты. В город нас сразу не пустили. Порт был под угрозой закрытия на карантин по венерическим заболеваниям. Команда судна не унывала. День был солнечный, и на палубе появился оркестр с самыми разнообразными современными инструментами. Забавно было снимать на киноплёнку пляшущих девушек на фоне окружающих гор. Плясать пришлось до самого вечера, пока не закончилась, наконец, проверка нашего судна.

Мы подошли к берегу и бросили якорь на рейде. Вся береговая линия вспыхнула вдруг тысячами электрических фонарей. Их включили уткнувшиеся носами в берег бесчисленные корабли, пришедшие сюда со всех концов света. Они стояли вплотную друг к другу, как шпроты в консервной банке. От берега отделился рейдовый катер и стал шустро бегать между кораблями вокруг нас, стоящими, как и мы, на якоре. Дошла очередь и до нас. Мы со своим грузом перебрались с «Целинограда» на катер. Подошли к берегу. Моряки с других судов были налегке, поэтому быстро выскочили на причал и убежали. Нам же (научной группе) нужно было доставить свой груз в рыбный порт и уже там окончательно высадиться на берег. Образовалась пауза. Катер стал ждать людей с берега, чтобы доставить их на корабли, стоящие на рейде. Я любовался огнями причальной линии, уходящей до горизонта, и звёздами, появившимися вдруг на ещё светлом небосклоне. С берега в рассеянных сумерках к нам стал приближаться первый советский человек – хозяин земли русской. Он был выше среднего роста, худощав, черноволос, немного навеселе. В руке у него была бутылка красного вина, только что откупоренная. На этой же руке заметна была свежая ссадина.

– О, геологи! – весело закричал он, глядя на наши могучие бороды. – Давайте за знакомство! – предложил он, протягивая бутылку.

Сразу же почему-то выделил меня и мы разговорились. Причём заговорили о литературе и незаметно перешли на Хемингуэя. Одно время он был моим любимым писателем и я его много читал. Но каково было моё удивление, когда очень скоро этот первый советский человек, встреченный мною под звёздным небом Находки, легко заткнул меня за пояс в делах Хемингуэевых. Он читал его больше и знал лучше. Я мысленно перекинул мостик с этого простого советского моряка на американского профессора Фрэнсиса Фэя, с которым я тоже беседовал о литературе и о Хемингуэе. Сравнение оказалось в пользу советского человека.

Прошли годы. На советских людей много было набросано грязи вонючими дерьмократами. Но я и сейчас убеждён, что советские люди были самыми начитанными и самыми благородными в мире.

Из Находки мы отправились во Владивосток. Этот город всегда манил к себе, как магнит. Порт пяти океанов! Что может быть романтичнее?!

Хотелось попасть заодно и в Уссурийскую тайгу, но нас не пустили из-за клещевого энцефалита. Я, как паразитолог, был о нём наслышан, поэтому с пониманием отнёсся к запрету, но всё равно очень хотелось попасть в тайгу. Взамен нам предложили озеро Ханка на китайской границе. Мы попали на остров, на котором охотились маршалы. Перед нами там побывал Гречко.

Подступы к озеру не понравились. Бесплодные кочковатые просторы. Зато само озеро – прелесть. Запомнилось предзакатное небо. Всё в огне. И в нём несметные количества возвращающихся на остров после кормёжки к своим гнёздам цапель, разных: белых, серых, рыжих. Мы, замаскировавшись в кустах, снимали на киноплёнку кормление малышей. А малыши эти,

оказывается, и по виду, и по поведению разные. В течение нескольких дней я наблюдал за двумя гнёздами: серой и белой цапель.

Вдоль границы время от времени на низкой высоте с оглушительным рёвом проносились эскадрильи наших истребителей. После острова Даманского нужно было показать, кто в доме хозяин. Болото, на котором мы сидели, во время пролёта самолётов дрожало. Взрослые птицы взлетали в воздух. А малыши вели себя по-разному. Детёныши серой цапли затаивались, сливаясь по окраске с гнездом. А детёныши белой цапли светлые, как и родители, не затаивались. Если ты белый на сером фоне, то всё равно: затаивайся или не затаивайся – тебя видно. Поэтому нет смысла затаиваться.

В течение дня птенцы разных птиц тоже вели себя по-разному. Серых малышей было двое. Вели себя дружелюбно. Согревали друг друга. В гнезде белой цапли птенцов было четыре: 2 крупных, один средний и один заморыш. Крупные вели себя порядочно, ни на что не обращая внимания. Малыш жалко поглядывал в небо: скоро ли прилетят родители. А средний птенец вёл себя просто подло. Он бесцеремонно ходил по гнезду и тоже поглядывал в небо. Но каждый раз, приблизившись к малышу, он бил его клювом по голове (что называется «и всё по темечку, и всё без промаха»). Бедный малыш засовывал голову в ветки гнезда. Тогда средний братец начинал безжалостно долбить малыша в спину. Крылышки жертвы трепетали от боли, как крылышки бабочки. Средний братец настолько меня возмутил своим поведением, что я хотел демаскироваться и выбросить его из гнезда. Но мысль, что нельзя вмешиваться в дела природы, остановила меня. А кончилось всё печально: средний братец перестал избивать малыша, поддел его плечом и стал подталкивать к краю гнезда. Всплеск воды внизу возвестил о кончине ещё одной несчастной жизни. «Всё, как у людей», – с горечью подумал я.

Позднее перестройка в её безобразнейших проявлениях со всей очевидностью показала, что человек от зверя произошёл, зверем и остался. И никакому богу не пришлось трудиться над созданием «венца природы». Если бы божественные силы действительно были, они сделали бы человека добрее и порядочнее.

Первая моя советско-американская экспедиция завершилась. Начинались бесконечные будни труда: иногда упоительного, иногда изнурительного.

Так как подзаголовок моей книжки называется «Моё обретение планеты», я буду делать упор главным образом на физическое обретение, то есть на экспедиции. Однако надо иметь в виду, что параллельно шло «обретение» и с помощью научных публикаций, а также научных форумов различных категорий. Результат их был весьма ощутимым.

Вернувшись из экспедиции 1976 года, я первым делом занялся обработкой собранного материала и написанием отчёта в Магадан. Параллельно на полную катушку пришлось включиться в учебный процесс на всех трёх формах обучения: дневной, вечерней и заочной. Особенно изматывало вечернее отделение. Я заметил, что первые 10 лет, пока сам был молодым

и вокруг постоянно были молодые девушки, переутомления не чувствовалось. Но потом стал уставать. Основная нагрузка (из-за идиотского планирования деканата) падала на первый, то есть осенний семестр. 400 часов по вечерам при полной загрузке в дневное время. И так 18 лет. В последние годы каждый раз в декабре искренне думал: «Дотяну до Нового года или подохну?» Поэтому был счастлив, когда вечернее отделение, в конце концов, закрылось. Против самого отделения я ничего не имел. И сейчас считаю, что оно лучше заочного. Как острил один знакомый (комендант главного корпуса), заочно учиться – это то же самое, что заочно пообедать. А ещё он образно называл заочные сессии татаро-монгольским нашествием: люди заскакивали два раза в году на пару недель в университет и старались ухватить всё, что на дневном отделении изучалось 10 полнокровных месяцев. Это, конечно, была пародия на образование. Вечернее отделение выглядело лучше: четырёхчасовые занятия четыре раза в неделю в течение года. Это уже кое-что. Можно было бы его и не закрывать, если бы на нём работали преподаватели только вечерней смены, а не корячились бы люди с нагрузкой с восьми часов утра и до десяти вечера. Что касается нашей кафедры, то такая ситуация декану В.В.Трещёву очень нравилась. Он обожал перегрузки у товарищей. Постоянно нам говорил:

– Пока я кручусь в деканате, вы все позащищаетесь.

Ему этого очень не хотелось, поэтому постоянно старался ставить нам палки в колёса. Удивительный был человек: обожал власть и деньги и в то же время подавлял подчинённых, чтобы никто из них не дай бог не превзошёл его в каком-нибудь направлении. В конце концов не справился с жизненными коллизиями и утонул в водке. «Жил грешно и умер смешно»: запретил кафедре увидеть его в гробу. А мы ему искренне сочувствовали. Я всё-таки разыскал его могилу, и каждый год от кафедры мы приносили ему цветы.

Но вернёмся в 1976 год. В водах Аляски я отпустил бороду. Это делал и раньше на Севере, но каждый раз перед возвращением домой сбрасывал. Стеснялся. А тут решил не сбривать и показать дома, как мы ходим на краю земли. Вся моя семья (жена и две дочки), бросившись обнимать при встрече, в один голос закричали:

– Не сбривай! Тебе так лучше!

Я подчинился. Но в университете отнеслись иначе. Ректор Александр Фёдорович Переход при чудесном прежнем ко мне отношении сразу не узнал, а узнав, отказался подать руку:

– Не дам, пока не сбреешь!

– Света не разрешила сбривать, – оправдывался я.

– А? Света? Ну, тогда носи.

Попытались обрить меня и в парткоме. Не поддался. Странное дело: Партия пыталась контролировать каждый волосок на своих членах, а в 1991 году сама рухнула, как карточный домик, без единого выстрела в свою защиту. Парадокс? Конечно, парадокс! Такую партию я перестал уважать.

Билет не выбросил, но и не стал больше вступать ни в какие партии и другие субстанции.

Итак, лохматый и бородатый я принялся за работу. Потом пошла наука. Никаких отпусков! За период между первой (1976) и второй (1981) советско-американскими научными экспедициями опубликовал 18 работ, причём в центральных журналах: «Паразитология», «Экология», «Зоологический журнал», «Природа», в сборниках всесоюзных конференций, симпозиумов, съездов.

Были и лирические отступления, особенно в 1977 году. В феврале во второй раз укатил в МГУ на повышение квалификации. Повышался самым серьёзным образом. Особенно любил лекции Константина Владимировича Беклемишева – сына знаменитого академика Владимира Николаевича Беклемишева. Интересно было узнать, что всемирно прославленный академик в детские годы учился в гимназии в моём родном областном центре – городе Гродно. Оказывается, его (академика) отец работал тогда на должности что-то вроде главного ветврача Гродненской губернии. Мир тесен.

Памятным событием явился приезд ко мне в Москву моего семейства. Я подарил им прелестного беленького щеночка фокстерьера. Назвали мы его Айка. Многие годы эта собака радовала нас.

Летом 1977 года к своим дочкам Вете и Наташе я присоединил ещё двух племянников из города Жодино – Игоря и Сашу – и повёз их всех в Брестскую крепость и Беловежскую Пущу. Незабываемые были дни. Счастливое детство!

Из той поездки в Белоруссию навсегда остались в памяти три случая, характеризующие моих земляков как честных и порядочных людей.

Первый раз они меня приятно удивили в ГУМе на главном проспекте Минска. Тогда он носил имя Ленина. В одном из отделов на верхнем этаже я купил какую-то мелочёвку и беззаботно перешёл в другой отдел. И каково было моё удивление, когда из первого отдела подошла ко мне девушка и ласково сказала:

– Вы забыли взять сдачу.

Второй раз удивил водитель огромного грузового лайнера, везшего в кузове в Брест железные прутья. Он подобрал нас на дороге, спрятал в большой кабине за собой от инспекции, провёз около ста километров до города и подкатил к центральной гостинице «Беларусь». Сам пошёл узнать, есть ли места и, узнав, что их нет, повёз нас в другую гостиницу, которая называлась «Интурист». Там мы устроились прекрасно! Водитель наотрез отказался от оплаты за услугу, заявив:

– В дороге всякое бывает. Люди должны помогать друг другу. И я могу оказаться в подобной ситуации.

Третий случай, поразивший меня, произошёл в упомянутой выше гостинице «Беларусь». Во время вчерашнего подъезда к ней я увидел объявление, что завтра для жителей гостиницы будет организована экскурсия в Беловежскую Пущу. Мне очень хотелось свозить туда свою детвору. Пронувшись рано в «Интуристе», я помчался в «Беларусь» с надеждой при-

строиться к экскурсии. Организовала её молодая девушка, и я обратился к ней за помощью. Она как-то неопределённо сказала, что нужно обождать. Испорченный югом, слышавший на каждом шагу, что «за всё надо платить», я через некоторое время снова обратился к девушке:

– Я Вас отблагодарю – возьмите только...

Девушка неожиданно для меня искренне рассердилась:

– Это Вам не юг! Будете предлагать деньги, вообще не поедете!

Оказывается, её неопределённость объяснялась неясностью на счёт свободных мест. В итоге она посадила всех нас пятерых в автобус и отправила бесплатно на целый день в Беловежскую Пущу. Это ли не чудо?! Ай да земляки! Всю планету прошёл и ни разу не услышал отрицательного отзыва о белорусах. Не скрою, это приятно. Хотя сам я земляков, как и себя, не идеализирую. Люди как люди. Возможно, другим нациям виднее. Может, они видят наш главный внутренний принцип: «Всё лучшее – гостю, а себе – что останется!»

В бесконечных трудах наступил 1981 год. Для меня он ознаменовался участием во второй советско-американской экспедиции. Душа моя пела, и 13-го января появились такие строки:

***Опять я в облаках:
до свидания, Крым!***

*Опять я в облаках,
Лёг курсом на Чукотку.
Пока, мой Крым, пока!
На север путь мой чёткий.*

*Противник я пижам
И пресно-сладкой снеди –
Лечу к своим моржам
И беленьким медведям.*

*Я – их давнишний друг,
Усядусь с ними скоро
Я за полярный круг –
Наш стол переговоров.*

*Они расскажут мне
Об их хрустальном доме,
О том, что человек
Взял Арктику в ладони.*

*И от его тепла, –
Невиданное дело, –*

*Она вдруг расцвела
И жизнью закипела.*

*Приятно будет нам
Такое их сказанье,
И улыбнусь друзьям
Я северным сияньем.*

ВТОРАЯ СОВМЕСТНАЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Подготовка к ней была намного сложнее, чем к первой. Предполагалась высадка на Аляске. А это значило, что нужно было получить разрешение по закрытым каналам на выезд за границу. В университете ведал заграникомандировками сотрудник секретной части Лев Александрович Иванов – как это часто бывает, типичный еврей с типично русской фамилией. Был он невысокого росточка, толстенький, пузатенький, с усиками на надменном лице. Выглядел всегда величаво и неприступно. Создавал впечатление, что это он вертит земную ось, а не белые медведи. Все свои анкеты о своей подноготной и даже о том, где похоронены родители, я сдал ему месяца четыре тому назад. Теперь нужно было ждать, чтобы по закрытому каналу в университет пришло разрешение некой таинственной комиссии. Времени не тратя даром, я лихорадочно выполнял свою будущую учебную нагрузку и параллельно прошёл обследование в пяти медицинских диспансерах, чтобы, в конце концов, получить справку о моей годности для работы в море. Запомнился эпизод в психбольнице. Перед самым моим носом к женщине-врачу, у которой я должен был заполучить подпись на справке, зашёл на консультацию местный стационарный настоящий псих. Я покорно стал ждать своей очереди в коридоре. Прошло двадцать минут, сорок, час, полтора, а псих не выходит. Восхищённый оперативностью врача, я решительно открыл дверь в кабинет. Видно, мой восторг её работой был так велик, так выразителен, что она меня приняла тоже за настоящего психа, только за ещё более страшного, который «гэпнулся» на кактус не просто с дуба, а с самой макушки дуба. Она поспешно вытолкала своего собеседника из кабинета и заплясала вокруг меня с таким профессиональным мастерством, что я, если бы был действительно психом, сдался бы сразу, без сопротивления. Узнав, зачем я пришёл, она мгновенно расписалась, и я сразу стал пригодным для покорения морей и океанов. Примерно такими же мытарствами сопровождалось моё прохождение всех остальных диспансеров. В конце концов медицинская справка была у меня на руках. А разрешение таинственной комиссии в спецчасть университета никак не приходило. Я попробовал попросить Л.А.Иванова позвонить и узнать что к чему, а то меня москвичи уже зовут приезжать и помогать готовить экспедицию.

– Это инстанция, куда не звонят и где не просят, – недружелюбно ответил Л.А.Иванов.

Положение казалось аховым. Я решил плюнуть на Иванова и прозондировать почву самому. Так как самым таинственным я считал Комитет государственной безопасности, туда и поплёлся. Дежурный офицер страшно удивился и спросил, кто меня сюда направил.

– Сам пришёл. Другого выхода нет, – ответил я.

Офицер побежал наверх, потом вернулся и сказал, что выездная комиссия находится не в КГБ, а в обкоме партии. Я позвонил туда и узнал, что мой вопрос решён положительно ещё два месяца тому назад. Попросив, чтобы решение быстрее направили в университет, я радостно помчался к Иванову и попросил, чтобы он, как только получит, незамедлительно отправил его в Москву, в Минрыбхоз СССР. Не дожидаясь результата, я уехал к москвичам, как они и просили. Как потом выяснилось, поступил я опрометчиво. Иванову радость моя не понравилась, и он вымотал мне все кишки, каждый день отвечая на мой звонок из Москвы, что разрешение ещё не поступило. Я ему не очень-то верил, но пришлось мириться с создавшимся положением.

Параллельно я вляпался ещё в одну «халэпу». Для большей достоверности перехожу к дневнику.

18 января 1981 года (воскресенье). В 17:56 отправились поездом в Москву. В купе – Семён Людвигович, Слава (Трещёв) и я. Хотели посадить ещё одного, пьяного вдрызг пассажира. Ленина и Мао называет фашистами. С ним нам не по пути. Отбоярились. Справедливости ради следует сказать, что назавтра протрезвел и стал совсем смирным. Вот и попробуй разобратся, верна ли поговорка: «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке».

19 января (понедельник). Вокруг зима. Леса за окном кажутся зимней сказкой. В Москву добрались поздно – в 16:14. На такси – в ВИГИС (Институт гельминтологии). Завтра начинается Всесоюзная конференция. Зарегистрировались. Рюкзак и ящик оставил я в музее у Чертковой. Семён Людвигович уехал к своему другу Сударикову, а мы со Славой поселились в «Космосе» на 11-ом этаже в номере 24. Было темно. Гостиницу не разглядел. Слава вытащил 0,8 «Сибирской». Мне совсем не до пьянки. Но смалодушничал: ладно, мол, пострадаю. Может, отношения улучшатся. Раздавили. По 0,4 на брата. Многовато.

20 января (вторник). Встал рано. Чувствую себя лучше, чем предполагал. Позвонил во ВНИРО. Попов попросил приехать. В 9:15 вышел в коридор. Полумрак. Прошёл мимо дежурной, склонившейся над телефоном. Сразу же справа – холл. Открылась дверь огромного лифта. Из него мимо меня справа в коридор повалил народ. Я увидел слева от идущих людей открытый лифт. В нём стояло несколько человек. Мне показалось, что они меня ждут. Я услужливо рванул к лифту, но страшный удар в лицо остановил меня. Очки слетели влево, и правая дужка стала продолжением стёкол. Правое стекло очков выщербилось. Это меня очень огорчило, так как запасных

очков я не взял. К тому же разбились мои любимые очки с затемнёнными стёклами. Расстроило меня и то, что левой коленкой я разбил огромное витринное стекло. Это оно меня остановило так безжалостно за то, что я его не заметил. Я бросился с извинениями к дежурной.

– А сами-то вы хоть не пострадали? – к моему удивлению, сочувственно обратилась она ко мне. Оказывается, это у них седьмой случай. Один немец разбежался и врезался в стекло так, что обе щёки попрорывало и рот забил мелкими осколками. Меня спасла зимняя шапка – русская кроличья ушанка.

Однако радоваться было рано. В это время я ощутил, как по левой ноге ниже колена весело бежит тёплая струйка. Посмотрел вниз и увидел, что брюки выше колена разрезаны и быстро краснеют от крови. Я стоял беспомощный с распластанными очками в руке.

Какой-то парень (служитель гостиницы) взял меня под руку и повёл к другому лифту, чтобы подняться на 15-й этаж в медпункт.

Брюки пришлось снять, и я удивился, как радуется кровь, вырвавшись на свободу. Тремя струями она стекала в ботинок.

Чувствовал себя я очень спокойно, и только пугала мысль, что в экспедицию могу не попасть, если мышцы сильно повреждены.

– Только зашивать! Только зашивать! – выкрикивала медсестра, пытаюсь остановить кровотечение.

Забинтовала. Я надел брюки, мокрые от крови, и в сопровождении медика отправился в номер, так как, по его словам, скорая придёт не скоро, чтобы отвезти меня в больницу и зашить раны.

Слава, увидев мою окровавленную ногу, охал и ахал и долго не мог прийти в себя.

Пришла сестра и ещё добинтовала.

Часа через полтора появилась скорая, забрала меня и отвезла в Бабушкинскую больницу. Долго там пришлось ждать в смотровой, затем – возле гипсовой, и только опять-таки часа через полтора зашили мои раны. Ещё через час дали справку и предложили больничный.

Я сразу же отправился во ВНИРО. На обратном пути разыскал ателье по ремонту одежды. Оно оказалось возле метро «Бауманская». Договорились на завтра.

Грустно сейчас (19.03.2017) думать о том, что советский доцент даже с командировочными в кармане не мог себе позволить купить новые брюки. Всю планету прошёл в рваных носках и рваных трусах. Прости меня, господи, за откровенность! Не жалуясь: когда смотришь на мир сквозь розовые очки романтики, никакие трудности не замечаешь!

Приехал в гостиницу поздно. Попросили написать объяснительную с предложением наклеить на злополучном стекле какие-нибудь картинки, чтобы люди впредь не калечились. Гениально! Без меня додуматься до этого нельзя было!

Именно такая расторопность на каждом шагу и похоронила социализм в самом «развитом» виде. А мы в него верили, на него надеялись. Царствие ему небесное!

О медицинской эпопее в гостинице «Космос» я так подробно рассказал не случайно. В скором времени на Аляске мне пришлось защищать перед потомком белогвардейцев Петром Каутским нашу доблестную советскую медицину. Я, конечно, не рассказал о том, как швы со злополучных ран пришлось снимать самому. Медсестра тыкала в них такими огромными ножницами, что подцепить ими тонкую нить никак было невозможно. Я не выдержал и приостановил экзекуцию. Помчался в номер, распаковал экспедиционный ящик, нашёл маленькие глазные ножницы и пинцет, вернулся к сестре и радостно заявил ей:

– Смотрите, как это делается!

Лёгкими движениями я подцеплял ножничками петли, перерезал их и с торжеством пинцетом вытаскивал нити из ран.

Чтобы окончательно убедить белогвардейца в высоком уровне нашей медицины, я задрал под столом левую штанину и продемонстрировал ему свои зарубцевавшиеся раны. Кажется, на него это подействовало. О перевоспитании его в других вопросах будет рассказано ниже.

21 января (среда). Утром помчался в мастерскую, чтобы договориться о штопке штанов. Потом был в Министерстве сельского хозяйства СССР на открытии сессии ВОГ (Всесоюзного общества гельминтологов). Затем, как конь, помчался по магазинам выполнять заказы родных и близких. Ведь даже туалетную бумагу или апельсины в те времена можно было купить только в Москве и то не свободно. Об одежде и обуви и говорить нечего. Всю Москву надо было перевернуть, чтобы найти что-нибудь подходящее.

К вечеру перетащил свои вещи в гостиницу из ВИГИСа.

22 января (четверг). Утром сдал костюм в мастерскую и помчался на Ленинский проспект, 33, в ГЕЛАН (Гельминтологическую лабораторию Академии Наук). Поговорил с членом-корреспондентом АН Константином Минаевичем Рыжиковым о своей докторской диссертации. Позвонил в Симферополь. Иванов сообщил, что только сегодня выписка из решения комиссии по выездам за границу направлена университетом в Минрыбхоз СССР. Это завал!..

23 января (пятница). Был во ВНИРО. Все участники экспедиции настроены пессимистически. Уверены, что не успею.

Сфотографировался на паспорт моряка. Потом – снова магазины.

24 января (суббота). Обошёл весь «Детский мир», ГУМ, ЦУМ, «Петровский пассаж», «Ткани», «Одежду», «Универмаг» возле Щёлковской и только в «Универмаге» возле Бауманской нашёл крепдешин Веточке на платье. Проклятый дефицит! Он был одним из страшнейших червей, разъедающих социализм.

25 января (воскресенье). С утра отправлял посылку домой. Часа два потерял в очереди на оклейку ящика. Подобного столпотворения ещё не видел. Жарища. Толкотня. Ругань. Одним словом – сервис!

Полтора часа простоял в очереди за апельсинами. Дали 3 кг. Не густо! У меня 6 адресов. В Крыму и Белоруссии. Напрасно мотался в Черёмушки.

26 января (понедельник). Возле Кузнецкой удалось купить 7 кг апельсинов! Потом смотался в МГУ. На обратном пути заскочил в Черёмушки. Взял 10 кг лимонов! Доволен как слон! Да! Утром купил Наташеньке куртку!

27 января (вторник). Проводил москвичей в аэропорт. Они улетели, а я? Кажется, крах...

Утром был в Минрыбхозе. Разрешение ещё не пришло... В 12:00 позвонил туда. Салтанов ответил, что выписка получена. Будет направлена в «инстанцию» (ЦК КПСС). Но ждать придётся не меньше 2-х недель. А судно уходит на Аляску через 4 дня. . .

Это завал! Это полный крах! . .

Помчался во ВНИРО. Профессор Земский сказал, что директор ВНИРО Студенецкий – в Минрыбхозе. В 15:00 будет президиум координационного совета.

Заскочил в «Фото», а затем – в Минрыбхоз. Показали Студенецкого. Объяснил ему ситуацию. Говорит, что в ЦК звонить не может, но после совещания вместе с Земским попробует прорваться к заместителю министра.

Все участники совещания ждали (причём безропотно) министра Каменцева Владимира Михайловича один час 10 минут. Явился. Маленький. Сухой. Извинился. Говорит, что ведёт тяжёлые переговоры с марокканцами.

Президиум закончился без десяти шесть. Мы со Студенецким побежали к замминистра (Лысенко). Занят.

Студенецкий ушёл вниз и, очевидно, от Евгения Александровича Скуднякова (отдел загранкадров) принёс радостную весть: завтра – в Минрыбхоз, в четверг – в ЦК, а в пятницу – на Сахалин. Ура! Я обхватил Земского так, что у него затрещали кости. Вечером купил билет на Сахалин.

28 января (среда). Большое дело – интуиция. После трёхчасовой очереди на почте по сдаче посылок направился в Минрыбхоз. Ехал, как на эшафот. Не хотелось ужасно. Предчувствовал, что что-то будет неладно. Так и случилось.

Попал на обеденный перерыв. Зашёл в столовую. Увидел там Салтанова, но сделал вид, что не заметил его. Чтобы не смутить его министерское достоинство в такой плебейской обстановке.

Пообедал. Потом зашёл в отдел загранкадров. По словам девушек из первой комнаты, обеденный перерыв уже закончился. Я шагнул во вторую комнату. Сидит Салтанов. Напыжившись, читает газету. Я скромно обратился к нему после длительного молчания. Он ответил, что сейчас перерыв. Я всё же спросил, нет ли результатов из ЦК.

– Будет известно не раньше, чем через неделю, – последовал ответ.

– Но Студенецкий сказал, что в четверг нужно уже идти на собеседование в ЦК.

– Мне об этом ничего не известно.

– Извините.

Вышел и поднялся на второй этаж, чтобы обождать Скуднякова. Сижу. Идёт Студенецкий.

- Ну, как?
- Скуднякова ещё не видел.
- Смотрите, не упустите его.

Спустился вниз. Встретил Лядова из Керчи. Сидим. Горюем. Ему не разрешают публиковать автореферат.

Увидел Скуднякова. К нему.

- Рано, рано.
- А когда можно подойти?
- Не знаю.

И помчался по лестнице вверх. Я – за ним. Он – в кабинет. Я вернулся, как побитый пёс. Дождался, пока он вернётся в свой кабинет. Захожу. Скромненько обращаюсь:

- Извините. Когда можно прийти?
- Извинить не могу. Честно говоря, вы мне уже надоели. Позвоните завтра утром.

Это – провал... Однако ничего не остаётся делать, как удалиться из кабинета.

Хотел уйти. Потом подумал, что неплохо было бы увидеть Студенецкого. Стал шастать по второму этажу и заглядывать во все кабинеты. Нигде нет... Спустился вниз и стал караулить у выхода. Часа через полтора идёт. Я – к нему.

- Да, это плохо, – соглашается. – Я сейчас к нему зайду.

Зашёл и вышел – Скуднякова нет. Взял пальто и собирается уйти. В это время по коридору идёт Скудняков.

- Вот он, – шепчу.

Студенецкий повернулся. Скудняков хотел прошмыгнуть мимо. Студенецкий схватил его за грудь и прижал к стене. Тот шипит что-то невнятное.

– Не злись! Не злись! – охлаждает Студенецкий. Скудняков видит, что не отвертеться, соглашается:

- Сегодня вечером позвоню. Завтра пусть приходит (это он обо мне. –

Прим. авт.).

Настроение улучшилось.

29 января (четверг). Вечером 27-го дал телеграмму следующего содержания: «Корсаков Сахалинской БОР ЗРС и «Звягино». Попову. Разрешение получено. Вылетаю Корсаков 30-го января. Прошу в случае необходимости задержать рейс до моего прибытия=Юрахно=».

Без четверти девять примчал в отдел заграничных Минрыбхоза СССР. Скудняков в кабинете один. «Хорошо, – думаю, – сейчас я тебя куплю с потрохами». Говорит:

- Придёте в три.

Я достаю бутылку муската южнобережного белого и ставлю на стол:

- Вот – маленький презент из Крыма.

- Я вообще-то не пью.
- Значит, супруге тогда.

Заулыбался. Спрятал бутылку в стол. Пообещал, что дело не сорвётся.

Пришёл в три. Он позвонил в ЦК. Потом нарисовал схему и стал подробно объяснять, как добраться: Никитников переулок, 5-й подъезд, комната 201, Посошков Алексей Васильевич. Прощаясь, он вскочил, вышел из-за стола и подал мне руку так подобострастно, что мне показалось, будто он падает. Поклонился в пояс. В эту минуту я ему совсем не надоел! Магическая бутылка! Как они здесь испорчены!

Вспомнился декабрь 1974 года. Тогда с тремя бутылками муската для друзей я направил свои стопы из Симферополя в Магадан. Ждали мой отчёт о результатах исследования. Во Внуково добрался благополучно. Перетащил вещи в Домодедово и тут началось. Сунулся в кассу закомпостировать билет на Магадан. Дудки! Мест нет и на ближайшие 10 дней не будет. Я в отчаянии. Не сдаюсь. Дошёл до начальника смены. Он выслушал и подтвердил приговор: мест нет и 10 дней не будет. Я в ещё большем отчаянии выпалил: «Ну, тогда сделайте отметку на билете! Я должен прервать командировку!»

– Пожалуйста, – равнодушно произнёс он и шлёпнул мне штамп на билете.

Мне захотелось завывать, зарыдать. Как же так? Ребята там ждут, а я не могу добраться. Ладно, было бы это в разгар курортного сезона... Но сейчас декабрь! Все курортники давно вернулись в Магадан. Задумался я, как мне быть и что делать и, в отличие от Манилова, не «выпустил изо рта оставшийся дым очень тонкою струёю», а придумал первый раз в жизни дать взятку! Подрулил к кассе с тыльной стороны. Несмотря на то, что кассирша оказалась не одна, а с подругой, взмолился о помощи. Кассирша отшила меня, как мне показалось, вполне решительно, не оставляя никаких надежд. Но я и тут не сдался и пристроился к уходящей кассирше. К моей величайшей радости, она заговорила очень приветливо. Попросила приехать утром и обещала снять место с брони. В знак благодарности я оторвал одну бутылку вина от своих магаданских друзей и вручил ей. Назавтра она встретила меня, как подруга детства. Представилась (Валентина Георгиевна Янковская), закомпостировала билет, дала свой домашний телефон и предложила не только мне, но и всем моим друзьям обращаться к ней.

– Я всегда имею возможность снять с брони, – сказала она на прощание.

В самолёте я насчитал 13 свободных мест. Каждое из них стоило 186 советских рублей. Вот так чиновники любили свою родную Советскую власть. Я серьёзно задумался: удастся ли нам при такой честности построить коммунизм. Впервые мне навстречу по чистейшему небосклону стали приближаться лёгкие облачка сомнения.

Ненавидя всей душой блат, я ни разу не воспользовался радушием Валентины Георгиевны, но и сегодня благодарен ей за 1974 год.

29 января 1981 года в ЦК КПСС приняли меня чудесно. А.В.Посошков спросил о целесообразности экспедиции: нужна или для птички?

– Докторскую пишете? Хорошо. Нам нужны доктора.

– Очки разби́ли? Жаль. Вы же едете в капиталистическую клоаку. Там всё дорого. С вас семь шкур сдерут, – продолжал он делиться впечатлениями.

– Бороду отпустили? А не будет ли мешать в работе?

– Так я её в водах Аляски и отпустил в 1976 году. Ничего, не мешает. Семья не разрешает сбривать, – оправдывался я.

Все остальные вопросы были так же незначительны и дружелюбны. Зато в ЦК, наверное, была поставлена птичка, что ещё один выезжающий был проверен основательно и социализм по-прежнему останется незыблемым. Не парадокс ли очередной? Система продолжала давить всех своих подчинённых, как катком, и вдруг сама через 10 лет рассыпалась вдребезги. Я не радовался её гибели, но через четверть века вижу, что в ней было много изъянов. Горбачёв оказался слишком слабоумным реформатором. Вместо того, чтобы ликвидировать эти изъяны, он разрушил всю систему до основания. В результате почти все жители огромной страны, кроме отпетых бандюг и хапуг, оказались у разбитого корыта. Через великие муки прошли сотни миллионов людей, ни в чём не повинных. Развал Союза – это величайший парадокс всех времён и народов.

После собеседования в ЦК по телефону попрощался с семьёй. Наташка плакала. В целом день оказался везучим. К вечеру в «Военторге» на Калининском проспекте купил себе в дорогу великолепный польский горнолыжный костюм!

30 января (пятница). Пасмурно. На такси – в Домодедово. Без приключений – в Хабаровск. Через полтора часа отправился в Южно-Сахалинск. На такси – в Корсаков и сразу – в БОР (база океанического рыболовства). «Звягино» – у южного причала. Мороз. В воздухе – угольная пыль. Дышать тяжело. Свой груз (57 кг) еле дотащил до судна. Оно в ужасном состоянии: грязное, вонючее, обшарпанное, ободранное. То ли дело «Загоряны» в прошлой экспедиции: новенькое, чистенькое.

Прискакал Бухтияров. Нашёл меня в каюте 235. Пахло формалином. Кто-то разбил мои банки с формалином и метиловым спиртом.

Вещи оставил на судне, а сам вернулся в Южно-Сахалинск. Снег чёрный – печное отопление. Поселился к ребятам. Захватил только Сомова. Попов и Кибальчич – в бегах. Целые сутки не спал. Завалился вздремнуть. Вечером – за встречу!

1 февраля (воскресенье). Солнечно. Чудесно. Пошли по базару – «купить кой-какого товару». Вечером забурились в «Нептун». Постарел – даже танцевать неохота.

2 февраля (понедельник). С утра – в Корсаков. Нашёл кадровика – Сергей Владимирович Крупский. Сдал документы на загранпаспорт. Получать в 17:00.

Потребовали санкнижку. О кошмар! В Минрыбхозе сказали – не нужна. Моя медсправка осталась там. О ужас!

Кинулся в рыбацкую поликлинику. Друзья мои в панике. Говорят:

– В Москве прорвался. Здесь не удастся.

Удалось! Попал на хорошего главврача. Он родом из Днепропетровска. Почти земляк. Настроился доброжелательно.

Я убеждаю его:

– Шифровка из ЦК пришла? Пришла! Без медсправки я её не получил бы? Не получил бы! Медсправка осталась в заграничных Минрыбхоза. Санитарная книжка, сказали, не нужна. Откуда мне – сухопутному человеку – знать, что нужно, а что не нужно. Тем более, что уже дважды на судах (зверобойная шхуна «Оленница» и ЗРС «Загоряны») меня включали в научную группу без санитарной книжки. Никто не говорил, что она нужна.

Как много зависит от человека! Главврач выслушал меня. Вызвал к себе всех нужных врачей и заявил:

– Я ему верю, как себе. Вот вам чистая санитарная книжка. Расписывайтесь!

Все расписались. Бывают же такие чудеса! Я выскочил с готовой санитарной книжкой!

Но приключения не закончились. Новая кошмарная неприятность – я не включён в судовую роль. Нужно выписывать дополнительную. А уже темнеет. В карантинном отделении – никого. Ушли.

Меня виды транспорта, помчались с Крупским на северный пирс. Напрасно. Вернулись в БОР. Слава богу, нашли нужных людей! В 18:30 штамп, наконец, поставили!

Выпотрошенный до основания, в темноте, на последнем буксире я добрался до ЗРС. Пограничники уже проверяли выездные документы. Воспрянув духом, как Иисус Христос, я бросился им помогать и первым получил свой паспорт моряка!

Социализм иногда был очень хорош. Часто преграды возникали, казалось бы, непреодолимые. Бьёшь в лоб, слева, справа, снова в лоб, слева, справа – результатов никаких! Полное отчаяние! Фиаско... И вдруг наносишь ещё удар, и появляется маленькая брешь. Нырнешь в неё и продолжишь бить. О боги! Железобетонная стена, наконец, становится мягкой, как масло, и ты входишь в неё кинжалом, победоносно торжествуя. Именно способность моя всегда видеть этот конечный результат помогла пройти свой жизненный путь без единого поражения. Тысячи препятствий, которые многим казались непреодолимыми, для меня были сущим пустяком.

3 февраля (вторник). В три ночи вышли из Корсакова и рванули к проливу Лаперуза в надежде проскочить в океан. Не тут-то было! С размаху залезли на молодую льдину, прогнули её, но не разломали. Уселись на льдине основательно. Целый день обкалывались. Еле сползли на воду. Рисковать больше не стали – повернули на юг к проливу Цугару (Сангарскому).

5 февраля (четверг). Пока идём на юго-запад. Потеряли уйму времени. Сообщили американцам, что будем в Анкоридже 17-го.

Всё время пробираемся сквозь льды. Единственная отрада – не качает.

Вчера получил радиogramму от Светы и дал радиogramмы ректору и Скрябину.

Первая: «Симферополь Ялтинская 4 университет ректору Апостолову. Связи зачислением штат судна прошу первого февраля прекратить начисление зарплаты=Юрахно=».

Вторая: «Симферополь Ялтинская 4 университет кафедра зоологии Скрябину. Вышли Корсакова идём Аляску=Юрахно=».

6 февраля (пятница). Цугару прошли ночью. В Тихом погода была сначала нормальная. Солнышко. Тепло. Два раза выскакивали дельфины. Потом бесконечная качка.

10 февраля (вторник). Вечером Петя Гадомский с боцманом Сашей устроили японскую баню в стиральной машине в рыбцехе. Чудесно!

11 февраля (среда). Весь день в каюте делал ручку ножа. Поздно вечером после моряков в душе решил постираться. Душно было так, что, когда вернулся в каюту, стошнило. Зато голова просветлела.

12 февраля (четверг). Чайки – предательницы. Остаются у берегов. В океане судно не сопровождают. В бесконечной водяной пустыне только дельфины иногда встречаются.

13 февраля (пятница). Идём вдоль Алеутских островов на восток. Погода мрачная. Качает сильно.

13 февраля (пятница). С датой не ошибка. Это мы вошли в Западное полушарие и снова повторились число и день.

Вечером получил приятную телеграмму от Светы о публикации в «Крымской правде» информации о нашей экспедиции. И хотя от качки поташнивало, настроение поднялось.

14 февраля (суббота). Сделал ножны. Лепил пельмени. Идём вдоль Уналашки.

15 февраля (воскресенье). На горизонте – очень красивый остров Нунимак. Два вулкана и гора поменьше посредине.

Баннный день. Весь вечер проговорили.

16 февраля (понедельник). Весь день шли к Анкориджу. Это морские ворота Аляски. Вечером справляли новоселье Попова. Пришлось нализаться до чёртиков. Зато Махно и Василий Иванович «зауважали». Расположились, как к родному брату.

17 февраля (вторник). Утром ужасно болела голова. Проглотил пятерчатку. Уснул. Проснулся в хорошем настроении. Никакой Аляски уже не хотелось, а появилось большое желание вернуться домой. Представил себя птицей. Пролетел над Россией Матушкой, над Украиной и с севера двинул на полуостров. Вот что я увидел:

С добрым утром, милый сердцу Крым!

*Уж много дней под нами – океан.
Давно уж чайки за кормой не вьются.
И захотелось мне из дальних стран
К себе на Родину вернуться.*

*За 10 тысяч вёрст от этих мест
Явились мне до боли зримо
Прекрасные, как хоровод невест,
Миндальные сады родного Крыма.*

*А вот и Чатырдаг! Привет, старик!
Ты всё по-прежнему плечами подпираешь
Лазурь небес и золото зари
И потрясений здешних ты не знаешь...*

*О, как люблю я мудрый твой покой!
Как хочется к груди твоей прижаться
И, заслоняясь от солнышка рукой,
Смотреть, как грифы над тобой кружатся...*

*Часами жадно слушать я готов
Рассказ твой тихий, мыслями богатый
О времени загадочных веков,
Проплывших над тобой когда-то...*

*Ну что ж, старик! К тебе ещё вернусь,
И мы ещё не раз поспорим
О том, какой была когда-то Русь,
О том, какую станет вскоре.*

*Я вижу дальше Ялту пред собой:
Дохнуло с моря утренней прохладой.
Красавица! Сравнится ль кто с тобой?
А мне тебя и сравнивать не надо!*

*Жемчужиной горишь на берегу!
Средь лучших мест Земли неповторима!
Тебя всегда я в сердце берегу,
Как светлое видение любимой!*

*Смотрю налево: в розовой дали
Алеет парус Александра Грина!
Волшебный уголок Земли,
Мечту и явь собравший воедино!*

*Вдруг слышу справа звуки серебра!
Лишь избранный сей музыки достоин!
То Севастополь выбирает якоря –
Великий труженик! Великий воин!*

*Что ж, с добрым утром, милый сердцу Крым!
Земля богов! Земля свершений!
Пусть навсегда тебя хранит
От всех печалей Добрый Гений!*

Крым Крымом, а на Аляску надо высаживаться. Часа в три к нам на борт поднялся американский лоцман. Отвёл на якорную стоянку. В восемь должен сесть другой лоцман и вести нас в Анкоридж. Бухта Угольная – вся в огнях. Бегут машины по дороге.

23:30. Полным ходом идём в Анкоридж.

18 февраля (среда). Залив Кука забит тяжелейшими льдами. С большим трудом к часу дня пробились в порт. Часа полтора швартовались. С палубы видны фигурки американцев. Впервые к ним за последние двадцать лет подошёл советский пароход с гордо реющим красным флагом. Количество людей на причале увеличивается. Большинство в форменной одежде. И вот на берег спущен трап. По нему ринулись вверх многочисленные сотрудники береговой охраны, таможни, карантинной службы. Они заполнили всё судно, заглядывая в каюты и другие помещения, прослушивая аппаратами каждый квадратный метр стенок, переборок, бортов. Не найдя ничего предосудительного, официальные лица покидают пароход. И начинается паломничество простых американцев. Их удивляют размеры зверобоя, его оснащённость.

Вечером появилась американская часть научной группы. Повезли в город. Долго о чём-то совещались, потом разделились. Джон Бёрнс подошёл к нам, а Фрэнсис Фэй с другими удалился якобы кушать. Мы подумали, что они ушли накрывать нам стол. Как потом выяснилось, дудки! У американцев свои порядки. Русским гостеприимством там и не пахнет. Увидели они, что нас 8 человек высадило (5 человек научной группы, капитан, переводчик и врач), и совсем скисли. Джон очень долго водил нас по городу, даже в порнографический магазин завёл. Пока мы пялились на особенно грешные части человеческого тела, он стоял сзади и повторял:

– Это плохо. Это очень плохо.

Помню, меня зло взяло и я подумал: «Какого чёрта привёл нас сюда, если это плохо, очень плохо!»

Джон завёл нас, совсем обессиленных от усталости, в фойе какой-то гостиницы, и мы с радостью плюхнулись в мягкие кресла. А Фэй всё нет и нет. «Как долго они накрывают стол», – с досадой подумал я. Уже спать хочется. Вон капитан не выдержал и уже храпит сидя.

Часов в двенадцать ночи появились долгожданные беглецы. Как ни в чём не бывало они весело закричали:

– Ну что? По домам? До завтра?

Мы сели в машины и поехали в порт, кипя от злости: «Проклятые буржуи! Пожалели несколько долларов на пиво!» Не знали мы, что девиз американца: «Моя свобода – это моё имущество. Не трогайте моё имущество – иначе

вы нарушите мою свободу!» Так что с долларами они расстаются не так легко, как мы со своими рублями.

Назавтра (то есть 19-го февраля) состоялся приём американцев на нашем судне. Стол был накрыт изумительно. «Столичная» в экспортном исполнении лилась рекой. Тосты звучали один красивее другого. «Какое чудо – социализм! – думали мы. – Ничего не жалко! Пейте! Ешьте – на здоровье!» И американцы пили и ели.

К концу пиршества ко мне подошёл Попов (старший научной группы) и шепнул на ухо:

– Тут один американец ведёт нехорошие разговоры среди команды. Надо его нейтрализовать. Возьми его на себя.

И он привёл этого американца.

– Пётр Каутский, – представился пришелец. – У меня отец – чех, а мать – русская. Когда русские слышат мою фамилию, шарахаются от меня, как чёрт от ладана.

Пётр показался мне очень неприятным человеком.

– В прошлом году был в Чехословакии. Какая там нищета! – продолжал он разговор.

«Хорошо, что ты у нас не побывал», – подумал я. О Чехословакии советские люди отзывались восторженно, а ему – «нищета».

– Вы у них в рабстве, – заявил он, подняв вдруг взгляд на стенку перед нами. На ней висели портреты всех членов политбюро.

– В каком я рабстве! – искренне возмутился я. – Я – крестьянский сын. Отстаиваю здесь интересы могучего государства, и я – в рабстве?

Он вроде бы согласился, но продолжал неприятно:

– У вас заточенными монетами карманы вырезают на улицах.

– Враньё! Я не только не видел этого, но и не слышал об этом!

– У вас влюблённым в парк нельзя зайти: парня избивают, девушку насилуют.

– Опять враньё! Я недавно читал книгу одного американского еврея о Москве. Он жил в ней 4 года и восхищается её безопасностью. По ночам можно свободно бродить, где захочешь. И я могу это подтвердить. Дважды по четыре месяца жил в Москве, когда проходил повышение квалификации в МГУ. Случалось, в гостях задерживался и не успевал до закрытия метро (в час ночи) вернуться домой. Добирался пешком по пустынному городу – и никаких никогда приключений. Полная безопасность!

Вроде опять согласился, но продолжал изливать негатив:

– У вас нет свободы. Вот американская свобода – это да!

Под влиянием выпитой водки я потерял контроль и, разозлившись, выпалил:

– На чёрта мне такая свобода! Кеннеди убили! Мартина Лютера Кинга убили!

Потом он начал чехвостить нашу медицину. Я не выдержал и задрал штанину на левой ноге, недавно покаленной в московском «Космосе».

Но об этом я уже рассказывал выше.

Пётр встал и неожиданно попросил мой домашний адрес, обещая написать. Я опешил. Не хотелось показаться трусом, запуганным членами политбюро, и продиктовал ему свой адрес, о чём сразу же пожалел, опасаясь будущих провокаций. Мои опасения к ночи разрослись до катастрофических размеров, но сначала о событиях, которые к этому привели.

Наш превосходный приём американцев на судне не мог остаться безответным, и подвыпившие американцы пригласили нас на берег. Продолжить пир решили у Дана Колкинза, который жил в пяти милях от города. По дороге купили пиццу (я её впервые увидел) и пиво, так что американцам встреча обошлась во много раз дешевле, тем более, что было уже 7 вечера и желудки были наполнены на корабле.

Дом Колкинза произвёл хорошее впечатление. Много комнат. Два туалета. На полу везде палас. Л.А.Попов (наш начальник) уже бывал в Штатах. Сносно владел английским, поэтому, будучи человеком нагловатым, решил показать, что он – больше американец, чем сами американцы. Он схватил банку пива, бухнулся на пол и расслабленно раскинул руки и ноги в стороны, приглашая всех последовать его примеру и получать настоящий кайф. Все так и сделали. И только я, почувствовав, что унижительно быть маленькой обезьянкой, скромно уселся в кресле. Пили пиво и много шутили. Нагловатый Попов был в ударе. Я искренне жалел, что не владею английским.

Когда мы вернулись на судно, команда гудела, как пчелиный рой, обсуждая Петра Каутского. «Это враг! Страшный и коварный враг!» – звучал общий лейтмотив.

«А я ведь дал ему свой адрес, – ужаснулся я. – Ну, теперь беды не миновать». Ночью не смог заснуть. Утром – ещё хуже: разболелось сердце. Впервые в жизни! Всё – я пропал! Провокация вот-вот обрушится на меня... На судне появились польские студенты. Начальство попросило провести с ними экскурсию. К чёрту поляков! Вчера, когда наша команда шла в город пешком, её обогнала на большой скорости машина. Из неё через открытые окна высунулись поляки и, махая кулаками, кричали:

– Ра́шэн швайн! Вон из Польши!

«Враги. Вокруг одни враги», – наивно думал я.

20 февраля (пятница). Несмотря на ужасное состояние, вместе с Сашей Сомовым и в сопровождении Барбары (жены Фэя), а также Жаннет (жены Колкинза) после обеда отправился в город по магазинам.

Интересно первое впечатление об иностранной валюте. Я впервые получил её у капитана и хорошо помню, как она жгла мне руки. Хотелось побыстрее от неё избавиться, будто это были не американские доллары, а ядовитая змея. Первое, что я решил купить, – это красивые джинсы для своей любимой доченьки Веточки. Ей семнадцать лет и, конечно, будет приятно в них щеголять среди своих сверстников. На прилавке красивых не было. Продавщица предложила такие, что и мне в моём возрасте не хотелось бы их носить. Простые. Рабочие. Без всяких украшений.

– Мне для девушки. Что-нибудь получше, – попросил я.

– С птичкой? – спросила продавщица.

– Ладно. Покажите с птичкой.

Она вынесла из подсобки довольно приличные тёмно-синие джинсы, но из украшений на них слева впереди была только маленькая птичка, вышитая жёлтыми нитками. И никакого металла. Я разочарованно вздохнул, но валюта по-прежнему жгла мою руку, и я поспешно согласился. И тут снова наступило разочарование: продавщица за джинсы забрала всю мою валюту. «А подарок младшей дочери – Наташеньке? А любимой жёнушке? За что я куплю?» И тут мне почти повезло, но всё испортил Сашка Сомов. Он был намного моложе меня и, видно, провокаций боялся ещё больше. Партия надёжно позаботилась о том, чтобы мы самовольно ни в какие контакты с проклятыми капиталистами не вступали. А тут назрел как раз такой случай. Весьма интеллигентного вида американец с широким улыбающимся лицом – продавец из соседнего отдела, вдруг быстро подошёл ко мне и попросил:

– Продайте мне свою шапку.

«Ну, вот. Провокация начинается», – подумал я, соображая, что же ему ответить.

– 40 долларов! – объявил американец.

Я колебался. Шапка плёвая. Кроличья. Чёрного цвета. К тому же б/у – прошла вместе со мной всю Чукотку. Можно и продать. Тогда вторая дочка и жена тоже получают подарки. А с другой стороны, если кто-то кáпнет в нужные органы, визы за границу мне больше не видать. Риск неоправданный. Есть над чем подумать...

Но перепуганный в усмерть Сашка не позволил мне думать дальше. Он схватил меня за руку и потащил прочь от американца, без конца повторяя:

– Пошли! Пошли! Пошли!

– 50 долларов! – прокричал вслед нам американец, не понимая причины нашего отступления.

Зато Барбара всё поняла. Я оглянулся и увидел, как её приятное доселе лицо исказилось от саркастической гримасы.

– О! Комиссар-р-р! – картавя произнесла она, направив свой указательный перст правой руки на Сашку.

Мы поспешно удалились. Так бесславно закончилась, не начавшись, моя первая торговая сделка с капиталистами. Иначе и быть не могло, ведь до перестройки я был рафинированным коммунистом. От морального кодекса – ни шагу!

21 февраля (суббота). В 7 утра мы покинули Анкоридж. Залив Кука прошли гораздо легче, чем в первый раз.

После чая обсудили совместную программу.

22 февраля (воскресенье). Весь день качало. Особенно к вечеру. Настроение – швах. Передавали открытие съезда. Что-то в днях я запутался.

23 февраля (понедельник). Качало. Отлёживались.

24 февраля (вторник). Подготовил место в рыбцехе. Сделал резиновые прокладки в баночки. Зарядил плёнки в катушки. Собрал инструментарий для вскрытий.

Вечером вошли в лёд.

25 февраля (среда). Без пяти семь утра. Добыли первых 12 моржей. Весь день (до 10-ти вечера) лихорадочно заготавливал внутренности. Они тяжёлые. До 70 кг. Еле помещаются в огромную алюминиевую выварку. Я хватаю её на пуп – и по скользкому трапу в рыбцех, в бочки. Особенно мешает горячий воздух. Очки запотевают. Не видно ни зги. Приходится снимать. За день устал.

26 февраля (четверг). Весь день до двенадцати ночи вскрывал. Устал, как чёрт.

27 февраля (пятница). Весь день до ужина (20 часов) фиксировал (консервировал) материал. Особенно тяжело отмывать трематод из желчных пузырей.

С утра сильно болела голова. Вышли на кромку. Состояние ещё более муторное.

Повернули на прежнее место. Метель. Мрак.

28 февраля (суббота). В половине седьмого двинули сквозь лёд. Сплошные толчки и тряска, как на тарантасе. Не сплю с половины пятого. Шлифовал «концерт дельфинов». Появился сюжет «В Арктике». Что-то в роде:

*Звенит над нами свод холодный.
Багрец застыл на лоне вод.
По льду бредёт медведь голодный,
Узрев открытый к чаю мёд.*

Сделал фото по патологии.

Отмечали день рождения Боба Нэльсона (одного из трёх американцев первой партии). Два других американца – это Гай (датского происхождения приветливый красавчик с умеренных размеров буровато-коричневатой бородой) и очень лояльно настроенный к русским алеут Алекс. Когда мы выпили, Алекс сказал мне вполне серьёзно:

– Когда вы придёте, я буду вам помогать.

Что он имел в виду, осталось для меня загадкой. Я знал, конечно, что алеуты добрым словом вспоминают русских колонистов. Не обижали. Помогали. Просвещали. Это было государственной политикой. Поэтому многие алеуты до сих пор сохранили русские имена и фамилии.

1 марта (воскресенье). Проснулся в 6 утра. Настроение хорошее. За час набросал канву «В Арктике» (5 куплетов).

Утро чудесное. Солнечное. Льдины розовые. Стрелки пошли на охоту.

Я вскрыл двух зверей. Зафиксировал. Потом весь день заготавливал внутренности на завтра. С палубы перетащил в рыбцех органы от 15-ти животных. Устал, как чёрт. Все мышцы спины и рук болят. Попил чаю и лёг. Часок поспал, а после ужина вскрыл четырёх зверей. Уже 12 ночи. Судно куда-то пошлёпало. Странно.

Да, прошлой ночью плохой сон приснился. Будто поругался со Светой, а дети – за меня.

2 марта (понедельник). Проснулся в шесть. Наклёвывается сюжет «Чайки».

Утро солнечное. Сходил на боте заснять охоту. Неудачно. Моржи ушли. Но снял кое-что.

На палубе заготавливал внутренности. По-прежнему солнечно, приятно. Команда вдруг дружно побежала обедать. Я задержался. Рядом лежит морж. Могучий, красивый самец, но с прорезанным загривком. Проходит мимо мастер добычи Петя Гадомский. Я размечтался вслух:

– Эх, такого моржа к нам бы в музей...

– Миша, сделаем! – неожиданно сказал Пётр. И сделали! После обеда добыли небольшую (800 кг) самку. Загривок не прорезали, а стропом обхватили туловище и аккуратно подняли на палубу. Вечером, когда палуба освободилась, в свете фонарей двумя лебёдками Петя, его друг и я начали снимать шкуру. Напросился помогать и американец, но разыгралась пурга, и он убежал. А русского человека ничто не остановит, если он вышел на цель, причём цель на сей раз была и заманчивой, и привлекательной – два литра спирта за работу! Это при том, что на судне ни у кого больше, кроме меня, спиртного не было ни капли.

Работа закипела подобно извергающемуся вулкану. Петин друг, невидимый в ночном небе, управлял лебёдкой, а Петя внизу яростно махал ножом. Все его одёжки поползли вверх до самых лопаток. По обнажённой спине сёк колючий морозный снег. Но Петя не чувствовал его. Я украдкой наблюдал за Петром и думал словами Роберта Рождественского: «Какое же ты чудо, человек!»

Очередной парадокс. То, что большому начальству кажется невозможным, простому человеку видится сущим пустяком. Объясню в чём дело.

Желание привезти моржа в музей возникло у меня в одном из львовских музеев у скелета стеллеровой коровы. Я знал, что это животное – огромное и добродушное, сохранившееся из дремучих веков только у Командорских островов, – было полностью уничтожено нашими землепроходцами через 27 лет после открытия, то есть к 1768 году. Никто его больше не видел. И вдруг скелет во Львове?! Я, конечно, поинтересовался, как это случилось. Оказалось, что один польский учёный (фамилию его я, к сожалению, забыл) за революционную деятельность царским правительством был сослан на Камчатку. Там он увидел много костей стеллеровой коровы, выброшенных на берег морем. Когда он вернулся во Львов, этот город был уже в составе Польши. Учёный и здесь проявил себя как революционер. Он написал письмо камчадалам, с которыми у него установились дружеские отношения, чтобы они прислали ему кости стеллеровой коровы. Щедрые камчадалы прислали ему столько костей, что учёный смонтировал из них два скелета: один – для львовского музея, другой – для Киевского института зоологии. Я и подумал: «Чёрт побери! Этот человек заполучил такой прекрасный экспонат, находясь в другом государстве, а я в родном государстве до сих пор не привёз в свой музей моржа, с которым судьба меня уже много раз сводила. Костью лягу, а привезу!»

Как раз собирался в очередную советско-американскую экспедицию. Но легко сказка сказывается, да трудно дело делается. Первый удар «под дых» я получил от специалиста по моржам своего друга Виталия Гольцева, который к моему возвращению из Львова в Симферополь прилетел ко мне в гости из Магадана.

– Доставить моржа самолётом? Нет, думаю, что тебе это не удастся, – задумчиво сказал он.

Крылья мои опустились, но надежды я не терял. Когда советские участники экспедиции на Сахалине начали верстать программу, я предложил:

– Надо включить чучело моржа.

Начальник Л.А.Попов вскинул голову и раздражённо спросил:

– Какой дурак это придумал? Надеюсь, не Скрябин?

– Ректор попросил, – робко сообщил я, решив затею свалить на него, зная, что ответ будет правдоподобным, так как начальство редко бывает умным и может попросить что угодно. Не признаваться же мне, в конце концов, в том, что я дурак. Ум между людьми распределён справедливее всего: никто не жалуется на недостаток его.

– Это невозможно! – отрезал начальник Попов. По моим крыльям снизу полосонули ножом, и они совсем опустились. Но я не сдался окончательно. Видно, уже тогда внутри меня зарождался мой старческий девиз: «Любое поражение превращай в победу!»

Итак, Петя Гадомский доказал, что невозможное возможно! В знак благодарности его имя я указал на этикетке нашей моржихи. Она заняла достойное место в нашем музее и иногда производит прямо фурор. Запомнился случай, когда я проводил экскурсию с ректорами украинских и некоторых русских вузов. Дойдя до витрины с моржихой, я нажал кнопку на дистанционке, и моржиха зарычала на уставившихся на неё посетителей, защищая лежащего рядом детёныша.

– Это натуральный экспонат? – недоверчиво спросил ректор Белгородского университета.

– Конечно! Сам доставил с Аляски.

– Это невероятно! – воскликнул он.

Стоящий у меня за спиной ректор нашего университета, более умный, чем его предшественник, развернулся к глазеющим и торжественно прокричал:

– Вы слышали? Это невероятно!

Так что иногда стоит поуродоваться, чтобы сделать доброе дело. С этим я сталкивался в своей жизни не раз.

К двенадцати ночи нам удалось снять шкуру, и мы бросили её в тузлук на засолку. Я ликовал. День оказался великолепным.

3 марта (вторник). Проснулся в шесть. Чуть-чуть подшлифовал «Арктику». Надо вставать. Материал от 15-ти зверей не зафиксирован, да и со шкурой работы много. Пахал до упаду.

4–10 марта. Вскрывал, вскрывал и вскрывал. Уже 60 моржей «в торбе».

11-го высадились на лёд. Неудачно. После обеда пошли на боте. Моржей всё-таки заснял.

12-го запуржило. Ходили галсами. Не видели ни одного моржа. Стало известно, что 18-го идём в Датч-Харбор – менять американцев. Потом – в нашу зону. Хоть бы заснять ещё моржей. Сегодня ветер 14 метров в секунду. Не получится.

В последующие дни кое-что заснял.

18 марта. Заходим в Датч-Харбор. Погода прекрасная. Американцы гоняют на мотоциклах и велосипедах. Вечером были в баре и ресторане. Запомнились морские гребешки.

19 марта. Погода испортилась. Снова высадились на берег. Бродили по магазинам. Загнал шапку за 15 долларов. Зато семью не оставил без подарков. Подходил к русской церкви. Больше заснять почти ничего не удалось.

Еле вернулись на пароход. На маленьком катерке заливало страшно.

20 марта. Взяли на борт Фэя, Эстэса, Дана Колкинза, Антонэлиса (очень приятного американца греческого происхождения) и загадочную девушку, которая запомнилась лишь тем, что распространяла среди нас – отъявленных безбожников – библию на русском языке. Не знала, что нас гораздо больше интересовали порнографические журналы, чем эти древнееврейские коварные сказочки, направленные на запудривание мозгов других наций. Сашка Сомов сразу же швырнул свой экземпляр в иллюминатор. Я свой оставил до конца рейса, доказывая прежде всего самому себе, что я никого не боюсь. Не прочитав ни строчки, списываясь с парохода, я хотел повторить Сашкин подвиг – тоже швырнуть свой экземпляр в иллюминатор, чтобы на таможне не было проблемы из-за такой ерунды. Сашка увидел и выхватил библию из моих рук. Он не списывался с парохода. Уходил вместе с ним во льды в чисто промысловом варианте. Как он поступил потом с врагом язычества, сие мне не известно. И не интересно.

А сегодня мы отмечали мой день рождения до трёх ночи.

21 марта. У острова Святого Матвея добыли четырёх лахтаков и крылатку. Двух вскрыл, остальные – назавтра. Сотрудничаем с Бадом и Антонэлисом. Они – по питанию. Вначале не могли договориться даже с помощью переводчика. Потом всё пошло как по маслу.

22 марта. Вчера вскрывал до полуночи. Утром чувствовал себя неважно. Вечером свалился и заснул. Снились какие-то кошмары. Кричал во сне.

23 марта. Весь день идём во льдах к нашим берегам. Зверя нет. Занялся посудой. Подготовил растворы.

Почему-то всё время снится, что со Светой ругаюсь. К чему бы это?

24 марта. У японских супертраулеров навалились на сивучей. Заготовил 15. Люкс! А погода отвратительная. Мрак. Сильный ветер. Холодно.

* * *

Далее пошла беспросветная работа (и днём и ночью), и не было больше сил вести дневник. Осталось в памяти, как жадно американцы фотографи-

ровали наши берега в Карагйском заливе. Точно так, как мы Аляску в своё время. У каждого своя романтика. Запретный плод всегда сладок.

Запомнилось, как на воду между льдинами с нашего самолёта – ледового разведчика – падало вино в целлофановых пакетах. Это нас приветствовали наши магаданские друзья – Федосеев и Гольцев. Романтично и симпатично.

В этих водах я вскрыл много сивучей и моржей – самцов (на краю ареала). Материал получился интересный.

А сивуч помог даже пережить величайшую трагедию в моей жизни, которая ждала меня на кафедре.

Американцев мы высадили в Датч-Харборе, а сами рванули в Петропавловск-Камчатский. «Наконец-то я увижу неприступную красавицу!» – думал я о Камчатке, но, увы, опять остался с носом. Она мне не покорилась.

Сначала всё шло хорошо. Пограничники встретили чудесно. Даже забыли поставить штамп в моём паспорте моряка, свидетельствующий о том, что я вернулся в Союз, и я ещё 5 лет числился за границей, пока не споткнулся в Корсакове при выезде в Антарктику.

Парадоксы! Сплошные парадоксы!

После пограничников я радостно раскрыл все свои скромные бабежи перед таможенниками, буквально приглашая их покопаться в моих вещах. Но они отмахнулись от меня, как от назойливой мухи, проталкивая мои сумки вперёд. Они знали по доносу, кого надо трясти, и с пристрастием навалились на москвичей. Я же был чист, как стёклышко. Такие неинтересны для таможенников.

В Петропавловске после блатного звонка Л.А.Попова каким-то своим знакомым нас поселили в обкомовской гостинице. Трёхкомнатный люкс! В ванной комнате танцевать можно. Однако я не намерен был долго задерживаться даже в такой роскоши. Хотелось побыстрее посмотреть город. Познакомиться с вулканами. Это была моя многолетняя мечта.

Но снова вокруг меня заплясали парадоксы. Вместо вулканов начальник Попов отправил меня в магазин за водкой. Сначала я не очень расстроился. Весь город в густом тумане. Ничего не видно. Можно и не торопиться. А пригубить за возвращение на Родину – не так уж и плохо. Вулканы подождут.

Но они не подождали. Три дня мы не вставали из-за стола. Попов пил и пел. И не отпускал меня никуда. Я не мог сопротивляться, так как попал в экспедицию на деньги его института, и было рискованно с ним рассориться.

Чертыхаясь, что и на сей раз мне не удалось посмотреть красавицу Камчатку, в густом тумане я поднялся в небо и взял курс на Симферополь.

СТРАШНЫЙ УДАР

На кафедре я вернулся в прекрасном расположении духа. Экспедиция получилась удачной. За счёт сивуча расширил круг хозяев. Значит, паразитов прибавится для диссертации. Плюс новый район. Да и с музейным материалом – блеск! Притащил на Украину первого моржа!

Однако на ясном крымском небе вдруг появились грозовые облака. Начал С.Л.Делямуре. Он уже был на пенсии, но в очередной раз заглянул на кафедру. Встретив меня, он, между прочим, вдруг сказал:

– Что-то Валентин против тебя.

Я был в таком восторженном состоянии, что не придал никакого значения этим словам. «Как он может быть против меня? Мы ведь друзья!» Да и остался он на кафедре благодаря моим усилиям. С.Л.Делямуре никак не хотел оставлять его после аспирантуры. Шуточное ли дело: В.Н.Попов, поддавшись национальной особенности охаивать всех вокруг, заявил в присутствии В.В.Трещёва, что Делямуре – это уже труп в науке.

В.В.Трещёв, не будь дураком (как никак смесь украинской крови с татарской) донёс Делямуре. А профессор не терпел критики в свой адрес. Никакой! Противников он удалял с кафедры с треском. Так, только на моей памяти вылетели Шарошкин, Алексеев, Вшивков, Сердюков. Ничто не помогало. К примеру, Ф.Н.Вшивков был фронтовиком. Пока профессор (по уважительной, правда, причине) отсиживался в Средней Азии, Фёдор Николаевич не раз забрасывался за линию фронта и косил фрицев в лесах Белоруссии и Польши. Но и он не устоял против С.Л.Делямуре, хотя и не был его учеником – изучал клещей. А тут жалкий заочник – желторотый выкормыш – говорит: «Делямуре – труп в науке!» Виданное ли это дело? Слыханное ли это дело? Казалось, не найдётся силы, которая спасёт В.Н.Попова. Но мне, как другу, казалось, что спасать надо. И эту непосильную ношу я взвалил на себя.

Одна из моих сестёр (Галя) – уменьшенная копия меня (особенно по характеру), – когда мы дрались в детстве, кричала в гневе: «Жид пархатый! Жид пархатый!» Видно, на крутых поворотах я был склонен основательно хитрить, не уступая любому Жителю Иорданской Долины.

Эту свою особенность я и включил для спасения В.Н.Попова. При всяком удобном случае хитренько подъезжал к Семёну Людвиговичу и начинал хвалить Попова. Способный, мол, трудится хорошо. Семён Людвигович фыркал, как кот, проглатывающий мыш, которая напоследок щекотала лапками его за усы. Чувствуя, что сил у меня маловато, я подговорил А.С.Скрябина помогать мне. Он или самостоятельно хвалил, или вместе со мной. Дело с мёртвой точки не двигалось. Тогда я подключил ещё и своего магаданского друга и кума В.Н.Гольцева. Не помогло. После этого я решил подключить самую тяжёлую артиллерию – партком. Говорю Попову:

– Ты же член Партии. Пойди в партком и попроси, чтобы дали дополнительно на кафедру ставку ассистента.

И он пошёл, а то собирался уже перебираться в Керчь. Как и следовало ожидать, партия помогла. Вот так В.Н.Попов остался на кафедре. И вдруг он – против меня. Не может быть! Это ошибка!

Но через день и А.С.Скрябин произнёс роковую фразу:

– Что-то Валентин против тебя.

Я насторожился, но не стал выяснять отношения с В.Н.Поповым, думая, что всё-таки это какое-то недоразумение.

Однако на третий день из Севастополя приехал мой друг Амур Макарович Парухин и тоже заявил, что Валентин против меня.

Отступить уже было некуда. Я пошёл к Попову и спросил:

– В чём дело? Мне уже три человека сказали, что ты против меня. Что случилось?

Длинный нос Попова заострился ещё больше, и его хозяин вдруг стал похож на бандикута.

– Да! Я против, потому что у меня докторская не получится, – агрессивно заявил он.

– А при чём тут я?

– Мне неприятно, что докторантуру предложили тебе, а не мне. Я всё равно стану профессором, но в докторантуре я стал бы через два года, а так – через 10 лет.

Я понял, что В.Н.Попов спикировал на моё место. На 7 лет моложе меня, позже появился на кафедре, и на тебе – подавай ему докторантуру, причём чужую.

Было над чем задуматься. Удар в спину. От кого? От друга! Вот и помогай после этого людям. Это уже второй случай. Точно такой же фортель выкинул в своё время и В.В.Трещёв.

Не хотелось мне будущей свары. Как раз перед этим несколько лет тянулась тяжба на кафедре физиологии растений между М.К.Мананковым и М.В.Сивцевым. Последний успешно защитил докторскую, но маленький, завистливый, подленький и гаденький Михаил Константинович своими кляузами в ВАК «завалил» её. Не утвердили защиту.

В.Н.Попов по своему внутреннему миру похож был на М.К.Мананкова. Вслед за первой подлостью от него можно было ожидать и другие. Кстати, в будущем это подтвердилось. Он спикировал на мои поездки в Америку и в Антарктику. Но к тому времени я окреп в борьбе и легко парировал его новые поползновения.

А на сей раз я смалодушничал. Не стал бороться. Попросил С.Л.Делямуре приехать на кафедру, и мы вчетвером собрались в кабинете заведующего А.С.Скрябина. Обращаясь к двум профессорам (С.Л. и А.С.), я заявил:

– Во избежание свары на кафедре я отказываюсь от докторантуры. Готов умереть доцентом, но при одном условии, что он (В.Н.Попов) на мою тему не спикирует.

Попов радостно вскинул руки наискосок над головой и прокричал:

– Меня это устраивает!

На том и разошлись. Попов после этого умер для меня и как друг, и как человек. Однако я не позволил себе ни одного раздражённого слова в его адрес. Спокойствие на кафедре – важнее. Тем более, что надвигалось приятное событие. На кафедру должен был приехать на двадцатидневную стажировку американский учёный из Калифорнии Мюррэй Дэйли. И приехал.

Встречу мы ему устроили грандиозную. И на кафедре работал. И по ресторанам водили. И на природу возили. И на экскурсии не скупилась: Бахчисарайский дворец, обсерватория, Южный берег. И на квартире у А.С.Скрябина праздновали. В общем, погуляли на славу. Казённых денег не хватило. Своих потратили немало. А Попов в этом торжестве не участвовал. Незадолго до приезда М.Дэйли его (Попова) длинный нос учуял, что можно рвануть за бугор. В Никарагуа, например. И он уехал попытать счастье в Киев. Оформить документы. Не знал, что Партия тщательно следит за длинной носом уезжающих. Посмотрела она на поповский нос и забракела. За границу не выпустила. Вернулся Попов на кафедру злой-презлой. Узнал, что с ответным визитом на Гавайи рекомендовали меня, и возмутился:

– А почему это на Гавайи поедет Юрахно? Я хочу поехать!

Опять на всё готовенькое. Опять подавай ему на блюдечке с голубой каёмочкой то, что его душеньке угодно.

Не понравилось мне это. Наглость прямо зашкаливает. Но я снова смалодушничал и предложил включить и Попова в поездку на Гавайи. Слава богу, поездка сорвалась. Мюррэй оказался не на высоте и с ответным визитом не получилось.

А жизнь продолжалась. В 1983 году я вторично с большим удовольствием прошёл повышение квалификации в МГУ. В том же году решил убрать с дороги В.Н.Попова как конкурента, так как он не сдержал слово и заявил, что от докторской не отказывается. Ни слова не говоря ему, я организовал две поездки на Командоры, снова расширив круг хозяев, – на сей раз за счёт северного морского котика. В мою будущую диссертацию не только добавилось много видов гельминтов, известных в мировой научной литературе, но и посчастливилось открыть два вида, новых для науки. Один (*Pricetrema callorhini*) я назвал по хозяину, то есть по северному морскому коту, а второй (*Ciureana delamurei*) – в честь С.Л.Делямура. Это обычная практика, когда исследователь называет один из своих новых видов именем своего бывшего научного руководителя. Более интересно получилось с названием нового вида, который я обнаружил у сивуча во время второй советско-американской экспедиции.

Предательство В.Н.Попова повергло меня в шок. Я впервые серьёзно задумался над окружающим миром. «Чёрт побери! – думал я. – Ничего святого не осталось в жизни! Ничего, кроме семьи!» И я назвал свой новый вид от сивуча в честь своей любимой семнадцатилетней доченьки Веточки – *Diplogonoporus violettæ*. Надо сказать, что не ошибся. Она стала тоже паразитологом и вносит в науку не меньше меня.

Итак, две командорские экспедиции поставили меня вне конкуренции по сравнению с В.Н.Поповым. А моя последняя – антарктическая экспедиция, которую он тоже пытался отнять у меня, – окончательно добила его. Он пришёл ко мне и заявил:

– Я тебе больше не конкурент...

Я стёр его в порошок как конкурента. Он не только перестал ставить мне палки в колёса, но и вылетел, как пробка, из паразитологии вообще, за-

явив, что в голове не осталось ни одной свежей мысли. Увлёкся наземными улитками и там напакостил. В газетной статье объявил на всю Украину, что наземные улитки спасают мужчин от импотенции и что именно он может помочь в каждом конкретном случае. Что тут началось! На кафедру посыпались звонки и письма. В.Н.Попов не выдержал этого напора и в 57 лет сбежал на небеса. А мы ещё долго отвечали украинским импотентам, что в отношении помощи им мы – сами импотенты. Ничем помочь не можем.

Я немного забежал вперёд, чтобы получше осветить многогранный талант В.Н.Попова. А теперь вернёмся назад, чтобы хоть кратко рассказать о названных выше моих новых экспедициях, которые основательно помогли мне на пути «обретения планеты».

Обе командорские экспедиции 1984 и 1985 годов были похожи друг на друга. Дневники или не велись, или утрачены (не помню), поэтому за основу возьму свой документальный рассказ о первой поездке, который был опубликован 20 января 1985 года в «Крымской правде» и имел большой успех. В нём я намеренно не меняю ни слова с тем, чтобы чувствовался дух именно того времени.

КОМАНДОРЫ И КАМЧАТКА

Жемчужина в тумане

...10 июля 1984 года серебристый лайнер взмыл в безоблачное крымское небо и взял курс на Камчатку.

Необъятны просторы нашей Родины. Каждый раз я думаю об этом, когда лечу на близкий моему сердцу Дальний Восток. Преодолев двенадцать с половиной тысяч километров, мы (я и лаборант И.М.Тайков) опустились в сплошное месиво дождя и тумана. Наша конечная цель – Командорские острова, а до них – ещё тысяча километров водным путём.

Командоры! У кого из путешественников не дрогнет сердце при этом призывно рокочущем слове! Кому не захочется хоть один раз взглянуть на эти удивительные острова! Командоры – это двести тысяч морских котиков, более двух тысяч самых ценных в мире пушных зверей – каланов. Это – несметное количество идущей на нерест красной рыбы и мириады белых грибов в открытой тундре. Наконец, Командоры – это единственное место на нашей планете, где совсем недавно водилось уникальное двухсотпудовое животное – морская, или стеллерова, корова.

На рассвете 16 июля белоснежный великан – теплоход «Петропавловск» – загремел якорной цепью, и мы сошли на берег. Перед нами в туманной мгле, укрытый изумрудными травами, простирался таинственный остров Беринга, носящий имя знаменитого капитана-командора, которого он так жестоко покарал за дерзость первым ступить на его землю. Прах отважного мореплавателя, а также тридцати двух его сподвижников покоится в земле острова.

Сейчас остров укрощён. По его зелёным холмам весело сбегает к морю улицы посёлка Никольского. Трепещущий на ветру красный флаг и памятник В.И.Ленину свидетельствуют о том, что здесь, в этих безбрежных просторах Тихого океана, начинается территория великой Страны Советов.

Никольское – административный центр Алеутского района Камчатской области. Гордость посёлка – зверокомбинат, насчитывающий свыше сорока тысяч норок. А гордость островов – морские котики. К ним мы и направились на вездеходе, любуясь пёстрым ковром тундры. Умытые дождём и туманами, приветливо смотрели на нас жёлтые купальницы, фиолетовые ирисы, белоснежные ветреницы и множество других цветов. Я видел тундру в разных местах Заполярья, но нигде она не казалась такой красочной.

На Северном лежбище сразу же включились в работу. Предстояло собрать массовый паразитологический материал от северных морских котиков, чтобы вместе с другими специалистами выяснить физиологическое состояние зверей, пути их миграций и перспективы увеличения численности. Морской котик – ценный пушной зверь. Мясо его тоже используется, идёт на корм норкам, песцам.

Интересна жизнь командорских котиков. Рождаются они весной на островах Беринга и Медном. Лето и осень проводят там же, а с наступлением холодов вместе с родителями отправляются в далёкие путешествия по Тихому океану. Предполагают, что «беринговские» котики зимуют восточнее Японии, а «медновские» направляются к американским берегам. С приходом весны возвращаются обратно на острова. У взрослых начинается пора, полная забот и тревог. Формируются гаремы, вспыхивают ожесточённые драки между самцами-секачами. Достаётся от них и «неверным» самкам. Крайне опасны секачи в этот период для человека. На территории гарема лучше не появляться. На лежбище в это время стоит сплошной рёв «грозных мужей» и слышится жалобное блеяние новорождённых. А на отшибе беззаботно спят холостяки.

В конце июля мы стали свидетелями величественного таинства природы. Огромные косяки лососей покинули морские глубины и с плясками подошли к берегам. Брачные танцы продолжались несколько дней, а затем вся эта рыба «публика» устремилась в реки и ручейки. Крупные рыбы иногда до метра в длину, выпрыгивая из воды, преодолевали пороги и водопады, на брюхе проползали мелководья, поднимаясь всё выше, чтобы, достигнув верховья, погибнуть, дав жизнь другим. «Экое благородство», – думал я, глядя на обессиленных, изодранных до костей о камни рыб, которые, умирая, продолжали самоотверженно защищать гнёзда со своим потомством. Таким самопожертвованием отличаются все дальневосточные лососи: чавыча, нерка, кета, горбуша, кижуч и другие.

28 июля, путаясь в полах плащ-накидки, скользя и спотыкаясь, я пробирался по склону сквозь густые заросли борщевика и других трав к могиле Витуса Беринга в бухте Командора. Природа, казалось, не хотела допустить меня к месту трагедии, разыгравшейся здесь по её вине 243 года тому на-

зад. С гор катились чёрные валы туч, ветер яростно хлестал дождём. Но я отступать не хотел. Вспомнилось, как кланялся Ерофею Хабарову на берегах Амура, Семёну Дежнёву – на Чукотке, Степану Крашенинникову – на Камчатке, как снимал шапку над могилами многих других русских землепроходцев – всех тех, кто, не жалея жизни, продвигал к океану Великому пределы Отечества.

Судьба Витуса Беринга особенно потрясает... В начале XVIII столетия ещё не знали о существовании пролива между Азией и Америкой. Ничего не ведали и о землях к востоку от Камчатки. Пётр I решил разведать их. Будучи уже тяжело больным, незадолго до смерти он написал наказ для экспедиции: отправиться на Камчатку, оттуда плыть на север и выяснить, существует ли пролив между Азией и Америкой. Начальником экспедиции царь назначил офицера русского флота командора Витуса Беринга. Через несколько недель Пётр I умер, а экспедиция растянулась на многие годы. Она охватила исследованиями огромную территорию: от моря Лаптевых до берегов Японии. Эта экспедиция унесла много человеческих жизней, однако дала миру величайшие географические открытия. Для Витуса Беринга закончилась она трагически...

29 мая 1741 года из Авачинской бухты на Камчатке вышли два корабля: «Святой Пётр» под командованием Витуса Беринга и «Святой Павел» под командованием Алексея Чирикова. 20 июня в густом тумане суда потеряли друг друга. Дальше Беринг продвигался на восток один. После полуторамесячного плавания он достиг берегов Америки. Это было второе открытие Америки – с востока. На обратном пути судно попало в жестокий шторм, продолжавшийся 17 дней. 4 ноября 1741 года вдаль увидели землю, похожую на Камчатку. «В тяжёлую бурную ночь ванты "Святого Петра" были перебиты, нести паруса далее представлялось невозможным... Решено было подойти к берегу и встать на якорь в версте от него. Гнилой якорный канат лопнул, и судно, подхваченное буруном, понесло к опоясанному рифом берегу. Второй якорь тоже оборвался. Набежавшей волной судно счастливо перебросило через камни и поставило в спокойную воду, в полуверсте от берега».

Измученный до предела непосильной работой, плохим питанием и цингой экипаж покинул полуразрушенный корабль и высадился на необитаемый остров. Несколько человек умерло ещё в плавании, другие – в трюме пакетбота в ожидании высадки и во время пересадки на берег. 8 декабря от цинги умер и сам Витус Беринг. Из 77 человек в живых осталось 44. На офицерском совете решено было остров назвать именем Беринга...

После завершения работ на нём мы перебрались на остров Медный. Он оказался ещё более недоступным, до сих пор остаётся практически необитаемым. Его берега отвесными стенами обрываются в море. Удобных бухт нет. Вся его территория гориста и опасна для передвижения. Первый поход к острову был неудачным. Двадцатидвухчасовая качка закончилась возвращением в Никольское. 5 августа на рассвете вторично подошли к

острову и на сей раз успешно высадились в районе Юго-Восточного лежбища. К нашей радости, там уже работала группа Ленинградской киностудии, которая снимала фильм о сивуче, а 11 августа появился один из ведущих передач «В мире животных» Николай Николаевич Дроздов с группой Центрального телевидения.

Работать на острове Медном было трудно. Навсегда останется в памяти первый спуск на лежбище по 400-метровому обрыву. Так получилось, что пробираться пришлось одному. Напитанная влагой почва под ногами ползёт, как раскисшее мыло. Все надежды – на руки, крепко сжимающие верёвку, а они дрожат от усталости. По сторонам – отвесные скалы. Я их больше чувствую, чем вижу в тумане. Оттуда то и дело доносится хохот глупышей – трубконосых птиц. Разные мысли приходят в голову, когда вишишь на верёвке над пропастью. Но все неприятности забылись, как только океанские брызги ударили в лицо и со всех сторон раздался рёв могучих зверей.

Сорок пять дней дождём и туманами испытывали нас Командоры. Потом неожиданно открылись во всей своей красе. Словно не хотели, чтобы мы, уезжая, подумали о них слишком плохо. Три дня подряд светило яркое солнце, а по ночам сияла луна. Один работник зверофермы искренне воскликнул:

– Много лет на островах и не знал, что здесь тоже бывает луна!

Да, таковы Командоры. Более 300 дней в году не видят они небесных светил.

Пройдут месяцы, а может быть, и годы, а нам всё ещё будут сниться острые хребты по ночам, ползающие по траве туманы да трубный рёв сивучей внизу, в молочной пелене.

Командоры – это жемчужина в тумане!

Некоторые итоги командорских экспедиций

Прежде всего, о научных результатах. Выше уже отмечалось, что у северного морского котика было обнаружено (именно мною – очередной парадокс) два новых для науки вида гельминтов. Оба микроскопических размеров. Невооружённым глазом не увидишь. Все надежды – на соскобы слизистой разных органов. Уж мы постарались в этом направлении. Заполнили 165 пенициллиновых пузырьков соскобами, причём иногда приходилось по несколько пузырьков на один орган. Это дублирование неожиданно при камеральной обработке помогло мне открыть ещё раз в себе парадоксальную особенность на крутых поворотах, несмотря на приличную слепоту, видеть лучше некоторых нормально зрячих людей. На сей раз помог мне в этом И.М.Тайков. Вот, как это получилось.

По возвращении домой на меня тяжёлым катком навалился учебный процесс. Мне было не до слизи, моей любимой слизи, которая принесла мне после Чукотки и Аляски много открытий и много радости. Я выставил

перед И.М.Тайковым 150 пузырьков и велел искать в них всякую мелочь, причём попросил просмотренный материал не выливать. А себе я оставил 15 пузырьков, что называется, для души – покайфовать, занимаясь любимым делом. И каково же было моё удивление, когда И.М.Тайков в 150 пузырьках ничего не нашёл, а я в своих 15 пузырьках обнаружил два новых для науки вида, которых назвал *Pricetrema callorhini* и *Ciureana delamurei*. Я бросился к просмотренным И.М.Тайковым пузырькам и там тоже нашёл провороненных им малышей. Так я постепенно начинал верить в свои силы и становиться на ноги как исследователь.

Ещё большую научную ценность составил анализ всего собранного в двух экспедициях материала. Он лёг в основу раздела «Паразитофауна северного морского котика и её популяционная структура», который стал частью двухтомной коллективной монографии «Северный морской котик».

Постарались мы и с музейным материалом, доставив в Симферополь аж целую семью котиков, а также детёныша сивуча, чучело топорка, коллекцию моллюсков, морских звёзд, ежей и другого. Легко сказать «доставив», а на деле эта доставка вылезла мне боком. За несколько часов я посидел больше, чем за 47 лет своей предыдущей жизни. Об этом следует рассказать, так как это поучительный случай.

Если бы я верил в бога, то посчитал бы, что это он меня наказал. Однако обо всём по порядку. С Командор на двоих мы тащили на себе аж 11 мест. В Петропавловск-Камчатский высадились без приключений. На квартиру к тестю Игоря Михайловича тоже добрались благополучно, хотя был уже поздний вечер. Как водится у русских людей, на столе появилась бутылка. Выпили. Разговорились. Самолёт на Симферополь уходит в 2 часа дня.

– А машину, чтобы доставить груз в аэропорт, вы заказали? – с тревогой спросил тесть.

Тревога его мне показалась странной, и я, захмелев, хвастливо выпалил:

– Да мы на уши поставим всю Камчатку, а груз доставим!

– Смотрите, – как-то совсем неуверенно проронил тесть.

Спал я плохо. Во-первых, стыдно было перед самим собой, что я впервые в жизни так нагло хвастанул. Неожиданно для самого себя. Видать, алкоголь виноват.

В шесть утра я был уже в трансагенстве. К моему ужасу, к окошку чиновницы тянулась огромнейшая очередь. Я простоял в ней три часа. Ещё больший ужас обуял мною, когда в 9:00 из окошка мне сказали, что заявки на сегодня не принимаются. О великий, непревзойдённый, уникальный советский социалистический сервис! В отчаянии я бросился в Камчатрыбвод с надеждой у друзей выпросить злополучный грузовик. В такси груз не помещался. Но в Камчатрыбводе грузовики уже разошлись по маршрутам. Очень радостный и очень доброжелательный Володя Бурканов посоветовал выскочить на дорогу и голосовать. Я так и сделал. Сначала пытался останавливать машины, идущие в сторону аэропорта, потом и встречные.

Не помогало. Я вышел на проездную часть и стал нахально перегораживать дорогу, бегая с одной полосы на другую. Машины ловко обминали меня и безжалостно уносились вдаль. Примерно через час один громадный грузовик притормозил. Я подбежал и воздел руки к шофёру, который на фоне неба казался мне богом. Однако вместо сочувствия громовержец вдруг обрушил на меня такой отборный мат, что меня как ветром сдуло на обочину. Я понял, что на дороге мне делать больше нечего. Рядом в небо уходила безлюдная сопка, но на самой верхушке виднелись какие-то строения. Я кошкой вскарабкался к ним: машин там не оказалось. Однако невдалеке было ещё какое-то предприятие. Подобно торнадо ворвался я в кабинет директора и завопил:

– Хотите я стану перед Вами на колени! Хотите – буду катать Вас на своей машине по всему Крыму! Только спасите нас сейчас: опаздываем на самолёт!

Директор выслушал меня, достал блокнот и деловито внёс туда все мои крымские реквизиты. После этого он снял один грузовик с маршрута и отдал в моё распоряжение. Я не стану описывать мытарства в аэропорту по оформлению груза с перекидыванием тяжёлых ящиков через двухметровую стенку. Это были цветочки по сравнению с кошмаром на дороге. Душа моя пела – мы успели на самолёт!

К сожалению, как ни старался я использовать подобный жизненный опыт в будущем, ничего не получалось. Советский «сервис» всегда возникал на пути почти непреодолимой преградой. Настоящим Эверестом явился он передо мной, когда я тащил музейный материал из Антарктики. Но об этом – в своё время. А сейчас стоит ещё рассказать о том, как в наш музей попал самый ценный в мире в то время пушной зверь – калан. Эта история целиком и полностью связана и с Командорами, и с Камчаткой.

Охота за мёртвым каланом

Калан – это морская выдра. Не понравилось её предкам жить на суше, и они ушли жить в море. А там – холодно. Каждую секунду ледяная вода высасывает из организма тепло. Пришлось приспособливаться к новым условиям. Другие морские звери – киты, дельфины, тюлени, моржи – решили эту проблему, накапливая под кожей жир, как свиньи. Прекрасная теплоизоляция! Настоящий русский тулуп! Да ещё и поставщик энергии. Жир, расщепляясь, даёт и воду, и тепло. Прекрасное решение всех проблем! Каланы не «додумались» до этого. Они пошли, на свою беду, иным путём. Стали утеплять себя только мехом. Загустили его настолько, что холодная морская вода перестала проникать к телу. Но тут появилась новая беда – человек. Он ведь не дурак. Сразу оценил превосходные качества каланьего меха и стал жадно его добывать. Не оглядываясь. Спихнулся лишь тогда, когда каланов почти совсем не осталось. Пришлось заносить в Красную книгу. Промысел совсем прекратился. А мне очень захотелось украсить наш

музей и этим уникальным животным. Выход один – найти труп калана. Два сезона я рыскал по пляжам Командор – безрезультатно. Каланы молодцы: не хотели умирать. Чтобы расширить круг поисков, я объявил командорской инспекции, что отдаю свою месячную зарплату тому, кто найдёт мёртвого калана. За два года не нашли. Дело, казалось, кончилось провалом. Но, как показывает жизнь, почти из любого положения, даже самого безнадёжного, выход найти можно. И я его нашёл! Помогли всё те же Командоры.

Как-то сумрачным утром на одном из холмов острова Медного к моим ногам из густого тумана снизу по зелёной траве выполз человек. Коренастый, плотный, крепкий, решительный, с широким славянским лицом.

– Чёрт, быстро стемнело. Пришлось ночевать, сидя на хребте, – посетовал он.

Разговорились. Оказывается, он – студент, охотовед. Проходит здесь практику. Интересно было узнать, что он – тоже белорус. И совсем я его зауважал, когда узнал, что он посадил местного начальника милиции за решётку, поймав его на браконьерстве. Видать, крепко сидит честность в наших белорусских генах. Я ведь тоже всю жизнь пляшу вокруг честности. Ставлю её в человеке на первое место. Студент посадил начальника милиции! Не смешно. Знаю я этих начальников. На место посаженного пришёл другой, который в гостинице на острове Беринга лично передо мной хвастал, что убил уже двух человек. Ничего омерзительнее я в своей жизни не слышал. Нашёл, чем хвастаться. Представляю тогда жизнь настоящих палачей. У них она, наверное, совсем феерическая?..

Звали студента Серёга Корнев. Я подружился с ним на многие годы. После практики в 1984 году на Командорах он был направлен на работу на мыс Лопатка (южная оконечность Камчатки). Там как раз наблюдался большой падёж каланов. Поэтому в 1985 году, возвращаясь с Командор на теплоходе «Петропавловск-Камчатский», мы (я и И.М.Тайков) не сошли в Питере, а обошли Камчатку с юга, вошли в Охотское море и высадились в посёлке Озерновском (на западном побережье Камчатки). Там как раз рыбаки трактором вытаскивали на берег из реки сети, полные красной рыбой неркой, которая устремилась в верховье реки для размножения. Зрелище, конечно, впечатляющее! Но нас рыба не интересовала. Нас интересовал мёртвый калан на мысе Лопатка.

Транспорт туда никакой не ходил, и мы отправились пешком. Пересекли многие препятствия, и цель казалась совсем близкой. До неё оставалось всего 100 км. Но тут дорогу нам перегородила река настолько глубокая и настолько бурная, что одолеть её не было никакой возможности, и мы повернули назад, решив, что мёртвый калан не стоит нашей жизни. Очередное фиаско ярко высветилось на горизонте. Но и на сей раз я не сдался. Видать, уже тогда во мне формировались кирпичики, которые к старости сложились в душе моей в твёрдое убеждение, что любое поражение нужно превращать в победу. И я превратил. Вспомнив, что Серёга Корнев – мне друг, написал ему из Симферополя слёзное письмо с просьбой прислать

в музей шкуру злополучного калана. И он прислал, блестящим образом подтвердив ещё раз известную поговорку: «Не имей 100 рублей, а имей сто друзей!» Два года я безуспешно размахивал советской сторублёвкой перед носом дальневосточной охотинспекции, а дело решил друг, причём совершенно бесплатно. И теперь, и через 300 лет посетители нашего музея в жарком Симферополе будут любоваться камчатским каланом. Стоило ради этого поуродоваться!

Так с большими трудностями мы по крупницам создавали наш музей, доставляя экспонаты со всех концов планеты.

Конечно, попутно с выполняемой работой, предусмотренной программой экспедиций, я старался всегда познавать окружающий мир, радовался красотам различных мест, куда забрасывала меня судьба. К примеру, на Южной Камчатке запомнилась радуга, постоянно сверкающая в фонтанах гейзеров. Посетили мы и единственную в Союзе электростанцию, работающую на подземных термальных водах.

Должен сказать, что годом раньше и Северная Камчатка в конце концов покорила меня. Я упоминал раньше, что в 1966 году по пути на Чукотку я жадно всматривался в её заснеженные с чёрными гранями вершины через иллюминатор самолёта. В 1967 году со зверобойной шхуны наблюдал её вулканы в профиль. И вот, наконец, в 1984 году представилась возможность увидеть её вблизи и даже прочувствовать, что называется, всей своей кожей.

В то время тесть и тёща Игоря Михайловича жили ещё в Эссо (на севере Камчатки). Не заглянуть к ним после успешной работы на Командорах было бы великим грехом. И мы заглянули. Не помню, почему мы из Питера отправились к ним не на самолёте, а автобусом. А он ходит только до Атласово. Дальше – тайга, попутные грузовики, а кое-где и пешком. Романтика! Запомнилась ночёвка на реке Быстрой. Нас было уже не двое, а трое. В Атласово к нам присоединился чудесный парень в солдатской робе. Выше нас ростом, с добрым лицом и нежным сердцем. Он служил в Хабаровске милиционером. А теперь добирался таким оригинальным образом домой в Эссо, чтобы там провести свой отпуск.

– А чего не самолётом? Быстрее было бы, – удивился я.

– Э, по родным местам надо ходить пешком. На самолёте всей прелести не почувствуешь, – задумчиво ответил он.

Ночью он удивил ещё больше. Мы развели костёр на небольшом мысочке, который рогом вдавался в реку Быструю на одном из её многочисленных поворотов. Река, ударяясь крутой волной в нежелательное препятствие, ревела грозно и злобно. От этого было радостно на душе и торжественно. Наговорившись вдоволь у пляшущего по поленьям пламени, я забрался в спальный мешок и ещё долго, глядя в небо сквозь редкие ветви склонившихся надо мной деревьев, любовался лёгкой серебристой вязью перистых облаков, пронизанных лунным светом.

Потом начались приключения. Как только я накидывал на лицо клапан спального мешка, начинало казаться, что кто-то топчется рядом. Я резко

отбрасывал клапан, готовый встретить врага во всеоружии. А врагом могли оказаться беглые заключённые из колонии в Атласово. По словам нашего хабаровского спутника, такие случаи здесь нередки. Я, как старший, чувствовал ответственность за всех, поэтому особенно тревожился. В конце концов, тщательно прислушиваясь, я обнаружил «врага». Оказалось, что лёгкую пористую вулканическую породу под нами сотрясают не заключённые, а самые мощные буруны, время от времени насакивающие на наш мыс. Успокоившись, я поднялся поправить костёр. Спутники мои безмятежно спали. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что хабаровец (к сожалению, и имя, и фамилию его я забыл) лежит прямо на сырой земле в тонких хэбэшных солдатских штанах. Я его немедленно разбудил:

– Ты что, с ума сошёл? Простудишься!

Я хорошо знал с детства, как белорусские крестьяне панически боялись заснуть на сырой земле.

Но хабаровец не испугался и попытался меня успокоить:

– Дерсу Узала ведь спал всегда там, где его застанет ночь. И ничего.

– Э, братец, ты забыл, а я совсем недавно перечитывал эту повесть и хорошо помню, что Дерсу Узала всегда спал на козьей шкуре.

Я развязал рюкзак и предложил хабаровцу целую подшивку газет, прихваченных в дорогу на всякий случай. Он улёгся на них и благодарно засопел.

На этой же реке мы встретили ещё одного удивительного человека. Имя его я запомнил – Валера. Он подъехал к переправе на могучем «Урале». Мост сорвало, поэтому более мелкие машины не могли самостоятельно перебраться на другой берег. Валера цеплял их на буксир и перетаскивал. И так целый день. Абсолютно бесплатно. Просто выручал людей из беды. Мы с ним тоже подружились. Были у него в гостях в Петропавловске. Он свозил нас на Паратунку, а на прощанье подарил мне великолепные рога северного оленя, которые он привёз с Северной Камчатки, где они, по его словам, бывают у оленей самыми крупными.

Вот таковы настоящие камчадалы. Я в них влюбился.

Так же доброжелательно отнёсся к нам и экипаж вертолётки в Ключах, который собирался доставить на высоту 3 км на склоне самого высокого действующего вулкана в Азии – Ключевской сопки движок работавшим там вулканологам. Определённости со временем вылета не было, поэтому мне пришлось 2 дня пролежать в вулканической пыли аэродрома в ожидании старта. Экипаж не подвёл нас. Взял на борт, и мы вдоволь снимали через иллюминатор и кино-, и фотокамерой окружающие сопки, в том числе и жерла пятиглавого Толбачика, незадолго до этого извергшие в воздух огненную лаву.

Камчатка полностью покорила меня.

Дома, как всегда, ждала бесконечная работа: и научная, и учебная. Были и лирические отступления. В 1985 году четырежды меня порадовала «Крымская правда». 20 января опубликовала, как уже отмечалось, «Жемчужину в

тумане», 2-го марта – рассказ «С победой, мамаша!», 27-го июня – большую мою статью «От Арктики до Антарктики» о нашем зоологическом музее и 17-го октября – большую статью обо мне видной крымской журналистки Раисы Смольговской «Преодоление». Дела шли неплохо, и я стал серьёзно задумываться о своих будущих планах. В Москве (ВНИРО) готовилась масштабная антарктическая экспедиция на двух зверобойных судах. Мне предложили в ней участвовать. Собирались комплексно исследовать целесообразность охоты на тюленей у Ледяного Континента. Я, конечно, с радостью согласился и всё лето будущего 1986 года потратил на оформление хоздоговора с ВНИРО. Осенью после отпуска, весёлый и находчивый, на кафедре появился В.Н.Попов. Узнав о моей будущей экспедиции, он пошёл к заведующему (профессору А.С.Скрябину) и гневно заявил:

– А чего это Юрахно едет в Антарктику? Я хочу поехать!

Дважды я смалодушничал – уступил ему, он подумал, что и на этот раз прорежет. Однако, как сказал в своё время драгоценный Никита Сергеевич, «Терпение советского народа небеспредельное!» Когда А.С.Скрябин пригласил меня к себе в кабинет, где уже находился и В.П.Попов, я обрушился на Дегоголя подобно могучему цунами:

– До каких пор ты будешь разевать свой рот на чужой труд, надеясь, что тебе снова его преподнесут на блюдецке с голубой каёмочкой?! Этому больше не бывать!

Такая решительность помогла мне, и Попов сдался. Когда он вышел, интеллигентнейший, деликатнейший и осторожнейший А.С.Скрябин, который никогда ни слова не говорил плохого о других, первым нарушил молчание:

– Даже он понял, что так нельзя!

Путь в Антарктику был открыт.

АНТАРКТИКА

Подготовка к поездке

20 июня 1986 года. Спал плохо. Приснилось, что Генуська (дальний родственник по линии жены, живший в Зуе) хотел меня утопить в болоте. Тащил туда за руки. Проснулся около двух и долго не мог заснуть. Утром поднялся с головной болью. Настроение отвратительное, но не из-за сна, а потому что под угрозой поездка. Вчера в крови обнаружили 8,5 % сахара, а в моче – невероятное количество лейкоцитов. Сегодня буду повторять анализы. Верю в лучшее, но...

В последнее время идут ужасные перегрузки. До обеда – полевая практика на 2-м вечернем. После обеда – лекции на заочном. Одновременно – оформление в поездку, подготовка 3-х дипломниц, всякая отчётность за год, раздел монографии по котику, каталог с американцем М.Дэйли.

Утром на столе на клочке бумаги увидел записку. Думал, что Ветина. Я вчера с ней поругался из-за того, что она не хотела идти в магазин, который

через 15 минут закрывался, за водой. Я уже разделся и был мокрый после 10-часовой беготни. Она отказалась, ибо опаздывала якобы на свидание к девочкам.

В записке значилось: «Могу сказать, что я не считаю нужным прощать людям их слабости. Быть сильным – прежде всего! Сила оправдывает любой поступок. Жалость к слабым – просто глупость!» (Сабахатин Али).

Хорошая записка. Вовремя. И в унисон моим взглядам.

После 10-ти пошёл в центральную лабораторию повторно сдавать анализы. Сдал, а потом решили меня найти в списке за 17-е. Нашли. Оказывается, сахар у меня 4,6, а не 8,5!!!

Работники ножа и топора!

Был на защите. Потом смотался в вендиспансер. Искал врача по всем кабинетам. Затем помчался в 6-ю поликлинику. Порвал старый анализ (ошибочный). Отдал копию. Завтра сдам повторные. В понедельник – заключительная комиссия.

Сейчас 14:00. Мчусь на собрание народного контроля, потом – лекция в 3:20.

Записку, оказалось, написала не Вета, а Наташа.

3 октября. Проснулся в 3 ночи. Самочувствие прекрасное, хотя проснулся оттого, что приснилось, будто бы угнали машину. Больше заснуть уже не смог. Думал обо всём, но больше – об экспедиции.

* * *

С 8-го по 12-е сентября находился на очередном всемирном совещании в Архангельске по морским млекопитающим. Нищета была ужасная. Еле собирал на дорогу. На гостинцы денег не хватило. Москвич Л.А. Попов сидел в большой комнате, как падишах, пел и принимал дары от приезжающих гостей из разных регионов Союза, особенно из Сибири и Дальнего Востока. Рекой текли рыбные деликатесы. Хватало и спиртного. Лев Алексеевич почему-то усадил рядом с собой именно меня и, хотя я не пел, не отпускал в течение нескольких часов. Когда я приподнялся, чтобы улизнуть, он ухватил меня за руку, посадил обратно и сквозь зубы процедил:

– Почему винограда не привёз?

– Торопился. Учебный процесс заел.

На меня вдруг повеяло таким махровым феодализмом, что стало противно. Зато потом с удовольствием бродил по петровским местам. Набережная хороша! Тронула доска об основании Архангельска – памятник Петру. Понравилась экскурсия Калашникова по макету старого города в клубе моряков. Это сам автор.

* * *

30 сентября ожесточенно парировал нападение В.В. Трещёва с попыткой незаслуженно в третий раз навязать в соавторы ко мне своего ординарца лаборанта И.М. Тайкова. Я объяснил, что уже дважды сделал соавтором и

даже раздела монографии только за то, что И.М.Тайков помогал вскрывать котиков. Научной обработкой собранного гельминтологического материала он не занимался. В.В.Трещёв продолжал настаивать и заявил:

– Он же с тобой ездил.

– Я тоже с тобой ездил на Белое море в 1965 году. Помогал тебе, но ты ни разу не пригласил меня в соавторы, так что я по отношению к И.М.Тайкову поступил в 100 раз лучше.

В.В.Трещёв поперхнулся так, будто яблоко целиком проглотил. И замолчал.

Теперь следует ожидать подлостей.

* * *

В науке, закусив удила, понёсся вскачь. В этом году опубликовал 8 работ, причём 7 – во всесоюзной печати. Личный рекорд. Никогда раньше не считал. Вынудили подлецы типа В.П. Размахивают количеством, а не качеством. В одном сборнике опубликовал 10 тезисов, а считается моральным – не больше двух. Спрятал свою фамилию среди студенческих. Я студенческим данным полностью не доверяю и не публикуюсь в соавторстве. В настоящих исследованиях нужен опыт, которого у студентов нет.

* * *

А.С.Скрябин тяжело болен. Над экспедицией нависла смертельная опасность.

11 октября (суббота). Прекрасный день! Великолепная суббота! Она напомнила одну из суббот 1966 года, когда в чукотском материале в течение часа было обнаружено 3 новых для науки вида трематод: *Orthosplanchnus oculatus*, *O. pygmaeus* и *Microphallus orientalis*.

Чем хороша сегодняшняя суббота? С утра директор ИнБЮМа А.Л.Морозова сообщила о том, что Вета будет зачислена в аспирантуру, а в конце рабочего дня позвонил из Москвы А.А.Кибальчич и сообщил, что выход судна 22-го октября. В Корсакове нужно быть за 3 дня до отхода.

Сразу же помчался в кассы забронировать билет. Дудки! Билетов нет. С помощью начальника агентства сняли бронь у коменданта на 17-е.

12–16 октября (воскресенье – четверг). Бешеные дни подготовки.

17 октября (пятница). В аэропорт провожало всё семейство. Такси заказали на 6 утра. Вылетели в 7:45. Посадки были в Челябинске, в Иркутске. В воздухе находились 9 часов.

18 октября (суббота). В 4 ночи по местному времени приземлились в Хабаровске. Никакой брони на Южно-Сахалинск, несмотря на телеграмму 13-го числа начальнику аэропорта, нет. Порядочки! Азия!

Взял билет на 15:30, как потом оказалось, на АН-24.

Вещи трясли два милиционера. Когда начали развязывать верёвку на экспедиционном ящике, я показал им телефон местного КГБ. Мне его дал на всякий случай в Симферополе парень из контрразведки. Помогло. Иначе добрались бы до спирта и были бы большие неприятности. Слава богу – пронесло!

Груз большой: 95 кг, 5 мест (огромный рюкзак, громоздкий и очень тяжёлый экспедиционный ящик, большущий чемодан, кинокамера «Красногорск» и сумка с яблоками).

В Южно-Сахалинск прилетели к вечеру. В Хабаровске помог мне загрузиться майор, а тут все меня бросили одного у самолёта, хоть «Караул!» кричи. А сели посреди поля, и уже темнеет.

Через некоторое время с другого самолёта шёл офицер с двумя солдатами. У самих – вещи, но у одного солдата рука свободная. Взмолился помочь дотащить ящик до ворот. Весь остальной груз взвалил на себя: рюкзак – на спине, камера – на груди, чемодан и сумка – в левой руке, экспедиционный ящик – в правой. Дотащили до остановки такси. Но машин нет. Стало смеркаться. Холодно. Закружились снежинки. Я одет очень легко: на рубашечке – куртка горнолыжного польского костюма. Зябко.

Попутчик Сергей (пасынок В.С.Махонько – моего хорошего знакомого по предыдущей экспедиции) сбежал на автобус. Опять я один. Подошла девушка. Тоже до Корсакова. Долго ждали. Такси нет. Затащили вещи в городской автобус и поплелись к автовокзалу. Я остался с вещами, а она побежала ловить такси. Там встретились с Сергеем. Стали втроем ловить. Поймали с оплатой туда и обратно (по 15 рублей с носа).

Поселился к 12-ти ночи в МДО в 53-м номере.

19 октября (воскресенье). Спал плохо, хотя за дорогу устал порядочно. С утра после столовой отправился на почту – дать телеграмму. Шёл вверх по Советской. Солнечно, но морозно. Холодно. По остывшему асфальту ветер гонит сухие листья. Они шуршат, обгоняя меня. Грустно. Всё кажется чужим. Дома – лучше.

Обогнала тройка моряков. Один говорит:

– Чтоб я своей швабре прислал ещё хоть копейку – ни за что!

– Я своей стерве тоже не пришлю – гуляет напропалую, – поддержал товарища другой моряк.

Мне стало ещё более грустно и где-то в глубине души – немножко смешно. Как странно устроен мир: никому в нём не уютно.

После почты сходил на рынок, а потом уехал за город к морю. Вот тут моя стихия! Пробежал 7 км. Собрал раковины гребешков и крупных (до 13 см) хитонов. Видел почти рубиновых медуз до 40 см в поперечнике. Поменьше – тоже очень красивые медузы с синими радиальными полосками. Эх, таких бы на кафедре! Но путь – в другую сторону.

С интересом наблюдал, как по морской капусте прыгают амфиподы.

У дачного посёлка проголосовал на военную машину. Остановилась. Из неё выскочил радостный Серёга. Мир тесен!

Ехал он с седым полковником. Прямо на дороге сидела сова.

20 октября (понедельник). До обеда был ужасный день: в БОРе (базе океанического рыболовства) прошёл 12 инстанций. Все отфутболивают подальше, а Альберт Петрович Карнаузов (замначальника по кадрам) вообще заявил, что подтверждения визы нет. Послал звонить и давать теле-

грамму в Москву. Хорошо, что я сам пошёл в первую часть и всё раскопал. Оказывается, есть аж два подтверждения: и из Симферополя, и из Москвы! О работнички ножа и топора! И вы – мои вечные спутники – парадоксы!

До вечера оформлял дела на прописку. Встретил Анатолия Сергеевича Махонько! Он прекрасно меня помнит. Познакомил с капитаном моего будущего судна «Зубарево». Зовут его Виктор Николаевич Ягупов. Очень приятное впечатление.

Вечером гостил у Махонько. Вернулся в прекрасном настроении. Долго не мог заснуть. Как много хороших людей встречается на пути! Я, конечно, оптимист. Считаю, что положительных людей не меньше 80 %.

21 октября (вторник). Знобит. Насморк. Инфекция влезла порядочная.

Готовил отчёт в бухгалтерию. Отправил. Был в санитарно-карантинной службе. Оказывается, медицинское заключение надо продлевать. Побегал в поликлинику рыбаков. Завтра – кровь на РВ, к дерматологу и терапевту. Я же это всё проходил в Симферополе. О небеса! О боги! Зачем вы так мучаете людей!

В двенадцатом часу ночи прилетел магаданец Ю.А.Бухтияров.

22 октября (среда). Встал в шесть. Помчался сдавать кровь на РВ. И правильно сделал: занял очередь первым. Это спасло. Сдал кровь где-то в 8:40

Из-за гриппа чувствовал себя отвратительно. Вернулся в МДО. К 12:30 снова поехал к дерматологу – сдавать мазок на гонорею. В очереди более 200 здоровенных мужиков. Команды разных судов. Это же какая потеря рабочего времени! Берёт мазки древняя старушка с трясущимися руками. Я попал к ней через пять с половиной часов. На свою голову, возмутился: нельзя ли посадить ещё несколько девушек, чтобы не мучить так людей. Старушка промолчала, но, видать, крепко запомнила меня и решила отомстить мне за моё ворчание. Когда я пришёл к ней за результатом, она объявила, что у меня не всё в порядке. Я обмер. Меня не посадят на судно. Надо будет возвращаться домой. Какой позор! Какая катастрофа!

Наверно, старушка по моему жалкому лицу поняла, что отмщена в полной мере, потому что смилостивилась надо мной, сказала, что дело поправимое и сунула мне горсть таблеток:

– Выпейте и всё будет в порядке.

Я не поверил ей. Поднявшись на судно, швырнул таблетки за борт. Однако некоторая тревога в душе всё-таки осталась. Как-никак, надо будет возвращаться к молодой жене. Поэтому на обратном пути из Антарктики, когда я снова оказался в Корсакове, первым долгом отправился в вендиспансер.

– Проверьте меня, – обратился я к молодым девушкам. – Был в гостях у пингвинов. Вдруг что не так.

Они страшно удивились. Первый, мол, случай, чтобы человек сам пришёл.

Проверили – всё чисто! Значит, гадкая старуха просто мстила. Поучительный случай, как тяжело бороться за правду, за улучшение жизни.

Поздно вечером прилетел Алексей Трухин из Владивостока – третий член научной группы в составе экипажа «Зубарево». С Юрой Бухтияровым он недавно работал вместе в экспедиции на другом судне, но встреча их показалась мне патологически сухой. Лёшка, как выяснилось впоследствии, – приятнейший парень. Значит, дело в Бухтиярове, в чём я убедился и на собственной шкуре, но это было намного позже – к концу экспедиции.

23 октября (четверг). Проснулся в 6:30 Света – нет, воды – тоже. Зато небо – чистое. Это удар по моему гриппу. Нос – лучше. Кашель – хуже. Обычное дело: инфекция полезла в лёгкие.

24 октября (пятница). Не помню, что делал. Сегодня уже 29-е – 3:45 ночи. Очевидно, весь день писал письма.

25 октября (суббота). Сбежал на пролив. Собирал ракушек. Добрался до дачного посёлка. Берег большей частью пустынный. Интересно, что японские гребешки встречаются только в одном месте. Мидия Грея (?) – тоже.

Отдохнул на даче у симферопольцев. Смотрел на чердаке Дроздова о северных оленях. На прощание угостили морской капустой с картошкой. Вкусно!

Назад ехал на мотоцикле. Не замёрз. День был очень тёплый.

26 октября (воскресенье). Дождь барабанил по жести подоконников всю ночь и почти весь день. Сходил на почту. Писал письма. Отправил деньги. Был на рынке.

27 октября (понедельник). В понедельник в море не уходят. Примета. Всё дело затягивается. Погода – скверная. Ветер. Вечером прилетели москвичи. Они пойдут на «Захарке» (второе судно). Привезли два приятных сюрприза: добудем 10 слонов и 20 котиков. Работать будем в Индоокеанском секторе.

28 октября (вторник). «Захарово» отправится 2 ноября, поэтому и с нами тянут. Вчера 2 раза переносили выход. Сегодня в восемь рейдовый катер не пошёл – зыбь. После 10-ти добрались на судно на «Марсе». Пообедал. Заполнил декларацию. Поужинал. Около 7-ми вечера вызвали на берег на КПЧ. Недоумевал – чего вызвали. Начальника до 8-ми не было. Оказалось, что в паспорте моряка отсутствует штамп о моём прибытии в СССР в 1981 году. О господи! Когда всё это кончится? Виноваты камчатские погранцы, а сахалинские грозятся не посадить на судно. О страна чудес! Получается, что я незаконно жил в Союзе. Числюсь за границей.

В 22 вернулся на «Марсе» на судно. Дали команду на отход. Потом передумали. Перенесли на завтра. Ускорение называется.

Экипаж совершенно трезвый. Невиданное дело! Помню, как уходили в 1981 году: пограничники провожали в дыму и пьяном тумане.

Лёг отдохнуть – немного разболелась голова.

29 октября (среда). Проснулся. Работает радио. Думал – утро. Оказывается, только 3 ночи. Дневник раньше был в чемодане на судне, а я на берегу – в гостинице. Поэтому не вёл.

Все запуганы предстоящим таможенным досмотром. Я не боюсь. С властью не воюю. Какая-никакая, а родная Советская власть. Недаром в контр-

разведке согласился её защищать. У меня на этот счёт – глубокие корни: отец ведь погиб, тоже защищая её. И я готов погибнуть, если потребуется.

Таможенная проверка оказалась самой безобидной. Правда, чиновник всё-таки порылся у меня в карманах куртки и пиджака. Служба есть служба. Что поделаешь – такова жизнь.

В 13 часов 10 минут снялись с якоря. Вперёд в Антарктику! Разве не очередной парадокс? Сухопутный человек собирается пройти вдоль самого могучего океана планеты. Северную его часть он уже покорил, причём не единожды. Джека Лондона после незначительных вылазок в океан (на Командоры и на юг на «Снарке») называли «моряк в седле». Каким же моряком я стану после пересечения всех океанов матушки Земли? Шутка, конечно. Ни на что не претендую. «Рождённый ползать летать не может». Но факт есть факт. К концу жизни я увидел все океаны планеты. Теперь, правда, не в седле, но и не у разбитого корыта. Своё маленькое счастье я нашёл в детской литературе. Но об этом – потом. А теперь вернёмся к 29 октября 1986 года.

8:45 вечера. Проснулся и сразу же появились озорные строки:

*Всё поташнивает да покачивает.
Наши кишечки выворачивает.*

30 октября (четверг). Между Кунаширом и Итурупом проливом Екатерины вышли в океан. Дважды встретились дельфины.

В каюте ещё вчера во время качки появилась вода. Я подумал, что опрокинулась бутылка минералки, и не придавал этому значения. И пострадал. Чемодан мой под диваном. Шапка новая зимняя набухла, как губка, а в ней – фотоаппарат «Зенит-ТТЛ». Настроение, конечно, испортилось. Шапку сушил в машине. Она здорово села, и на всей подкладке выступила соль.

31 октября (пятница). Проснулся в 5:30. Больше не мог заснуть. Покачивает. Всё вокруг скрипит. Состояние мозгов нормальное, но уже надоело, а сколько ещё дней впереди?

Зарядил 15 плёнок в катушки. Постирался. Искупался. Отстоял вахту. Пробовали показать «Предупреждение» (о поджоге рейхстага). Долго не ладилось со звуком, а через полчаса совсем прекратили поджигать. Решили крутить другой. Я ушёл спать.

В океане – пустыня. Покачивает.

1 ноября (суббота). Поднялся в 6:35, а до этого ещё долго не спал. Покачивает. Поскрипывает. Попахивает. Мозги задурены. Деньги морякам даром не даются.

Весь день занимался перематыванием киноплёнок. На вахте видел дельфинов. На почтительном расстоянии судно сопровождали 2 буревестника. Вечером смотрел «Блондинку за углом».

Парней мучает один вопрос – Галина Чинкина: рыжая веснушчатая бестия. Что-то вроде инспектора.

Лёшу Трухина вызывал капитан для антиалкогольной обработки. Жаль – хороший парень, а слабость имеется.

2 ноября (воскресенье). Встал в 6:45. Пересекли 33-й градус северной, конечно, широты. Температура воздуха – 22°, воды – 18°. Ветер юго-восточный. 4 балла. Слабый морозящий дождь. Мрачно.

9:50. Волнение 6 баллов. Вода чёрная, как в Арктике. Качает. Дождь. Выход на палубу запрещён.

Качка килевая.

Ветер до обеда был 20 м/сек., к вечеру – 15 м/сек.

Лепили пельмени. Потом заряжал киноплёнку. Немного снял на чёрно-белую.

22:45. В каюте очень душно, хотя открыт иллюминатор и включён вентилятор. Пишу лёжа, поэтому такие каракули.

3 ноября (понедельник). Пасмурно. Дождь. Температура воздуха 26°, воды – 23°. Пологая зыбь. Душно. Влажность высокая. Давление 781 (выше нормы).

До обеда – сонливость. После обеда – вахта. Видел только летучих рыбок. Как ласточки. Другой живности нет – пустыня.

4 ноября (вторник). В каюте – 2 вентилятора. В иллюминаторе – картонный раструб для захвата забортного воздуха. Всё равно в 4:30 проснулся от духоты и с головной болью. Через много дней наконец-то виден восход солнца.

День был чудесный! Просто бесподобный! Солнце! Вода у борта с утра – сочно-фиолетовая, к обеду – синяя (меднокупоросного цвета). Это у борта, а далее – нежно-голубая. Температура воздуха 31°, воды – 27°. Чем не рай?! Остановливались – делали бассейн на слипе. Я читал на мостике историю открытия и исследования Антарктиды.

Нам есть чем гордиться. Англичанин Джеймс Кук не сумел пробиться к Антарктиде и сделал ложный вывод о том, что у южного полюса земли нет. А она есть! И открыли её русские! Вот, как это было.

15 июля 1819 года с Малого Кронштадского рейда вышли два шлюпа: «Восток» под командованием Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена (обрусевшего эстонца) и «Мирный» под командованием настоящего русака Михаила Петровича Лазарева. Инструкцией морского министра им предписывалось: «Пуститься к югу и продолжать свои изыскания до отдалённой широты, какой только можно достигнуть, употребить всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставлять сего предприятия, иначе, как при непреодолимых препятствиях. Ежели под первыми меридианами усилия останутся бесплодными, то должны возобновить свои покушения под другими и, не упуская ни на минуту из виду главную цель, повторять сии покушения ежечасно как для открытия земель, так и для приближения к Южному полюсу».

Отважные мореплаватели под парусами спустились в высокие широты южного полушария, смело вошли во льды и совершили десять «покушений», обходя вокруг южной оконечности планеты.

28 января 1820 года во время третьего «покушения» экспедиция вплотную подошла к Антарктиде и впервые открыла её. Позднее английский исследователь Антарктиды Джеймс Росс писал: «Открытие наиболее южного из известных материков было доблестно завоёвано бесстрашным Беллинсгаузеном, и это завоевание на период более 20-ти лет оставалось за русскими».

Надо сказать, что наши мореплаватели правильно осознавали величие своего подвига. М.П.Лазарев, первым в мире обойдя вокруг Антарктиды, воскликнул: «Какowo нынче ходят русачки!»

«Хорошо ходят!» – хочется с ними согласиться в наши дни.

Однако вернёмся к 4-му ноября 1986 года. Мастер по переработке – невысокий, плотный, чернявый, коротко стриженный пройдоха-парень Виктор Иванович Соломатин – подарил мне тропические шорты. Загорал. Вечером смотрел наивный фильм прямо на палубе – под звёздами. Небо очень красивое. Звёзды яркие, и их очень много. Кажется, начинается. Праздник, который всегда с тобой!

5 ноября (среда). Встал около 5-ти. Более или менее свежо. Не качает. Кажется, выпался.

Сны, однако, снились плохие. Под утро Наташка приснилась совсем маленькой. Кусала за палец.

Нужно идти к капитану насчёт сахалинских ракушек, собранных в музей. В.Казанцев и Г.Блажко напуганы штрафом в Новой Зеландии. Неприятно. Чёртова заграница. Ею все напуганы. Зашугали нас перед отправкой основательно. «Зверя убьёте, – говорили нам, – кровь засыпьте снегом: за вами со спутников будут следить. В Веллингтоне – ходить только тройками! Могут быть любые провокации. Например, в магазине вам за пазуху могут майку какую-нибудь затолкать, а потом сказать, что вы её украли».

Проклятая заграница! И что за люди там живут?! Одни провокаторы. Тьфу! То ли дело наши советские люди – открытые, доброжелательные, гостеприимные. Майку иностранцу за пазуху заталкивать не станут.

Боязно, а всё-таки интересно: что нас там ждёт впереди – в проклятой загранице? Хоть бы домой благополучно вернуться. К родной семье. Не нужна нам никакая заграница.

14:00. От жары всё время болит голова.

22:00. Вчера обгорел. Знобит. Сильное расстройство.

6 ноября (четверг). Проснулся в 6:30. Качает. Однако самочувствие намного улучшилось. Вчера перед сном прямо подышал.

8:07. Расстройство продолжается. Правда, без болей. И то хорошо.

Вечер прошёл чудесно! Встретили праздник, как положено!

7 ноября (пятница). Температура воздуха 34°, воды – 28°. Купался в бассейне. Не жарко. Ветер охлаждает.

Небо в зените – серо-дымчатое, далее – синее, а у самого горизонта – нежно-голубое с зеленоватым оттенком.

Море бывает чёрным, фиолетовым, синим. В течение дня окраска меняется.

Так октябрьский праздник я ещё не встречал!

8 ноября (суббота). Встал в 6:30. Поднялся на верхнюю палубу. Встречал восход. Загорал.

8:00. Пишу на той же верхней палубе. Сильный восточный ветер. Ручка не слушается. Думаю заняться английским.

9 ноября (воскресенье). Часа в четыре ночи выходил на палубу – наблюдать звёзды.

7:30. От жары побаливает голова. Переход основательно надоел. Бухтиярову – ещё больше. Вчера волком выл. На застолье даже плакал. У него дома какие-то проблемы. С женой не ладится. С таким характером – не мудрено. Замкнутый. Раздражительный.

19:40. Болит голова. Работоспособность близка к нулю. Вот почему Африка отстаёт от умеренных широт в своём развитии.

Слева – Маршаловы острова. Их не видно, но олуша одна вилась. Проходим 10-й градус.

Вечером проглотил таблетку. Спал хорошо. В каюте было прохладно.

10 ноября (понедельник). Вроде бы голова перестала болеть. Давление вчера было 120 на 75. Можно и в космос.

11 ноября (вторник). Лёг спать на палубе. Сначала всё было чудесно: звёзды, луна, лунная дорожка. Как в сказке: небо пляшет над головой. Но потом пошёл сильный дождь. Пришлось прятаться. Долго не мог заснуть. Сильный уклон в сторону борта. Фактически не спал всю ночь. Под утро снова пошёл дождь.

На вахте хотелось спать.

Потом всё было чудесно. Из дому получил две телеграммы: сначала – от Светы, потом – от Веты. Настроение великолепное! Завтра пересекаем экватор. Сейчас сидим в каюте. Ребята слушают музыку. Я пишу.

12 ноября (среда). В 1 час 30 минут ночи проснулся от сильного расстройства. Вышел на палубу. Луна. Звёзды. Начинается знаменательный день – переход экватора. Уже запомнил многих окружающих меня людей. Капитан нашего ЗРС (зверобойно-рыболовного судна) «Зубарево» – Виктор Николаевич Ягупов. Первый помощник – Виктор Николаевич Снытко, старпом – Александр, зав. производством – тоже Александр, второй помощник капитана – Володя, старший тралмастер – Валерий Казанцев, мастер добычи – Григорий Блажко (мой напарник по каюте), его друг электрик – Гриня, мастер по обработке – Виктор Иванович Соломатин. Научник из Владивостока – Алексей Трухин, из Магадана – Юрий Афанасьевич Бухтияров. Последний назначен старшим научной группы. По делам он какой-то незаметный, по характеру – замкнутый. Никто на него не обращает внимания, а ко мне все относятся очень хорошо. Это меня настораживает, ибо обязательно появятся зависть, недоброжелательность и, может, даже враждебность. Всё это мне не нужно. Но что тут поделаешь: недавно одна мадам (подруга Грини) заявила:

– Вы самый импозантный мужчина на корабле.

Это, наверно, потому что я – самый старый. Мне уже 48. Правда, я, как и все, бегаю в плавках по пароходу ещё очень шустро. Женщин – ни-ни: виза дороже. Донесут сразу. Пароход – это прозрачное стёклышко. Все всё обо всех знают. Я – не трус, но раб общественного мнения. Ничего с этим поделаться не могу.

Праздник прошёл отлично. На палубе собралась вся команда. Нептун (капитан) со свитой принимал торжества. Вокруг плясали черти в соответствующих нарядах. Новички (в том числе и я) стояли отдельно. Вдруг черти бросились на нас. Хватали и мазали какой-то чёрной жидкостью. Пока меня держали, рука одного из чертей мгновенно нырнула в плавки и вымазала этой жидкостью все мои достоинства. После этого нас одного за другим стали заталкивать в длинный решётчатый короб. Мы ползли по нему, а сверху черти продолжали поливать нас этой самой жидкостью. На выходе черти снова хватали нас и бросали в купель. Мы там отмывались, вылезали и получали каждый чашу зелена вина и «Свидетельство» о пересечении экватора следующего содержания:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дана сия грамота мореходу государству Советского Социалистического Юрахно Михаилу Владимировичу во удостоверение, что оный мореход 12 дня ноября месяца года 1986, следуя путём морским из стран полуночных в страны полуденные, через линию незримую, учёными мудрецами Экватором именуемую, впервые переступил, положенную пошлину уплатил и древний обряд послушно исполнил. Повелеваю: поименованного мореходца от пошлин и обрядов впредь освободить и хождению его по всем владениям моим препятствий не чинить.

Кормчий – Виктор Николаевич Ягунов
Океан Тихий (печать).

Далее следует мелким шрифтом:

Хлябей морских и пучин океанских правитель; штормов, туманов, ветров, ураганов властелин; наяд и тритонов, сирен и русалок господин; зверей водоплавающих, птиц ныряющих, рыб летающих, гадов ползучих – владыка НЕПТУН.

Свидетельство хорошо оформлено. В верхнем левом углу – корабль, корму которого обрамляет увеличенное колесо штурвала. От него в правую сторону идёт линия, над которой значится «0° Экватор». В правом верхнем углу она рассекает пополам карту мира в виде эллипса, напоминающего яйцо. С боков и внизу по периферии текста изображены всевозможные обитатели моря.

Получив такие красочные свидетельства, мы, конечно, обмыли их, о чём я позднее пожалел: полдня и весь вечер болела голова. В 23:45 проглотил таблетку. Уснул с головной болью. Очень жарко.

По событиям и погоде день был чудесным! Солнце. Тихо. Море синее и гладкое. Это впервые. Луна – в зените. Светит прямо в темечко. Тени никакой: ни от тебя, ни от предметов. Волшебство! Настоящий серебряный сказочный мир.

Вечером дождь прервал «Гусарскую балладу».

13 ноября (четверг). Проснулся. Голова не болит. Вот мы уже и в Южном полушарии. Через иллюминатор на переборку прыгнуло солнце. Приглашает на свидание. Встаю! Встаю!

Весь день прошёл великолепно! Солнце. Синева. К вечеру – белое безмолвие, как парное молоко. Потом – луна над головой. Вертикально!

Досмотрел «Гусарскую балладу». Праздник, который всегда с тобой! Правда, ноги на вахте обгорели.

14 ноября (пятница). Встал в 6:45. Солнышко! Ласковое! Приветливое!

Решил дать помполиту список своих лекций.

День был очень жаркий и красивый.

В 17:00 выступил перед командой с лекцией «Паразиты, опасные для человека и животных».

За день перегрелся. В 21:00 свалился и заснул.

15 ноября (суббота). Проснулся около четырёх. Вышел на палубу. Ещё светила полная луна.

В 7:00 зашёл Володя из Донецка и сказал, что проходим мимо острова. Я поднялся на мостик. Смотрел в бинокль. Это был остров Ндени из группы Санта-Крус (Соломоновы острова). Солнце ещё не взошло. Вокруг по линии горизонта – пирамидальные и грибовидные, как атомные взрывы, кучевые облака. Белые. Сочные.

Днём море интенсивно синее. Температура воздуха в 8:00 – 32°, в 12:00 – 34°. Температура воды – 26°. Вчера было жарче. Сегодня ветер 4 метра в секунду.

День прошёл великолепно. С большим интересом читал Кима Семёновича Лосева «Страна вечной зимы». Особенно понравилась глава об истории образования ледяного покрова Антарктиды. В результате дрейфа материков 23 млн лет назад Антарктида отделилась от Южной Америки. Вокруг неё возникло циркумполярное (круговое) антарктическое течение. Очень мощное, на глубину до трёх километров. Простирается до самого дна. Двигается по часовой стрелке. Каждую секунду на поперечном сечении проносится 120 млн кубических метров воды. Это в 10 тысяч раз больше, чем сток всех рек Земного шара. Этот могучий вал отрезал Антарктиду от остальной части планеты и изолировал её. Она в прямом смысле замёрзла – покрылась ледяным панцирем до 4 км в толщину.

Здесь сосредоточилось около 83 % ледяного покрова Земли. Если его равномерно распределить по поверхности планеты, то получится слой толщиной более 50 м. Вот почему Антарктида превратилась в кухню погоды всей планеты. И к этому холодному чудовищу мы шли в объятья.

* * *

Вечер прекрасный. Луна полная, огромная. Она уже не строго над темечком, а за спиной – сзади, если смотреть на юг. Ветер свежий, ласковый. Самочувствие великолепное. Команда беззаботно играет в волейбол. Впечатление курорта. Утром подойдём к Новым Гебридам. Сказка! Волшебный сон! Праздник, который всегда с тобой!

Полным диссонансом явились жуткие рассказы В.И.Соломатина о драках с армянами на мосту Волги в Астрахани (застрелили человек восемь).

16 ноября (воскресенье). Проснулся около четырёх. Шёл густой дождь. В 6:30 поднялся на ботдэк. На горизонте – огромная чёрная туча. Она – над островом Эспириту-Санто. Проходим в двадцати милях. Пасмурно. Плакали мои съёмки... Свежий ветерок. Не жарко. Прошли мимо пыхтящего кашалота.

17 ноября (понедельник). Солнышко. Покачивает. Вставать не хочется.

В 13:30 солнце стояло в зените. На палубе, как на сковородке. Пот по спине бежит струйками, будто мухи ползают, а поднялся голеньким на верхнюю надстройку – холодно. Дует сильный (9 м/сек) юго-восточный пассат. Он и охлаждает. И это на широте 11°, а что будет южнее?

18 ноября (вторник). Весь день читал об открытии русскими Антарктиды. Выше об этом уже рассказано.

19 ноября (среда). Вчера болела голова, поэтому лёг рано – часов в 10 вечера. Сегодня самочувствие нормальное. Встал в 6:25. Качает. Какой длинный переход! Идём уже 21 сутки. И Новая Зеландия уже не радует. А как моряки? Всю жизнь в такой невесомости. Поэтому среди них нет долгожителей и много сумасшедших. При такой жизни не мудрено свихнуться.

20 ноября (четверг). Встал в 6:15. Свежо. Чувствуется дыхание Антарктиды, хотя ещё субтропики. Примерно 30 °S.

Видел рыбу-луну, альбатроса. Написал 2 письма домой. Из Веллингтона можно будет отправить. Искупался. Читал о ледяном континенте.

21 ноября (пятница). 6:30. В иллюминаторе солнышко. Надо вставать – стираться.

Постирался. На вахте любовался альбатросом за кормой. Вечером погладил. Долго не хотелось спать. Лёг в первом часу ночи. Самочувствие великолепное. После ужина доктор измерил давление: 115 на 75! Можно в космос.

22 ноября (суббота). Проснулся «до ветру» в 4:30. Больше заснуть не смог.

Сейчас 6:20. Светит солнышко. Красное, между прочим. Надо вставать.

Весь день на горизонте маячит белая шапка горы Эгмонт. Здравствуй, Новая Зеландия! Высадка не за горами. 4 кашалота приветствуют нас фонтанами. Дельфины тоже радуются. Взяли на себя роль лоцмана. Пристроились к носу парохода и ведут в порт. Прыгают, играют. Весёлые ребята. Нам тоже весело. Я договорился на 2 увольнения, чтобы снять фильм.

23 ноября (воскресенье). 9:55. Пасмурно. Вышел на палубу. Дождик. Не дай бог, чтобы и завтра была такая погода. Плакали тогда мои съёмки.

Шли весь день проливом Кука. Это он проглотил наш советский теплоход «Михаил Лермонтов». Коварный пролив. Верить ему нельзя.

Много дельфинов. В одной стае – около 30-ти.

Вечером по местному телевидению смотрел заграничный фильм о нашем Петре Первом. Так приятно повеяло Россией.

24 ноября (понедельник). Наконец-то высадились в Веллингтоне. Город ошеломил. На краю света – и такой красавец: большой, чистый, красивый. Но дорогой. Кроме многочисленных значков и одной раковины морского ушка, ничего не купил. Все надежды на Сингапур, который неуверенно маячил в планах на обратную дорогу.

С огромным удовольствием посетил музей естественной истории. Экзотика! Своеобразие и флоры, и фауны. Одна киви чего стоит. Это я о птице. А есть ещё и фрукт киви. Именно его наш советский полпред рекомендовал отведать, когда мы спросили его, что же в Новой Зеландии самое характерное и интересное.

Верно сказал Достоевский: «Ко всему-то подлец-человек привыкает!» За день привыкли мы и к Веллингтону. И даже он успел нам надоесть. К вечеру невыносимо захотелось на судно. Родина! Нет тебя прекрасней и милее! Ты – как мать для младенца: и уютна, и тепла.

Беготня по городу вымотала. Вечером разболелась голова. Еле уснул.

25 ноября (вторник). Капитан любого плавающего средства, вырвавшись за границу, первым делом мечтает хорошо посидеть в каком-нибудь кабаке, чтобы потом было о чём рассказать своим собратям. Наш симпатичнейший и милейший Виктор Николаевич не был исключением. Утром он сказал мне:

– Бери мою группу и веди в город, а я посижу где-нибудь в кабаке.

Излишне будет объяснять, что я обрадовался такому решению капитана. И раньше – в армии, и сейчас любое увольнение для меня праздник. И я повёл. Опять магазины. Опять музей естественной истории. Бродили по городу с 9:00 до 17:00.

Вечером сидели у капитана. В 23:00 ворвался 1-й и стал Деда вышвыривать из каюты. Матом гнул. Порядочки, однако! Я впервые стал свидетелем такого бесцеремонного вмешательства Партии в личную жизнь своих членов. Удивительно, что капитан Деда не защитил. Возможно, потому, что за спиной у него не было такой могучей политической силы, позволяющей вести себя так разнузданно при защите её моральных интересов. Возможно, на замполита давило также недавнее негативное событие, случившееся на Дальнем Востоке: с одного из наших судов, находившихся за границей, сбежал как раз первый помощник (по фамилии Синило). Может, этот самый Синило и спровоцировал у нашего Снытко такую агрессию? Но ведь Дед не собирался предавать Родину, а только пригубил немного спиртного у капитана.

Ко мне Снытко относится, как к родному брату. Видать, по закрытому каналу ему сообщили о том, что я связан с контрразведкой и в трудную минуту решительно встану на защиту интересов страны. И это так. И он это чувствует.

26 ноября (среда). Проснулся в хорошем настроении. В голове вертится мелодия про утят. За иллюминатором пасмурно. Красный пароход, который стоял рядом, ушёл. Нужно заснять последние кадры Веллингтона.

У ребят совсем другие цели – стали просить спирта опохмелиться. Я не сдержался и нагрубил. Потом долго не мог прийти в себя. Несколько дней переживал.

26 ноября. Антарктида впервые по-настоящему дунула на нас. Когда мы покидали Веллингтон, всё вокруг бушевало: дождь, ветер, холод. Из бухты в пролив Кука наше судно выводил новозеландский лоцман. Увидев у меня за плечами кинокамеру, он попросил запечатлеть снятие его с палубы вертолётom.

– О`кей! Ноу проблем, – весело ответил я.

Но проблемы начались, как только я открыл дверь, чтобы выйти на бак. Нос судна прыгал и трясся на волнах, как голова вздыбившегося коня. Не было только гривы, за которую можно было бы хорошенечко уцепиться. Преодолевая сильные порывы ветра с дождём и морскими брызгами, я всё-таки пробрался на бак и занял удобную позицию. Над нами завис вертолёт и сбросил на палубу канат. Щёлкнув карабином, лоцман, как на катапультe, взмыл вверх. Но тут случилось непредвиденное. Ветром его бросило на снасти судна и стало трепать о железный трос. Чтобы предотвратить трагедию, вертолёт быстро опустил его снова на палубу. Пришлось вернуться в порт и посадить лоцмана на подошедший катер. Антарктида явно не хотела, чтобы мы к ней приближались.

27 ноября (четверг). До трёх ночи читал «Дипломата» Олдриджа. Проснулся в 5:50 и снова взялся за него. После завтрака вместе с Соломатиным соорудили стол для вскрытия тюленей. После чая готовил журнал для таких вскрытий. Вечером снова смотрел про Петра Первого.

28 ноября (пятница). Вчера весь день стояли на якоре. Проснулся в 6:20. Покачивается. Видно – пошли.

Кризис настроения более или менее прошёл. Нужно дать телеграмму домой.

Весь день качало. Чувствовал себя неважно. Проявил плёнку. Вечером спал. Ночью снова качало.

29 ноября (суббота). 6:30. Качает. Надо почитать «Дипломата». Весь день качало. Проглотил таблетку. Заснял на киноплёнку альбатросов и буревестников. Слушал лекцию Чинкиной. Потом Соломатин развлекал историями о колоритных людях флота.

30 ноября (воскресенье). Всю ночь качка размазывала по постели. В 6:30 ударил хриплый гром и с неба хлынули такие потоки воды, каких я раньше и не видел. Бросился задраивать иллюминатор. Дождь сплошной стеной. Не видно ни зги. Настоящий тропический ливень, хотя находимся примерно на 38-й параллели. Шлёпаем на встречу с «Захаркой», чтобы взять у них оружие. В Веллингтон заходить с ним нельзя было.

Кажется, душевное равновесие восстановилось. Правда, мысль о том, что уже полтора месяца болтаюсь в дороге, угнетает.

Часам к 14-ти на вахте укачался. Многие жалуются на головную боль. У меня мозги не болят, только сильно задурены.

После чая лепили вареники с творогом. Искупался. Вечером в каюте было много гостей: помпы, Бухтияров, зав. производством, Соломатин и другие. Когда рассосались, до часу ночи читал. Потом уснул, но спал плохо – сильно качало. Упал холодильник.

1 декабря (понедельник). Встал в 3:00. Сильно качает. Соседский холодильник на диван упал. Лежит под углом в 45°. Его притащили для ремонта.

Ночью повернули обратно, так как дошли до австралийской зоны. Завтра – вернее сегодня днём – должны встретиться с «Захаркой». Быстрей бы! Всем надоела эта болтанка. Мне тоже. Интересно, что совершенно спокойно отношусь к женскому вопросу. Постарел.

С трудом одолеваю «Дипломата». Характеры придуманы. Это чувствуется.

Часов в 10 вечера подошли к «Захарке». Он прыгал на волнах, как блоха. А волны, как горы. Открытый океан. Всё ходуном ходит. Для меня это впервые. Думал, что не удастся пришвартоваться. Но человек сильнее океана! На расстоянии перекинули друг другу канаты и стали стягиваться. Когда наглухо сцепились, стали вместе летать: вверх-вниз, вверх-вниз. Прямо танец дикий какой-то в ночном бушующем океане. Хорошо, что волны пологие, а то совсем захлестывало бы.

Немного поговорили с москвичами и Сомовым Сашкой. На «Загорянах» я жил с ним в одной каюте. Хороший парень. Мир тесен. Такие встречи посреди океана не забываются.

Сейчас 23:29. Идём полным ходом к островам Баллени. Берегись, Антарктида! Раздавим ненароком. Уж очень долго мы к тебе добираемся!

2 декабря (вторник). 6:55. Как с цепи сорвались. Вырвались на свободу. Шпарим полным ходом на юг. Руки чешутся по работе. Почти не качает. Иллюминатор открыт. Воздух «чист и свеж, как поцелуй ребёнка». Молодец Лермонтов – лучше не скажешь. Тепло. Настроение хорошее.

Весь день погода стояла отличная. Может, Антарктида не такая уж и зверюга, как её рисуют?

3 декабря (среда). 6:30. Проснулся. Чуть-чуть покачивает. По потолку эллипсоидные зайчики бегают. Они отталкиваются от воды. Заскакивают через иллюминатор в каюту. Долго дрожат, как будто привязанные к светильнику. Потом отрываются и медленно убегают через щель в переборке в коридор.

Выглянул в иллюминатор. Солнце пляшет на чуть колышущейся глади. Благодать! А ведь уже начались ревушие сороковые. Есть бог на свете. После шестидневного шторма послал нам райскую погоду.

У Юры Бухтиярова день рождения. Надо сочинять стихи. Человеку стукнуло 45.

4 декабря (четверг). 3:40 ночи. Несмотря на гулянку, проснулся с ясной головой. Иллюминатор открыт. Врывается тёплый ветер. Встал, высунул

голову наружу – на небе яркие звёзды. В душе – тоже. Вчера весь день сияло солнце. Проходим южную оконечность Новой Зеландии. Сороковые что-то совсем не режут. Видно, прозевали нас. Мы не в обиде.

Весь день шинковал капусту. Снял капских голубей. Пёстренькие, как бабочка ложная пестрянка. На крыле сверху 2 зеркальца, на спине – одно. Низ белый.

Отремонтировал старпому машинку. Вечером пришли: сначала – Соломатин, а после кино – и капитан с Казанцевым. Пили кофе до часу. Потом с полчасика почитал.

5 декабря (пятница). 5:30. Пасмурно. Покачивает. Похолодало. Уже чувствуется дыхание Антарктиды. После 16:00 солнечно. Но шкивает.

6 декабря (суббота). Вчера вечером качало очень сильно. В кино не пошёл. Думал почитать – уснул. Ночью дважды просыпался. Читал и снова засыпал. Утром тоже качало сильно. Даже на чай не хотелось идти. Штормило весь день. Баллов шесть. Побаливала голова.

22:35. Ещё раз вышел на палубу. За бортом – настоящие неистовые пятидесятые.

Дочитал «Дипломата». Взялся за «Горы и оружие».

Качка надоела. Болит голова. Не сильно, но всё равно неприятно. Переход, кажется, никогда не кончится. Я ведь в дороге уже 52-е суток.

7 декабря (воскресенье). Сначала проснулся около 2-х ночи. Сильно качало. Размазывало по постели. Валялся до 4-х. Потом включил свет, немного почитал «Горы и оружие» и снова – в полудрёму до утра. Сильно шкивало весь день. Вечером, как всегда, в каюте было много народу. Потом большинство ушли смотреть фильм. Остались Соломатин и Чинкина.

8 декабря (понедельник). 6:45. Кажется, качает меньше. За иллюминатором свистит ветер. Все переборки по-прежнему трещат и скрипят. Сильно похолодало. Дышит Антарктида. Густой туман. Радар напряжённо прощупывает путь. На экране засветилась первая ласточка. И вскоре, как привидение, из тумана навстречу выплыла ледяная гора. Волны, как добрые феи, ласкали её, будто упрашивали угрюмого великана дальше не ходить, но он был безучастен ко всему вокруг и неумолимо двигался вперёд – к экватору. Некоторые волны теряли терпение и с гневом обрушивались на грудь слушника, поднимая огромные вертикальные водяные столбы высотой более 15-ти метров. Не помогало. Великан был нем и по-прежнему безучастен. Мы остороженько обминули его и с тревогой поползли вперёд в густом молоке навстречу неизвестности. Так продолжался весь день.

Об айсбергах во весь голос заговорили в начале века, когда один из них сполз с самого крупного в мире острова Гренландия, плюхнулся в Северную Атлантику и пустил ко дну более 1500 человек, беспечно путешествовавших на корабле «Титаник» из Европы в Северную Америку. Возникла целая наука – эхолокация, которая должна была предотвратить подобные столкновения в тумане кораблей с плавающими горами. Нужно сказать, что гренландские айсберги – карлики по сравнению с антарктическими и их не так много, а Антарктика – настоящее царство плавающих ледяных гор. Общее их коли-

чество так велико, что не поддаётся точному подсчёту. С палубы корабля в хорошую погоду можно видеть одновременно до 220 айсбергов. Самые крупные из них достигают в длину 180 км, в ширину более 150 км и в высоту (вместе с подводной частью) более 1,5 км.

9 декабря (вторник). В 5:30 проснулся от ужасного скрежета. Будто рашпилем прошлишь по моим сонным мозгам. Я понял всё. Значит, вошли во льды. Этот скрежет мне хорошо знаком по Арктике. Впервые я его испытал на зверобойной шхуне «Оленница» в 1967 году, то есть 20 лет назад. Я бросился к иллюминатору и обмер. За стеклом стояла сплошная стена ледяных нагромождений. Неба не было видно. «Да, это совсем не Арктика, – подумалось мне. – Вот тут нам и "жаба сиси даст..."» Так выражаются в Западной Белоруссии перед смертельной опасностью, когда не верят в благополучный исход. Мне показалось, что мы попали именно в такую ситуацию.

В каюте раздался телефонный звонок. Звонил капитан.

– Гриша! Возьми кочергу, выйди и сделай дело.

Меня рассмешила такая конспирация. Уж очень сильно мы были запуганы властями в Корсакове на счёт конспирации. Выше уже упоминалось, что советовали даже каждую каплю тюленьей крови засыпать снегом.

На деле звонок капитана означал: «Гриша, возьми карабин. Появился зверь».

И мы действительно напоролись на зверя. Для меня началась долгая беспросветная работа. Сегодня вскрыл 8 крабоедов и одного леопарда. Работал до 24-х часов. Даже на чай не ходил. Доволен, как слон. Только очень болит спина. Спать не хочется. На душе светло.

10 декабря (среда). Проснулся около пяти. Спина и руки побаливают, но спать больше не хочется. Сейчас 6:30. Надо вставать: дать телеграмму, заполнить журнал за вчерашний день, подготовить посуду, реактивы и – за работу!

Зверь шёл плохо. Вскрыл 7 и заготовил ещё четырёх.

На всех произвела впечатление самка леопарда с детёнышем. Как змея. Красивый зверь! Надо будет обязательно чучело сделать.

Вечером – банька!

11 декабря (четверг). Первый раз позвонили в два, второй – в шесть. Гриша ушёл на промысел.

Чувствую себя не лучшим образом. Вчера болела голова и нос расклеился на палубе – был сильный ветер. Сегодня все мышцы побаливают. Прошли мимо айсберга. Говорят, уже видели пингвинов. Я из своей норы (рыбцех) ничего не увижу.

24:00. День прошёл великолепно. Уже вскрыто 25 зверей. Правда, 7 ещё не зафиксированы (то есть гельминты ещё не законсервированы). Попался Росса. Очень червивый. Крупные цестоды сидят в «норах», мелких – тьма. Забит весь просвет кишечника.

Попался и Уэдделла. Ещё более червивый. Ничего подобного не видел. Из желчного протока торчит хризантема розоватых цестод, вся слизистая занята мелкими. Завтра надо будет сделать фото.

Снимал острова Баллени. Помянули Юриного свояка. Уже первый час ночи. Острова – в серебре луны. Летают птицы. Подходит «Захарка». Спать не хочется.

Удивительно хорошо относятся ко мне все члены экипажа. Сегодня на чай не пошёл: не успевал. Так мне его в рыбцех принесли Соломатин с Чинкиной.

Говорят, привезли на боте пингуина на судно. Ещё не видел. Правда, на льдине в обед одного увидел.

Что-то совсем не спится. Уже 2 часа ночи. Потом опять боком вылезет.

12 декабря (пятница). Спал отвратительно. Проснулся около четырёх. Потом немного вздремнул и снова проснулся. Уже около часа кантуюсь. Сейчас 6:10. Решил вставать.

Заснял швартовку с «Захаркой». Весь день просидели с капитанами. После ужина свершилось 3 события (одно приятное и два неприятных): 1) получил телеграмму о зачислении Веты в аспирантуру; 2) отравился, по-видимому, паштетом; 3) исчез свитер.

До 24:00 фиксировал материал от семи зверей, вскрытых вчера. Потом написал четыре радиogramмы.

Настроение прекрасное! Уже второй час ночи, а мне не спится. Нервная система взвинчена до предела.

13 декабря (суббота). Встал в 5:20. Занимался кино и фотоматериалами, а также журналом вскрытий. Был у Лёхи на 30-летию. Засыпал – очень устал. Уже вскрыто 27 зверей. Сегодня особенно много времени потратил на леопарда.

14 декабря (воскресенье). Ждут меня Росса в ведре и три крабоеда в бочке. В цеху перебираюсь на новое место. Отношение чудесное. Вчера Георгий Иванович (толстяк лет пятидесяти) поил чаем из своих рук во время вскрытия. Мне было ужасно неловко.

Весь день вскрывал. После обеда чувствовал себя неважно. К вечеру обрадовали – добыли крабоеда на чучело. На радостях не мог долго заснуть. Перемотал две киноплёнки и три фото. Сходил на мостик посмотреть на ночную Антарктику. Заснул около двух ночи.

15 декабря (понедельник). Встал в 6:00. Довольно сильно болит голова. Видно, будет меняться погода. Жаль. Проглотил две таблетки. Весь день вскрывал. Закончил в 21:15. Зверя больше нет. Пробиваемся к материку. До 24:00 был на мостике. Всюду льдины, льдины, льдины, а на них стоят пингины. Пароходу удивляются. Убегать не собираются.

Лёд синий, с купоросной окраской. Погода отличная. Настроение хорошее: вскрыл уже 40 зверей. И ещё радость: зав. производством выдал второй свитер.

16 декабря (вторник). Встал в 6:30. Выспался отлично, хоть и вставал ночью.

До обеда зверя не было. Кружил снежок. Сквозь тяжёлые льды пробивались к кромке. Вернулись на север. После обеда вскрыл 5 зверей. После

ужина выступал перед экипажем. Особенно понравились пауки. Капитан попросил дать заключение о пригодности мяса.

Закончив беседу, спустился в цех и зафиксировал собранный материал.

17 декабря (среда). Звонок раздался в 5:45. Я уже не спал. Гриша добыл трёх зверей. Надо подниматься.

Сегодня первый хороший промысловый день. Добыли 101 зверя. Вскрыл 12. Устал. Около 23-х часов заснял айсберг. Был ледяной ветер. Возле судна кружили птицы. Особенно зловеще выглядели большие тёмные буревестники.

18 декабря (четверг). Весь день вскрывал. На левой руке второй раз прорезался большой палец перчатки. Попадающая жидкость кишечника разъедает кожу. Пришлось накладывать повязку. До ужина успел вскрыть 12 зверюг. После проявил две плёнки.

19 декабря (пятница). Встал в 6:20. Настроение хорошее. До этого три дня побаливала голова. Вчера проглотил тройчатку. Перестала.

Вскрыл 14 зверей, но зафиксировать не успел. Был у Виктора Николаевича на юбилее. В час ночи вернулся.

20 декабря (суббота). Фиксировал почти до чая. Вскрыл одного Росса и одного леопарда. Заготовленными остались 2 крабоеда и 2 Уэдделла. Хороший день. Погода – блеск. Рядом материк. Идём к нему. Люди смотрят фильм, а я – в баню. Перед Антарктидой надо быть чистым, как перед смертью.

21 декабря (воскресенье). День был чудесный! Встал около пяти. Пошёл на мостик снимать. Потом пошёл зверь Уэдделла – то, что мне надо (ищу трематод). Весь день сияло солнце. Ни облачка. Вскрывать Уэдделла и Росса тяжело: очень червивые. К чаю почувствовал себя неважно. Часок вздремнул. Разбудил Казанцев – привёз Уэдделла на чучело. Капитан сообщил, что подошли к материку. Заснял. После ужина зафиксировал двух Уэдделла, двух Росса и одного леопарда. Закончил во втором часу ночи. Пошёл на мостик. Впереди – очень красивый айсберг, подсвеченный солнышком. Заснял и на кино, и на фото. Уже три часа ночи, а я заснуть не могу. Триумфальное воскресенье, но чувствуется, что завтра работать будет тяжело. Вернее, это уже не завтра, а сегодня.

22 декабря (понедельник). Проснулся в пять, потом в шесть и больше уже заснуть не смог: заботы одолевают. 9 зверей ждут в бочках, 3 – на палубе, 2 – на льду. Надо вставать.

С восьми до двадцати четырёх вскрывал Уэдделла. Очень трудно подаются. Все кишечника перекрученные, как витые верёвки. Одолел только пятерых.

23 декабря (вторник). Всего вскрыл 95 зверей. Чувствуется общая усталость. Первый раз не хочется вставать, хотя в бочках ждут Уэдделла и Росса.

Сто вскрытий. После ужина иду смотреть «Парашютистов». Устал...

Весь день пробиваемся на север сквозь сплошной лёд. Зверя нет. А у меня ещё шесть штук в бочке!

24 декабря (среда). Болят все мышцы. Вставать не хочется.

День был прекрасный! Солнечный. Льды красивые. Пробились на кромку. Шлёпаем по чистой воде на северо-запад. Вскрыл трёх Росса, одного Уэдделла, одного леопарда, двух крабоедов. Заготовил на завтра четырёх леопардов. Вскрывать их интересно и гораздо легче, чем Уэдделла. Уже полпервого ночи. Надо ложиться спать. Весь пароход уже давно спит. И так каждый день. Пока на палубе идёт разделка зверя, заготавливаешь внутренности для исследования. В выварке носишь их по трапу в рыбцех и помещаешь в бочки. К вечеру работа на палубе прекращается, а у тебя она только начинается. Надо исследовать все заготовленные органы: выбрать обнаруженных паразитов, законсервировать их и этикетировать. Работы очень много, поэтому приходится сидеть до 18-ти часов в сутки. Такова участь паразитологов, фанатичных паразитологов. В каждой экспедиции мне всегда казалось, что это уже последняя моя экспедиция, больше не удастся попасть на край света. Поэтому в каждой из них я отдавал все силы работе, доводя себя до изнеможения. В Антарктике это проявилось особенно ярко.

25 декабря (четверг). Проснулся около семи. Вставать не хочется. Значит, стал нормально спать. Бежим по-прежнему по чистой воде.

День прошёл хорошо. Вскрыл 7 леопардов. Три остались на завтра. Вечером заснял снег на палубе, ночью – закат. Проявил две плёнки. Получилось вроде бы хорошо.

26 декабря (пятница). День был солнечный. Приятный. Вскрыл 8 зверей, в том числе трёх леопардов. Вечером заходил капитан. Пили кофе. Самочувствие – тьфу-тьфу – прекрасное.

Усиленно сватают на Деда Мороза.

27 декабря (суббота). Впервые не хотелось идти утром на работу, хотя на палубе ждали три леопарда. Значит, устал, стратегически устал. Настроение не очень. Уже 16:00, а вскрыл только четырёх леопардов. В бочке – Росса и два крабоеда. Росса вскрою и начну фиксировать. Крабоедов – на завтра. Сегодня заначки не было, и утром из-за этого потерял много времени. Впереди уже хорошо виден Янг – северный остров Баллени. Солнечно. Красиво.

Вечером был на дне рождения у Валерия Васильевича Казанцева. Плохо выступал Бухтияров. Чертыхал всё. Плакал. Утреннее предчувствие оправдалось. Несчастный человек. Или море плохо переносит, или дома неладно. Он и сам говорил, что характер у него тяжёлый.

28 декабря (воскресенье). Всю ночь мучило сильное расстройство. Утром пошёл зверь. Уже добыто 8. Майнают боты. Находимся на кромке.

Заготовил много зверей. До обеда вскрыл пять. В 12:25 началось сильное кровотечение. Иду дальше работать. За день вскрыл 10 зверей. У сеголетки крабоеда нашёл интересную цестоду.

Оказывается, доктор тоже отравился колбасой.

30 декабря (вторник). Вчера лёг рано – в 22:00. Проснулся в два ночи. До утра не спал. Вставать не хочется. За иллюминатором свистит ветер.

Вскрыл 10 зверей. Был в баньке. Уснул в 21:00.

31 декабря (среда). Заготовил трёх зверей и трёх вскрыл. Чувствую себя неважно. Нужно репетировать роль Деда Мороза. Боты – на промысле. Туман. Через полтора часа – ужин, а там и наряжаться надо. Полдня пропало для вскрытий.

Праздник прошёл хорошо. В кают-компании собрался весь экипаж. Я обратился к нему со следующими словами (от себя – Деда Мороза – и Галины Чинкиной – Снегурочки):

*Через леса, через моря
С далёкой Родины великого народа
Дорогой трудной декабря
Мы к вам пришли поздравить с Новым годом!
Далёко вас забросила судьба.
В борьбе за жизнь вы – на переднем крае:
Снимаете звериные хлеба,
Богатство Родины тем самым умножая.
Вы духу русскому – под стать:
Не ропщете в работе, без работы.
Совсем не просто зверя добывать:
Охота есть охота.
Ну что ж, богатыри! Желаю вам удач,
Чтоб пай вам вышел слаще мёда!
Желаю счастья вам, машин и дач!
И с наступающим вас Новым годом!*

Передо мной блестели глаза тех, кто от нелёгкой жизни покинул родные края, расстался с самыми близкими людьми – жёнами и детьми – с надеждой улучшить их жизнь, вернуться с победой. Впереди их ждал нелёгкий путь – тяжёлый труд и жестокие испытания. Вот три примера.

Первый. Девятибалльный шторм. С трудом, хватаясь за ускользящие поручни, передвигаюсь по узкому пустому коридору. Вдруг навстречу появилась девушка: высокая, худая, с бледным, почти зелёным лицом. Я узнал её! Это моя родная землячка – белорусочка. Ищет счастья в этом бушующем аду.

– Как живётся, землячка? – радостно спрашиваю я, приблизившись вплотную.

– А, ничего. Высуну голову в иллюминатор, поблюю-поблюю – и снова к раскалённой плите.

Она работает на камбузе. Там и в хорошую погоду – не мёд: можно с ума сойти от жары, а во время шторма страдания увеличиваются многократно. По эрудиции этой девушке английской королевой можно было бы быть, а она в ревущем океане высовывает голову в иллюминатор и разрывается на части от набросившихся на неё судорог.

Где же справедливость?

Второй. Во время девятибалльного шторма после вахты за штурвалом в каюту к нам зашёл бессменный рулевой Володя Кравченко. Он родом из Донецка. Окончил институт мясомолочной промышленности. Сетует на свою судьбу:

– Думал, от бардака на суше уйду в море. Там будет лучше. Чёрта с два! Хоть знаю, что судно практически непотопляемое, но когда полностью уходим под воду, страшно: вынырнем или не вынырнем?

В такие минуты мне было легче. Я не нёс вахту: все силы оставил во льдах. Я лежал кверху пузом в скрипящем ящике и пытался классифицировать типы качки: килевая, бортовая, удар по скуле, дрожь норовистого коня, размазывание по постели, просеивание в решете, замес теста и т. д.

Третий. Этот случай запомнился особенно. Трое суток ничего не ел. Не хотелось. Аппетита никакого. В кают-компанию не поднимался. Наконец решил, что надо подкрепиться, иначе непонятно, чем дело закончится. С трудом поднялся в кают-компанию. Сидят единицы. Смурые, отрешённые от всего. На столах – мокрые простыни и деревянные решётки. Миски – металлические. Обычное дело во время шторма. Пожелав всем приятного аппетита, прошёл к своему месту и сел на тяжёлый круглый металлический стул, привинченный к палубе. Не успел опомниться, как правый борт судна стал стремительно подниматься вверх. Я испытал чувство невесомости. По инерции продолжал подниматься, а стул подо мной отвинтился от палубы и улетел налево. Находясь в воздухе книзу спиной, я понял, что падение неизбежно; причём именно спиной на палубу. Пытаясь в полёте ухватиться правой рукой за стол среднего командного состава, я промахнулся и ударил рукой по металлическому чайнику с компотом, облив бедных командиров сладкой жидкостью. В итоге я всё-таки грохнулся спиной на палубу и влетел через открытую дверь в буфетную. Сверху стала сыпаться, разбиваясь вдребезги, фарфоровая посуда, казалось бы надёжно раскреплённая на случай шторма. Вместо сочувствия команда дружно грохнула от хохота. Случилось хоть какое-то разнообразие в их угрюмой жизни. Я тоже рассмеялся. А что мне ещё оставалось делать в этой ситуации?

1 января (четверг). Наступил новый 1987 год. Романтика кончилась. Начинается тяжёлая, грязная работа. Голова болит. В цеху – туман, душно, а тут нужно пороть вонючие кишки. Уже вскрыл 5. Иду ещё.

У крабоведа нашёл семиметровую цестоду, у сеголетки – пятиметровую. После таблетки разработался. Даже настроение хорошее.

Всего уже вскрыто 165 зверей (106 крабоедов, 34 леопарда, 14 Уэдделла и 11 Росса). Неплохо.

Стоим на кромке. Качает. Начала кровоточить десна, а настроение всё равно хорошее.

2 января (пятница). Вскрыл восемь, в том числе Росса.

Бухтияров был на «Захарке». Повеселел. Может, не будет больше портить настроение, а то норовил, чтобы я работал на него. Дудки. У нас у каждого своя программа.

3 января (суббота). 7:00. Надо вставать.

Сильно качало. Вскрывал, держась ногой за ножку стола. Одолел шесть. Трёх заготовил. После чая из-за усилившейся качки вскрывать не пошёл. Заснул. Вечером досмотрел «Шурика» и «Макаревича». Уже 24:00, а спать не хочется. Заглянул капитан. Спросил Григория.

4 января (воскресенье). Очень хороший день! Вскрыл 11, заготовил 6. Приближаюсь к двум сотням. Уже вскрыто 190. Иду на втором дыхании. Когда подходил к сотне, начался первый кризис от усталости. Сейчас самочувствие зверское. Только по утрам вставать не хочется: туманы волю пеленают.

5 января (понедельник). Очень не хочется вставать.

А день прошёл прекрасно! Вскрыл 10 и заготовил 10. Всего вскрыто 200! Ура! Упаковал основной материал. Получилось больше четырёх ящиков, а ещё полбочки в больших банках и бутылках. Это только гельминты. А две шкуры на чучело... Это тоже не хухры-мухры.

6 января (вторник). Вскрыл 10 и заготовил штук восемь. Швартовались с «Захаркой». Давали им топливо. Трапа не было. Мне передали пустых пузрьков немного и внутренности Росса. Вторые под общий хохот утопили.

Погода последнюю неделю мерзкая. Настроение у многих – такое же. Я держусь, очевидно, потому, что работа идёт хорошо. Уже вскрыто 210.

7 января (среда). Проснулся, мурлыкая мелодию «Мне приснился шум дождя». И ещё почему-то вертелась мысль: «В грязи и вони рождается новое».

Из репродуктора несётся сплошной треск. Качает. Очевидно, сегодня рванём заправляться. А у меня ещё много кишок вскрывать.

Рождество. Надо вставать. Вскрыл 10. Заготовил ещё больше, в том числе четырёх леопардов, двух Росса.

Вечером двинули в Новую Зеландию, очевидно, в Блафф.

8 января (четверг). Идём по чистой воде. Качает. Вскрывать будет не весело. Надо вставать.

Волна ударила в иллюминатор. Залило.

До обеда с большим подъёмом вскрыл 10 крабоедов. После обеда начал фиксировать. Укачало. Всё-таки закончил и до чая вскрыл ещё трёх леопардов. При вскрытии тоже тошнило. Поэтому в 16:00 прекратил работу. На чай не ходил. Вздремнул. Всё прошло. В 18:00 собрание. Вручили приз за Деда Мороза.

Вечером спал, готовясь к завтрашнему дню. Всю ночь качало.

Во время фиксации упал со стола один пузырёк с пробой. Укатился куда-то под решётку. Жаль.

9 января (пятница). Пароход скрипит, как немазаная телега. В столе гремит посуда. В холодильнике – тоже. Качает прилично. Всё равно надо вставать.

В гробу бы я видел этот Блафф! Ветер 19–21 м/сек. Волна бьёт в наш левый борт. Старпом объявил, что погодные условия очень тяжёлые.

Сегодня месяц промысла. Вскрыть осталось трёх. Будет 236.

Вскрыл. Выспался. Светит солнце и качает. Надо намотать на бобины две киноплёнки.

Стратегически настроение великолепное. Очевидно, внутренне настроился на длинный рейс.

10 января (суббота). Качает меньше, но вставать не хочется. Немножко размагнитился.

Убрал рабочее место. Предложил услуги Бухтиярову. Написал домой письмо. Отоспался немного. Сходил в баньку. После ужина пили кофе. Постирался. Сейчас уже 24:00, но спать не хочется. Почитал Олдриджа. Пишу, лёжа кверху пузом, поэтому так неразборчиво.

11 января (воскресенье). Встал около шести. Думал, чего это меня так рано подняли. Вдруг по спикеру старпом объявил, что уже семь. Очевидно, вчера перешли в другое полушарие и стрелки перевели на час вперёд, а я не слышал. Значит, вчера лёг спать в три ночи.

Помогал ребятам этикетировать черепа. Вечером у «Лесогорска» взяли карту захода в Блафф.

Позже с огромным удовольствием смотрел «Анну Павлову».

Как хорошо, что Шалапин похоронен в Москве!

Лунная дорожка и я – один.

12 января (понедельник). Весь день читал и спал. На горизонте – Новая Зеландия. Не трогает. Уже вечер, 23:00. Спать не хочется и читать нечего. Тоска. «И не тот тосха, что в дереве гвоздь, а тот тосха, которая хрусть».

13 января (вторник). Утром зашли в Блафф. Пришвартовались к дощатому причалу. На нём – штабель брусьев. Увольнения нет, поэтому команда высыпала на причал и уселась на брусья. Солнышко. Греемся, как воробьи. После льдов приятно. Вдруг появляется на причале полицейская машина. Ползёт медленно между нами и судном, которое уже заправляется горючим. Посмотрели полицейские на русских моряков: люди как люди. Рогов нет. Ведут себя прилично. Поползли дальше. Развернулись и ползут обратно. Я отделился от команды и бросился к машине. Все ахнули. Подумали, что я решил бежать. А я всего лишь остановил машину и взмолился перед полицейскими:

– I need one or two rawer shell, то есть попросил у них несколько раковин – морского ушка. Скрыбин попросил привезти.

– Садись, – пригласили меня в машину полицейские.

– Не могу. Капитан не разрешает, – развёл я руками.

– Ten minutes, – сказали полицейские и удалились.

Первый помощник узнал, в чём дело, и сказал, что их надо отблагодарить. Сбегал к себе в каюту и вернулся с набором открыток «Русское искусство».

– На! Вручишь им в ответ.

Полицейские действительно вернулись через 10 минут и привезли мне два совершенно вшивеньких экземпляра морского ушка. Видать, нашли на ближайшем пляже. Я разочаровался, но открытки всё-таки отдал новозеландцам. Первый тоже пожалел, что мы лоханулись.

Однако спасли меня новозеландские мальчишки. Оказывается, пройдох Соломатин, немного зная английский, ещё до полицейских попросил их принести раковин морского ушка. И они принесли. Мы уже отчаливали, когда они, запыхавшись, подбежали и вручили мне целую сетку раковин. Часть их я отдал команде, часть отложил в музей и один экземпляр взял себе в коллекцию, которую только что начал формировать для показа друзьям.

Вечером смотрели «Владивосток в восемнадцатом». Пошёл дождь. Качает. Идём во льды.

14 января (среда). Идём полным ходом на юг. С утра был дождь. Теперь солнце. Тепло. На палубе упаковывал материал. Потом весь вечер в каюте проволокой привязывал крышки. Сидели Лёша Трухин, Саня-акустик, Соломатин. Хорошо поговорили. Сейчас полпервого ночи. Почти не качает. Иллюминатор открыт. Красота! Правда, весь вечер болела спина. Сейчас ничего.

15 января (четверг). Вставать не хочется...

Весь день занимался упаковкой материала. Замазывал края крышек краской – для герметичности.

Читал «Отношения с Англией во время войны».

16 января (пятница). Проснулся в 4:00. Читал до 5:00. Бежим во льды со скоростью 12 узлов. Пока краска сохла, читал весь день и вечер до половины первого.

17 января (суббота). Встал в 6:00. Почему-то совершенно свеженький. Спать не хочется. Почти не качает. Пасмурно. Скоро льды. Завтра их достигнем. Сегодня нужно закончить упаковку материала и дать радиограмму.

Да, «Захарке» снова не повезло. Попал в шторм. Крен до 40°. Разбил всё, что можно было. А мы – тьфу-тьфу – проскочили.

В целом настроение грустное. Осталось недели две промысла. Второго февраля можем сорваться на Сингапур. С третьего по пятнадцатое марта докование. Потом домой. Финал прекрасный, но хочется собрать материала ещё.

Сегодня много читал (второй том «Отношений...»).

18 января (воскресенье). Уже несколько дней пасмурно и прохладно. Сегодня, похоже, войдём во льды. Переход от Блаффа показался удивительно лёгким. Совсем не испытывал неприятных ощущений.

Эту запись я сделал утром. Накаркал. К обеду разыгрался шторм. Сейчас 24:00. Качает неприятно. Пароход дёргается во всех плоскостях, как будто просеивает нас в своём скрипучем решете.

Весь день и вечер до потемнения в глазах читал второй том «Отношений с Англией во время войны».

Льдов так и не достигли. Их угнало с прежних мест невесть куда.

Получил приятную телеграмму из дома о Вете, Наташе и гитаре.

19 января (понедельник). Проснулся в 6:30. Судно сотрясают толчки о льдины. Значит, нашли всё-таки лёд. Настроение хорошее. Вертится новогодний припев: «Все мы парни с ЗЭРЭЭС (ЗРС). Не бывает Антарктиды без пингинов и чудес».

До чая вскрыл 5. У сеголетки крабоеда нашёл очень крупных цестод – примерно 13,6 м. После чая заготовил 8, в том числе четырёх Уэдделла. Двух Уэдделла и крабоеда вскрыл, но не успел зафиксировать. Уже полдвенадцатого. Сильно качает. Бежим по чистой воде на запад. Это хорошо. Только голова немного побаливает. Сегодня было очень холодно. Мороз и ветер. Всё гудело. Выскакиваешь на палубу за очередными внутренностями, судно в это время разворачивается на месте, его корма с большой скоростью летит на фоне ледяных гор, выступающих из тумана, и ветер так свистит в снастях, что мне не раз казалось: «Нет, это мы не на Земле, а на какой-то другой планете...»

Я мучился с очками: когда с холода заскакиваешь по трапу в горячий цех, они предательски запотевают. А когда заготовливаешь несколько бочек, бегать приходится часто и много, поэтому очки начинают действовать на нервы.

20 января (вторник). Спал отвратительно. Первый раз проснулся около двух, окончательно – в 4:20. Всю ночь качало, брэнчало, трещало. Идём по чистой воде на запад – в море Дюрвиля. Надо вставать. Немного побаливает голова...

Вскрывал весь день – до десяти вечера. При постоянной качке. Неприятно. Одолеl 11. Трёх заготовил.

Была банька!

21 января (среда). 5:50. Гришу подняли. Вроде есть зверёк. Надо вставать.

До обеда и даже до чая чувствовал себя неважно. Потом с необычайным подъёмом вскрыл Уэдделла. Провозился с ним до 23.40. Зато вскрыл хорошо. Нашёл больбозом. А всего за день одолел только пятерых. Заготовил штук 10, в том числе трёх леопардов. Взял череп на чучело. Настроение великолепное. Уже 24:00, а спать не хочется. Материал получается отличный.

22 января (четверг). Вчера читал до часу ночи. Встал в 5:00. Вроде бы выспался.

Работал 16 часов. Вскрыл 13, заготовил 8, в том числе 3 Уэдделла. К чаю очень болела спина. Еле закончил заготовку. Трудно было резать брыжейку. У Уэдделла она кручёная-верчёная. Каждый сантиметр приходится резать ножницами. У других тюленей она рвётся, как папиросная бумага, при вытягивании кишечника, так что освобождение от неё кишки – одно удовольствие.

После ужина наступил подъём. Уже 15 минут первого ночи, а спать не хочется. Правда, лицо горит, как обветренное. Нервная система взвинчена до предела. Как бы не сорваться.

Снял глобифефалюсов у Уэдделла – хризантема хризантемой. Очень красивый цветок из червей. Все они (несколько десятков) своими головками (сколексами) прикреплены в общем протоке желчного пузыря и поджелудочной железы, а остальная часть тела находится в кишке. Она состоит из множества члеников, которые в расслабленном виде состав-

ляют длину тела червя не менее метра. Однако при сокращении они, как воланчики, вставляются друг в друга и тем самым укорачивают тело во многие десятки раз. Когда вскрываешь двенадцатиперстную кишку их хозяина, то есть тюленя Уэдделла, они приветствуют тебя в виде лепестков розовой хризантемы. Я ахнул от восторга, когда первый раз увидел их, не сразу поняв, что это черви.

23 января (пятница). Проснулся в шесть. Выспался. Только руки гудят. Надо заполнить журнал, а они не слушаются.

Законсервировал 11 вчерашних зверей. Сфотографировал нематод (круглых червей) в желудке Уэдделла. Заснял айсберги, косаток. Райский уголок! Вскрыл только четырёх Уэдделла и даже не успел законсервировать. Работал до 23:00. Разболелась голова. Болит всё тело. Хочу немного почитать.

24 января (суббота). Проснулся в пять от сильной головной боли. Проглотил две тройчатки. Солнце. Ходил на боте. Снимал. Вернулся к обеду.

После обеда поднялся на мостик полюбоваться красотой вокруг. Солнце по-прежнему обрушивалось на белоснежные льды так истошно, что глаз нельзя было открыть. Оно смеялось в полыньях, искрилось на снегу, играло с грозно сверкающими, отвесностенными айсбергами, которых скопилось здесь целое «кладбище» (так называют места, куда ледяные великаны собираются умирать). В воздухе порхали пёстрые, как бабочки, капские голуби.

У капитана-директора Виктора Николаевича Ягупова было прекрасное настроение. Боты с утра находились на промысле, и отовсюду поступали хорошие вести. Я тоже радовался успеху. Взглянув на белоснежное скопище сверкающих красавцев-айсбергов, я не смог сдержать восторга.

– Спасибо, Виктор Николаевич!

– За что? – удивился капитан-директор.

– За то, что привезли в такое красивое место.

В это время из дежурного приёмника тревожно донеслось: «“Парус”, “Парус”, я – “Тройка”. Нужна скорая помощь!»

– Я – «Парус». Что случилось?

«Нападение на бот», – снова послышалось из приёмника.

– Какое нападение? – лицо капитана заметно побледнело.

«Косатки. Штук тридцать. Отстреливаемся со льдины».

– Ждите! – крикнул в микрофон капитан, и тут же понеслось в эфир на «Захарку»:

– «Маяк», «Маяк», я – «Парус». Измайлыч, прими меры предосторожности. Возможно нападение на боты косаток!

«Настоящее морское братство», – подумал я, сбегаю вниз по трапу за кинокамерой.

Тем временем наше судно, отбрасывая в стороны ледяные усы, несло к терпящей бедствие «Тройке». Когда я снова поднялся на мостик, навстречу, обходя судно с обеих сторон, двигалась стая косаток – китов-убийц. Их длинные спинные плавники, напоминающие косу (отсюда и название

зверя), торчали высоко над водой. Обследовав днище нашего судна, они ушли дальше, пытаясь найти фонтаны.

Впереди на льдине стояли растерянные люди. Несколько минут спустя один из зверобоев сибиряк Николай Игошин – мужественный человек с пшеничной растительностью на лице – рассказывал:

– Вода прозрачная. Вижу: повернулась она боком – и цап зубами моего леопарда, который был на подвеске за бортом. Дёрнула раз – бот зачерпнул воды. Дёрнула второй – снова зачерпнул. Вижу – дело плохо. Выхватил нож и обрезал подвеску. Что и спасло. Успели выскочить на льдину и стали отстреливаться, а они ходят вокруг.

Да! Гриша ещё новость привёз. Ходил на «Захарку». Там добыли уже двух взрослых слонов. Вот бы на чучело!

Лёг спать рано, так как за последние дни очень устал. Руки гудят, спина – тоже.

25 января (воскресенье). Проснулся в 5:20. Вроде бы и выспался, а всё тело болит по-прежнему. Ничего – настроение хорошее. Скоро конец. Вскрывать всё труднее. Сейчас ждут меня в бочках семь зверей за 22-е и один позавчерашний. Среди них: четыре Уэдделла, три леопарда и одна сеголетка крабоеда. Материал всё ценный. Надо вставать.

До обеда законсервировал четырёх Уэдделла. Почувствовал себя плохо. Заснял косаток и лёг спать. После чая и ужина вскрыл восемь зверей (два Уэдделла, пять леопардов и один крабоед). Осталось два Уэдделла за 22-е число.

Уже 1:20 ночи. Спать хочется. Спина побаливает. Настроение хорошее.

26 января (понедельник). Следует ждать беды: заснул в два, проснулся в четыре. Это срыв. Вчера думал, что кризис миновал, а он, видно, только начинается. Сейчас без четверти семь. Надо вставать. Пока не спал, думал о разном. Самочувствие пока хорошее, но что день грядущий нам готовит? Спать два часа в сутки – всё-таки маловато.

* * *

Весь день держался великолепно. До обеда зафиксировал восемь зверей. Потом до ужина вскрыл трёх Уэдделла и одного морского слона. Но после свалился и в 21:00 (невиданное дело) заснул.

27 января (вторник). Проснулся в 5:40. Солнышко светит в иллюминатор. Настроение прекрасное. Даже то, что после вскрытий рука, как грабли (ручку не держит), смешит. В бочке ждёт меня сеголетка крабоеда, а на палубе ещё один слоник (морской слон).

Солнышко: на боте бы сходить для съёмок, а время тратить жалко.

Вскрыл сеголетку и слоника. С «Захарки» приехал на боте Сашка Сомов. Привёз внутренности двух взрослых слонов. Ура!

Стал их размораживать. Когда после чая фиксировал материал, решил разломать лопнувшую стеклянную банку. Потянул раз, опасаясь, что можно порезаться, потом осмелел и сильно рванул. Снёс мякоть на указательном

пальце правой руки. Ранка получилась хорошая. Этого мне только и не хватало для вскрытий! Хорошо, что промысел кончается.

Работу завершил до ужина. Кругляком не привезли. Разделявают на льду. Внутренностями не запасаю. Остались только два слона. Нужно искать выход. Нужно ещё заполучить крабоеда на чучело и две головы (леопарда и крабоеда). Россик, чувствуется, плакал горькими слезами. Всё линиял – нельзя было брать на чучело. Большой слон тоже ускользнул. Нашему судну не попался. Хотел компенсировать маленьким слонёнком, но он оказался плешивым.

Появились и другие заботы. Кажется, задуманного количества (330) не вскрыть. Возможно, промысел закончится дня через два. И всё.

Надо бы на прощанье поснимать и живность с бота. Удастся ли?

Сегодня погода резко ухудшилась. Ветер. Снег. Холод.

Спать что-то не хочется, хотя и выключал уже свет. Палец всё-таки побаливает. Даже писать мешает.

28 января (среда). Выдался чудесный день! Заготовил около сорока крабоедов, двух леопардов. После чая начал вскрывать слонов, доставленных с «Захарки». Закончил работу в 1:30 ночи. У слонов нашёл много очень крупных коринозом (колючеголовые черви).

29 января (четверг). Проснулся в 5:00. Значит, спал только 3 часа. Это слоны меня взвинтили. Такого крупного скребня О.Р.Никольский из Владивостока, вскрывавший антарктических тюленей раньше меня, у слона не находил. Сейчас без четверти шесть. Мимо проплыл слоистый айсберг. Недавно видел оранжевый айсберг. Это его так птицы обработали своими экскрементами. Питаются они крилем, а он – оранжевый. Круговорот веществ в природе, что называется налицо.

Пойду на мостик. Может, что сниму.

День прошёл прекрасно. Заготовил две бочки материала, две головы в музей, да привезли крабоеда на чучело. Зафиксировал материал от слонов.

После ужина отметили окончание промысла. Был Кибальчич с «Захарки». У всех хорошее настроение. Экспедиция удалась.

Поздно вечером чистил черепа.

30 января (пятница). Проснулся в половине четвёртого. Состояние великолепное.

Погода пасмурная и ветреная. Однако пошёл на боте. Заснял крабоедов и леопарда. Пингвины не встретились. Видимость ухудшилась. К обеду вернулись на судно. После обеда свалился и заснул. Потом долго возился с аппаратурой. Объектив забрызгало морской водой. После ужина сходил в баньку. Потом – на работу. Перемыл посуду. Вскрыл четырёх зверей: трёх леопардов и крабоеда, добытого на чучело. Закончил в час ночи. Зафиксировать не успел. Лёг в два.

31 января (суббота). Встал в 4:30. Написал этикетки. Побрился. Умылся. Иду фиксировать. Уже шесть часов.

День получился славный. Работал, как зверь. Настроение и самочувствие до 23:00 было отличное. Вскрыл 20 зверей и всех зафиксировал. Только посуду помыть сил не хватило. Еле приполз в каюту. К тому же заложило левое ухо. Звон. Ничего не слышу. Как чумной. Очевидно, из вентиляции продуло.

Такое количество зверей за день мы вдвоём с Тайковым на Командорах с трудом одолевали.

Остались три бочки на палубе. Надо убавить свой пыл. Так и загнуться можно.

1 февраля (воскресенье). Проснулся в половине пятого. Кажется, выспался. Приятно гудят руки. Слышен приглушённый шум машины. Покидаем льды. Немного грустно. Прощай, Антарктика! Надо вставать. На палубе ещё 3 бочки кишок. Более сорока зверей. Вскрывать во время качки дело не из приятных.

Встал. Грузёное судно, тяжело переваливаясь с боку на бок, спокойно пробирается между царственно дремлющими айсбергами. Это наши друзья: среди них не качает. Во льдах мы получили лишь две пробоины. Мы не в обиде. Все помыслы направлены вперёд, в будущее. Предстоит одолеть свирепые шестидесятые, неистовые пятидесятые, ревущие сороковые, огнедышащие тридцатые, двадцатые и десятые широты в южном полушарии и такие же в северном. Предстоит трёхмесячное возвращение на Родину.

Примечание из-за пределов дневника. Нам пришлось шесть суток пробиваться сквозь девятибалльные шторма, страдать потом от тридцативосьмиградусной жары. Мы все покрылись струпьями, а когда вошли в наши холодные воды, то наши носы, потерявшие иммунитет в тропиках, превратились в настоящий Ниагарский водопад. Но ничто не смогло остановить нас на пути домой.

Однако вернёмся к 1-му февраля нашего дневника.

За день вскрыл 16 зверюг. Закончил в 22:00. Немного укачало. Побаливает голова. В обед налетел шквал. Меня опрокинуло и я на спине проехался по палубе. Потом выяснилось, что не в тот чан бросил тюленьи головы. Одни неприятности.

2 февраля (понедельник). Ночью несколько раз просыпался. В 4:20 даже вставал. Но в целом выспался хорошо. Окончательно поднялся в 6:45. Ещё два дня напряжённейшей работы. С помощью ребят перенёс 2 бочки кишок с палубы в цех. Вскрыл 16 зверей, в том числе трёх леопардов. Помыл посуду. Освободил от брыжейки кишки оставшихся 14-ти тюленей. Заполнил журнал. Закончил в 23:00. Устал. Все сейчас заканчивают работу в 16:00, а мне по-прежнему приходится пахать часов 15–16 в сутки, а раньше бывало и больше.

3 февраля (вторник). До обеда вскрыл последних 14 крабодедов. Потом очень долго (даже после ужина) фиксировал материал в мелких американских пробирках.

Было партсобрание. Всё-таки идём в Сингапур. Там будем находиться 20 дней. Можно будет снимать.

Лёг спать в 2:00.

4 февраля (среда). Встал в шесть. Надо начинать упаковываться. В левом ухе постоянный звон. Продолжается с 31-го января. Весь день работал не разгибая спины. Закончил в 24:00. Восемь ящиков готовы. Девятый – завтра. Покачивает. Состояние не очень.

5 февраля (четверг). Весь день штормит. Неприятно. Закончил упаковку материала. Осталось доварить и почистить два черепа: леопарда и крабоеда. Сейчас 16:00. Надо почитать «Петра Первого». Настроение подавлено сильной качкой. Уже 23:30, а кувыркает по-прежнему. Надо ещё почитать.

6 февраля (пятница). Всю ночь шкивало. Спали плохо. Сейчас 10:00 утра. Шторм усилился. Даже писать трудно. Однако мозги оттаяли. Самочувствие лучше, чем вчера. Заснял палубу. Был на мостике. Идут неистовые пятидесятые. Утром были на 51 параллели. Вчера радовало солнце. Сегодня мрачно, как в мешке. Весь пароход спит. Тишина. Только океан беснуется за бортом да скрипят переборки. Ветер – 19 м/сек. Давление – 732 мм ртутного столба.

17 часов. Шторм усилился, хотя и появилось солнце. Началась и боковая качка. Всё летает, бренчит. Моряки чертыхаются. Шторм никому не нравится. Только мне он нужен да покрепче: для киносъёмки.

7 февраля (суббота). Ночь была кошмарная. Мяло в постели, как несчастного червяка. Четвёртые сутки девятибалльный шторм не утихает ни на минуту. Измотал всех. Сейчас без четверти 16. Чай отменили. Обед был комичным. Только второе. И то с трудом доставлялось к столу кем-нибудь из матросов.

По моим наблюдениям, качка на ЗРСе бывает следующих типов:

а) лёгкое покачивание;

б) сильное маятниковобразное качание;

в) просеивание в решете;

г) размазывание по постели;

д) замешивание теста и другие, более обычные разновидности: килевая, бортовая и т. д.

8 февраля (воскресенье). Шторм не прекращается. Всё скрипит, как ржавое железо. Уже 16:15. Работа на судне парализована. Ревут вовсю сороковые. Слава богу, мозги не давит. Между сном урывками можно и почитать. Сонливость одолевает великая. Правда, по-настоящему поспать не удаётся. Быть может, именно поэтому постоянно хочется спать.

9 февраля (понедельник). Стихия не унимается. Всю ночь снились страхи. Будто падал с крыши многоэтажного дома. Переход кажется сном – бесконечным и муторным. Пребывание на корабле после сбора материала кажется глупым. Это потому, что нет настоящего дела. Береговая привычка. Успокоение – в чтении. Одолеваю «Петрушу». Уже более 300 страниц прошёл.

Вечером смотрел «Одинокое плавание». Когда вышли, очень сильно качало. Все чертыхаются.

10 февраля (вторник). Вчера получил Наташкину телеграмму. Снилось всю ночь. Тревожно: будто мы всё время терялись.

Качка не унимается. Надоело.

11 февраля (среда). Вчера очень резко разговаривал с Бухтияровым. Высказал всё, что накипело. Весь день ходил надутый, как вошь. Его катают, кормят, поят, а он ни с кем не здоровается. В кают-компании не придерживается общих правил: при входе для приёма пищи не спрашивает разрешения у капитана; уходя, не желает всем приятного аппетита и т. д. Это совсем не вяжется с понятием не только интеллигентного, но и просто нормального человека. Что это за учёный, который ведёт себя так недоброжелательно по отношению к окружающим? Просто выродок какой-то. Идиот.

Высказал, но сам оказался в крайне подавленном состоянии на целый день. И так всегда. Поругаешься, чувствуешь, что прав, а всё равно переживаешь не менее трёх суток.

12 февраля (четверг). Проснулся в 3 ночи. Переживания продолжаются. Но есть и приятные новости. За сутки отмахали 300 миль. Началась настоящая жара. Находимся на 32-ой параллели. Совсем не качает. Не верится, что ещё недавно нас так жестоко мучил шторм.

13 февраля (пятница). Объявили тропическую форму. Вчера спазм сосудов мучил весь день. Вечером пошёл к доктору. Проглотил 2 таблетки. Уснул более или менее нормально. Проснулся в пять. Уже жить можно. Правда, лоб по-прежнему давит. В полседьмого пошёл бегать. Через полчаса немного легче стало. Как я ненавижу эти ссоры!

Начинается настоящая жара. Каюта открыта. Включили вентилятор. Находимся где-то на 26-ом градусе южной широты, так что греться придётся ещё долго.

16:20. Оттаиваю – ура! Снова появилась радость жизни. На палубе празднично. Играют в волейбол. Смеются. Приятно наблюдать такие отношения. На фоне их ещё более глупыми и несчастными кажутся волчьи отношения с людьми у Бухтиярова. Злость на него прошла. Осталась жалость. Очевидно, он – тяжело больной человек.

Совсем не качает. Как в самолёте. Только намного тише, а потому и приятнее.

14 февраля (суббота). Проснулся в половине пятого. Настроение отличное. Снились Света, ректор Сидякин в гостях, ещё кто-то.

Долго обдумывал статью «У ледяного континента». Вспомнил выступление перед экипажем по просьбе первого помощника, когда не ладилось с промыслом: «Не на луну высадились – найдём зверя!» Потом – море Дюрвиля. Нападение косаток. Анекдот капитана о белорусах: «Чаво уж там, ляпи...»

А сейчас – ночь. Совсем не качает. Впечатление неподвижности. Только вентилятор шумит у ног.

Хороша всё-таки жизнь. Вечером слушал лекцию Лёши Трухина о птицах. Молодец! В каюте снова прочёл Наташкину телеграмму. Соскучился. А до встречи ещё больше двух месяцев. Надо терпеть.

15 февраля (воскресенье). Спал в целом хорошо, хотя дважды просыпался. Лоб немножко жмёт. Видать, от жары. Вчера получил Ветину телеграмму о командировке в Калининград.

Занимался подготовкой отчёта. К вечеру закончили бассейн на слипе. Купался в Индийском океане. Лепота!

16 февраля (понедельник). Жарко. Ночью несколько раз просыпался. Выходил на палубу. Луна! Звёзды! Настроение великолепное. Опять праздник, который всегда с тобой! Вчера вечером начал писать статью «У ледяного континента». А сегодня весь день пишу отчёт.

В 12:00 были на 15° S и 102° E. Температура воздуха – 32°, воды – 28°. Много купался в бассейне.

Море – синее. Небо – нежно-голубое. Встретили летучку. Испугались. Изменила направление полёта и ещё далеко пролетела. Жить всем хочется.

Был красивый закат. Лучи веером в виде широких полос.

17 февраля (вторник). Тропики намного сочнее умеренных широт. Особенно это чувствуется ночью. Луна – огромная. Белые пышные облака. Звёзды – яркие. Лунные блики за бортом. Воздух ласков и нежен. Сказка! Непроходящий праздник!

В 11:30 шли сквозь Кокосовы острова и острова Рождества (Австралия). 11° S, 100° E. Температура воздуха – 38°, воды – 30°. Безветрие. Облачность 5 баллов. Краски сочные. Длинный след за кораблём.

Весь вечер был варёным. Не писал. Сидел в бассейне. Правда, днём закончил черновой вариант отчёта. Жара снижает работоспособность. Нет даже летучек, и, кажется, снять их уже не удастся.

18 февраля (среда). Проснулся в 6:00. Жарко. Приснилось, будто москвичи гонялись за мной по городу. Пришёл я в учреждение. Швейцаров человек пять. Не пускают к начальству. «Пустите! – говорю. – Всё равно начальство ваше или в шахматы играет, или водку пьёт. Оно совсем не занято. Я это знаю. Видел не один раз!»

Швейцары решили за эти слова меня поколотить. Долго пришлось бегать между домами. Слава богу, не поймали – проснулся.

19 февраля (четверг). Спал на боте. Не жарко, но тропики чувствуются. Весь день пишу статью. Утром попробовал заснять летучек – не получилось. Снял олушу на флюгере. Присела отдохнуть. В каюте не жарко. Ребята приходят отдохнуть. Завтра пересекаем экватор. Потом поменяем курс. Двинем на восток – в Сингапур! У многих от безделья начинается хандра. У меня же настроение отличное. Вчера закончил отчёт. Сегодня пишу статью. Даже 20 сингапурских дней не пугают. Хочется всё увидеть и заснять, чтобы потом показать другим.

20 февраля (пятница). В 7:32 пересекли экватор. Он нам уже знаком. Ажиотажа нет. «Подлец человек ко всему привыкает». Жарко. Закончил

«У ледяного континента». Переписал. Вечером долго и приятно разговаривал с Лёшей. Парень – прелесть!

21 февраля (суббота). Пугает то, что ещё 40 дней пути (на самом деле получилось почти в два раза больше). Серьёзная работа закончилась. Нужно компенсировать пробелы в художественной литературе.

К 12-ти часам. Было так жарко, что и в Сингапур расхотелось заходить. Потом поднялся ветерок. Читал наверху Жюль Верна.

22 февраля (воскресенье). Насчёт Сингапура накаркал. После обеда научную группу вызвал к себе капитан и сообщил, что получена радиogramма пересадить нас на попутный корабль до захода в Сингапур. Ну и чёрт с ним! Быстрее дома будем. Неприятно лишь то, что за людей не считают. Свины! Среди чиновников это обычное дело. Терпеть не могут тех, кто выше их по интеллекту.

Идём Малаккским проливом. Ветер освежает. Встречаются всевозможные корабли. Веселее, чем в безлюдном океане.

Ночевал в боте. Не жарко. Выспался хорошо. Но перед чаем разморило. Видно, немного перегрелся наверху с Жюлем Верном.

23 февраля (понедельник). Праздник. Ночью было жарко. Вставал несколько раз. Любовался звёздами. После обеда ужасно разболелась голова. Это от жары. Просто подышал. К чёрту Сингапур! Скорее бы вырваться из этого пекла. Струпья в бороде, на сгибах локтей, а на матроса-тостяка, который в начале промысла во время вскрытия мною тюленя поил меня чаем из собственных рук, смотреть страшно – весь в струпьях. Говорят, это потница. Пот и у меня всё время ручейками бежит по спине, будто мухи ползают. Постоянно дёргаешься всем телом, стараясь освободиться от неприятных ощущений.

Вода в Малаккском проливе зелёная, болотного цвета. Пересекающие нам дорогу маленькие военные сингапурские кораблики прямо сливаются с нею. Они тоже зелёные.

Вечером посидели у старшого. Во-первых, праздник, во-вторых – день рождения у Прошки – матроса с золотыми руками. Он в начале рейса сделал мне декоративный нож с рукояткой в виде бабы-яги из новозеландского красного дерева.

24 февраля (вторник). Настроение хорошее. Ветер. Пасмурно с утра. Наверху даже холодно в обнажённом виде. Потом сквозь дымку пробилось солнышко. Вода зелёно-стальная. Обогнал оригинальный, громоздкий, как сарай, красный японский паром. Потом пробежали вояки. На горизонте появился долгожданный Сингапур. Небоскрёбы на равнине показались несуразно торчащей в небо арматурой гигантской незаконченной стройки.

Мы направляемся не к ним, а в воды Вьетнама. Там ожидается перегрузка почти всей продукции на другое судно. У нас останется только топлёный жир в танках.

Вечером пришвартовались к РТМС «Юрий Терентьев». Вся наша команда была поражена разнообразием и качеством сингапурских товаров, при-

обретенных счастливыми с «Терентьева» в волшебном городе. Меня больше всего восхитило качество цветных фотографий в прекрасно оформленных альбомах. Да, наш социализм таким сервисом не сверкал. В этом деле мы заметно уступали.

25 февраля (среда). Спали прямо на матрацах на чистой верхней палубе. Я заметил, что многие моряки и раньше старались положить свой матрац рядом с моим, чтобы была потом возможность поговорить со мною, что называется, «по душам». Все они были по-детски откровенны. Рассказывали о самых своих сокровенных мыслях и чувствах. В итоге получалось, что у всех у них – семейные трагедии. В результате этих разговоров, длящихся часто до трёх часов ночи, у меня сложилось твёрдое убеждение, что души моряков – это зияющие раны. Прав был Толстой, сказав однажды, что самой страшной трагедией для человека является трагедия постели. У моряков с их постоянными длительными разлуками эта проблема стоит особенно остро. Счастливых людей среди них нет.

Стоим на якоре. Ждём перегруза. Опять безделье. Чувствуешь себя в высшей степени глупо. Быстрее бы всё это кончилось (в любую сторону: или в Сингапур, или домой).

Читаю Жюль Верна. Пошло много ляпсусов. Раздражает.

26 февраля (четверг). Приснился ужасный сон. Будто ругался со Светой из-за Веры Кулик (её бывшей ученицы). Её вместе с сыном Юрой моя любимая жёнушка решила переселить к нам в квартиру. Ругались так сильно, что я проснулся.

В 8:00 пошли новые разговоры. Якобы в Сингапур зайдём только на 2 дня, а потом – в Корсаков. Это касается только научной группы и тех моряков, кто не будет задействован на ремонте судна. Отлично! Быстрее будем дома.

После чая проявлял плёнки. Самую ценную перепроявил – сильно нагрелись реактивы.

Вечером не спалось. Читал примерно до двух.

27 февраля (пятница). Разбудил спикер в 7:00. Не жарко, слава богу.

Весь день читал. Немного загорал. Вечером смотрели «Непобедимого».

Да! В обед купались за бортом – прямо в океане. Заснял на киноплёнку прыжки с кранцев. Довольно высоко. Лучше всех нырял капитан.

28 февраля (суббота). Спать было вроде бы и не жарко, а всё равно дважды просыпался. Снилось что-то неприятное. Утром встал варёный. Только четвёртые сутки стоим на якоре, а уже надоело неимоверно.

Подошёл «Терентьев». Завтра, возможно, подойдёт «Захарка».

1 марта (воскресенье). Был жаркий день. Написал методику к отчёту. Прочитал статью «У ледяного континента» первому помощнику. Он предложил прочесть её перед экипажем. Состоялась встреча по волейболу между зубаревцами и захаровцами. Посмотрел первую серию «На камнях растут деревья». На вторую духу не хватило. Завалился спать.

2 марта (понедельник). Проснулся в половине шестого от духоты. Ушёл на ботдек, но до утра уже не заснул. Какое тягостное ожидание дальнейших событий.

День прошёл в жаре и духоте. Вечером Бухтияров сказал, что завтра утром на «Терентьеве» уходим в Сингапур. Я стал спешно собираться. Вдруг старпом дал отбой. И слава богу! С таким грузом перебираться на другое судно – дело невесёлое. 18 картонных паков с научным материалом, 2 бочки со шкурами для музея и три места личных вещей (рюкзак, чемодан и экспедиционный ящик). Во льдах поработал на славу. Собрал материал для одной докторской и двух кандидатских диссертаций. Уродовался не даром. Благо, молодость всё выдерживает, а мне только 49 лет. Энергии – ого-го! Хватит на троих!

После ужина экипажу читал «У ледяного континента». Вроде бы понравилось. Игошин предложил свою фотографию. Галаджев рассказал о страшном дне 13 декабря, когда он чуть не погиб у острова Янг, спасая Казанцева. Бот дважды поставило вертикально: волна и сильнейший ветер.

3 марта (вторник). Такое чувство, будто публично совершил неблагоприятный поступок. Это всегда так: очень стесняюсь своих вещей (откровений, исповедей и т. п.). Весь день чувствовал себя неважно. После обеда разболелась голова. После чая проглотил таблетку. Вечером состоялось партсобрание. Произошла стычка насчёт захода в Сингапур. Потом смотрели фильм «По главной улице с оркестром». Расчувствовался. Вспомнил семью. Долго не мог заснуть.

4 марта (среда). Проснулся в 5. Днём занимался зубами. Вечером смотрел примитивный фильм «Долг в любви».

5 марта (четверг). Проснулся в час ночи от духоты. С подушкой ушёл на палубу, а там – дождь. Пристроился на диване. Вроде бы заснул. Утром пасмурно. Тучи – чёрные. Мелкий дождик. Приятно. Повеяло родными умеренными широтами.

В 16:30 двинули к Вьетнаму на перегруз. Уходим от Сингапура, но всё же двигаемся, и то приятно.

6 марта (пятница). Весь день занимался зубами. Играл в домино. Смотрел первую серию «Странной женщины». Идём на перегруз. Облачно. Несколько раз шёл дождь.

7 марта (суббота). Проснулся вроде бы в хорошем состоянии, но когда поднялся, от духоты почувствовал себя пьяным. Гришке досталось ещё больше. Он перебрался на диван, ибо над иконкой вентилятора нет.

Немного побегал на палубе. Принял душ. Жить вроде бы можно, но в каюте очень душно.

Какой затяжной рейс...

Вечером начался перегруз на «Терновск» (Владивосток). Нахлынули вьетнамцы. Всё просят. Неприятно. Как раз моя вахта.

8 марта (воскресенье). Весь день перегружались. Были гости с «Захарки» (капитан с дедом). Наш капитан пригласил меня. В конце концов плохо

выступал наш дед. Не дал им какое-то кольцо к двигателю. Вот тебе и морское братство.

Вечером на моей вахте вьетнамцы начали воровать краску из бочки на палубе, повымазались и выдали себя. Настроение припортилось. Их накормили, напоили и... на тебе. Воровать.

9 марта (понедельник). Вчера получил две телеграммы: от Светы и Наташи (об операции). Соскучился по дому страшно.

Ночью было душно. Проснулся, а «Терновска» уже нет. Сдаём оружие на какое-то наше судёнышко типа «Маёвка», или «Мбёвка» (есть такая чайка). Сдав, полным ходом пошли к Сингапуру. Наконец-то. Даже не верится. Столько дёргались. Всё может снова сорваться.

Вечером досмотрели «Странную женщину» и ещё какой-то хороший фильм (начало не захватил) с Польских и Мкртчяном.

10 марта (вторник). Идём в Сингапур. Радости никакой. Всю душу выпотрошили за 2 недели нервотрёпки.

Вечером смотрели дешёвый фильм «Второй раз в Крыму».

11 марта (среда). Спал на палубе. Луна. Звёзды. Облака. Судно будто стоит на месте. Красота! Благодать!

После обеда зашли в Сингапур. Оформились. Стали на рейде.

12 марта (четверг). Высадились в город. Правда, видели мало. Весь день угробили на «Атаку». Так называется район с родными русскому сердцу названиями магазинов «Владивосток», «Севастополь», «Одесса», «Николаев» и т. д. Отovarились удачно.

13 марта (пятница). С утра пошли слухи о том, что завтра уходим на пассажире. Вечером собрали и сказали, что да. Потом дали отбой. Остался осадок и протест против бесконечного дёрганья. Спал плохо.

14 марта (суббота). Звонил Кибальчич с «Захарки». Они улетают самолётом. Мы остаёмся.

15 марта (воскресенье). Жара. Безделье. Был на «Захарке». Оказывается, москвичи не хотят улетать. Просто их пытаются спровадить. Москвичей на Дальнем Востоке не любят. Это я знаю по Чукотке, Камчатке, Магадану. Не нравится людям, когда ими бесцеремонно и грубо помыкают.

Завтра вроде бы заходим в док: латать пробоины, полученные во льдах. Быстрее бы. Пора домой.

16 марта (понедельник). Утром зашли в док. Место неинтересное. Вечером ездили на остров Синтоза смотреть поющие фонтаны. Предварительно много о них было разговоров. Поэтому, как и следовало ожидать, наступило некоторое разочарование. Ожидал большего. И всё же это действительно седьмое чудо света, созданное вроде бы японцами. Такой красоты раньше не видал. И вообще на острове было ощущение рая. Тёмная-тёмная ночь. Обволакивает, как ласковая шаль. Вокруг тебя бегают с бенгальскими огнями дети. Кричат, веселятся. Везде слышен праздничный говор взрослых. Впечатление всеобщего счастья.

17 марта (вторник). Весь день кантовался на пароходе. Жара. Безделье. И это у всего экипажа. Гнетущее впечатление. Вечером с Лёшей не выдержали – ушли в самоволку. Немного погуляли. Поймали жаб для музея. Спать лёг рано, так как не было света. Принесли третью поздравительную телеграмму (от Ани – Светиной подруги). Первая была от Наташки вчера, вторая – от Светы с Ветой сегодня утром. Это меня заранее поздравляют с днём рождения. Именинником я стану на самом деле аж двадцатого.

18 марта (среда). Вроде бы организуется экскурсия в город. На автобусе. Прекрасно!

Но – очередной парадокс: автобус не пришёл. Сломался. Вот тебе и «фирма гарантирует». Оказывается, и у капиталистов бывает бардак. Бардак на всём белом свете. Пляска парадоксов. Пляшут они по своему – парадоксальному закону. Только сильная рука может их иногда упорядочить.

Уехали городским транспортом в профсоюзный магазин. Нашёл Коле Амосяцкому теннисные мячи. Очень рад.

В час дня наконец-то пришёл фирменный автобус. Поехали на «Камикадзе». Взрослые моряки веселились, как дети. Я не отставал. По змеевуку летал с превеликим удовольствием, притормаживая от страха ногами своё стремительное падение по трубе вниз, в бассейн. Русского человека ни в чём нельзя остановить. Мои друзья зверобои выскочили вдруг из бассейна и рванули голяком по территории к естественному водоёму вдали. Я увязался за ними и тоже поплыл по озеру. Потом вдруг опомнился: «Чёрт побери! Это же экватор! Тут вода кишит личинками кровяных сосальщиков, которые через кожу внедряются в тело человека и, вырастая, выводят из строя его мочеполовую систему». Я резко повернул назад и выбрался на берег.

Великолепной была экскурсия и в птичий парк. Когда ехали на автопоезде, на нас вдруг обрушился настоящий тропический ливень. Для фото – плохо, для ощущений – сплошное удовольствие. На деревьях орали как резанные всевозможные попугаи со всего света. Непонятно по какой причине кричали: от страха или от удовольствия?

19 марта (четверг). Весь день сидел на пароходе. Писал музыку.

20 марта (пятница). Сегодня мне стукнуло 49. Удачно побывал последний раз в увольнении. Отоварился. Рад, что в каждую семью что-то приобрёл.

В 20:00 двинули домой. Для проформы бросил пятак за иллюминатор, хотя в душе понимал, что никогда больше я сюда не вернусь. Сингапур изрядно надоел. Почти месяц (с 24-го февраля по 20-е марта) вертелись вокруг него. Всё тело в прыщах. Пот постоянно бежит по телу струйками. Не для северного человека этот город. Хочется домой. Прощай, Сингапур! И прости: у тебя есть много и хорошего. Помимо прочего, я приобрёл здесь волшебные очки типа хамелеон. Таких я не смог и в Америке приобрести. Они прослужили мне полжизни, и любовь моя к ним только нарастала.

Вечером скромно отметили мой день рождения.

21 марта (суббота). Идём, как по луже. Ветра нет. Жарко. Душно. Скорее бы родные температуры!

22 марта (воскресенье). Жарко и душно. И голову некуда сунуть, а она болит. Вечером снова пропал матрац на палубе. Решил радоваться препятствиям.

23 марта (понедельник). Оказывается, матрац утащили не те, кого по-дозревал. Ещё раз убедился в том, что горячиться – всегда вредно.

24 марта (вторник). Идём по луже – Южно-Китайскому морю. Флаг висит. Душа плачет: жарко, душно. Кому нужны такие страдания? А ещё вроде бы суток 13 шлёпать надо. Многовато. Так и загнуться можно. В расцвете сил. Какие всё-таки здесь масштабы! Не то что Европа.

Вечером смотрели «Средь бела дня».

25 марта (среда). Ночью чуть-чуть пахнуло севером. Правда, ветер с правого борта. В нашей каюте по-прежнему будет пекло.

26 марта (четверг). Весь день штормит. Баллов 5–6. Идём всё ещё в Южно-Китайском море. Надоело. Хочется побыстрее на берег.

Глупее ситуации не придумать. Работы нет. Книг не дают. В конце концов привыкаешь к дармоедству.

28 марта (суббота). Весь день прошёл в болтанке и тоске. Вечером смотрели «Жестокий романс». Талантливая вещь.

29 марта (воскресенье). Ночью рассыпалась электросхема. Утром тоже. Случись это во время приличного шторма – нам кирдык. Туман и густой дождь. Тоска. Немного побаливает голова. Надоел переход, как горькая редька! Хочется быстрее домой!

Незавидна ты, жизнь «корабельная».

30 марта (понедельник). Весь день штормило. Вечером смотрели фильм «Ещё не вечер».

31 марта (вторник). После обеда шторм усилился. Коля Игошин подарил пачку сигарет. И здесь сибиряки, надёжные, как скала! Как под Москвой! Как под Сталинградом.

1 апреля (среда). Упаковали музейный материал. Почти вся команда заболела на подступах к родным берегам. Тропики разрушили иммунитет. Я долго держался. Но сегодня наступила и моя очередь. Инфекция влезла основательно. Ложился спать совсем больным. Голова, горло, лёгкие. Не вру.

2 апреля (четверг). Проснулся в лучшем состоянии. Однако все дыхательные пути поражены.

К ужину выглянуло солнышко. Но на палубе довольно холодно. Чувствуется, что приближаемся к снегам России.

3 апреля (пятница). Утром часов в восемь бросили якорь в Находке. Весь день ждали властей. Они приехали только после ужина. К их чести, и карантинная, и таможенная службы отнеслись очень доброжелательно. Чемодан и остальные вещи даже не смотрели. Только насчёт литературы спросили. Знают, что является самым грозным оружием. Интуиция меня снова не подвела. Был удивительно спокоен перед проверкой. Так и вышло. Хорошо жить, когда совесть чиста.

4 апреля (суббота). Утром восьмичасовым катером высадился в город. Под ледяным дождём с большим носом несколько часов бродил по многочисленным сопкам Находки в поисках контейнерной службы. С большим трудом нашёл её далеко за городом – на станции «Находка».

Раскопал начальницу. Ею оказалась огромная баба с каменным лицом, восседавшая за большим столом в очень большом кабинете. Вспомнился анекдот: «У нас в Техасе всё большое». То, что она не предложила мне сесть и я стоял перед ней, как жалкий мальчишка, было явно не в мою пользу. Я понял, что столкнулся с матёрым зверем, привыкшим разговаривать с посетителями с позиции несокрушимой власти. Объяснив ей, кто я и откуда, очень нежно попросил у неё контейнер для отправки груза в Симферополь.

– У нас контейнеры только плановые, – отрезала она.

– Но ведь я в целом для государства стараюсь. Создаю музей. Он будет воспитывать людей.

– В понедельник приходите с письмом с корабля. Завизуруем. Потом с ним поедите во Владивосток. Если разрешат, то дадим.

– Но Владивосток – закрытый город. У меня пропуска нет. Да и денег нет на билет. Туда всё-таки 200 километров.

– Меня это не волнует.

– Можно же по телефону позвонить. В каком веке живём? Идёт перестройка.

Баба совсем рассвирепела:

– Это вы на Западе её придумали. Вы и перестраивайтесь, а мы не будем!

Я продолжал упрашивать это животное, но, не зная броду, совсем испортил дело. В горячке из моих уст соскочило слово «шкуры».

Баба завизжала, как свинья:

– Шкуры! И он хочет получить контейнер. Нет! Нет! И нет! Контейнеры запрещено выдавать под шкуры!

– Но они герметично забондарены в двух бочках, – пытался я спасти положение.

– Нет! – заорала она, не оставляя мне никаких надежд.

В это время сзади кто-то вошёл в её необъятный кабинет.

Баба спасительно вскочила и, глядя через моё плечо на посетителя, продолжала орать, тыкая в мою сторону пальцем:

– О! О! О! Если бы у него сейчас был пистолет, он меня застрелил бы!

Должен признаться, что она говорила сущую правду. Как побитый пёс, выполз снова под ледяной дождь. «Где же правда? – негодовал я. – Эта глупая баба только что нанесла вред нашему государству! Я всё равно груз отправлю. Но сделать это смогу только на Сахалине, а для государства это обойдётся дороже».

Побродив по городу, вспомнил, что именно из Находки в былые времена я привозил своим родичам – любителям пива – сушёных кальмаров. Побегал в «Океан». Но и здесь меня ждала неудача. Сказали, что к ним кальмары поступают из Посьета и только раз в месяц. Сейчас нет. Любимая Родина

встречает сплошными парадоксами: заразила бактериями, контейнеров не дала, кальмаров – тоже. Вдруг показалось, что солнышко смилостивилось надо мной. Появилось. Пригрело. Но, увы, очередной парадокс. Под солнечными лучами меня так развезло, что я еле дополз до рыбного порта. Спрятавшись в полуразрушенном контейнере от ледяного ветра, полтора часа просидел в ожидании рейдового катера. Мышцы болели ужасно. Лицо корёжило в разных плоскостях. Нос превратился в Ниагарский водопад. Вечером на судне стало ещё хуже.

5 апреля (воскресенье). Ребята уговорили снова податься в город. Отправились на толчок. Ничего интересного не нашли. Зато появившееся небесное светило очень быстро нашло меня и решило проучить за слушание. Оно развезло меня так, что я потерял способность двигаться. Улёгся в парке на скамейке набок, чтобы жидкость из носа струилась не на бороду, а падала прямо вниз – на землю. Смотреть на свет было просто невозможно. Лицо снова корёбило. Вечером болезнь усилилась. Болела вся грудная клетка и особенно мышцы рук. Появилось музыкальное сопровождение драмы – кашель, чих и прочие атрибуты. Сильно морозило. Утепился бельём и шубейкой. Не помогло. В общем помирал. Странно, но даже в таком состоянии вдруг захотелось позаниматься английским. К сожалению, в школе у нас был только немецкий.

6 апреля (понедельник). В отличие от предыдущих дней, уже с самого утра самочувствие было отвратительным. В город не поехал. Весь день занимался английским. Очень болели мышцы рук. Правой вообще не мог шевельнуть. Такого раньше со мной не было.

Вечером стал прошибать пот. Кашель немного смягчился. Значит, дела повернули на поправку. Кризис миновал. Мозги уже работают хорошо. Из Владика вернулся Лёшка. Побывал дома. Доволен, как слон. Его можно понять, а тут на пароходе холодно и сыро. Болеет почти весь экипаж. Интересно, куда подевалась наша «корабельная» медицина. Люди погибают, а она скрылась за горизонтом. Парадоксы, опять парадоксы. Пляшут вокруг без устали.

7 апреля (вторник). Видимо, мой внутренний голос выбрался из дебрей на знакомую дорогу, на которой было начертано: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» Поэтому в шесть утра я проснулся почти в нормальном состоянии. Отдалённые раскаты грозы доносились лишь из лёгких да по-прежнему ещё болели мышцы. Кажется, я легко отделался. И вообще всю экспедицию прошёл молодцом. Можно и повторить.

8 апреля (среда). Вчера вечером с матросом Чёрником отправились на берег сходить в кино и позвонить домой. В кино не попали. Дозвониться до дома, несмотря на исключительную доброжелательность телефонисток, тоже не удалось. Но около четырёх ночи посчастливилось связаться с Гэней – женой Светиноного брата. Настроение моё подпрыгнуло до потолка, хотя и предстояло более двух часов ждать утренних автобусов.

Весь день отсыпался. К вечеру смотался в «Оптику» с надеждой купить винтик для сильных очков, но его там не оказалось. Денег на переговоры не сумел достать, поэтому, не солоно хлебавши, вернулся на пароход и весь вечер просидел в каюте.

9 апреля (четверг). Проснулся около семи. Вдруг осознал, что со сроками возвращения домой горю синим огнём. Все планы летят в тар-тарары. Когда отправимся на Сахалин, неизвестно. А тут уже начинаются приключения. Казанцев в пьяном виде упал за борт. Утопил паспорт. Соломатин попал в милицию. То ли ещё будет! Пора срываться.

Попытался дозвониться домой – не получилось. Зато купил консервов. После ужина ещё раз смотался в город. Хотел позвонить на работу – не дали. Вернувшись, посмотрел индийский фильм «Если ты не со мной». Перед сном зашёл Лёшка. Приятно поговорили.

10 апреля (пятница). Регистр не прошли. Задерживают до понедельника. Устал возмущаться.

11 апреля (суббота). Бродил по городу. Смотрел памятники. Надуло в уши. Левое совсем заложило. Это Антарктика шлёт привет.

Первый помощник почему-то именно со мной захотел съездить завтра в Партизанск. Отказать неудобно. Согласился.

12 апреля (воскресенье). Ездил с первым помощником в Партизанск. Холодно и неинтересно. А ещё к тому же всё время норовил, чтобы я его обслуживал. В столовой я отыгрался на нём за это нахальство. Со зла бухнул ему в пельмени аж две ложки уксуса. Он, оказывается, видел. Думал, что масло, и радовался. Всё же сожрал. Потом жаловался, что болит живот. Это была единственная в моей жизни пакость по отношению к КПСС. Против неё я ничего не имел. Всегда помнил, что она трижды меня выручала на крутых поворотах.

13 апреля (понедельник). Левое ухо совсем заложило. Надо вырываться быстрее на юг. Боюсь осложнений после гриппа. Никак не проходит.

Должен сказать, что мои опасения оправдались. Вернулся домой совсем разбалансированным. Обратился к врачам. Они узнали, что я был в тропиках, и выписали не менее двадцати направлений на анализы. «Угробят, – подумал я. – Точно угробят». Выбросил направления и доверился судьбе. Через полгода почти полностью восстановился. Правда, возникла новая проблема – с зубами. Раньше они никогда не болели, а после Антарктики стали вываливаться один за другим. Любопытно, что перед этим мне приснилось, будто я сам вынимаю их из лунок без всяких болевых ощущений. Так что сон оказался абсолютно вещим.

Однако вернёмся к 13-му апреля 1987 года. С этого числа я перестал вести дневник, так как записная книжка кончилась. Но я хорошо помню дальнейшие события. Они настолько значительны, что о них стоит рассказать.

Через несколько дней из-за глупой бабы на станции «Находка», не выдавшей мне контейнер, разрываясь от отчаяния, потащил я свой драгоцен-

ный груз не на запад – в родной Крым, а против всякой логики и во вред государству – на восток, на Сахалин, куда уходило наше судно «Зубарево» в свой порт приписки – город Корсаков. Выбираясь из этого омерзительнейшего положения, я в очередной раз столкнулся с тем, что проблему, которую не может решить большой начальник, запросто одолевает простой советский человек. На нашем судне работала буфетчицей красивая, статная, похожая на Быстрицкую, очень весёлая и очень доброжелательная молодая женщина Люда (кстати, родом из Севастополя). Она была Гришкиной пассией и часто бывала в нашей каюте. Узнав о моей беде, она тут же меня успокоила:

– Не переживайте – я вам помогу. В Корсакове в трансагентстве работает моя знакомая. Она легко решит ваш вопрос.

Так и вышло. Только хлопот на моём пути было ещё очень и очень много. В это трудно поверить, но по моим подсчётам, чтобы мой груз в конце концов попал на кафедру, мне пришлось прибегнуть к помощи одиннадцати (подчёркиваю – одиннадцати) разных видов транспортных средств. Большинство из них помогали бесплатно, но за некоторые пришлось платить. Самое большое расстояние груз одолел на судне «Зубарево». Оно, прибыв в Корсаков, стало на рейде. Все свои 18 картонных паков с научным материалом, а также четыре места с личными вещами (рюкзак, чемодан, экспедиционный ящик и могучий двухкассетник Nordmende, приобретённый в Сингапуре) я выставил на палубу у трапа. К моему счастью, первую высадку на берег на рейдовом катере экипаж осуществлял налегке. У каждого в руке была лишь одна сумка или небольшой чемодан. Во вторую руку я вручал по очереди каждому сходящему по трапу одно из своих мест с просьбой доставить его на берег. На причале получилась целая гора из моих вещей, и это было ещё не всё: на судне остались две бочки со шкурами. Моряки радостно побежали к проходной, чтобы разъехаться по домам, а я с меньшей прытью пустился по территории порта в поисках грузовика. Найдя его, я лихо подкатил к причалу и переместил свои вещи в кузов. Доставив их к проходной, попросил вахтенного взять их под охрану, а сам помчался устраиваться в гостиницу. Назавтра была пасха, но мне было не до праздника. Ни свет ни заря я был уже в порту. Нанял катер, чтобы доставить и бочки на берег. По пути к судну увидел на палубе катера крупные пустые раковины японского гребешка. Выпросил на кафедру: и для музея, и для учебного процесса. Переместив стрелой бочки на катер, радостно устремились к берегу. Однако вся причальная линия была уже занята разными небольшими судёнышками. Я растерялся, но выдавший виды рулевой спокойно сказал:

– Видишь плавучий кран? Иди и проси, чтобы подошёл сюда и перебросил твои бочки через катера на берег. Я помчался. Крановщик в своей кабине был высоко в небе.

– Помогите! – закричал я, воздев свои руки к нему, как к богу.

– Откуда пришли? – поинтересовался он.

- Из Антарктики! – не без гордости ответил я.
- Рыбку ловили или креветку? – несло с неба.
- Зверобои мы. Тюленей промышляли!
- Тюленей? А Гольцева знаешь?
- Конечно! Это мой кум! Я с ним в 1967 году на зверобойной шхуне «Оле-ница» к берегам Чукотки ходил.
- А я с ним в Охотском море работал. Выкладывай свою просьбу!
- Да вот бочки надо с катера перекинуть на берег!
- Сейчас сделаем!

Через несколько минут я любовался, как мои бочки, словно птицы, парят в небе. Проплыв над мачтами пришвартованных судов, бочки благополучно приземлились на причале. Теперь нужно было доставить их к проходной – к остальным вещам. На сей раз нанимать пришлось не только грузовик, но и автопогрузчик.

После праздника я заполучил в трансагентстве злополучный контейнер и снова с помощью автопогрузчика и грузовика мои вещи двинули в путь, на этот раз на железнодорожную станцию. По закону подлости поезд оказался не последним звеном среди транспортных средств, доставлявших мой груз на кафедру. Симферопольская станция «Грузовая» в это время была на ремонте, поэтому мой контейнер закончил своё путешествие в Джанкое, в ста километрах от Симферополя, и мне снова, к счастью, в последний раз пришлось нанимать транспорт, чтобы доставить свои вещи в университет. Добрался домой я только в первых числах мая. Первоначальный предварительный отчёт о своей работе в Антарктике я оставил капитану судна.

Камеральная обработка материала, как уже отмечалось, позволила написать по нему и защитить три диссертации (одну докторскую и две кандидатские). Мне же особенно были приятны новые открытия, которые вошли в мировую литературу. Это два вида, один род и 5 семейств. Кафедра значительно продвинулась вперёд в деле обоснования новых высоких таксонов. До этого кафедрой, а точнее С.Л.Делямуре в соавторстве с членом-корреспондентом АН СССР В.Контримавичусом, было описано одно новое семейство гельминтов морских млекопитающих. А тут прибавилось ещё пять. Мне помогли два фактора: суровый антарктический климат, сформировавший своеобразную уникальную фауну как хозяев, так и их паразитов, а также более глубокое изучение литературы, особенно по паразитам рыб. Я сумел увидеть, что С.Л.Делямуре не прав, утверждая в своей монографии «Гельминтофауна морских млекопитающих в свете их экологии и филогении» (1955), что гельминтофауна ластоногих лишена черт самостоятельности. На самом деле она, как и другие группы паразитов, всецело подчиняется общему закону филогенетического параллелизма и характеризуется наличием большого числа специфических не только видов, но и таксонов более высокого ранга.

КАРЬЕРНЫЙ РОСТ

Обработав частично антарктический материал, я почувствовал, что созрел для написания докторской диссертации. Не уходя в докторантуру и творческий отпуск, не порывая с учебным процессом, я навалился на диссертацию, как лев на свою жертву. Переселив в другую комнату жену, которая заявляла: «Не нужна мне твоя диссертация! В гробу я видела твою диссертацию!», и перестав обращать внимание на то, где день и где ночь, в перерывах между занятиями и лекциями я сидел и писал. Спал и писал. Писал и спал. Через восемь месяцев диссертация в черне была готова. Правда, потребовалось ещё полтора года, чтобы оформить чистовой вариант.

В это время на кафедре стали разворачиваться нехорошие события. Летом 1988 года во время отпусков тайно, чтобы никто не попытался остановить, к большому моему сожалению, убежал на пенсию горячо мною любимый и всеми уважаемый дорогой наш заведующий Александр Сергеевич Скрябин. На его место временно исполнять обязанности заведующего был назначен декан, доцент нашей кафедры В.В.Трещёв. Первым долгом он мне заявил:

– Посмотрим. Скорее всего, ты творческий отпуск не получишь.

Недоброжелательность к окружающим по-прежнему была главной чертой его характера. В силу своей ограниченности он не сумел увидеть, что в отпуск как раз я и не собирался. Продолжал усиленно работать над диссертацией, не снижая активности в других направлениях. Год пролетел быстро, и встал вопрос о выборах нового заведующего кафедрой. Работу над диссертацией я ещё не завершил, поэтому не собирался участвовать в конкурсе. Морально был готов к тому, что ближайшие 5 лет кафедру будет возглавлять В.В.Трещёв. Однако все карты вдруг спутал В.Н.Попов. Будучи верным своей наглости и видя, что В.В.Трещёв постоянно пьёт, он подал документы на конкурс. В душе меня это возмутило, и я решил перекрыть ему кислород. Тоже подал документы. При обсуждении кандидатур на кафедре В.Н.Попова никто не поддержал, а наши документы с В.В.Трещёвым были переданы для дальнейшего рассмотрения в Учёный совет университета. Я был абсолютно уверен в том, что избран будет В.В.Трещёв. Он дружил с ректором В.В.Сидякиным (вроде бы даже семьями), вместе с ним пьянствовал и был окружен многими другими собутыльниками. В этой ситуации мои шансы казались равными нулю. Во время подсчёта голосов я подошёл к нему и попытался объяснить, что я ему не враг, а подал документы из-за В.Н.Попова.

– Не знаю! Не знаю, что будем делать с тобою! – вздыбился он, как норовистый конь, дыша перегаром.

Думаю, что как гром с ясного неба обрушился на него результат голосования. За меня – 28, за него – 11. Он мгновенно превратился из вздыбившегося коня в побитого пса. Подошёл и поздравил. Правда, пакости его не прекратились – он до конца дней своих пытался меня низвергнуть.

А я тем временем набирал обороты. Все эти неожиданные события ещё больше меня мобилизовали, и 16 мая 1991 года я вышел на защиту докторской диссертации. Родной ВИГИС, но я почему-то трое суток не мог заснуть накануне. Мозги мои окаменели, и я плохо соображал что к чему.

«Ничего, – думал я, – доклад сделаю плохо, зато таблицы у меня красивые, спасут». И каково же было моё удивление, когда, помогая мне их развешивать, мой главный оппонент – милейший Владислав Евгеньевич Судариков, запричитал:

– Эта нечитабельна, эта нечитабельна, эта тоже нечитабельна.

Он имел в виду их красивый, но слишком мелкий шрифт.

Туман в моём мозгу ещё более сгустился. Я вышел к микрофону, как деревянный. Не помню содержание доклада, но на вопросы отвечать было легко, помогал двадцатилетний опыт исследований в этом направлении.

В перерыве подошла одна из моих бывших студенток и неожиданно заявила:

– Ну вы им и лекцию закатали!

Не знаю, была ли она права, но все члены Совета, включающего представителей трёх известнейших учреждений (ВИГИС, ГелАН и МГУ), проголосовали «за», и решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 16 августа 1991 года (протокол № 30д/20) на её последнем заседании (Союз уже рушился) мне была присуждена учёная степень доктора биологических наук.

В эти трагические времена мне продолжало везти, и последним решением Государственного комитета СССР по народному образованию от 29 января 1992 года № 140-п мне было присвоено учёное звание профессора по кафедре зоологии. Правда, аттестат я получал уже в Киеве, куда он был направлен из Москвы.

Развал Союза для меня стал величайшей трагедией и величайшим парадоксом. На всех морях и океанах мне до сих пор встречалось больше всего красных флагов на кораблях. В самолётах на Чукотку среди пассажиров преобладали высшие офицеры. Перед КГБ дрожал весь мир. Государство казалось могучим и незыблемым, и вдруг всё рассыпалось, как картонный домик.

Россказни гуляют разные. Мол, объективная необходимость и т. п. Что касается меня, то я убеждён, что Иван Грозный, Пётр Великий или Иосиф Сталин в подобной ситуации государство не развалили бы. Погубили его оказавшиеся на вершине власти не созидатели, а жалкие разрушители – Горбачёв, Ельцин, Кравчук и Шушкевич. Трое последних опоганили мою родную Беловежскую Пущу. И я готов был закопать их там живьём, хотя не отличаюсь кровожадностью. Прошёл всю планету с охотниками на тюленей, и мне не раз предлагали карабин:

– На! Стрельни!

Я всегда отказывался, а этих трёх негодяев похоронил бы заживо, не моргнув глазом.

Времена наступили тяжёлые. Ни единого выстрела, ни единого дома не разрушено, а все средства к существованию простого человека вдруг исчезли. Куда? Почему? Как это могло случиться? Я стал присматриваться, анализировать и вдруг увидел, что повторился 1917 год. Тогда на гребне волны оказались самые омерзительные тошнотворные нечистоты: Свердлов, Троцкий и им подобные. Чего стоит только статья Троцкого «Задерём подол матушке России!» И задрали: уничтожили цвет русской нации – казачество, залили кровью остальную Россию. И снова они наверху: Гусинские, Березовские, Смоленские, какие-то Чёрные и прочая им подобная мразь. Почему им снова позволяют глумиться над Матушкой Россией? Почему? Сердце моё обливалось кровью, и я – белорус – не выдержал и написал обращение к России:

О Русь!

*О Русь! Святая Русь!
Откуда взялся этот Гусь
На озере твоём хрустальном?!
Повсюду грязь, повсюду смрад
Распространяет этот гад,
И стало озеро печальным.*

*Очнись от странной слепоты!
Ужель его не видишь ты?
Страшней он Гитлера сегодня:
Твою он кровь сосёт взахлёб!
В неё пуская злой микроб,
Тебя он тащит к преисподней!*

*О Русь – родная мать!
Проснись, молю опять!
Как Минин, поднимись ты грозно!
Перед тобой один лишь путь –
Поймать и голову свернуть!
Свернуть, иначе будет поздно!*

Справедливость всегда, в конце концов, торжествует. Наглость Троцкого закончилась хрустом черепа под ударом ледоруба храброго испанца, а подлость Березовского – шуршанием петли вокруг его поганой шеи. Так им и надо! И пусть другим неповадно будет! Как сказал муж моей землячки княгини полоцкой Александр Невский: «На том стоит и стоять будет русская земля!»

Однако надо было выживать, и в марте 1993 года я подал документы в Международный научный фонд по срочной программе индивидуальных

грантов и получил 500 долларов за публикацию научных работ в престижных изданиях. Накануне три мои статьи увидели свет на страницах нашего центрального журнала «Паразитология». В том же году я выиграл грант для поездки на две недели в Валенсийский университет (Испания) с целью передачи опыта гельминтологических исследований морских млекопитающих. Оставить кафедру на более длительное время мне не хотелось. Но через три года (в 1996 году) я уехал туда же уже на два с половиной месяца. Это спасло меня от краха после тяжелейшего инфаркта у моей жены. Четыре года удавалось поддерживать её угасающую жизнь. А драгоценное правительство «ридной» Украины по-прежнему задерживало зарплату на три-четыре месяца. В том же году мне удалось также побывать и на общеевропейском симпозиуме гидробиологов (Санкт-Петербург). Однако обо всём более подробно.

1993 год. Кризис в разгаре. Моя зарплата составляет 20 долларов, но и её не платят по несколько месяцев. Заходишь в магазин. Появилась колбаса, но купить даже 100 грамм нет возможности – не за что. В душе закипает злость. Готов убивать тех, кто довёл до такого состояния страну.

И в это время на горизонте появился спасительный свет: испанский профессор Тони Рага пригласил приехать к ним – в Валенсию.

Начались ужасные мытарства по открытию визы и приобретению билета. Далее перехожу к записям в дневнике.

ИСПАНИЯ

Первая поездка (1993 год)

9 октября (суббота). Позади великие муки, но виза так и не открыта. Вчера в аэропорту пришлось выложить более 20-ти тысяч за сертификат на провоз гельминтов через границу. Сами показали письмо, что можно провозить, и всё же содрали. И так на каждом шагу. Надоело!

На Москву двинул поездом. До Джанкоя ехал один в купе. Потом подсели наглые подростки – торгаши помидорами. Забили все полки паками.

10 октября (воскресенье). На Курском вокзале основательно помучился с грузом, но потом добираться в Чернецкое к племяннику Игорю было очень приятно. В значительной степени способствовала этому погода.

11 октября (понедельник). Предчувствие было хорошее. К счастью, оно в полной мере оправдалось: в испанском посольстве приняли хорошо. Правда, результат сообщили только в полвторого. Это в испанском посольстве, а остальную часть дня проторчал в украинском посольстве. За печать содрали 1000 рублей.

12 октября (вторник). Проснулся в 3. Встали в полпятого. Провожал сестру на Белорусский вокзал. Потом – ВИГИС (отметил командировку). На Смоленской купил 4 буханки бородинского в Испанию. Получил телеграмму о

смерти свата – Юрия Серафимовича. Не верится. Жаль. Позвонить домой не удалось: пункт на Арбате оказался закрытым. Японское посольство – тоже.

Дождь весь день. Устал. Плюнул на недоделки и двинул на Тёплый Стан к 2:30.

Заснул в 5 и отсыпался до ночи. Ночь – в полудрёме.

13 октября (среда). Весь день занимался английским. Вся надежда на него – переводчика не будет.

14 октября (четверг). Погода чудесная! Самочувствие улучшилось. Постирался. Искупался. Занимался английским. Зарядил аппараты. Вечером прогулялся. Появилась тревога: завтра – в путь.

15 октября (пятница). Во второй половине ночи долго не спал. Под утро задремал. Проснулся в половине седьмого. Погода, кажется, портится. Тревожно. Радости никакой.

Но погода разгулялась. Ехать на Аэровокзал и в Шереметьево было очень приятно.

Проверку прошёл нормально. Только к мёду таможенник придрался.

Летели вечером. Огней в Европе мало. Мадрид напомнил жаровню, а наш самолёт – гигантскую зловещую птицу с чуть-чуть подсвеченными крыльями. Сели в пол-одиннадцатого. Встретила Аида с двумя приятелями (Карлос и Кармен). Взяли билет и сдали багаж на Валенсию. Остался один ждать до 8-ми утра. Всю ночь бегал по зданию аэровокзала. Новый. Произвёл впечатление. Пол мраморный. Блестит, как лёд. Так и хочется разбежаться и проехаться, как в детстве. Подходишь – двери сами открываются. Эскалатор тоже начинает двигаться при приближении. Туалет сверкает. «Вот, где всё для человека, всё во имя человека, а у нас только лозунги были такие», – думал я, растерянно глядя на загнивающий капитализм.

16 октября (суббота). При посадке в самолёт в накопителе приятно поразила игровая площадка для детей: божья коровка с дырками вместо точек, качели, горка и т. д.

Всю ночь и утром шёл дождь. Холодно. Нос заложило. Вдобавок в Валенсии Рага не встретил: опоздал за...ц. Я переживал. Позвонить не мог: песет не было, а чиновники отказали воспользоваться их телефонами.

Рага в конце концов появился.

«Сефотня днём супота», – несколько раз повторил он. Я чувствовал себя, как Ленин в Лондоне, впервые там появившись. Он жаловался, что поначалу не понимал ни слова, хотя в Шушенском пытался самостоятельно овладеть английским. Я был в худшем положении, потому что английского и не нюхал. В школе и институте немножко имел дело только с немецким, а точнее – с его грамматикой. О разговорной речи и по-немецки, как говорится, не было и речи. Такая у нас была система изучения иностранных языков. Считаю, что это была одна из наиболее ущербных особенностей социализма. Мы сами изолировались от окружающего мира, лишая себя возможности идти в ногу с остальными в деле познания новейших открытий. Этим мы были обречены на хроническое отставание.

По дороге в гостиницу жадно смотрел в окно. Первое впечатление о Валенсии было посредственное. Показалось, что мало деревьев. Впоследствии я убедился в том, что эта особенность характерна для многих городов Испании. Тяжело в них находиться человеку, выросшему в умеренной полосе, где всегда можно спрятаться в тень, если солнце тебе надоест. А в Испании я видел такие поселения, где деревья вообще отсутствовали.

В гостинице языковой барьер встал во весь рост. «Дификэльт, – сказал я. – Нужен переводчик». Рага смылся, не сказав, когда вернётся. Так как ночь у меня была абсолютно бессонная, прилёг немного вздремнуть. Через час в дверь сильно постучали. Думал, Рага, а это женщины ломились убрать номер. Так раскудахтались, что больше заснуть не смог. Злился. Потом пошёл погулять. Впечатление от Валенсии улучшилось. Пальмы – чудесные! Почва – дрянь. Испанцы нарушают правила. Некоторые едут и идут на красный свет.

Вернулся. Записка не тронута. Раньше пытался дозвониться Раге и Аиде – не получилось. Телефон не имеет выхода в город. Настроение – швах. Ничего нет лучше Родины. По семье тоже соскучился. Проклятый барьер! Надо поднимать английский.

Часов в 5 пришёл Рага с переводчицей. Всё запело и заплясало. Я почувствовал себя не просто человеком, а могучим человеком. Весь мой жизненный и научный опыт засверкал. Сразу стало ясно, что приехал не напрасно. Есть чем поделиться.

17 октября (воскресенье). Оказывается, этот номер (в гостинице университета) без телевизора, холодильника, графина, стаканов, с простыми полками до потолка, с двумя плохонькими вешалками, правда, с прекрасным санузелом, стоит 40 долларов в сутки. Настоящий грабёж. Поэтому Рага по моей просьбе нашёл более дешёвую комнату на Авенида Хиорхета. В этой же квартире две комнаты занимают англичане и одну – поляк Анатолий Койло из Белостока. Почти земляк. К тому же я понимаю польский, а он – русский. Совсем неплохо.

В 12 приехал Тони. Погода прекрасная. Солнечно. Я вдруг стал понимать его. Всё пошло хорошо. 2000 английских слов, заученных мною прямо из словаря, сделали своё дело.

Утром гулял часа три. Вышел на окраину города. Тронула цветущая картошка. Видно, хорошо поливается. Собаки такие же, как везде.

Переехали на новое место. Комнатка без удобств. Даже белья не оказалось. Дал поляк Анатолий Койло. Зато есть общая кухня и общая комната для бесед. В двух других комнатах живут англичане. Высокий лысый мужчина (учитель) и молодожёны.

Вечером чудесно погуляли с семьёй Тони. Жена – Эстэр, сын – Карлос (3 года). Тони 35 лет. Семья очень приятная.

Поздно вечером разболелась голова. Заснул. Проснулся в час ночи от неприятнейшей «хэдэйк». Проглотил анальгин. Долго не помогало.

18 октября (понедельник). Встал в полшестого. Нормально. Позавтракал. Почему-то блокирует «Ломо».

В 9 приехал Тони. Мотались по администрациям. Получали деньги. Удар – удержали 25 тысяч песет. Тони пытается помочь. Если документ представлю, что не испанец, не удержат. Игра стоит свеч.

Потом работали в лаборатории. Очень дружный коллектив. Обедали в кафетерии. Испанцы очень шумные, как стая гусей.

К возвращению в квартиру сдали один ключ. Второй обещает сделать англичанин Кит. Я решил угостить его мёдом. Отказался. Говорит: «Ты кушаешь мёд, поэтому у тебя живот, а у меня – нет».

Весь вечер расспрашивали с Анатолом о Горбачёве и Ельцине. Англичанин удивился: «Горбачёва – не хотят, Ельцина – не хотят! Так чего же они хотят?» Речь шла о наших людях.

– Софистика, – изрёк Анатолий.

19 октября (вторник). Встал в 4. Искупался. Постирал рубашку. Позавтракал. До 9-ти занимался английским. Тони приехал с Алисией. Провели приятную экскурсию в лабораторию электронной микроскопии. Микроскопы обслуживает Томас из Доминиканской Республики. Учился в Москве, в Университете дружбы народов Патриса Лумумбы. Там освоил электронную микроскопию. Сам – геолог. Бросил геологию. В Бурхасоте не было электронщиков. Вот и устроился.

Тони отобрал препараты по роду Кампуля (*Campula*). Собака – ободрал американца Дейли. Потом на полках я увидел материал со всего мира: Копенгаген, английская Королевская коллекция, Франция (препараты побиты). Меня стало раздражать, что он загребает жар чужими руками. Сам в полевых, а точнее в ледовых условиях ничего не собрал. А ведь это так трудно!

Стал смотреть препараты на «Никоне». Сразу же установил, что у *Campula oblonga* никакого ануса нет. Циррус (совокупительный орган) не вооружён. Появилась радость, что могу быть полезным. У Тони, оказывается, такого опыта работы с препаратами нет. Он почувствовал мою силу. Я показал ему шипы в метратерме (дистальном отделе матки) у *Orthosplanchnus rossicus*. Он ахнул, а то искал их у кампулы под иммерсией. Я с удовольствием уточнил некоторые детали у *Orthosplanchnus antarcticus*. Тони познакомил меня с Карбонэлем – крупным специалистом по рыбьим паразитам. Приятный старик.

Вечером на 63-м автобусе вернулся домой вместе с паном Анатолом (Койло). С удовольствием прошлись по городу. Дома в почтовом ящике меня ждал ключ, который за 775 песет заказал для меня англичанин Кит. Анатолий предложил в субботу и воскресенье погулять по городу. Однако на субботу я уже был приглашён Тони в семью. Пребывание в Валенсии становится торжественным.

Перед сном стыдливо поел сала в своей комнатухе и взялся за английский. Но вскоре заснул. Проснулся в половине первого ночи. Пишу. Внизу проносятся одиночные машины. Несмотря на пустынную улицу, одна из машин душераздирающе завывала сиреной, а днём многие сигналият бесцеремонно. Любят испанцы шум.

20 октября (среда). Всю ночь не спал. Уже без четверти шесть. Поднимаюсь. Лоб немного жмёт, но жить можно. Иду готовить кофе.

Весь день отработал нормально. Очень много времени уделили методике. Оказывается, нематод консервируют в спирте, а нужно в жидкости Барбагалло. ТрEMATод просветляют в ксилоле, а нужно в карбол-ксилоле. Инструментарий плохой. Перед окрашиванием червей не отмачивают и т. д. Слушали и записывали с большим интересом.

Домой вернулся поздно. В Москве племянник дал мне новенькую военную шапку «для поддержки штанов». Предложил её англичанам и, похоже, пал в их глаза. «Рэшэн профессор ис бизнесмен!» – воскликнул Кит. Ну и хрен с ними! Знали бы они нашу жизнь!

Я ошибся. Проснулся в 11 вечера и очень приятно поговорил с Китом. Ночью спал хорошо.

21 октября (четверг). Проснулся в половине седьмого. Настроение прекрасное! Утро чудесное! Меня почему-то осенило, что надо надеть костюм. Надел розовую рубашку. Вид великолепный. Самому понравилось.

Первым отпустил комплимент поляк:

– Элегантный мужчина!

Вторым выразил восхищение англичанин. Потом в университете девушка сказала:

– Сегодня вы очень красивый!

Не договариваясь, мы с Тони взяли по фотоаппарату. Фотографировались в лаборатории и на улице – на фоне пальм. Весело и шумно.

Обед был прекрасным. С вином. Очень обильный. Горох, батон, мясо с картошкой, жидкий шоколад, к вину бутылка очень вкусной воды, груша. Последнюю не смог одолеть, а они после обеда каждый раз сразу же из автомата пьют кофе. Я отказался под предлогом, что это лишняя нагрузка на сердце.

В Валенсии люди, как каракатицы: с короткими кривыми ногами. Фигуры никакой. Лиц красивых тоже не видел. Какие-то все еврееобразные. Как-то у магазина встретился один высокий стройный мужчина. Присмотрелся, а это моё отражение в витрине. Не шучу. Я ведь подслеповатый.

В этот день, как всегда, работали очень много – 12 часов. Отстоял скрябинский вид *Lecithodesmus petrowi*. Нашёл отличия у трещёвского *Orthosplanchnus albamarinus* и экземпляров Раги. Помогал делать препараты.

После шести двинули в английский торговый центр. Восхитительное великолепие! Особенно поразили кухни. Я их готов был целовать, а ведь помню, как критически отнёсся к чеховскому «Здравствуй, многоуважаемый шкаф!» в «Вишнёвом саду». «Ерунду придумал Чехов», – думал я. Оказывается, в жизни всё бывает.

Очень понравился продовольственный отдел. Всё красиво, как в сказке! Упаковано. Сверкает. Запаха никакого. Окорока гроздьями висят. В аква-

риумах ползают живые лангусты на продажу. Алисия говорит, что русские женщины в этом магазине плакали навзрыд. На корабле приходили. Домой Алисия привезла меня на такси. Не позволила уплатить.

Закончился день тоже очень хорошо. Англичанка Каролайн, жившая с молодым человеком в четвёртой комнате, угостила шампанским по случаю дня рождения брата. Ему стукнуло 18. Школьник. Потом до 12-ти приятно говорили втроём: Кит, Анатолий и я. Кит удивился, что у меня быстро получается с английским.

Прекрасный день! Праздник, который всегда с тобой!

22 октября (пятница). Проснулся без четверти три. Лоб жмёт. Нервная система всё же очень возбуждена.

День отработал нормально, хотя и устал. Вечером Тони привёз домой. Молодые англичане устроили гулянку. Пришло человек 20. Мы сначала вдвоём, а потом втроём (с Китом) разговаривали у Анатолия. Анатолий вначале бросал косяки на дверь. Видно, надеялся, что пригласят. А мне и не хотелось. Пошёл спать.

23 октября (суббота). День выдался солнечный с утра. Я добежал до ворот города и обратно. В 10:30 пришёл Тони. Эстэр была за рулём. Поехали искать шляпу моему зятю Саше. Не нашли. На крытом рынке набрали продуктов. Потом прихватили Алисию и двинули на юг к морю. Потом – на озеро, где со студентами проходят полевую практику. На башне в подзорную трубу наблюдали за птицами. Местность впечатления не произвела. Равнина. Болото. Крым в тысячу раз интереснее. По дороге назад в одной из деревень заехали в ресторан. Долго ждали. С большой сковороды ели национальное блюдо. Паэйя, кажется, называется. Напоминает наш плов. Преобладает рис. Раздавили бутылку вина. Привезли меня домой. Я им красиво вручил подарки. По-моему, наша зимняя офицерская шапка, переданная мне в Москве племянником Игорем (майором), Тони очень понравилась. Эстэр я преподнёс длинную деревянную ложку, флягу мёду и полынное масло. Алисии достались две ложки, мёд и лавандовое масло.

Вечером очень хорошо поговорили с Китом на английском. Потом добежал до железнодорожного вокзала. Везде мрамор. На платформах тоже. Дальше покрытие искрилось, как снег. Я мурлыкал: «Где же ты, моя Сулико?» Вдруг схватил живот. Я забежал по платформам, как угорелый. Никак не мог найти туалет. Английского не понимают. Потом сам наткнулся.

Город вонючий. Газы, а некоторые кварталы воняют. Жить здесь я не хотел бы. По пути заскочил в супермаркет «Марседона». Обилие продуктов. Красивые. Но колбаса от 10 до 20 долларов. Плёнка «Кодак» – 7,3\$. На 30 тысяч купонов дороже, чем в Москве (5\$).

Немного устал. Луна, слава богу. Завтра – фото. Сегодня после обеда пасмурно и холодно. Глаза слипаются, а хотел заняться английским.

24 октября (воскресенье). Встал в шесть. Ночью было холодно под простыней. Надел спортивный костюм. Сейчас нужно идти искупаться и постирать костюм.

Убежал снимать город. Бог отблагодарил за вчерашние подарки Тони, Эстэр и Алисии. Нашёл кошелёк. Весь день сияло солнце. Видел много интересных мест. Прошёл весь город. Купил прелестную белую медведицу, обнимающую своего малыша. Попал на антикварный толчок, потом – на центральную площадь. Встретил Кита, а перед обедом в парке – бродягу поляка. Попросил у него спичек прикурить и разговорились. Он не переставал повторять, что в Польше «жле», то есть плохо, поэтому сбежал в Испанию. Из пака потягивал сухое вино, потом собирался отправиться в благотворительный центр на бесплатный обед.

– С полицией проблем нет? – спросил я.

– Нет, – ответил он, – я же законы не нарушаю.

В общем, пристроился «пшек» в чужой стране клёво.

Сегодня – один из лучших дней в моей жизни. Было очень интересно. Сейчас 16:30. Иду гулять с Анатодем. Везёт на поляков.

Хорошо побродили по площадям. Были в «катэдре». Вернулись после семи. Раздавили бутылку моей «Столичной». Помогли нам англичане Кэрролайн и Хаби. Кит отказался.

25 октября (понедельник). Проснулся в половине первого. Зарядил аппарат. Выпил таблетку (анальгин). Занялся английским. Не спал почти всю ночь. Утром было очень пасмурно. Наверно, поэтому жало лоб. Работали нормально. Позвонили Аиде в Мадрид. Решено в пятницу уезжать. Тони предлагал даже в четверг. Аида сказала, что лучше в пятницу. Никто не хочет лишних хлопот. Я их понимаю. Теперь нужна только хорошая погода – для съёмок Мадрида. Тони нужно на собрание, поэтому закончили раньше. С Алисией направились в Кортэ Инглес. Опять смотрел кухни. В продовольственном отделе купил водку анисовую, коньяк и три бутылки вина (одну шампанского и две красного). Купил также финики, колбасы, какую-то лепёшку, три булки. По дороге домой купил ещё пассатижи с подвижным винтом. Устал. Заснул при свете.

26 октября (вторник). Проснулся в два ночи. Заполнил дневник. Потом занялся английским.

Вечером потеплело. Дождя так и не было. И это хорошо. Пора домой. Правда, Мадрид хочется посмотреть. Вчера вечерняя Валенсия была очень хороша.

Окончательно встал в семь. Идёт дождь. Впервые увидел в Валенсии зонтики. Дождь шёл весь день и вечер. Обсуждали ортоспланхнусов. Вижу, что нужен я для Тони. Значит, приехал не напрасно.

У бульдогообразной стажёрки из Ирландии день рождения. Я подарил металлический рубль, остальным – открытки. Пришла Вики Мерседес и подарила мне кукол и башню для внуков, а также сигареты для меня. Мне было неудобно перед ирландкой.

Тони принёс мои слайды после проявления. Получилось хорошо. Всё разрезано. Упаковано. Культура.

Вечером взяли билет на Мадрид на 29-е (пятница) на 10 утра. Автобус для курящих – сервис.

Никак не доем картофельно-яичный омлет. Колбасы тоже невкусные. Какая-то мёртвая пища. Не для русского желудка.

Немного поговорил с Анатолем и Китом. Стал заниматься английским и заснул.

27 октября (среда). Проснулся в половине второго. Состояние прекрасное. Почти всю ночь приятно занимался английским. Под утро заснул. Встал в шесть. Дождь льёт как из ведра. Потом началась настоящая гроза. С молниями и громом. Один раз грохнуло так, что вздрогнул. И это в конце октября. Прекрасно! Вспомнил родную Белоруссию. Обожаю бушующую стихию. В Крыму такого не увидишь. Там все грозы напоминают ворчание старухи. Тьфу! Всю жизнь скучал по белорусским грозам. Бывало, как ахнет рядом с ослепительным блеском, аж подпрыгиваешь. Особенно любил воровьинные ночи. Всё небо молнии полосуют, как саблями. Старухи зажигают свечи и ставят возле иконы. Молятся. А я ликовал. Люблю силу в любом её проявлении. Даже если она смертельно опасна.

Весь день обсуждали семейство сосальщиков-кампулид. К вечеру написал отчёт о том, что делал в Испании. Тони предложил вскрыть штук 30 черноморских дельфинов и все желудки с кишечниками передать сюда. Опять поползновение, чтобы на него кто-то работал. Отбил это дело. Наши дельфины почти не имеют желудочных и кишечных паразитов, поэтому не подходят для изучения распределения гельминтов по кишке.

В обед купил две майки зятьям.

Вечером ленинградский физик Володя Белицкий пригласил к себе в гости. Долго парковались. Зато потом приятно посидели за столом. На зубах скрипел песок поедаемых морских гребешков. На Аляске песка не было. Видать, приготовление было более качественным. Ели также мидий, рыбу с картошкой, салат и раздавили 2 бутылки вина. Всё было прекрасно, но возвращение ночью на мою родную авениду превратилось в настоящий кошмар. Долго блудили. Володя останавливал машину, спрашивал у испанцев, как проехать, и снова блудил. Очень не понравился он мне. Сам, как баран, а на жену (Лизу) орёт, как бешеный. Нервный, дёрганый. А вот их дети (Наташа и Андрюша) – прелестные создания. Очень понравились.

Раньше семья 2 года на стипендию Планка жила в Штутгарте (Германия), но недавно на 9 месяцев на деньги НАТО перебрались сюда. Такие вот пироги. «Всё смешалось в доме Облонских». Снова буржуи вперемешку с коммунистами. Горькая сэ ля ви.

28 октября (четверг). Последний день в Валенсии. Встал в половине шестого. Голова болит. Как всегда, жалею, что пил. Умылся, позавтракал. Сейчас около восьми. Хочу побегать часок – разогнать кровь. К счастью, дождь прекратился. Снова солнышко. Let`s go!

Прогулялся. Приехали Тони с Алисией. До обеда жало лоб. На компьютере писали мой отчёт. А до этого смотались в бухгалтерию. Получил 35 тысяч песет. Потом в банке обменял на доллары. Спокойно воспринял это благо. Я его заработал.

После обеда пили моё шампанское. Всё было очень красиво. Преподнесли много подарков. Прощание было трогательным. Вечером упаковался. Устал. Валюсь с ног.

29 октября (пятница). Проснулся без четверти три. Рановато. Надо бы ещё поспать. За окном – луна и гул машин.

Так и не уснул. Немного позанимался английским. Потом поднялся. Постирал постельное бельё, которое дал мне пан Анатолий. Приготовил завтрак. Покушал. А теперь – на Мадрид! Погода прекрасная. Настроение – тоже. Грустно прощаться с Валенсией. Уже полвосьмого. Все мои иностранцы спят. Один я бодрствую. Тони приедет без четверти девять. Подбросит на вокзал.

Дорога на Мадрид была малоинтересной. Угнетённые жарой виноградники, а магазины ломаются от ягод – крупных, янтарных. Парадокс! На протяжении 400 километров только в одном месте увидел шпалеры. Поразили некоторые городки без единого деревца. Прямо как в Аравийской пустыне. Жуть! Как люди живут?

В Мадриде остановился у Аиды. Пробыл двое суток. Посетил Прадо, музей восковых фигур, собирал грибы. Фотографировал Дон Кихота.

В Москве выяснилось, что шоколад, который приобрёл по моей просьбе Тони для моего московского племянника, оказался заплесневелым. Не всё хорошо и за бугром.

Вторая поездка (1996 год)

Через два с половиной года я снова выиграл грант Генералитета Валенсии на новую поездку в Испанию для работы в Валенсийском университете. На сей раз приглашали на более длительный срок – аж на два с половиной месяца.

28 апреля (воскресенье). Грустно расставаться с домом. Два дня гостили севастопольцы. Создали настоящую праздничную атмосферу. Утром уехали. После обеда приехали зуйчане. Проводили на вокзал. На Киев двинул поездом. Расставание так расстроило, что дорога впервые показалась неинтересной. Занялся испанским разговорником.

29 апреля (понедельник). В Киеве направился в Институт зоологии. Мой добрый друг Виктор Шарпило накормил меня и на дорогу ещё дал харчей. Проводил на автобус в аэропорт. На маленькой кравчучке помогал тащить огромный мягкий чешский чемодан. Коляску всё время заедало, а чемодан без конца опрокидывался. В общем, всё было в унисон беспросветному общегосударственному и общенациональному кризису. На душе было так же. В огромном автобусе с мягкими высокими креслами оказалась лишь одна пассажирка. Она глянула вниз, увидела на полу кошелёк. Схватила его, раскрыла и, обнаружив там довольно большое количество немецких

марок, с такой прытью рванула из автобуса, что ей мог бы позавидовать даже самый прыгучий кот в мире – обитатель африканской саванны длинноногий красавец сервал. Должен признаться, что и я на секунду позавидовал этой женщине, но тут же, испугавшись, что не знал бы, как перевезти эти деньги через границу, успокоился. Что ж, счастье опять мимо. Ну и чёрт с ним! Никогда никому по-настоящему не завидовал. И жизнь от этого не становилась хуже. Счастье нужно ковать самому: в поту и муках. Тогда оно станет тебе настоящим другом. А на чужой каравай рот не разевай!

По дороге в Борисполь очень захотелось снова домой. Так что про кошелёк я совсем забыл.

В гостинице оказался в одном номере с украинским националистом из Запорожья. Очень злой. Видно, из недобитых. Всё время прёт против русских.

Первый раз проснулся в половине второго. Настроение отвратительное. Окончательно проснулся в четыре. Голова гудит. Злой.

30 апреля (вторник). Таможню прошёл хорошо. Полёт был неинтересным. Высота 10 км. Облака. Часто просматривались горы, но показались не очень высокими.

Барселона (к сожалению, увидел немного) и окрестности очень понравились. Ближе познакомиться помешал языковой барьер. Я думал вместе с вещами сесть на какой-нибудь туравтобус, курсирующий по городу, и пару часов покататься, сочетая приятное с полезным, но такой автобус найти не удалось. Спрашиваю полицейского. Он показывает рукой на противоположную сторону площади. Плетусь туда. Спрашиваю тамошнего полицейского. Он гонит обратно. Так раз пять они прогнали меня по площади туда и обратно, и я не выдержал. Плюнул. Сел в электричку и двинул на железнодорожный вокзал. В вагоне оказался один. Как только тронулись, полилась музыка Чайковского. Будто специально для меня. Вагон скользит, как на резиновом ходу. Будто на корабле плывёшь или паришь в воздухе. Совершенно беззвучно и без тряски. Волшебство! Такое же скольжение сквозь тропические красоты и проплывающие за окном посёлки с сидящими за столиками испанцами с чашкой кофе в руке продолжалось и в поезде Барселона – Валенсия. Правда, перед этим на железнодорожном вокзале в Барселоне пришлось немного понервничать. Билет заказал на английском, а надписи в нём оказались на испанском. Смотрю и ничего не понимаю: какая платформа, какой путь? Стало страшно. Поднимаю голову, чтобы обратиться к кому-нибудь за помощью, а в зале, как семечки в зрелой шапке подсолнуха, чёрные головы занимают всё пространство. Испанцы. Обращаться бесполезно. Вдруг увидел посредине одну светлую голову. Ломанулся к ней, как лось из болота. Она оказалась американкой. Объяснила, какая платформа, какой путь. Фу-у-у. Гора с плеч. Проклятый языковой барьер! Чувствуешь себя идиотом от беспомощности.

Над Барселоной лёгкая трёхслойная облачность. Сильная влажность, как в оранжерее или теплице. Цветы яркие. Их много. Вокруг пальмы. К

Валенсии места пошли беднее. Сорняки напоминают наши, а окрестности Барселоны ярче даже набережной Ялты.

До Валенсии добирался четыре часа (14:30–18:27). Встретил Хуан Антонио Бальбуена. У Раги что-то с доктором и детьми. Не понравилось.

Бальбуену сразу стал понимать почти полностью. Это здорово! Но говорить пока опыта нет, хотя и получил комплимент. На красной машине добрались на родную Авенида Хиорхета (дом 15, кв. 10, пятый этаж, фактически шестой). Снова понравилась мраморная облицовка коридора, хотя сама Валенсия с поезда впечатления не произвела. Главный недостаток – отсутствие зелени. Встречалась и обшарпанность домов. К удивлению, и участок Хиорхеты в районе 15-го дома не произвёл былой красоты. Может, вытеснила Барселона?

В квартире 5 студентов: 3 француза (2 парня и девушка) и две румынские девушки. Русского, конечно, не знают. Англичан настоящих нет. Это не понравилось. Некому будет учить меня. Весь вечер проговорил с французами. Понимаем, но барьер есть. Поэтому ночью несколько раз просыпался с не очень хорошим настроением. Окончательно встал в семь. Настроение не выровнялось. Приехал Тони. Я ему показал всё, что привёз. Кажется, остался доволен. Хорошо, что захватил с собой простыни. Негде вешать одежду. Это раздражает. Ещё хуже – шум авениды. Шесть рядов машин ревут, как оголтелые. Жизнь раем не кажется. Пугают языковые трудности при написании будущей работы.

1-е Мая (среда). Дома это был бы настоящий праздник. Здесь тоже холидэй, но радости нет. Встал в 7. Думаю о проблемах купания – полотенца нет. Питания тоже. Побежал в центр. Все магазины закрыты. Даже хлеба не купил. Слава богу, кушать не хочется, хотя некоторые кафе пахли вкусно. В кафедральном соборе разодетых подростков снимали многочисленные репортёры, а может, родители? Неинтересно. Наивно и мелко. Пошёл к знаменитой площади с голым мужиком у фонтана. Впечатление волшебства! Люди кормят с рук целые стайки белоснежных голубей. Как ангелочки. В другом соборе смотрел службу. Фанатизм и смрад. Шёл домой в подавленном состоянии. К тому же разболелась правая пятка. Всё казалось чужим и ненужным. Дома часок поспал. Выпил кофе, а перед сном без хлеба съел единственную съедобную вещь – банку тушёнки.

В три позвонил Тони, сообщил, что в 6 прибудет с семьёй. Настроение постепенно поднималось. Надел костюм и галстук. Вид весьма представительный. Тони приехал на машине. Оказывается, у них за время нашей разлуки родилась ещё и девочка – Элина. 11 июля будет 2 годика. Дети кажутся (по нашим понятиям) худоватыми; прямо скажем – дохленькими. Мои подарки очень понравились, особенно машина Карлосу. Работает вовсю. Молодец Вета! Это она купила. Поехали в музей искусств – закрыт. Гуляли в ботсаду. Видел интересные советские фото (с 1917-го по 1991 год). Очень доброжелательные. Особенно запомнилось приятнейшее

лицо одной старухи. Настоящая славянская красавица. Доброта и величие. Под стать стране. Любимая Родина! Некому сравниться с тобой.

Сели за столик. Я выпил бокал пива. Полностью понимаю Тони и сам начал говорить. Это мои первые шаги в английском. Настроение поползло вверх. Праздник, который всегда с тобой, начался.

На обратном пути заехали к Тони. Квартира – люкс! Шедевр! Бедные мы, несчастные в своих жилищах. А здесь всё в стиле модерн. Строго и красиво. Ничего лишнего. Пол мраморный. Ходят в обуви. Ливинс-рум (гостиная), кичин (кухня), бэдрум (ванная), комната Карлоса, комната Элины, кабинет Тони с компьютером и принтером. Великолепный балкон с видом на Бланко Ибанэс. Прекрасная прихожая. Ещё лучше за пределами квартиры общие коридоры и лифты. Входная решётка – чёрная с золотом, как в царском дворце. Ибанэс наша жизнь! Вот тебе и загнивающий капитализм на Западе.

Вечером дома (на Авенида Хиорхета) приятно поговорил со студентами. Самуэль Шален – из Страссбурга. Его стошнило, когда он увидел фото червей в моей диссертации. Чистоплюй. Девушка Бушара Мусаиф – из Марокко. Худощавая негритянка. Очевидно, хорошо смотрится в обнажённом виде на белой простыне. Красивый, невысокий, смуглый, курчавый парень Амэд Бэрбаш – из Алжира. Все они в настоящее время живут во Франции. Амэд угостил гренками из хлеба, яиц, молока и с сахаром. Уже 20 минут двенадцатого, а спать не хочется: надо штурмовать английский.

2 мая (четверг). Выспался, хоть и проснулся без десяти пять. Вчера Тони привёз одеяло, а то совсем замерзал. Теперь тепло даже у открытого окна. Надо немного заняться языком. В 8:30 встреча с Тони. Потом – в университет. Май у Тони занят полевой практикой со студентами. Поэтому буду работать один. Это и хорошо, и плохо. Плохо для овладения английским: не с кем будет разговаривать. Французские студенты знают его плохо и на беседы идут неохотно.

Работал весь день в лаборатории. Разбирал и подписывал привезённый гельминтологический материал. На полке над головой вставил цветные фото моей первой внучки Оленьки, а также весь набор матрёшек и яйцо, расписанное под хохлому. Эффектно и напоминает Родину. Ввалились ко мне всей лабораторией. Подарил каждому по яйцу, а Мерче ещё и кисточки из вальдшнепиного пера и беличью, а также очень тонкие препаровальные иглы: прямую и загнутую (сделанные мною из тончайших энтомологических игл). Ими удобно работать под бинокулярным микроскопом. Вике досталось вальдшнепиное перо.

Хорошо пообедали. Созвонился с физиком Володей Белицким. Через месяц уезжает в Штутгарт. Говорит, в Испании лучше, чем в Германии. Квартира дешевле. Люди проще: открытые. В 5:30 двинули с Тони домой. Занялся языком, но скоро устал. Заснуть не смог. В 10 вечера прогулялся, чтобы заснуть. Очень болит правая пятка внутри. Видно, отложение солей. Старость – не радость. А ведь всего лишь два года назад бегал по Валенсии, как козлик.

Деньги будут на следующей неделе. Купил по килограмму огурцов и помидор, а также два батона. Овощи невкусные. Правда, соли не нашёл, может, поэтому.

3 мая (пятница). Сначала проснулся в 3:30. Изучал карту и занимался языком. Окончательно встал в 6:30. Сегодня займусь статьёй дома. В понедельник Вики поможет купить проездной на автобус (№ 63). Встреча с ней в 9:00 у моего дома. Вчера очень легко связался с Симферополем. Слышимость прекрасная.

Сегодня весь день писал. Идёт хорошо. Слава богу! Пишу сразу по-английски. Утром в Маркадоне купил 2 хлеба, масла (по-моему, соевого – по слепоте), а также соли и кочан капусты. После семи вечера решил прогуляться, чтобы совсем не закиснуть.

Облачно. Прохладно. Чуть-чуть накрапывает дождь, о чём предупредили французы. Взял зонт и двинул. Впервые надел коричневые штаны и индийский свитер. Всё сидит прекрасно. Удобно. Сразу же почувствовал себя Хемингуэем. Даже пятка почти перестала болеть. По пути купил два килограмма картошки (белой чистой по 130 песет, а доллар – 120 Pst), большую луковицу и на базаре ещё и килограмм апельсинов за 98 песет. Добрался до центра. Зашёл в катэдру, где проводилась маленькая служба. Потом выбрался на знакомую площадь Дэ ля Virgen. Оказывается, голый мужик лежит в окружении баб, которые из кувшинов льют ему воду под задницу. Провоцируют. Им помогают голуби: ползают по телу. Но мужик невозмутим. К площади привык, и она уже не показалась такой красивой, как в первый раз.

Пошёл на центральную площадь со знаменитым фонтаном. Она – действительно красавица. Долго сидел спиной к фонтану и наблюдал за стрижами под высокими облаками. Чувствовал себя блаженно, как Хемингуэй в Париже. Потом стал наблюдать за валенсийцами, которые семенили перед самым носом в разных направлениях. Вдруг снова, как и в 1993 году, с ещё большей силой почувствовал, что они очень маленькие – настоящие лилипутики. Очень много уродливых, особенно к старости. По-видимому, биологически они страшно выродились. Но все весёлые. Эдакие комические уродцы. Стал понимать, почему в Штатах на испанцев смотрят свысока. Конечно же, это не донские казаки. Обидно, что мы во многом их превосходим, а живём в 1000 раз хуже. Надо лихорадочно вписываться в мировую систему качественным трудом, иначе отстанем навсегда.

На обратном пути в темноте заблудился. Жалюзи все опущены – город неузнаваем. Приплёлся в 10:05. Устал. Снова разболелась пятка. Однако надо ещё немного заняться и языком.

4 мая (суббота). Проснулся в 4:30. Снилось какая-то галиматья. Будто погибли А.С. и В.М. (полностью имён специально не называю). Якобы шли они по крыше пятиэтажного дома и дальше по козырьку, а он обвалился. Хорошо, что вещие сны бывают крайне редко.

Вчера засыпал под ужасный шум машин. Хоть в окно выбрасывайся. Пришлось его закрыть. Сегодня утром шум меньше. Сказывается суббота. Вчера вечером основная лавина машин унеслась за город на викэнд.

В целом испанцы – вежливые люди. Вчера полицейская машина уступила мне дорогу, хотя преимущество было на её стороне. Но иные испанцы иногда не думают о других людях. Сегодня ночью (в 4:30) какой-то чмурик нёсся по авениде с музыкой на полную катушку. Но особенно ужасает гавканье спецмашин. Душераздирающие звуки всегда заканчиваются собачьим лаем: «гав-гав-гав-гав». Однажды ночью я вскочил и выглянул в окно – посмотреть, на кого же лает этот дурак. Улица была пустынна – ни души. Мною обуяла такая злость, что будь у меня в руках граната, не задумываясь, швырнул бы её под колёса.

Утром работал. Часов в 11 двинул погулять. Прохладно. Чуть-чуть накрапывает дождик. Облачность высокая. Температура – 17°. В «Аляске» (майка, подаренная Фэем), польской спортивной куртке от горнолыжного костюма и индийском свитере чувствовал себя великолепно. Снова казался себе Хемингуэем, на сей раз не в Париже, а в стране лилипутов. За зонтиком возвращаться не стал. Купил Ariel. Так с пакетом и бродил: центральный рынок – площадь Святой Каталины – кафедральный собор – Plaza de la Virgen – Plaza de la Santa Catalina – Plaza del Pais Valenciano – Авенида Хиорхета. Пятка снова разболелась. Устал. Съел два помидора с хлебом и уснул. Проснулся задуренный от жары. Почистил картошки, пожарил, заправил яйцом, смешал с салатом из огурцов, лука и капусты, и получилось вроде бы ничего. Даже хлеба не захотелось.

Французы сломали телевизор. Я рад: меньше будут оккупировать ливинс-рум. Курят, собаки. Дышать нечем. После шести перебрался в свою комнатку. Писал на тумбочке, сидя на кровати. В семь вечера блаженно растянулся на кровати отдохнуть. Сквозь открытое окно испанское солнце жарко целовало меня в мягкой постели. Именно такое было ощущение. Волшебство!

Сейчас 7:50. Солнце спряталось за противоположным домом, и сразу по левому плечу из окна побежал холодок. Думаю ещё поработать над статьёй, пока не стемнеет. Потом надо постираться.

Весь вечер проговорил с французами. Все мои фото понравились. Но особенно поразил дельфин, выскочивший из воды поцеловать протянутую мною руку. Я пошутил, что это мой личный дельфин. Восторгу не было конца.

5 мая (воскресенье). Приснился член-корреспондент АН СССР А.В.Яблоков. Будто очередное совещание по морским млекопитающим. Вокруг американцы.

Встал в 7. Постирался. Сам немного помылся. В 9 сел писать. В 11 ушёл прогуляться. Опять центр. Уже начинаю привыкать. Служба в соборах раздражает. Фанатизм – признак глупости.

Вчера на площади Вирджен с интересом наблюдал за свадьбой. Как только молодожёны вышли из собора, по всей площади так загрохотало,

что бедные голуби стаей взмыли в небо, трепеща от ужаса. Наша невеста тоже испугалась бы, наверное, не меньше, а испанке хоть бы хны – поплыла по площади, собирая длиннющим белоснежным шлейфом свежую после дождя чёрную грязь. Никакой гигиены. У нас такой шлейф нёс бы в руках мальчишка, а здесь – нет. А грохот был вызван одновременным взрывом многочисленных петард вокруг площади, соединённых общим проводом.

Любят испанцы шум!

Сегодня на Вирджэн слушал оркестровую музыку. Вернувшись домой, немного перехватил хлеба с салом и прилёг отдохнуть, пока солнце совсем не забралось в комнату через окно. Уже карабкается в верхнем углу. Сейчас 14:20.

Около четырёх встал. Покушал и с хорошим настроением до полвосьмого занимался статьёй. Потом прогулка. Опять центр. Шум фонтанов на площадях – лучшая музыка. Сижу спиной к самому большому и наслаждаюсь. Вечерний город прекрасен! А над ним – розовые облака! Сказка!

На обратном пути заблудился. Жалюзи все опущены. Улицы неузнаваемы. А от своей улицы я находился довольно далеко. Получилась поучительная история. Дорогу домой помогло найти всего лишь одно испанское слово «рёкто». Я останавливал первого попавшегося испанца и трагически произносил: «Avenida Georgeta?», вопросительно при этом разводя руками. Испанец задумывался, а потом, уточнив направление, указывал мне рукой, повторяя несколько раз спасительные для меня: «ректо-ректо-ректо». Я знал, что ректум – это прямая кишка. Значит, надо бежать прямо, прямо и прямо. Каждый испанец объяснял, куда сворачивать потом, на что обращать внимание, но я уже не слушал, ибо не понимал ни слова. Бежал прямо, прямо и прямо, но полутёмные улицы без конца петляли, и я снова вынужден был останавливать очередного испанца, и картина повторялась. В конце концов, после одиннадцати вечера уставший, но счастливый добрался на свою родную Авенида Хиорхета и, несмотря на боль в пятках, сразу же заснул. Так что безвыходных положений не бывает.

6 мая (понедельник). Встал в полседьмого. Светает. Небо пасмурное. Это хорошо: нет проблемы с одеждой. Кусучее испанское солнце меня пугает. Поляки верно говорят: «Что занадто, то не здробо». Наше известное выражение не хуже: «Слишком хорошо – тоже не хорошо».

В девять Вики передала проездной. До обеда самочувствие было прекрасное. За обедом выпили пива. Где-то к трём наваливалась ужасная вялость. Я подумал, что пиво виновато. Я не поклонник его. Первый раз попробовал после сорока. Не понравилось. Однако на сей раз дело было не в пиве. Вскоре всё прояснилось. С неба хлынул проливной дождь. Шёл до вечера и вечером. Такой обложной, что я подумал: «Наверно, и у нас в Крыму так же...»

7 мая (вторник). Встал около семи. Небо ясное. Солнышко. Настроение чудесное, а я переживал, что Тони будет практику под дождём вести. На собственном опыте знаю, как это плохо. До обеда не дотянул с настроением.

Думал, опять надвигается дождь, но пронесло, хотя тучи были серьёзные. Бальбуена настроен приехать в Крым. Вэлкам!

Весь день писал один. Нужны были оттиски по цестодам, которые остались дома. Поэтому настроение было не очень. Уехал в пять. Хотел на рынке подешевле купить картошки, лука и капусты, но он оказался закрытым.

Вечером чувствовал себя неважно. Большую часть времени проспал.

8 мая (среда). Встал в 7. Все спят. В туалете выскочила труба из бачка, и меня обдало водой. Неплохое начало. Съел (даже не весь) вчерашний салат. Выпил кофе и собрался уходить. Проснулся Амэд. Часто говорит «Искьюзми».

День прошёл прекрасно. Утром Вики принесла магнитофон для английских кассет. Потом Марче предложила свой стол для работы. Бальбуена пригласил на воскресенье к себе в гости. Раньше Хави тоже говорил, что пригласит к себе домой.

За день голова задурилась. Писать статью, одновременно слушая уроки английского, труднее, но время пролетело быстрее. Польза для английского кой-какая есть, но записи в основном не нужные, типа: «Он ласкал её детскую грудь». Надо же придумать?! Закончил в пять. Во дворе встретилась Марче с несколькими экземплярами своей только что испечённой диссертации (сисис). Один подарила мне. Потом нагнал меня ленинградский физик Володя Белицкий. Приятно было услышать русскую речь. Пошли к механику забирать из ремонта его машину. Пока стояли на тротуаре у мастерской, нашу русскую речь услышал испанец Луис – дитя гражданской войны. Сейчас ему 69 лет, но выглядит прекрасно. Живет с матерью в деревне «в цыганском гетто», слушать его было очень интересно. До войны он побывал в Пушкине под Ленинградом. Потом работал в Киеве в фирме Антонова. Знает Крым. Побывал на Алтае, на Камчатке.

Вечером немного погулял. Оказывается, железнодорожный вокзал совсем близко от моей авениды. Вернувшись домой, долго смотрел «сисис» Мерче. Много литературы перелопатила.

9 мая (четверг). День Победы!

Проснулся в 4:20. Не стал работать. Снова заснул. Встал в 7. Выпил только кофе, без всяких добавок (хлеба и т. д.). Думаю начать разрушение своего живота. Хватит ему блаженствовать! За зиму разросся до угрожающих размеров.

Сейчас 8:00. Солнце блестит в окнах противоположного дома. В синем небе с писком носятся стрижи, а внизу – несмолкаемый гул машин. Надо собраться на работу.

День прошел хорошо. Никто не мешал. В отличие от вчерашнего, английский слушал не все время, а только когда делал «рылэкс». В 5 вечера закончил. Одолжил у Тони 2 тысячи песет. Дома попытался поговорить на английском с французами. Жаль, знают его плохо.

Пошёл гулять. Хорошо, что взял зонтик – начался дождик. Обошёл главные площади и благополучно вернулся. Пятка болит. Уже 9:20. Темнеет. Дождь продолжается. Машины гудят.

Интересное открытие. Парни-испанцы в городе очень часто носят свои свитера и кофты на заднице, как наши девчонки на практике в горах. В целом студенческая молодежь воспринимается нормально. Не видно такого биологического вырождения, как у стариков. И всё-таки в городе много калек и убогих.

10 мая (пятница). Вчера спать лёг рано. Проснулся в половине четвёртого. Заставил себя снова уснуть. Окончательно поднялся в 6:45. Пасмурно. Настроение паршивое. Хочется домой. Умылся. Проглотил ложку мёду с водой. Это мой завтрак. Сегодня получать деньги по гранту. Не знаю, как одеться. Костюм не хочется.

Вчера из Страссбурга позвонила Эмануэль – невеста Самуэля. Я был один в квартире. Предложил перейти на английский. Она тут же переключилась и стала бойко шпарить, как на родном. Завтра приезжает сюда.

Весь день было пасмурно. Немного болела голова. Устал чертовски. Значит, деньги зарабатываю честно. Начал в 9:00, закончил в 17:00. Сейчас без четверти шесть. Только разделся, стал рубать огурец с хлебом. Хлынул дождь, но стрижи в небе продолжают летать высоко.

Утром надел костюм. Предстояло получить часть гранта. Не вышло. Рага рванул в Мадрид на конференцию. С Бальбуеной договорились встретиться в воскресенье в 13:00.

Надо-ть отдохнуть, ядрёна корень. Пospал. Сварил картошки. Оказалась молодой. Когда покупал, не заметил. С салатом пошла за милую душу. Даже хлеба не захотелось.

Вечером приятно поговорил с Самуэлем. Остальные французы убрали комнату для встречи Эмануэль. Сплошные «эль», ведь по-чукотски «эль-эль» – какашки. Так что всё в мире относительно.

11 мая (суббота). Встал без четверти семь. Все спят. На Западе викэнд есть викэнд, а у меня настроение прекрасное для английского. Умылся. Среди пустых кульков обнаружил 2 пакетика с чаем из севастопольского поезда. Плюс к тому в одном из них оказался ещё и американский королевский кофе. Что ж, приятное начало дня. Вчерашней депрессии как и не бывало. Однако по дому скучаю. Занимался английским. Сейчас 9:40, а холодина собачья. Будто не середина мая, а декабрь. Иду гулять.

К часу вернулся. Нагулялся вволю. Погода – блеск! Двадцать два градуса. Город великолепен. Был в районе железнодорожного вокзала и центральных площадей. Ходил по магазинам. Цены адские. Присмотрел быка за 1300 песет. Получу деньги – куплю. Люблю символы. Возле кафедрального собора в магазине понравился один кинжал, но дорогущий, собака.

Самуэль встречает в порту Эмануэль: Амэд и Бушерá усиленно готовятся. Украсили воздушными шарами всю комнату.

Сейчас без двадцати одиннадцать вечера. Настроение прекрасное. На душе светло, свежо, и сам чист, как ангел. Недавно искупался, постирался, а потом много и легко занимался английским.

Эмануэль встретили гитарой и плясками. Потом сели за стол. Пригласили и меня. Я поставил бутылку пшеничной. Не в коня корм, хотя Эмануэль и оказалась не изящной француженкой, а коровистой бабой. Все немного захмелели. После паэлья поставили торт, украшенный крупнейшей клубникой! Здорово и красиво! Затем ещё и мороженое последовало.

Только встали – раздался телефонный звонок. Это Наташка!!! Я так обрадовался, что и не передать. Вся Европа ни черта не стоит по сравнению с родной семьёй!

Завтра в час дня за мной заедет Бальбуена. Надо немного продумать что-нибудь для беседы. Его жену Сильвию я уже видел: нежнейшая, бледная, как подснежник, эфемерная норвежка. Никак не может забеременеть. Хуан Антонио постоянно об этом говорит. Мне бы его заботы! Думаю, сразу же получилось бы. А пока приходится довольствоваться лишь тем, что решил подарить ей эмблему Севастополя. Собираются же они приехать в Крым, вот как раз и кстати им эмблема нашего главного города. А конька морского подарю Мерче после защиты ею диссертации. Всё путём!

Сегодня, бродя по городу, как-то не чувствовал себя его гостем. Будто житель его и вышел просто развеяться. Если бы с семьёй, то, наверное, можно было бы и к чужбине привыкнуть, а одному – нет. Не то! Постоянно чувствуешь, что где-то там далеко осталось что-то очень большое и самое важное. А окружающее – это так, спектакль. Интересно, но вечно им сыт не будешь.

12 мая (воскресенье). Встал в семь. Состояние так себе. За окном блёклая синева и приличный холодок. Голяком у окна не усидишь. Пойду умываться.

Уже 9. Синева усилилась. Позавтракал. Занялся английским. Поспал и всё равно лишь 11:00. Долго ещё ждать Бальбуенку. Снова позанимался. В 13:00 встретились. Поехали к нему. Он занимает двухкомнатную квартиру в многоэтажном доме. Прямо у моря в пяти километрах от Валенсии по дороге на Барселону. Райский уголок. Залив прямо во дворе дома. То же самое, что жить на моле в Ялте. Но деревьев нет, а летом, очевидно, очень людно, плюс вода грязная. Я бы постоянно жить в таких условиях не хотел. Всё время такое чувство, будто чего-то не хватает. Нормальной, а не курортной жизни, что ли?

Угощали слабым вином и мерлузой. Дважды выходили к морю. Приятно беседовали, но в шесть захотелось на Хиорхету, куда и доставил меня Хуан Антонио на своем новеньком белоснежном форде.

– Ты счастлив? – спросил я, кивнув на машину.

– О да! – ответил он, радостно улыбаясь. – Родители помогли купить.

Распрощавшись с Хуаном Антонио, я сразу же поплёлся в центр. Наполнялся на фиесту. Вся проезжая часть занята движущейся колонной разодетых в яркие исторические костюмы людей. Им на головы с балконов узкой улицы постоянно сыплются лепестки роз. Тротуары полностью заняты сидящими на раскладных стульчиках старушенциями. Все расчувствованы, умилённо вспоминая славные страницы своей когда-то великой страны. Я обратил внимание, что в колонне много высоких красивых девушек. И совсем не еврейские лица. В будние дни их просто не видно на улицах.

Когда мне надоело стоять, я шагнул на проезжую часть и встроился в колонну за взводом солдат, на которых амуниция топорщилась в разные стороны. Чувствовалось, что бутафорская. Я мысленно сравнил этих ребят с нашими молодцами, на которых форма сидит, как отлитая из бронзы, и на душе стало тепло и радостно. В это время с балкона второго этажа красивая молодая испанка опрокинула мне на голову целую корзину розовых лепестков, приняв меня, очевидно, за священника. Мои ноги утопали в толстом слое таких же лепестков, и я вдруг понял, откуда взялось знаменитое выражение: «Его путь не был устлан розами». Сегодня он был устлан и я был счастлив.

Домой я вернулся в 10:20, уставший и с больной пяткой. Надо еще познакомиться английским. Бальбуена посоветовал съездить на остров Мальорка. Вроде бы очень красиво. Не знаю. И хочется и колется. Жаль тратить доллары на развлечения, когда дома ужасающая нищета. Тоска по дому начинает наваливаться волнами.

13 мая (понедельник). Под утро проснулся без видимой причины с тяжёлым настроением. Очевидно, виноваты понедельник и 13-е число. К семи настроению выровнялось и часок позанимался языком.

По пути купил проездной. Утром мотались в администрацию. Долго пришлось ждать Тони. У него было собрание. Потом – банк, работа, обед, и снова работа. Финишировал после пяти. Устал. Слава богу, румынки уехали. Неприятные. Но после них остались вешалки. Приходится и этому радоваться. А денег всё нет и нет.

Позанимаюсь и двину размяться.

14 мая (вторник). Вчера вечером в город не ходил. Занимался. Ночью дважды просыпался. Приснилось, что известный ленинградский паразитолог С.С.Шульман потерял паспорт, а я нашёл. Пустячок, а приятно!

Проснувшись в семь, не стал подниматься, а навалился на английский.

Небо сегодня слегка облачное. Настроение – не очень. Рага у меня над головой на полке долго не мог найти никаких скребней! Долго тряс коробки прямо надо мной. Потом ушёл. И вдруг вваливаются все сотрудники лаборатории. Рага говорит:

– Ты любишь английский. Вот мы всей лабораторией дарим тебе плеер.

Вот так сюрприз! Прекрасный китайский плеер: радио и стерео. Блеск! Я как-то Вики сказал: получу грант – куплю. Она усекла это, и вот они всем скопом решили меня порадовать. Взаимоотношения прекрасные.

После работы в город не поплелся, как обычно, а слушал английские тексты. Думаю, подарок будет очень полезной штукой для изучения языка.

С деньгами напряжёнка. Осталась тысяча, то есть на два обеда. Получение опять откладывается вроде бы до пятницы. Дела невесёлые. По утрам и вечерам сижу на хлебе и капусте. Правда, обедаю отменно – на 500 песет (4 доллара).

15 мая (среда). Уже две ручки выкинул. Осталась одна. Встал в 6:20. Выпил кофе. Чувствую себя прекрасно и без завтрака. Наоборот, после обиль-

ного обеда работать тяжелее. Прослушал одну сторону кассеты. Надо собираться на работу. Вчера после одиннадцати вечера позвонил случайный знакомый испанец Эстэван. Он студент. Немного знает русский и английский. Возможно, встречи окажутся полезными. Договорились увидеться завтра в 7:30 вечера. Появилось желание приобрести дочкам по плееру. Хорошая штука и для английского, и для музыки.

Весь день напряжённо работал. Устал. Это очень сильно почувствовалось в автобусе. В город идти нет сил. А сварю-ка я, наверное, картошки! И сварил, чем немало удивил французов! На кухне я заглянул над плитой в несколько ящичков, но кастрюль не нашёл. Подумал, что их просто нет. Увидев сиротливо стоящую сковороду, схватил её, поместил туда яйцо в скорлупе, резаную картошку и залил водой. Русского человека отсутствием кастрюли не остановишь! Это увидел Амэд и мгновенно пригласил остальных французов посмотреть на русское чудо. Мне было неловко, зато я узнал, где хранятся кастрюли.

16 мая (четверг). Ночью дважды просыпался и занимался языком, поэтому утром встал поздно – в 7:20. Чувствовалась усталость. Неряжности продолжались и по дороге. В автобусе я был в наушниках. Билет нажал сильно, но щелчка не услышал. Прошёл на середину и понял, что кто-то сзади кричит. Оглянулся. Догадался, что это касается меня. Шофёр показывал на автомат. Я вернулся, нажал на билет сильнее и услышал щелчок. Извинился. Было неудобно, но я так и не понял, почему аппарат не сработал в первый раз. Всё прояснилось на обратном пути. Пришлось тоже тыкать два раза. Оказывается, билет попался дефектный – сломанный наискосок. И на сей раз аппарат не откусил положенный ему кусочек, но щелчок был.

Весь день работал прекрасно. Абсолютно не устал. Через полчаса иду гулять с Эстэваном. Сейчас 19:00. По небу бегут облака, а настроение великолепное. Вот и пойми эту метеозависимость.

Эстэван был довольно дохленьким испанцем. Он предложил встретиться в районе железнодорожного вокзала с его подружкой, которая знает русский. Втроём будет, мол, веселее. Я совсем раскатал губы на будущие весёлые встречи с русскоговорящими испанцами. Но вскоре наступило разочарование. Коровистая девушка, целых 12 месяцев в девяностом году проучившаяся на подготовительном факультете в Санкт-Петербурге, порусски мычала так невнятно, что нам пришлось расстаться. Я остался один у фонтана на «пласса дэ ля Вирхен». Потом зашёл в довольно нарядный собор (или костёл?). Обнюхал всё за райскими воротами и снова вышел к фонтану.

Пробило 21:00. Пора домой. Однако на узкой мраморной улочке дороге перекрыла мощная колонна музыкантов, разодетых в красочные старинные одеяния. Передние виртуозно вертели вокруг себя знамёнами. Я был подхвачен этим потоком и снова оказался на «пласса дэ ля Вирхен». Начался настоящий карнавал. Колонна, играя на гитарах и других инструментах, как змея, прокладывала себе путь сквозь ликующую толпу вокруг фонтана и в разных других направлениях, выписывая восьмёрки и иные

фигуры. Потом музыканты разбились на группы по цвету широких лент на груди и плечах и стали петь и плясать. Я посмотрел в небо. Над старинным зданием генералитета гордо реяли два флага: испанский и валенсийский. Вокруг них, продолжая земное торжество, как в танце, вились стрижи. А над ними глубоко в небе, словно разбуженная всеобщим ликованием, вспыхнула вдруг как-то внезапно первая, яркая, сочная звезда. Целый час я наслаждался музыкой, переходя от одной группы к другой. Потом ушёл и... заблудился. На сей раз взял слишком влево и вышел к Корт-Инелесу. Вечером улицы совершенно неузнаваемы. Резко крутанул вправо и вышел к вокзалу. Дальше всё было знакомо. Приплёлся к одиннадцати: уставший, но довольный.

17 мая (пятница). Встал без двадцати семь. Умылся, немного постирался. Пишу, а за окном над общим гулом машин пищат стрижи. Небо в белёсых пористых облаках. Допью кофе – и на работу.

Работалось трудно. Чувствовалось приближение викэнда. Хисус тоже жаловался на усталость, когда утром шли в банк. Он снял для меня 20 000 песет. Надо отдать долги, купить быка. Остальное – на питание.

Вечером ходил в центр. Вернулся нормально. Понял свою вчерашнюю ошибку, где свернул неправильно. Оказывается, моя улица упирается в площадь Санты Каталины. Раньше я этого не усёк.

Завтра Эмануэль улетает. Французы подарили мне три фото нашего застолья.

Кажется, начинается жара. Уже 11 вечера. Окно открыто, а лоб мокрый. Пятка болит.

18 мая (суббота). Встал в 7. Постирался. Все спят, а уже полдевятого. Думаю сходить на базар. Небо синее, ни облачка. Начинается настоящий викэнд. Даже стрижи куда-то улетели.

Весь день смотрел диссертацию Мерче. Продумал выступление на защите. Сбегал в центр. Нашёл почту, но она оказалась закрытой. Вечером французы угостили тортом. Видно, настроены доброжелательно.

19 мая (воскресенье). Проснулся затемно. Немного занимался языком. Потом сходил на почту. Вверху синева. Лицо ласкает свежий утренний ветерок. Почта опять закрыта. Хотел купить конверт в Германию. На площади Вирхен играл оркестр. Но город, в конце концов, надоел. Захотелось домой. Вернулся к обеду. Ветер. Самочувствие не очень – жмёт лоб.

Впервые многие люди в шортах. Я их люблю и давно в них бегаю.

20 мая (понедельник). Встал полседьмого. Надо подготовиться к защите Мерче. Спал при закрытом окне. Так шума меньше от машин. Самочувствие лучше, чем вчера. Может это машины мешают нормально выспаться? Ведь сплю не меньше, чем в Крыму, а самочувствие по утрам хуже. Прелести цивилизации. То ли еще будет.

День был чрезвычайно богат событиями. На работу поехал раньше обычного. Одел костюм и не ошибся. На защите все были в костюмах. Думаю, смотрелся не хуже англичан. В качестве оппонентов приехали, а точ-

нее прилетели из Лондона Дэвид Гибсон и Дэвид Ройлингс (на слух). Оба мо- ложе меня. Симпатичный Гибсон с усами. У Ройлингса прическа направлена вперед, как у знакомого мне американца Джеймса Эстэса. Тони познакомил нас. Это был первый мой контакт с англичанами на их языке. Я очень боялся и не ошибся. Первое впечатление было удручающим. Языковой барьер встал во весь рост. Я увидел, что мои познания английского – это капля в море. На защите длинные речи англичан не понимал. Завидовал испанцам, в том числе Мерче, как они бегло говорят на английском. Мне казалось, что эту пропасть мне не одолеть до смерти, но последующие события показали, что не всё так страшно. Последовали и некоторые успехи.

Защита оказалось намного проще русской. Пять человек сели в президиуме. Для сравнения: на моей защите в Москве объединённом из трёх научных учреждений Совете было 36 маститых докторов и академиков. Как говорят в Одессе – две большие разницы. В испанском президиуме 4 оппонента: два испанца (Бальбуена из Валенсии и Виго из Барселоны) и два выше названных англичанина (два Дэвида). Оппоненты вели беседу с подзащитной. Аудитория никакого участия не принимала в обсуждении диссертации. Никаких вопросов, отзывов, авторефератов. Ведущий поды- тожил обсуждение и попросил слушателей на время голосования комиссии покинуть аудиторию. Через пять минут снова пригласили в зал и объявили результат голосования. Вся процедура очень напомнила защиту дипло- мных работ нашими студентами-выпускниками. Правда, диссертант доклад сделала серьёзный, минут на сорок. Много иллюстраций на кодоскопе и несколько слайдов хозяев паразитов. Однако фото препаратов были хуже рисунков и смотрелись не очень.

Защита проходила на математическом факультете. После защиты вер- нулись на свой (биологический) и выпили пива с солёной картошкой. Я сидел рядом с англичанами. От Гибсона узнал, что Ветке (моей старшей дочери) денег нет для поездки в Италию. Грустно. Отрицательно ответил он и в отношении цестоды *Baylisiella tecta* (паразит антарктического морского слона). Сказал, что у них в музее её нет. Это тоже очень грустно. Уезжая в Ис- панию, я поручил В.Н.Мальцеву (моему аспиранту) запросить в Лондоне эту цестоду для сравнения с моим материалом от морского слона. К счастью, Гибсон ошибся, и мы позднее заполучили эту цестоду. Переисследовали её и опубликовали добротную статью в «Паразитологии».

После пива 10 человек поехали в ресторан на ланч: оппоненты, Мерче, её муж, Тони, Карбонэль и я. В ресторане я сидел рядом с Гибсоном и кое о чём удалось поговорить (правда, с трудом). Старик Карбонэль подчёркну- то доброжелательно отнёсся ко мне. Рекомендовал разные блюда. Виго, сидевший справа, тоже уделял внимание. Позднее я узнал, что испанцы недолюбливают англичан за их высокомерие.

На прощание я подарил Мерче красивую тёмно-синюю стеклянную фи- гурку морского конька с пожеланием «всегда быть на коне!» Получилось хорошо. На вечер снова был приглашён в ресторан. В 21:00 за мной заехал

Бальбуена с женой. Долго ждали остальных. Испанцы пунктуальностью не отличаются. Стол был накрыт намного скромнее, чем на обеденном ланче. Вина никакого. Только пиво и что-то напоминающее компот. На закуску – креветки, салат, картошка и потом что-то вроде нашей сайки с картошкой и яйцом внутри (на вкус – не очень). В заключение – кофе.

На финише полной неожиданностью для меня и, как мне показалось, для англичан явилось то, что все сотрудники лаборатории стали вдруг рассчитываться каждый за себя (по 1300 песет). Хорошо, что дома я захватил с собой немного денег. Бумажных было маловато. Вытащил целую жменю металлических и, не считая, сыпанул на стол, по-моему, намного больше, чем надо было.

В ресторане сидел рядом с Ройлингсом. Много с ним беседовал. Его понимать легче, чем Гибсона: чётче произносит слова. Заинтересовался моими командирскими часами. Расспрашивал об Украине. Рассказал, что занимается шистозоматозом в Западной Африке. Я весело вспомнил, как в Сингапуре, оказавшись посередине озера, вдруг подумал, что вода, возможно, кишмя кишит личинками этих самых шистозом, которые внедряются в тело человека через кожу и выводят из строя его мочеполовую систему. Бешено махая руками, я поплыл к берегу.

Смешно рассказал я также, как в ночной Валенсии с помощью одного единственного слова «рёкто» успешно нахожу дорогу к своей родной авениде Хиорхета.

В общем, первым своим контактом с англичанами остался доволен. Днём раньше в лаборатории показал им свою диссертацию и подарил от тиски статей. Расстались очень дружелюбно.

После ресторана англичане уехали, а меня испанцы прихватили с собой ещё в одно заведение для продолжения торжества. Они привыкли к ночному образу жизни и веселились от души. Пили тоник со льдом. Много танцевали. Играли в бильярд. Особенно внимательно за мной ухаживала молодая чета: бородатый Хави с длинным ногтем для игры на гитаре и его прелестная жена Ана.

До утра я не намерен был веселиться, и в половине третьего ночи муж Мерче Хосе отвёз меня домой. Спать не хотелось. Чувствовал себя прекрасно.

21 мая (вторник). Думал, буду спать долго, однако проснулся в пять и больше не заснул. Самочувствие нормальное. Надо собираться на работу. Попью кофе и – айда. Небо в мелких облаках, как стадо овец. Пищат стрижи. Вспоминался вчерашний ресторан. Без кондиционеров. Жара невероятная. От пива я обливался потом. Это увидел мальчишка-очкарик. Присел сзади на корточки, как собачонка. Предложил холодной воды освежиться. Потом повёл меня в ванную комнату. Я умылся и почувствовал себя намного лучше. Думал, это сотрудник ресторана, а он оказался одним из друзей Мерче. Все относятся очень хорошо. Я плачú тем же. В прекрасном настроении сделал зарядку. Уступил румынке очередь в туалет.

Весь день работал отлично. Написал шесть страниц статьи. Больше, чем в предыдущие дни. Но, в конце концов, вчерашняя пьянка и бессонная ночь дали о себе знать. Голова задурилась, как в состоянии невесомости. Улучшила положение вездесущая Мерче. Пришла с подругой (очень приятной девушкой) и принесла в картонном стакане шампанского. Очень вкусное. Сладкое и холодное. Я думал, что у подруги день рождения. Оказалось, отмечают годовщину замужества. Праздник, который всегда с тобой, продолжается.

Вечером поспал часа полтора. Прошёлся до площади Вирхен и думаю ещё заняться языком. До прогулки уже прослушал одну кассету. Слава богу, не из серии «он нежно ласкал её детскую грудь».

22 мая (среда). Проснулся. Темно. Прослушал одну сторону кассеты. Умылся. Ещё позанимался. В половине девятого двинул на работу. Трудился с переменным успехом. Отправил письмо в Германию. Встретился с Белицким и Ириной Георгиевной Ланг из Ленинграда. Выглядит, как дохлая селёдка. Несмотря на фамилию, еврейку в ней не разглядел. Надо ещё присмотреться. Уезжает через месяц, а Белицкий – через пару дней в Германию. Тёплых чувств он со своей Лизой не вызывает. Что-то в них чужое русскому духу.

Поспал. Прогулялся. Сварил картошки. Принял ванну и постирался. Уже половина первого. Думаю еще послушать инглиш. Дурень: вечером выпил кофе. Не исключено, что ночь будет бессонной. В Валенсии чувствую себя уже не Хэмингуэем, а работягой в поте лица. Песчинкой в океане. Интересная метаморфоза. После обеда специально прогулялся, чтобы развивать свой инглиш. Надо использовать с этой целью еще и кофе-брейки. Я их избегал. Бальбуена посоветовал ещё и слушать би-би-си. Вроде бы хорошо помогает. Его бледнолицая норвежка Сильвия уже хорошо шпарит по-испански.

23 мая (четверг). Как и предполагал, кофе повлиял. Спал всего лишь пару часов. Но бодрость духа есть. Встал полшестого. Синева. Блеск окон. Стрижи. Прослушал обе стороны кассеты, а ещё раньше побрился и умылся. Сегодня снова в банк – получать деньги. Отдал Раге долг – 14 тысяч песет и сел на мель.

В банк ходил удачно. Деньги получил. Видел Белицкого. На обеде в кафетерии стоял ужасный гам, как на птичьем базаре. Беседовал с Хави и Мерче. У них произношение не очень: прут везде «р» («сёрти», «форти»).

После обеда работалось тяжело, а домой возвращался вообще в космическом состоянии.

В статье сводку о паразитах всех ластоногих мира закончил. Взялся за хозяев, т.е. за тюленей и моржей.

24 мая (пятница). Поднялся без четверти шесть. Молодёжь, конечно, спит. Вчера попытался натаскиваться с английским. Никто толком его не знает. Поэтому дело идёт туго. Вот бы теперь сюда англичанина Кита, как в 1993 году. Он бы здорово помог.

День прошёл чудесно. Вчера всё шло плохо, а сегодня – сплошной триумф. Утром появилась Мерче со своим мужем. Это он назвал их сына Юрием

в честь Гагарина. Очень хорошо поговорили. Работа пошла, как песня. В одиннадцать отправился в кафетерий на кофе-брейк с Белицким и Ириной Георгиевной. Потом Бальбуена привёл англичанина Дэвида Дэвиса. Смотрели слайды. Я многое понимал. Вдруг воспылал любовью к английскому, поверил, что одолею его. Домой приехал в приподнятом настроении. Сходил в Маркедону. Купил батарейки, хлеба и масла, рядом – помидор. Поплёлся в центр и купил, наконец, полюбившегося быка. Будет всегда напоминать Испанию.

Шёл туда и обратно с музыкой, так как севшие батарейки не крутили магнитофонную ленту, а на радио их ещё хватало.

Солнце уже спряталось за домами, а я ещё не устал. Сожрал 4 помидора с хлебом и думаю заняться языком. Притащил книгу на английском о тюленях. Музыка – прелесть: «Борекита-Комиту».

Постирался. Поужинал. Уже половина первого, а заснуть не могу. Видно, перевозбудился. Размечтался. Будущее не кажется таким уж мрачным. Возьмём быка за рога! Ведь я – беловежский зубр! Вскормлён той же землёй.

25 мая (суббота). Видно, был спазм сосудов. Хлебнул водки и не мог долго заснуть. Встал в полседьмого. Думаю сбежать на центральный рынок, а потом – в «Корт инглэс».

Сбегал. Одолел много километров. Приплёлся развалиной. Ноги сильно болели, особенно уязвима правая пятка. Мучила жара. В 11 утра было уже 28°. Свалился отдохнуть. Заснул. Проснулся с головной болью. Проглотил таблетку. Не помогло. Сварил картошки. Сделал салат. Сожрал. Вот и хэдэйк вроде бы исчезла. Но солнце бессовестно ползёт в комнату. Уже заняло полкровати. Сейчас 16:00. Долго здесь не усидишь. Придётся перебраться в общую комнату или – ещё лучше – на её юго-восточный балкон. Там займусь языком.

Выяснилось, что жалюзи на окне в моей комнате исправны. Ура! Больше не буду страдать после работы от жары. Уже десятый час. Читал тюленей на английском. Почти всё понимаю. Это – успех. Упорством и горы свернуть можно.

Пожарил картошки и два яйца. Плюс салат. Ужин получился прекрасный! Салата и на завтрак осталось. Мёд кончился. Купил сахар, кофе, масло подсолнечное, хлеб. Так что воскресенье не страшит. Сегодня в город больше не пойду. Буду заниматься.

26 мая (воскресенье). Встал в полседьмого. Умылся. Завтракать не хочется. В белёсом небе пицчат стрижи. Почитал тюленей. Отправился в центр. Температура только 24°, а лоб жмёт. Хочется прохлады. Купил стельки, а то в итальянской резине совсем не весело. На рынке очень много негров. Их деревянные изделия изумительные. Лучше тех, что видел у Мишки Тамойкина.

Уже 20 минут четвёртого, но ещё не обедал. С огромным наслаждением слушаю классическую музыку, особенно Чайковского. Одновременно занимаюсь языком (читаю книгу о тюленях). Расчувствовался и решил, что книгу о себе написать всё-таки стоит. Предварительное название: «Пляска парадоксов, или Моё обретение планеты». Ведь побывал на всех морях,

омывающих СССР. Пересёк все океаны планеты. По науке в своём направлении вышел на передовые позиции. В музей притащил экспонаты с разных широт и Арктики, и Антарктики.

27 мая (понедельник). Встал рано. Завтракать, как обычно, не стал. Занялся английским. Решил плеер не жалеть: каждую фразу повторять, оставив магнитофон. Возможно, что-то получится.

Началась жара, и я чувствую себя не лучшим образом. А у Раги планы, как у Гитлера: и кампулид ревизовать, и аспирантам курс лекций прочитать о работе в лаборатории с разными группами гельминтов.

Хави напомнил, что приглашение к нему остаётся в силе. Поедем к его матери за Аликанте (160 км), в Аспэ, что ли?

После 23-х прогулялся. Оказывается, в это время все выгуливают собак.

28 мая (вторник). Встал на рассвете. Небо белёсое, с дымчатой поволокой. Может, жары не будет? Надену спортивные штаны.

Закончили распределение паразитов по хозяевам. Начал литературу. Мерче принесла атлас на английском языке. Уточнил некоторые названия. Потом с Хави (с бородой) начал корректировать английский текст. Ещё раз убедился, что они не придерживаются транскрипции. Говорит «дубт», а надо «даут» (сомнительный). Говорит «свитабл», «сьютэйбл» – подходящий. При таком произношении не очень, конечно, поймёшь. Но парень он хороший. Это с ним мы едем в Аспэ. Завтра придётся отстаивать термин «абортивный» в моей классификации. Это значит – недоразвитый паразит.

Похоже, французам и румынам я порядком надоел со своим английским, а я очень жалею, что нет хорошей практики. Нет англичан для общения. Хоть караул кричи.

Сегодня было не так жарко. После работы не спал. В сумерках прогулялся, а то голова всё-таки задурена. Здесь жарче, чем в Крыму. И это пугает. Хоть бы дотянуть до конца июля. Завтра буду звонить Наташке (младшей дочери). Её день.

29 мая (среда). По непонятной причине забарахлили мои китайские «командирские» часы. Разница оказалась в один час. Думал, что без двадцати шесть, а было уже без двадцати семь. Часок позанимался. Потом – на работу. Весь день думал о доме. Хотелось уехать. Казалось, что всё уже здесь надоело. С домом удалось связаться только в полчетвёртого. Трубку взяла Света, потом Наташа и Настенька. Слышимость прекрасная, как будто разделяет всего лишь одна стенка. Всё было очень трогательно.

После работы вздремнул. Потом на свежую голову до одури читал о тюленях на английском. Сейчас уже 20 минут первого. Надо ещё послушать плеер. Спать не хочется. Отдал 7 тысяч песет за майки (7 штук) – подарки родным.

30 мая (четверг). Встал в полшестого. Думал спокойно принять душ, но туалет уже был захвачен. Дождлся, пока освободится, и занял. Но уже через минуту стали яростно стучать. Не успел даже побриться и умыться. Решил уступить. Мало ли что – может, у кого-то расстройство. Открыл. Перед

дверью стояла румынка Аделина. Даже не ответила на приветствие (или от злости, или от стеснения). Надоело! Очень хочется домой.

Вчера тюленей читал до двух ночи. Поэтому голова немного в напряжении. Хотя кажется, что отдохнул. Ночью судорога свела ногу. Видно, от переохладения. Несколько ночей спал раскрытым. Подумал уже даже, что пора Раге возвращать одеяло. Но, видно, надо ещё повременить.

На работу ехал с чувством, что всё надоело. Дома лучше. Но потом настроение неожиданно выровнялось. Возможно, гуморальная регуляция. Хорошо работал целый день. Очень тепло простились с Мерче. Она уезжает на 4 месяца в Лондон, в музей естественной истории. Когда благодарила за материал, прямо светилась.

Дома принял душ. Пожарил картошку. Солнце садится. Хочу заняться языком. Сегодня чувствую себя хорошо и раньше положенного спать не собираюсь.

И всё-таки заснул. Потом с большим подъёмом занимался языком до 2-х ночи. После каждой фразы выключал плеер и повторял. Может, и пойдет дело.

31 мая (пятница). Встал в 6. Настроение не лучшее, но жить можно. На душе хорошо: завтра двигаем в Аспэ. С ночёвкой.

Весь день работал с хорошим настроением. Отмечал в диссертации литературные источники, которые пойдут в справочник. Наберётся около 400. Трудно будет перевести отечественные. Это займет много времени.

Домой ехал с хорошим настроением. Думал сразу погулять, но покушал, постирался и завалился спать. К удивлению и огорчению, вечером несколько раз просыпался, но подняться не смог. Вторую половину ночи провёл в полудрёме. Поднялся около шести. Всё небо в облаках. Их не было уже более двух недель. Видать, давление упало, вот и разоспался.

1 июня (суббота). Вчера к вечеру Хави позвонил, сказал, что будет к девяти. Сейчас шесть. Надо собираться. Состояние вялое. Думаю, что кофе поднимет тонус.

Вышел к девяти. Проторчал 40 минут. Точность испанцев совсем не американская. Появились на выдавшей виды машине. Ей лет двадцать, не меньше. Сказали, что автобус отправится не в 10, а в 10:30. Поехали на автостанцию. Долго парковались. Потом Ана купила арендный билет и мы пошли завтракать. Я это сделал ещё дома, поэтому просто сидел и наблюдал. И тут произошёл смешнейший случай в моей жизни. Хави куда-то исчез. Остались мы с Аной. Она по-английски – ни бум-бум, я по-испански – ни бум-бум. Тем не менее решили поговорить. Ана объясняет мне по-английски, что у испанцев женские имена заканчиваются на «а», а мужские на «о». Например, Франсиска – Франсиско. Я радостно воскликнул, что понял и, ткнув пальцем в пышную грудь Аны, торжественно произнёс:

– Ты – Ана, а мужчина – Ано!

Ана замахала руками и закричала, смеясь:

– Ноу Ано! Ноу Ано!

Я недоумевал, в чём же тут подвела меня моя логика.

Вернулся Хави. Ана поделилась итогом разговора, и они вместе стали хохотать так, что окружающие нас высотные дома заплясали, как дети.

Хави объяснил мне, что у испанцев нет мужского имени Ано, потому что у них это слово имеет совсем иной смысл. Оно означает – «заднепроходное отверстие», т. е. попросту анус. Тут и я посмеялся. Надейся после этого на логику.

Смеяться, однако, нам пришлось недолго. Ана оказалась настоящей женщиной и напутала с расписанием. Автобус на Зельду ушёл всё-таки в 10. Расстроились, конечно. Я, правда, вида не подавал и, наоборот, старался успокаивать своих спутников. Взяли билеты на 12:30, и я с удовольствием два часа беседовал с Хави по-английски. Трудно, конечно, но всё-таки понемногу коснулись разных тем.

В Зельде нас встретил отец Аны – Константино. Толстяк и весельчак. Машина старая, грязная, на полу солома. Когда мы понеслись в Аспэ, вся эта труха поднялась в воздух и лезла в глаза, уши, волосы. Впечатление было, что несусь я по Испании, как в русской метели, но не снежной, а соломенной. Восприятие было отвратительное. Так что не всё и «за бугром» хорошо.

Привёз нас Константино к матери Хави – простой женщине. Угощала она нас от души: пивом и плохо общипанной курицей. Правда, русский салат очень понравился – вкуснее нашего оливье (может, потому что название роднее?). Запомнился здесь же младший брат Хави – Люис, существо чернявое, но прозрачное, как весенний проросток пробившегося к солнцу растения. Ему уже 23 года, а в душе – ребёнок. С гордостью показывал фотографии, как он целовал руку папе римскому. Тьфу! Я бы этому Вайтыле не руку целовал, а чем-нибудь тяжёлым по голове. Ведь он – ярый враг моей родины – СССР. Но Люис – семинарист и смотрит на мир совсем не так, как я.

После десяти вечера нас подбросили в Зельду. Там сразу попали на фиесту. Шествие арабов меня потрясло. Шли они с головами львов, тигров и в очень ярких нарядах. Колонны высоких стройных девушек синхронно махали ятаганами. Через каждые 50 метров новый духовой оркестр иступлённо лупил в барабаны, стараясь по громкости переплюнуть предыдущих. Какая-то ужасная дикая сила чувствовалась во всём этом. Я не сразу разобрался, что это всего лишь спектакль: испанцы воспевают (!) своих бывших завоевателей. Я думал, что это настоящие оружие современные арабы, и мне стало жутко. Показалось, что даже русской армии не хватит, чтобы остановить эту орущую, идущую во мраке бесконечную орду. Более трёх часов двигалась колонна. Город ликовал. Гремел. Корчился в общем экстазе. Удивило, что даже женщины с грудными детьми на руках плясали в общем людском водовороте. Я выдержал до двух ночи, потом взмолился и ушёл спать.

2 июня (воскресенье). Проснулся рано. Темно. Слышны оркестры и глоса. Кто-то залез на колокольню и бездумно лупит по разрывающемуся от ужаса металлу.

В Испании не нравятся две вещи: запахи и звуки. На улицах страшная загазованность, а летом добавляются ещё и отвратительные запахи от пережаренной пищи в забегаловках на каждом шагу. В отдельных местах всё это сливается в общий с трудом переносимый смрад.

Звуки преследуют не меньше. Ходят тебе по мозгам: сигналият, свистят, кричат, поют в любое время суток. Звукоизоляции никакой. Дети природы. Как чукчи.

В мои размышления вмешались воробьи. Подняли галдёж не на шутку. Я чувствовал себя, как после хорошего перепоя. Несколько часов лежал и думал о жизни. Все спали. Потом услышал, что встают некоторые. Поднялся. Умылся. Хави продолжал спать. Ана настойчиво пыталась у меня узнать, что бы я хотел на завтрак. Такое впечатление, что готовы выполнить любые твои прихоти. Я не привык к такому вниманию. По мне: что есть, то и хорошо. Скромно остановился на кофе с молоком. После завтрака в церкви смотрели освещение цветов и службу. Ана схватила меня за руку и по крутой лестнице потащила вверх – на колокольню. В это время вокруг прямо из земли в синее небо стали с шумом взлетать ракеты и с треском лопаться в недоумевающем воздухе.

Мне вспомнилось, что меня пытались некоторые испанцы укорять за войну в Чечне и в знак протеста я громко закричал:

– Чечения! Чечения!

Мне мысленно хотелось таким образом выразить им протест: не лезьте, мол, в наши дела, сами разберёмся.

В 14:30 сели обедать с многочисленными друзьями Аниного брата. Вся эта церковная публика казалась мне какой-то дохлой. Общую картину венчал обезображенный природой, совершенно уродливый, лопоухий, большеглазый еврей, который живо мне напомнил нашего мультяшного Чебурашку.

К религии у меня и так было не много симпатий, а после этой трапезы ещё поубавилось. Моя страна рвалась в космос, а тут суют мне под нос какую-то затхлую многовековую плесень. Тьфу!

Правда, завершились торжества в Зельде великолепно. Меня отвели на квартиру к их знакомому богачу, и я с балкона второго этажа в течение трёх часов повторно созерцал бесконечную грохочущую колонну людей, которая так напугала ночью. Днём она казалась совсем не страшной. Да и не совсем было понятно, зачем повторять такое грандиозное зрелище. Это то же самое, если бы мы вдруг военный парад на Красной площади в течение суток проводили бы дважды: днём и вечером.

В целом поездка в Зельду оставила могучее впечатление. После такого уикенда неплохо было бы и хорошенечко отдохнуть.

3 июня (понедельник). День тяжёлый. Встал в полседьмого. Захотелось вдруг домой – на Родину, в семью. Однако весь день работал нормально.

4 июня (вторник). Завтра середина моего гранта. Настроение более или менее ровное. Вчера лёг около часа. Встал в полшестого. Принял душ. По-

стирался. В семь позавтракал. Студики ещё храпят. Батареек для мага хватило только на неделю, а радио ещё рубит вовсю.

Луна почти полная. Пойдёт на убыль. Небо синее. Пищат стрижи. Приятная прохлада после позавчерашнего дождя. Я рад. Здешняя жара переносится намного хуже крымской. Возможно, влажность выше? Наш Крым (кроме зимы) – благодатный край.

Весь день работалось хорошо. Вечером в город не ходил. Занимался. Плохо, что в квартире не с кем разговаривать. Всех тяготит английский.

5 июня (среда). Половину гранта одолел. Теперь покатится под гору. Правда, по опыту знаю – чем ближе финиш командировки, тем труднее добывать её. Надо ощетиниться. Работал как зверь. Перевёл на английский 43 названия наших (советских) работ, при норме (для себя) 25. После обеда жара усилилась. Домой ехал с задуренной головой. Всё осточертело. Хочется домой. По дороге к супермаркету ужасно раздражали запахи на улице. Думаю, что виновата жара. Усиленное испарение всего, что может улетучиваться. Нет! Здесь жить бы не хотел.

Принял душ. Уничтожил батон с салатом. Голова вроде бы отошла. Сейчас 19:00. Займусь языком. В городе давно не был и не хочется.

Приятно поговорил на английском с голландским студентом Марком. Всё понимал и говорил легко. Вот бы таких собеседников побольше!

6 июня (четверг). Уже полтретьего ночи, а я не могу заснуть. Слушал плеер. В который раз убедился в том, что больше всего стала нравиться симфоническая музыка. Полная неожиданность. Или постарел, или поумнел. Сейчас пошли стихи на немецком. Удивительно, что и они не пугают. Чувствую себя на уровне с остальной Европой. Это приятно сознавать.

Немного поспал. Встал в полшестого. Рановато, но делать нечего. Пришлось подниматься и приводить себя в порядок. Позанимался языком. Сейчас 8:10. Настроение прекрасное. Иду на работу. За окном – синева и стрижи. Дом напротив слепит железной стального цвета решёткой на балконе.

Весь день работалось хорошо. Литературу переводить закончил. Начал вычитывать.

По возвращении домой встретил у подъезда крокодилистую румынку. Сказала, что мне звонила какая-то женщина из России и просила связаться с ней. Наверное, Вета (старшая дочь).

7 июня (пятница). На небе белёсые разводы. Может, жара немного спадёт. В час удалось дозвониться до Светы (жены). Голос искажён, но слышимость хорошая.

8 июня (суббота). Позволил себе расслабиться. Не стал вставать слишком рано, хотя и просыпался. Сейчас без пяти семь. Небо всё в тучах. Птицы летают как-то испуганно. Может, будет дождь? Хорошо бы!

Вчера в очередной раз просматривал диссертацию американки Ann Adams. Удивился, что меня она больше всех цитирует. В списке использованной литературы моих 18 работ!!! Десяти – 12, других ещё меньше. И

это был ещё только 1988 год. Видно, следят за рубежом за нашими работами. Пустячок, а приятно. Международное признание – хороший бальзам. Ласкает душу. Когда видишь, что нужен людям, умирать не захочется.

9 июня (воскресенье). До обеда занимался стиркой, гладкой, жратвой и языком. Неинтересно. Зато первый раз в жизни стирал простыни. Одолеп с помощью машины, остальное – руками.

По небу бродят тучки, но всё равно жарко и душно.

После обеда поплёлся в город. Снова напоролся на фиесту. Тротуары заняты зеваками. Многие сидят на своих складных вынесенных из квартиры стульчиках. Пройти невозможно. Пришлось тоже долго глазеть на ряженое шествие. Улица, по которой двигалась колонна, была очень узкой. Балконы домов с обеих сторон буквально нависали над ней. С балконов пышногрудые испанки без конца швыряли вниз на головы марширующих людей охапки свежих лепестков роз. Когда мне надоело стоять, я решил встроиться в колонну и выбраться отсюда. Ноги по щиколотку утопали в лепестках роз.

До фиесты интересной была встреча со старинными каретами XVII и более древних веков. Громадные и с фигурами. Лошади хорошо откормлены. Танцуют на асфальте, но почему-то скользят, как на льду. Видать, подковы никуда не годные.

10 июня (понедельник). Встал около шести. Ещё сумерки. Хочется домой, но я подавляю себя. Надо выдержать.

С утра заговорил с Тони о публикации работы и расстроился. Моя надежда издать её отдельной книжкой рухнула. Он сказал, что это сделать трудно. Поэтому я написал в Польшу Ждитовецкому с просьбой опубликовать её по частям на страницах Acta Parasitologica Polonica. Также могут возникнуть трудности, но я надеюсь.

Домой приехал с не очень хорошим настроением, но прочёл введение на английском к работе Марголиса и Араи о паразитах морских млекопитающих Канады и успокоился. Не так страшен чёрт, как его малюют. Прорвёмся!

11 июня (вторник). Вчера в феерическом настроении до двух ночи занимался языком. Сейчас без десяти шесть. Кушать совсем не хочется. Голова шумит.

День получился интересным. Побывали с Тони в бухгалтерии, а потом самостоятельно добирался домой по руслу древней реки и по другим примечательным местам. Цветут деревья, вокруг пальмы. Воздух «чист и свеж, как поцелуй ребёнка». Машины гудят далеко. Бегают спортсмены. Благоухают цветы. Парочки кое-где валяются в тени на изумрудной травке.

А вот на Plaza de la Virgen впервые не понравилось. Палящее солнце как-то прибило всё к земле. Дома показались меньше обычного, фонтан тоже. Большинство голубей спряталось на карнизах собора. Некоторые птицы в полузабытьи сидели на головах карликовых девиц с кувшинами.

Солнце прямо над головой. Давит. Но в целом в Испании чувствую себя хорошо. Ни разу не чихнул. Желудок работает, как бульдозер. Никаких тебе

расстройств. Правда, с пищей я осторожничаю. Превратился в кролика. Ем только капусту, лук, картошку, огурцы, помидоры и хлеб. Завтрак исключил. Обед в кафетерии уменьшил. Беру только булочку, хорошее мясное блюдо и четвертинку фанты. Прекрасно и недорого – 300–350 песет (3 доллара).

12 июня (среда). Много раз просыпался, но окончательно поднялся в 6:15. Самочувствие неважное. Голова тяжёлая. На душе тревожно. Начинаю продумывать беседы с аспирантами по методике лабораторных работ.

Весь день работал хорошо, но самочувствие не очень: или магнитная буря, или жара (сегодня жарче, чем обычно). Закончил введение и написал список реактивов и инструментов для аспирантов.

Первую работу фактически закончил, но надо хорошо вычитать. Возможны ошибки. Всё-таки целый месяц писал при разных настроениях и состояниях, причём впервые в жизни на английском языке.

13 июня (четверг). Проснулся под утро, но голова не прошла. Глаза красные. Испугался. Заставил себя ещё раз заснуть. Без четверти семь поднялся в нормальном состоянии. И глаза прошли. Слава богу!

День начинался неудачно, не зря 13-е. Забыл ключи от квартиры, пришлось возвращаться издалека. Потом пошло всё путём. Смотался с Тони в бухгалтерию и получил зарплату. От Мальцева пришло сообщение, что англичане прислали нам для исследования Бэйлисиэллу. Жарко было, как и вчера, но чувствовал себя лучше. При возвращении домой срывался сильный ветер. Атмосфера плясала. Стало понятно, почему вчера чувствовал себя плохо: менялось атмосферное давление. Сейчас 10 вечера. Темнеет. Сажу у открытого окна и пишу. После картошки душно. Всё лицо в поту. На смену стридам в небо вылетели мышки. Одна прокувыркалась перед самым окном.

Первую работу закончил. Завтра займусь с аспирантами.

14 июня (пятница). «Всё смешалось в доме Облонских». Мои командирские китайского производства часы остановились. Ночь получилась безалаберной. Но день прошёл триумфально. Рано утром с большим подъёмом рассказал Тони о сути первой работы. Он был очень доволен. Потом продолжил занятие с аспирантами. Хорошо поговорили с Анной и Хави, а потом – с Бальбуеной о Норвегии, Фарерских островах, Калифорнии и особенно о Канарских островах (Тенерифе и др.).

Вечером Аделина отпустила комплимент, что хорошо говорю по-английски.

Искупался. Постирался. Завтра собираюсь на рынок.

15 июня (суббота). Встал в полпятого. Лоб жмёт. Молодёжь спит. Машины шуршат внизу.

Иду на рынок. Это далеко. Заняло не менее двух часов. Потом позавтракал и отправился пешком по руслу древней Турии. Три часа шлёпал со своей больной пяткой. Обошёл полгорода и сделал вывод, что Крым наш лучше. Только попал в плохие руки.

Позарился на дешёвые помидоры (65 pst) и в результате получил расстройство. Вспомнил Пушкина: «Эх, не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

16 июня (воскресенье). С утра занимался подготовкой к встрече с аспирантами. После трёх отправился пройтись по городу. Побывал у туробразных ворот, потом на свою любимую Plaza de la Virgen. Долго сидел на стенке фонтана и под шум падающей воды наблюдал за голубями. Один белый самец с чёрным кончиком хвоста бесцеремонно топтался по голому мужику, танцуя перед каждой приближающейся самкой. Большинство из них не выдерживало нахальных ухаживаний и улетало, но одна решила проучить и стала долбить его клювом по голове. Я глянул вниз и увидел, что и другие самцы танцуют перед самками. Зелья какого-то объелись, что ли? Как тут не подумать, что любовь – это главный двигатель эволюции.

Для разнообразия зашёл в кафедральный собор. Как раз шла служба. Переполненный зал невыносимо смердел. Как люди не видят, что религия – это дурман? Ума не приложу. Вроде бы и образованные, а мозги в паутине. Это так очевидно, что бога нет и быть не может. Иначе кто бы его мог родить? Опять непорочная Дева Мария? Несуразица ужасная, а люди этого не видят. Опять величайший парадокс.

17 июня (понедельник). Очень хочется домой. Попросил Тони помочь переоформить билет с 30-го на 16-е. Вначале думал возвращаться через Францию, Германию, чтобы посмотреть Европу. К чёрту! Всё к чёрту! Ничего нет милее Родины! Скорее туда!

18 июня (вторник). С утра аспирантам и Бальбуене показал слайды своих экспедиций. Затем занимались методикой камеральной обработки материала. Устал. Ужасно хочется домой. Погода варёная: облака, но жарко. Настроение такое же.

Оказывается, здесь в университете 5 наших физиков-теоретиков. С одним познакомился в кафетерии. Лёва Липман из Москвы. Физиономия алкоголика. Душа, видно, не лучше.

До двух ночи занимался языком.

19 июня (среда). Поднялся в шесть. Голова тяжеловатая, но тоска по дому чуть отлегла. Надо держаться, ведь ещё месяц.

С утра красил трематод. Потом показали сканирующий микроскоп. Тони сказал, что мне звонила какая-то девушка, говорила на английском. Я подумал, что это Веточка, но в Севастополь прорваться не удалось. Зато поговорил я с жёнушкой и внуками Олей и Мишей. Настроение поднялось до небес, а то совсем скис. Тони – молодец! Говорит: звони в любое время.

Тучи мрачные. Душно, как в бане, а дождя нет. Всё чужое, скорее бы в Крым. Там и помирать легче.

Уже темнеет. Света попросила купить красивый купальник, а Севастопольцы – магнитофон.

20 июня (четверг). Встал в пять. Свежо. Настроение хорошее. Думал, что кризис миновал, но к концу дня навалилась ужасная жара и всё опять осто-

чертело. Хочется поскорее вырваться отсюда. Весь в поту, голова побаливает. И в комнатухе моей спасенья нет. Солнце ползёт в окно. Весь день делал препараты длиннющих дельфиньих трематод. Нанюхался ксилола.

21 июня (пятница). Весь день изучал трематод. Чувствуется опыт. Вижу то, чего Рага не видит. Значит, приезд мой полезен для него. К тому же я позволил скопировать свою докторскую, а это результат двадцатилетних исследований. Так что он не должен быть в обиде. Интересно, что американец Фэй в подобной ситуации, когда я ему предложил использовать свои рукописные данные, отказался, заявив, что это, мол, ещё не опубликовано. Настоящий интеллигент! А Рага – больше делец, чем учёный!

22 июня (суббота). Проснулся в 5:20. Настроение не очень. Этот день (начало войны) всегда у меня вызывает чувство зияющей раны. Катком прошла она по семье и по стране. До сих пор не полностью оправились от потерь.

От родственников и друзей посыпались заказы: привезти всевозможные штуки – лекарство от акарапидоза (болезнь пчёл), сведения об эндемичных растениях, копии статей по паразитологии, плееры и т. п.

С утра болит голова, а за окном – сверкающая синева и молодой месяц. Может, давление пляшет?

Полдня бегал по магазинам. Неудачно. Вторую половину занимался языком.

23 июня (воскресенье). Самый длинный день. Начался прохладой. Сейчас без четверти девять. Ослепительная синева начинает заволакиваться кучевыми серо-белыми облаками. Кофе не придал обычного вдохновения и прекрасного настроения, как это бывало всегда ранее. Месяц совсем молодой. Может, давление крутит-вертит? Хочется прохлады. Жара – мой враг здесь.

К обеду добрался до Plaza de la Virgen. Уселся в тенёчке на ветерке и наблюдал за площадью. На теле мужика, как всегда, топтались голуби. Женщины из кувшинов лили ему прохладную воду под задницу. «Неплохо устроился», – подумал я. Рядом резвились подростки. У них мода, чтобы «мотня» весела до колен. Один катался на доске (на роликах), так у него штаны всё время сползали до колен, обнажая задницу, но он подтягивал их вверх почему-то на сантиметр-два, не более. Приехала полицейская машина. Проверили у него документы, потом долго что-то писали на крыше автомобиля.

На обратном пути продолжал слушать английский. Пятка совсем не болела. Может, прошла? После лёгкого ужина снова взялся за язык. Главное – поймать его за хвост, хотя бы для мало-мальского понимания, а там покатится с горки, и будет легче. До сих пор не знал ни одного серьёзного поражения. Может, здесь получится? Новости по би-би-си уже понимаю.

24 июня (понедельник). Уже шесть, а писать ещё темновато. У нас, в Крыму, кажется, рассвет раньше начинается. Мы всё-таки севернее. Вчера занимался до двух ночи. Потому состояние сейчас не лучшее. Вынашиваю план очередной статьи.

На юге толстый слой сочных облаков. Вот бы закрыли солнце на весь день!

Дудки! Сейчас 18:25. Тони доставил домой на машине: автобусы бастуют. В СССР такие явления нам были не знакомы. Непривычно. Весь день работал с микроскопом. Да ещё давление плясало – сильный ветер. В результате прилично болит голова. Проглотил таблетки. Сожрал три помидора. Выпил полчашки кофе. Голова не проходит. Сквозь щели жалюзи в комнату нахально лезет полосатое солнце.

Лучший лекарь – сон. Поспал. Голова прошла. Свежий ветерок ласкает через окно. К сожалению, уже темнеет, а хочется поработать побольше. Если работа ладится, всегда на душе хорошо. Наверное, помогли таблетки: настроение прекрасное. Уже полпервого ночи, а я не слезаю со своего английского скакуна. За уши вцепился изо всех сил.

25 июня (вторник). 6:22. Небо однотонно-серое. Подёрнуто перистой поволокой. Через окно за бок кусает даже неприятный холодок. Может, жары не будет?

Не было. День был свежим и приятным. Работалось легко. Изучал ортоспланхнусов. Завтра берусь за ревизию всех родов кампулид.

Даже вечером не чувствовалось усталости. Настроение великолепное. Месяц подмигнул мне в одобрение и нырнул в облака.

26 июня (среда). Проклятые китайские часы снова подвели. Опоздали на 2 часа, хорошо, что внутренние сработали. Самочувствие нормальное. Шуршат отдельные машины, и не ревёт против обыкновения сплошной поток.

Думаю выступить против чисто экологической систематики. Совсем не учитывают морфологию. Это то же самое, что путать козлов с баранами, пасущихся на одном лугу.

До обеда работал хорошо. Был на защите диссертации Хуана Мартина о паразитах геккона Канарских и Балеарских островов. Работа бедна материалом, но прекрасно оформлена. Защиту вели лишь три человека: Карбонэль; один (совсем молодой) из Барселоны и один (постарше) местный. Наши даже государственные экзамены студентов выглядят солиднее. А здесь выступили два человека минут по пять – и вся защита. Даже ни одного вопроса не последовало. Не серьёзно...

27 июня (четверг). Встал в половине пятого. Весь день занимались кампулидами. Барселона на счёт переоформления билета молчит. Как бы не пришлось загорать здесь до конца июля.

28 июня (пятница). Проснулся в пять, поднялся около шести. После кофе самочувствие вроде бы ничего, но, похоже, начинается вторая волна тоски по дому. Хочется поскорее в родные края.

День был тяжёлый и нудный. С утра атаковал Тони на счёт авиабилета. Он, я понял, и не звонил в Барселону. Сегодня зашевелился. Связались с Барселоной. Баба по-русски мне сказала, что можно переделать на 16-е, но придётся уплатить штраф 50 долларов.

Чёрт с ним! Зато на 2 недели раньше попаду домой. Надоело! Жара, да и всё раздражает, особенно запахи. Тони, похоже, хотел поэксплуатировать меня бесплатно (сверх гранта). Не вышло. Ностальгия победила.

29 июня (суббота). Вчера часы снова остановились (проклятые китайцы), поэтому точно не знаю, во сколько встал. За окном, как всегда, ослепительная синева и писк стрижей. Внизу шуршат, урчат, визжат, гудят, гавкают машины. Только что пронеслась одна такая лающая. Я специально выглянул в окно: никто ему не мешал. Машин просто не было. Чего гавкать? Идиот. Весь в огнях и душераздирающих звуках. Несётся, как баран. Совсем не думая о тысячах других людей, которых он так бесцеремонно будит.

Надо двигать по магазинам – искать подарки. Времени для этого остаётся совсем не много. Посетил множество магазинов. В одном купил плеер Наташке с Сашей. Нужно ещё Вете с Игорем. Говорят, можно найти во французском супермаркете за городом.

Очень понравилось в районе Nuevo Centro. Напрасно я качу бочку на Испанию: прекрасная страна! Это тоска по Родине гложет меня.

30 июня (воскресенье). Спал плохо. Приснилось, будто поругался с Ветой.

Всё небо в серых тучах. Это так необычно в последнее время. Но стрижи летают высоко. Значит, дождя может и не быть. Жаль. Кстати, о стрижах. Когда был последний раз на площади Вирхен, они вились над флагами генералитета так высоко в небе, что напоминали пчёл. А в это же время всё небо над площадью было занято трепещущими голубями. Необычная и очень трогательная картинка.

Стрижи не обманули. Сейчас только 7:12, а на небе уже появилась огромная голубая плешь. Освещённые солнцем края облаков стали белыми. Стрижи опустились до верхних этажей домов и утюжат авениду.

Весь день (до семи вечера) слушал английский. Потом под музыку пошёл на площадь Аюнтаменто, чтобы найти остановку четырнадцатого автобуса, идущего к французскому супермаркету «Континенталь». Обошёл всю площадь, спрашивал даже у водителей, никто не знает такой остановки. Поплёлся домой. Мои французики сказали, что эта остановка находится за почтой. Буду знать.

1 июля (понедельник). Встал в полшестого. Одолевает тревога на счёт задуманной новой статьи. Осталось лишь десять рабочих дней.

Впервые на 2 месяца привлёк Тони к микроскопу. Ориентируется плохо. Живёт чужой информацией по публикациям. В выходные пригласил меня на базу в Албуферу, где студенты проходят полевую практику. Я охотно согласился.

2 июля (вторник). Встал в пять. Луна в ватных облаках. Пишу, не включая свет. Хватает отражения облаков. Ночью в Валенсии они всегда розовые. Красиво.

С утра захомутил Тони обсудить разных родов кампулид. Он, бедный, так зевал, что мне его стало жалко.

К концу работы разболелась голова. Всё небо в облаках, ветер. Прямо с вещами поехал искать «Континенталь». Проклятый 14-й автобус, оказы-

вается, отправляется не с площади Аюнтаменто и не за почтой, как мне говорили французики, а с улицы, параллельной площади, и указатель совсем невзрачный. Я его прошёл. Помогла встречная женщина. Я попросил шофёра, чтобы он подсказал, когда будет «Континенталь». Но он, видно, забыл и привёз меня на конечную. При этом содрал за обратную дорогу до магазина. Это целый торговый центр. Когда я выбрался из него с магнитофоном, то не смог найти автобусную остановку. Сотрудники гоняли меня в противоположные стороны, как в своё время полицейские в Барселоне. Хорошенькая методика: вместо того, чтобы по-настоящему помочь, просто отмахиваются от просителя.

Спасла пожилая пара. На своей машине доставила до городского автобуса. Опоздал купить хлеб. Сварил картошки и съел с салатом. Русского человека голыми руками не возьмёшь.

3 июля (среда). Встал в начале шестого. Всё небо в кучевом одеяле, июль милует меня, а настроение всё равно не очень: хочется домой.

Зашёл к Тони, чтобы позвонить в Барселону. Он подумал, что я тащу его к трематодам, и со страхом завопил, что занят каким-то проектом. Когда узнал, в чём дело, предложил свои услуги. Я договорился с «Натальей» из Барселоны, что 15-го переоформлю билет. 13-го уезжаю из Валенсии. На десятое Тони объявил ланч, т. е. прощание с Испанией.

После обеда хорошо поработали с ним по трематодам. Похоже, он остался доволен.

Вечером узнал от Амеда, что, несмотря на то, что уезжаю 13-го, должен хозяину квартиры заплатить за весь июль. Ещё потерял 50 долларов.

4 июля (четверг). Началась лихорадочная подготовка к отъезду. Поэтому уже несколько дней языком не занимаюсь. Боюсь, что то же будет и в Симферополе. Жаль: английскую лошадку я уже схватил под уздцы, но в седло вскочить ещё не успел.

Работал хорошо. Нумеровал в алфавитном порядке литературные источники. Они пока вразброд и на разных листах.

Купил жёнушке жёлтенький купальник за 90 долларов. Будет напоминать солнечную Испанию. Постригся за 14 долларов. Хоть и дорого, но получил огромное наслаждение от разговора с парикмахером. Он 22 года жил в Голландии и прекрасно владеет английским. Дома немного пообщался с французами. Самуэль завтра улетает. Остается мерзкий Амед – хитрый и коварный алжирец.

5 июля (пятница). Осталась неделя пребывания в Валенсии. Мысли только о подготовке к отъезду: всё успеть сделать и не забыть. Проснулся в пять, провалялся до шести. Ещё не рассвело. К восьми стало ясно, что за окном – лазурь и стрижи. Бледным огрызком висит луна.

Днём разыгралась ужасная жара. Убежал с работы в три, остальные сделали это ещё раньше. Надо внукам поискать хороших игрушек.

Вечером Амед попытался узнать, хороший он парень или нет. Чувствует, подлец, что я всё понимаю. Наивно думает, что я выложу ему всю правду.

6 июля (суббота). Амед сказал, что вчера было 40°. Я чувствовал, что температура необычная. Сахара. Как в русской печке. Ночью просыпался много раз. Голова ватная, а нужно плестись в «Континент» за подарками для внуков. Часы-китаёзы снова остановились. Не повезло мне с ними, а на вид командирские. Восток – дело тонкое. Китайцы на чужом горбу в рай выезжают. Завалили барахлом весь мир.

Полдня бродил в «Континенте». Жара меньше, чем вчера, но всё равно к вечеру разболелась голова.

7 июля (воскресенье). Пошла последняя испанская неделя. Полдевятого. За окном – последняя ослепительная синева. Лишь отдельные стрижи вяло летают между домами. А на душе – тоска. Домой! Скорее домой!

Встал рано. Стираю машиной постельное бельё. Пока прохладно. Думаю заняться языком. Ни к чему другому желания нет. Продолжил бы поиски подарков, да свободные деньги кончились. К тому же в воскресенье магазины закрыты.

Уже 12, а в комнате ещё не жарко. В окно врывается свежий ветерок. Может, Франция дышит? Когда у нас было 40°, она корчилась от холода (+10°). Дай-то бог! Прохлада нужна, как китайцам рис. Иначе тут, в этом пекле, и загнуться можно. Что-то всё время плохие сны снятся. Будто я ругаюсь с самыми приятными для меня людьми. Сегодня приснилось, будто поругался с Ирой из музея. Нелепость какая-то. Такие сны заставляют переживать, и я просыпаюсь с плохим настроением.

Уже 14:30, но не жарко. С северо-запада ползут белоснежные пухлые облака. Это Атлантика бросилась меня спасать. Всё равно как-то тяжело на душе, даже язык не идёт. Хочется быстрее на родной огород.

Самочувствие не подвело: ветерок обманывал. В 19 выбрался в город. На табло 35°, а когда возвращался около 21-го часа, на солнце было 38°, в тени – 33°. На площади Вирхен голуби от жары ословели, дети их брали руками. Один мальчишка вдаль стал мучить бедную птицу: таскал за хвост, за концы крыльев. Я сидел на фонтане. Хотел пойти и сказать мальчику пару ласковых слов, но меня опередил полицейский. Он был ближе и прекратил безобразия.

На квартире перемены. Бушера вернулась с хахалем, а Амед притащил аж трёх девиц. Из холодильника стали пропадать кое-какие мои продукты. Скорее бы выбраться отседова... Тоска, как перед дембелем, а кантоваться ещё шесть дней. Потом – Барселона.

Темнеет. С викэнда возвращаются уставшие машины. Шуршат приглушённо, и только отдельные мотоциклы нагло, пронзительно визжат.

8 июля (понедельник). Встал без четверти шесть. Чувствую себя хорошо. Слава богу! Сегодня на работу придётся добираться на метро. Автобусы якобы ходить уже не будут.

После работы на вокзале купил билет на Барселону на 13-е июля на 9:35 утра. Ура! Оплатил гостиницу в Барселоне, так что упростил своё там пребывание.

9 июля (вторник). На работу добирался на метро. Оно во много раз хуже московского. Курят, хотя в целом чисто.

День был прекрасным. Сначала позвонила Света, сообщила, что будет встречать в Киеве. А потом принесли письмо Ждитовецкого из Польши. Он был в редакции Acta parasitologica. Сказал, что нашу работу напечатают. Это большая радость. Я боялся, что из-за очень большого объёма могут отфутболить.

Через 20 минут Тони заедет за мной на ужин к нему. Завтра общий ланч в мою честь. Всё идёт хорошо.

Через некоторое время Хави и профессор с учебного процесса прибежали в лабораторию и сказали, что Тони приедет на мою авениду в восемь (вечера). Даже на пальцах показали для подстраховки.

Я, как порядочный, без десяти восемь с зимним одеялом (возврат Тони) и огромной куклой (за 5 тысяч песет) для его маленькой дочки Элины. Настроение было торжественное, праздничное. Но когда я просидел час двадцать минут, оно испортилось основательно. Сначала стал раздражаться, проклиная испанскую точность. Потом начал переживать, что он из-за меня, возможно, вляпался в аварию. Он появился и попробовал лишь чуть-чуть извиниться за якобы небольшое опоздание. Я сказал, что встреча была назначена на восемь. Он деланно удивился и ответил, что на девять. Я понял, что он врёт. Это же подтвердила и его жена Эстер, проговорившись, что они задержались в шопинге. Дальше всё пошло нормально, но искренней радости у меня уже не было. Всё семейство Тони было в восторге от куклы, а я – от их квартиры. Зеркала, строгие современные стены, мраморный пол. Всё сверкает, ничего лишнего, идеальная чистота.

Сначала угостили пивом. Потом мы с Тони спустились вниз и взяли в ресторане три пиццы. Поразил подъезд царской красотой: везде чёрный с золотом металл.

Расспрашивали о положении женщины в России, о новых русских, которые оккупировали Канарские острова и т. д. Я ответил, что это бандиты: ограбили нас и жируют за границей. Но возмездие не за горами.

10 июля (среда). Ночью проклятые китаёзы (командирские часы) снова остановились. Встал затемно. Настоящей пьянки вчера не было, а всё равно в организме дисгармония. Радости нет. Подготовил плавки и две бутылки вина. Ланч, вроде бы, будет на пляже. С деньгами напряжёнка. Всё спланировано тютелька в тютельку.

День оказался чудесным. До полтретьего проверял текст, набранный на компьютере. Потом на двух машинах поехали на пляж, но не купаться, а посидеть на прощанье в открытом ресторане. Никогда в жизни за мной так не ухаживали. Два официанта вились за спиной, подавая блюда по очереди, то слева, то справа. Сначала салат и маслины, вино и вода, потом что-то наподобие паэлья, мидии, каракатица, арбуз, дыня, кофе, хлеб и ещё что-то. Я приберёг на этот случай бутылочку «Советского шампанского» с надеждой подарить на прощание, но испанцы охладили его и тоже пустили на общий стол. К моему радостному удивлению, оно оказалось вкуснее испанских

вин, выставленных для уничтожения. А это было наше рядовое вино. Как любил говорить один мой знакомый магаданец Миша Засыпкин: пустячок, а приятно.

Я расчувствовался и хотел заплатить за всех. Не согласились. За студентов – тоже не согласились. В итоге уплатил лишь полторы тысячи песет (12\$).

Расстались прекрасно. Мне захотелось напоследок пройтись по пляжу. Сопровождали Ана и Хави. Очень приятные люди. Тони тоже был приятен, хотя и после бессонной ночи. В четыре часа утра он положил отца в больницу.

11 июля (четверг). Такое впечатление, что синева за окном поблекла. Неужели первые блёстки осени? Стало грустно. Осень всегда на меня навивает грусть. Весь день подгонял хвосты. Отпечатали работу. Перенесли на дискету. Отправил 5 больших конвертов с оттисками. Вернул оттиски, взятые для работы. Тони подарил внукам маечки. Как раз к трусикам, купленным мною. Получилась настоящая испанская команда.

12 июля (пятница) последний рабочий день в Испании. Грустно расставаться. На прощание сотрудники лаборатории преподнесли большую открытку со всевозможными пожеланиями от каждого. Трогательно.

Прощай, Валенсия! Вперёд! На Барселону!

13 июля (суббота). Проснулся в полчетвёртого с признаками расстройства. Хорошенький подарочек в дорогу! Это долбаный «Марс». Недаром я не доверяю всем этим «Сникерсам». Пока сидел на помидорах, всё было нормально.

Слава богу, обошлось и в поезде. Я любовался бесконечными посёлками в цветах и сидящими между ними испанцами. Блаженный край! Поезд скользил между домами бесшумно, как в сказке.

Барселона очень понравилась, но сил на вылазку в город на сегодня уже не осталось. Перенесём на завтра. Валенсийцы посоветовали посетить в Барселоне океанариум, зоопарк, собор Саграда фамилия и парк Вэль.

14 июля (воскресенье). Надев чистенькую небесного цвета рубашечку, отправился в зоопарк. Поразил он меня необъятными размерами и абсолютной безлюдностью. Легко и приятно было бродить между различными вольерами и целыми комплексами. В одном месте дорогу преградил глубокий ров. Смотрю: на противоположном краю его сидит огромная коричневая горилла. Совсем как человек. Только размерами крупнее. Меня не увидела. Продолжает руками сосредоточенно перебирать шерсть на груди с надеждой поймать там надоедливых вошек. Я в восторге. Впервые передо мной живая горилла. Глаз не могу оторвать. Она вдруг почувствовала, что за ней наблюдают. Глянула на меня не то удивлённо, не то обрадованно, похлопала рукой по животу и вдруг протянула в мою сторону ладонь, прося чего-нибудь съедобного. Вот и думай после этого, есть ли у животных соображение. Вскоре я увидел ещё одну совсем необычную гориллу-альбиноса и множество других обезьян. Завораживали своими огромными размерами различные удавы, в том же числе и анаконда. А закончилась экскурсия комично. Подошёл я к вольеру с гуанако. Клетка очень большая, и зверь далеко от меня. Занимается своими делами. Мне захотелось

познакомиться поближе с этим необычным верблюдом. Я протянул в его сторону руку и стал звать к себе. Гуанако подошла ко мне, ткнулась в пустую ладонь и брезгливо развернулась обратно. Я стал звать её с ещё большим энтузиазмом, даже притопывая от желания пообщаться с ней. Гуанако поверила мне, надеясь, что на сей раз я угощу её чем-нибудь вкусеньким. Снова подошла, но я вместо угощения опять протянул к ней голую руку. Она гневно глянула на меня и от души плюнула, обдав всего меня, как из пульверизатора, целым облаком мельчайших брызг. Больше всего пострадала моя чистейшая голубая рубашка. Я сделал вывод, что даже у животных необходимо учитывать их психологию и не обижать бездумно.

После отдыха в гостинице отправился знакомиться с городом. У меня пунктик: в каждом новом городе его главную улицу я прохожу пешком, чтобы лучше почувствовать атмосферу. Барселона не стала исключением. Я прошёл по птичьей улице к памятнику Колумбу. Побывал на площади Каталония. Пешком прошёл по Via Corts Catalanes до площади Испания. Долго любовался поющими фонтанами, в том числе под музыку Чайковского. Неизгладимое впечатление произвела общая панорама города под фиолетовым небом заката. Отсюда, наверное, не хотелось бы вырваться, как из Валенсии.

15 июля (понедельник). Вышел из гостиницы рано и сразу попал в смрад движущегося потока машин. Викэндовская Барселона, напоминающая райскую цветочную оранжерею, кончилась. Обрушилась другая, удушающая, отнимающая самое необходимое – воздух. Прощай, красавица! Тем не менее с огромным интересом в этот день я посетил ещё два объекта: океанариум и Sagrada Família. В первом я оказался под водой среди большущих акул, которые носились вокруг, как ошалелые.

Во втором я за два доллара на лифте поднялся в облака. Считаю, что храм Sagrada Família – величайшее чудо планеты.

16 июля (вторник). Последний день в Испании. Осталось посетить парк Вэль. Он высоко в горах. Долго добирался транспортом, а потом ещё дольше карабкался пешком. Поднялся весь в поту. Вижу: в ларёчке прямо в скале немецкие туристы покупают пиво. Я пристроился тоже, чтобы хоть как-то немного охладиться. Купил. Уселся под грибком. Блаженствую. Холодное пиво мне кажется божественным напитком, хотя до сорока лет терпеть его не мог.

Итак, сию, балдею. Вдруг мимо меня проходит молодая парочка.

– От тебя пивом, как из бочки несёт, – говорит он ей по-русски.

Я задрожал всем телом, как жеребец. «Наши! Родные! Русские! – мелькало в голове. – Поговорить же можно! О Родине поговорить!»

Я заметил лёгкую светлую курточку на молодом человеке и не стал больше смаковать своё пиво. Проглотив его залпом, устремился за парочкой. Она нырнула в павильон на склоне. Я – за ними. Девушка успела отойти в сторону. Я подбежал сзади к молодому человеку.

– Вы русский? – вырвалось у меня из груди.

Как оказалось, не такое уж и молодое лицо испуганно обернулось ко мне.

– Н-нет, не совсем, – произнесло оно.

– Как не совсем? – удивился я.

– С Украины я, – уже более спокойно ответил мужчина.

– О! Я тоже с Украины! – заорал я с радостью.

– Нет! Нет! Ничего не хочу слышать. Я уехал 20 лет назад. Ничего не хочу слышать!

– Как 20 лет назад? – ничего не понимая, спросил я.

– Я – еврей. Поэтому и уехал. Не еврею уехать было нельзя.

Меня вдруг опалило злом. «Чёрт с тобой, что ты – еврей!» – мелькнуло в голове.

– А где сейчас? – спросил я совсем дружелюбно, мигом подавив в себе неприятное чувство к предателю.

– В Чикаго, – ответил он.

– О! – снова завопил я. – В Чикаго подруга моей жены! Можно же привет передать!

– Нет! Нет! Ничего не хочу слышать, – забормотал он.

В это время вернулась жена. Услышав наш разговор, она стала подталакивать мужа в плечо, чтобы поскорее уйти.

– Какого же вы чёрта разговаривали по-русски, если не хотите ничего слышать? – зло спросил я.

– А мы хотели, чтобы нас никто не понял, – чистосердечно призналась женщина.

Вся моя ностальгия, чуть не приведшая к суициду, хлынула мне в лицо. Захотелось нахамить, нагрубить этим негодьям, но я подумал, что я всё-таки за границей, и сдержал себя. Приблизился к мужчине зрачки в зрачки и процедил:

– Вам, евреям, хорошо: у вас нет чувства Родины, а я готов туда пешком идти!!!

Крутанулся на каблуках и зашагал прочь. «Их выпоили, выкормили, а они, видите ли, слышать ничего не хотят! – вертелось у меня в голове. – Недаром вас не любят».

Очередным парадоксом в моей жизни стало то, что прекрасная Испания, показавшаяся вначале праздником, который всегда с тобой, всего за два с половиной месяца развила во мне неодолимую, всепобеждающую тоску по Родине. Я сполна познал, что такое настоящая ностальгия.

НА РОДИНЕ

Приземлились мы в Киеве среди тучных лесов. Всё своё, родное! Однако вскоре начались приключения, которые вовсе не порадовали.

В аэропорту меня встретила жена. На автобусе добрались до большого универсама «Украина». От него до железнодорожного вокзала всего лишь две трамвайные остановки. Я попробовал найти в киосках билеты на трамвай, но не нашёл.

– А! Доедем зайцем! Всего-то две остановки, – решил я.

Но как только трамвай двинулся, спереди и сзади поднялись по три могучих лба и стали проверять билеты. Когда кольцо сомкнулось вокруг меня, я не расстроился. Даже с радостью заплатил штраф. Мол, будем укреплять бюджет родного государства. И одобрительно подумал о том, как это государство здорово укрепило контроль. Раньше такого не было.

Новый парадокс нас ждал на вокзале. В Испании все магазины ломались от продуктов. А тут – шаром покати. Четыре несчастных помидора в дорогу не смог найти. Решил смотаться на злополучном трамвае снова к «Украине» и поискать там. Вроде бы, там виднелся какой-то захудалый рыночек. Помня приключение с контролёрами, снова оббежал все киоски – билетов нет. Сел и благополучно добрался до «Украины». Нашёл там паршивых незрелых помидор и снова ещё более тщательно оббежал все киоски на площади в надежде приобрести билет на трамвай. Тщетно. Я понял: эта банда зашибает деньги. Деваться некуда. Сунул ей голову в пасть. Но на сей раз я был уже вооружён разгадкой их подлого замысла. Поэтому, когда они меня окружили, не они, а я заорал на них. Мой гнев был настолько велик, что они от неожиданности вдруг сникли и ретировались. Это была моя первая победа в борьбе со злом на обезображенной перестройкой родной земле. Дальше неприятности тоже были, но они чередовались и с отдельными значительными успехами. Например, в сентябре 1996 года я принял участие в работе 31-го Европейского симпозиума по морской биологии в Санкт-Петербурге.

Помимо учебной и научной работы, возникла необходимость немного заняться просвещением. По просьбе редакции «Крымского времени» написал статьи о тюлене-монахе и чёрном грифе. Первый исчез в Крыму совсем, второй очень редок. От испанской хандры не осталось и следа. Каждый день по дороге на работу мурлыкал себе под нос какую-нибудь песенку. По-прежнему просыпался по ночам, но всегда с хорошим настроением. Чтобы ночное время не пропадало даром, рифмовал свои размышления. Например:

Цикорий

*Небо упало на землю цикорием,
Всюду синеют осколки его.
Лето уходит навеки в историю.
Жаль, что нельзя вернуть ничего.*

Горные вьюги

*На вершинах пляшут вьюги
Рок-н-рол и буги-вуги,
А когда начнут спускаться,
В вальсе медленном кружатся.
По долинам – хороводят.
Ну а спать – в леса приходят.*

Соловей

*Когда всё в мире устаёт.
Под звёздным небом засыпая,
Один он, устали не зная,
Всем колыбельную поёт
И повествует сказки рая.*

Вспоминалась луна, которая не давала спать в детстве:

Луна в моём детстве

*Когда по небу величаво
Ты поднималась в вышине,
Деревня сладко засыпала
И не спалось лишь только мне.
Пьянил душистый аромат
Вокруг черёмухи цветущей,
И устремляя я детский взгляд
К тебе – манящей и зовущей.
Хотелось мне к тебе взлететь
И дальше плыть с тобою рядом,
Слагать стихи и песни петь
Над серебристо-белым садом.
Молчала в небе синева.
Молчала ты в своём полёте,
Лишь промелькнула вдруг сова
Да чибис вскрикнул на болоте.*

На вечере посвящения специализантов-третьекурсников в зоологи озвучил им свои «Зоологические советы»:

*Ужом не следует там быть,
Где можно лебедем проплыть,
Однако надобно тогда,
Чтоб не текла с гуся вода.*

*В науке будьте серым волком:
Берите факты честно – гоном,
Тогда всегда в деянье оном
Вы разберётесь с чувством, с толком.*

*К друзьям не будьте вы удавом,
Не забывайте, что, быть может,
Поздней они в ответ по праву
Сожрут, как кролика, вас тоже.*

*Вы с жизни не спускайте глаз:
Семь позвонков не даром в шее.
И пусть она всегда от вас
Хотя б немножко хорошеет!*

Копии моих статей запрашивали в США, Австралию, Чили и другие страны. Однако не всё вокруг было так радужно. В январе 1997 года у моей любимой жёнушки случился тяжелейший инфаркт, а к маю того же года сгустились тучи и над факультетом. Украинский националист, самодур и предельно скандальный человек декан Василий Яковлевич Чирва довёл своим поведением заведующих кафедрами до белого каления, и они обратились к ректору с просьбой заменить декана. Заявление стряпал заведующий кафедрой ботаники, большой интриган и любитель скандалов профессор Василий Григорьевич Мишнёв. Он меня, как самого молодого, поставил первым под обращением. Для меня этот факт в скором времени обернулся большими неприятностями. Ректор профессор Вячеслав Григорьевич Сидякин был человеком с телом льва и заячьей душой. Однажды в совхозе ночью мы выскочили с ним защищать наших девушек от местных хулиганов. В.Г.Сидякин подбежал к забору, вырвал с корнями целую секцию и швырнул вслед убегающим парням. Он был мастером спорта по борьбе и обладал чудовищной физической силой, но при принятии многих волевых решений он был беспомощным и слабым. Струсил он и на сей раз. Испугался реакции Киева на отстранение от должности националиста. В.Я.Чирва почувствовал это и озверел. Решил расправиться с оппозицией. Весь гнев он направил на меня, так как я был первым на заявлении. На следующий день его молодчики – сомнительного вида городские барыги – перехватили меня по пути на работу и стали угрожать физической расправой, если я буду критиковать В.Я.Чирву. Время было лихое. У нас в университете уже погибли двое при загадочных обстоятельствах: один химик и один физик. Стоило задуматься, тем более, что через день угрозы повторились. Ко мне в кабинет ворвались уже трое жующих бандюг с золотыми цепями на шеях. Пришлось для защиты обращаться в силовые структуры. Интриган В.Г.Мишнёв без моего ведома написал большущую статью «Университетское дело» и поместил её в «Крымской правде». Так я стал главным положительным героем в кри-

минальной разборке. Для меня это было очень неприятно. Тем не менее я не утратил оптимизма, о чём свидетельствует следующее стихотворение, написанное экспромтом в 3 часа ночи 30 сентября 1997 года после визита пьяного татарина к соседям Сусловым:

Мне 60

*Не нужно мне иного,
Хоть жизнь и не в красе.
В мечтах брожу я снова
По розовой росе.
Пусть кто-то ухмыльнётся,
Но счастлив, братцы, я,
Что сердце моё бьётся
Трелью соловья.
И в этой жизни зыбкой
Других желаний нет:
Чтоб люди лишь с улыбкой
Встречали свой рассвет.
Почти весь мир увидел,
Но не устал идти.
И мухи не обидел
На жизненном пути.
На первом месте – честность,
Хоть шёл и напролом,
Чтоб получить известность,
Чтоб счастлив был мой дом.
Уж коммунизма запах
Мерещился вокруг,
Но оказались в лапах
Бандитов и хапуг.
Что ж, в справедливость веря,
Я должен вам сказать,
Что мы найдём на зверя
Рогатину под стать.
И снова засияет
Нам солнышко в глаза:
История не знает
Движения назад.*

К сожалению, я ошибся. Народ, сбросивший с себя ярмо эксплуататоров в 1917 году, позволил омерзительной чубайсообразной сволочи снова надеть его на себя. Разве не парадокс? Величайший парадокс, погубивший все наши надежды на лучшее будущее.

Однако нужно было продолжать бороться даже в таких условиях за выживание.

В октябре 1997 года мне была присуждена премия имени Максима Богдановича за вклад в развитие белорусской культуры в Крыму. И хотя она была чисто символической, без всякого финансирования, всё равно принесла много радости для самоутверждения. Как результат, 11 апреля 1998 года в «Крымских известиях» появилась хвалебная статья «Непостижимое – постижимо!». Она совершенно правильно отметила мою несгибаемую веру в то, что любое препятствие можно одолеть.

Ещё большую радость я испытал через четыре дня. 15 апреля 1998 года наконец-то (через 22 года после написания) увидел свет в мой небольшой многострадальный рассказик «Куропаточья любовь». Напечатала его газета «Крымское время». Он особенно понравился женщинам. Некоторые даже плакали. По душе пришелся и мужчинам. Один бывший офицер признался, что тоже прослезился, познакомившись с моим первенцем. Это был мой первый робкий шаг в литературу.

19 июня 1998 года та же газета начала публиковать мои загадки для детей. Их было больше ста. В июле на её страницах появился мой второй небольшой рассказ – «Жестокий мир в суровой Арктике». В декабре газета Крымского аграрного университета «За сельскохозяйственные кадры» приютила мою басню «Паук и муха», в которой фигурировали два моих ректора: в образе паука – Н.В.Багров, в образе мухи – В.Г.Сидякин. Они многие годы дружили, но на крутом повороте первый сожрал второго. Меня возмутила подлость первого, который выковыривал раненого друга из кресла, чтобы захватить его самому. Я Сидякина как ректора в грош не ставил, но тут встал на его защиту и подписал в числе других профессоров письмо в Министерство с просьбой не снимать его с должности, так как знал, что жить ему осталось недолго и Багрову можно было несколько месяцев обождать, пока плод естественным путём упадёт к его ногам. Он не стал ждать и показал своё нутро самым неблагоприятным образом. Бороться за справедливость всегда трудно, и я в очередной раз пострадал за свою поддержку обречённого. Верх одержал Багров и за подпись ко мне настроился враждебно. Справедливости ради должен сказать, что он стал хорошим ректором, прекрасным организатором, но его поступок по отношению к раненому другу (ему отрезали ногу из-за диабета) понять и оправдать не могу. Позднее эта басня была опубликована и в нашей университетской газете. Багров узнал себя в образе паука и, конечно, симпатий ко мне не прибавил.

В 1998 году я стал соавтором двухтомной монографии «Северный морской котик», а 5 марта 1999 года в «Крымском времени» появилась моя сказка «Волшебный сон». Читателями она была принята положительно. В той же газете продолжали публиковаться загадки, причём довольно часто, почти каждую неделю. Так что радоваться было чему. А тут ещё в июне в детском журнале «Крымуша», в номере, целиком посвящённом 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина, тоже появились мои загадки. Я был рад, что в

очередной раз хоть немножечко, хоть косвенным путём судьбе было угодно позволить мне соприкоснуться с моим любимым поэтом.

В августе в «Крымских известиях» в статье «А море смеялось» очень доброжелательно было рассказано о моём романтизме, об участии в дальних экспедициях, о научных успехах. Конечно, это было хорошей моральной поддержкой в борьбе за жизнь. А борьба за неё разгоралась не шуточная.

Болезнь жены прогрессировала. Пришлось все силы бросить на её спасение. Это парализовало меня во многих направлениях: в науке, в литературе, в овладении английским языком. Четыре года борьбы закончились трагически. 17 апреля 2001 года жена скончалась. И ещё три года каждый день я ходил к ней на могилку.

Конечно, я полностью не сдался. В материалах международной конференции «Морские млекопитающие Голарктики» (Архангельск, 21–23 сентября 2000 года) я опубликовал статью «Эволюционное распространение предков настоящих тюленей в пределах Голарктики (гельминтологические доказательства)», которое вызвало живой интерес у териологов, занимающихся изучением тюленей.

В том же году издал учебно-методическое пособие по пропаганде зоологических знаний в дошкольных, школьных и высших учебных заведениях, в которое включил все свои 400 загадок о животных.

В результате поездки в Минск в белорусской газете «Республика» 4 августа 2000 года появилась большущая статья (на всю полосу), рассказывающая обо мне под разными углами зрения. Очевидно, на некоторых читателей она произвела впечатление, потому что даже через год, когда я снова оказался в белорусской столице, в одном из кафе, к моему величайшему удивлению, по фото из статьи меня узнал один грузин.

В том же году в Минске издательством «Книжный дом» было выпущено 5 моих книжек для детей: «Лесные жители», «Пернатые друзья», «Домашние животные», «Про мохнатых и крылатых» и «Живая азбука».

2001 год ознаменовался моей второй стычкой с украинскими националистами. К нам в университет приехал директор Института ботаники НАН Украины академик К.Сытник. Наш декан (тоже ботаник) С.Котов попросил меня показать академику Зоологический музей, что я и сделал. После экскурсии я вместе с академиком был приглашён в спецкомнату при столовой на обед. Вокруг небольшого стола уселись академик, я, бывший ректор Л.Апостолов, С.Котов и зам. декана В.Апостолов. Валерий, как самый молодой, бегал вокруг стола и наливал в наши рюмки коньячок. Всё шло прекрасно, но после третьей рюмки академик вдруг заявил:

– Так, три года мы вам ещё разрешаем говорить по-русски, а дальше всё: нужно переходить на мову.

Меня как будто огнём обожгло. Я приблизился к академику и решительно процедил:

– И через тысячу лет Крым будет говорить по-русски!

Академик от неожиданности онемел. Не смог вымолвить ни слова и сделал вид, что ничего не произошло.

К сожалению, третий мой выпад против националистов закончился для меня не так гладко. Преподаватель сельхозинститута Чёрный, которого я послал на три буквы после его заявления, что дружить с Россией – большое несчастье, дважды писал премьеру Юлии Тимошенко и президенту Ющенко, чтобы меня уволили с работы и заставили возместить ему моральный ущерб.

А популярность моя потихонечку росла, и 29 декабря 2001 года в «Крымских известиях» появилась статья «Михаил Юрахно и его загадки».

Ещё более успешным оказался 2002 год. Сначала меня пригласили в США на международный рабочий симпозиум по систематике цестод (плоских червей), а потом – на Байкал, на очередное международное совещание «Морские млекопитающие Голарктики». Обе поездки были просто чудесными. В Америке устроитель симпозиума Дженин Кайра после моего доклада подошла и заявила:

– Это было самое интересное сообщение, которое я когда-либо слышала.

И усадила на банкете за свой стол в самом центре зала.

А Байкал покорила и природой, и омулем, и беседами с учёными со всех концов мира.

В том же году белорусская газета «Голас Радзімы» подписчикам из разных стран рассказала обо всех моих достижениях и планах на будущее. Впервые прозвучало название настоящей книги – «Пляска парадоксов». В Симферополе вышла книга А.И.Губаря и Г.Ф.Жуковского «Росинки дружбы». В ней тоже содержалась подробная информация обо мне.

Ещё более триумфальным оказался следующий, 2003-й год. В июле вышел в свет шестой номер газеты «Таврический Университет». Он был целиком посвящён нашему факультету, а я в нём представлен настоящей звездой на учебном, научном и литературном поприщах. На разных страницах в семи материалах, помимо прочего, красовалась моя мордуленция с разных ракурсов. В том числе и на фоне Статуи Свободы в Нью-Йорке! Признаюсь, мне стало стыдно от такой популярности. Но триумф продолжался.

После реконструкции на самом современном уровне состоялось открытие нашего замечательного Зоологического музея. 13 лет я вкладывал в него всю душу. Из шести озвученных величественных диорам четыре были созданы на моих материалах, доставленных из разных уголков планеты, а также из местного зоопарка. На посетителей кричали и рычали африканские слоны, тихоокеанский морж, антарктические тюлени, командорские морские котики. Им пели песни горбатые киты, вынырывающие у берегов далёкого ледяного континента.

На экскурсии со всего Крыма потянулся сплошной поток школьников. Университетское начальство приводило самых разных знатных особ. В их числе были германский посол, ректоры украинских и некоторых российских вузов, другие лица. Запомнилась прощальная реплика кандидата в президенты Украины Гриценко. Он пожал мне руку и искренне сказал:

– Вы – уникальный человек!

Местное, запорожское и белорусское телевидения состряпали обо мне фильмы. Но я нос не задираю. По-прежнему думал: «Преувеличивают заслуги. очередной парадокс».

Следующий, 2004 год принёс успехи в науке. Меня попросило начальство выступить с докладом на пленарном заседании итоговой научной конференции. Я рассказал о гельминтологических исследованиях кафедры в глобальных масштабах. Первым выступал астроном с рассказом о космосе. В итоге даже физики подошли и сказали мне, что о червях им было интереснее слушать, чем о космосе.

Словно в знак благодарности за этот доклад и доклад в Коктебеле на очередной международной конференции «Морские млекопитающие Голарктики», за успехи в науке почётной грамотой наградили меня приехавший из Киева академик НАНУ, председатель федерации учёных Украины В.П.Семиноженко. На прощанье мы сфотографировались с ним в Зоологическом музее. Этот снимок и подробный рассказ о музее и обо мне были помещены 24 декабря в «Южной столице».

11 октября 2004 года мне было присвоено почётное звание «Заслуженный работник образования Автономной Республики Крым».

В июле 2005 года я сделал доклад в Праге на очередном Международном симпозиуме по систематике и эволюции цестод.

9 сентября 2006 года в «Свислочской газете» в Западной Белоруссии вышла большущая статья о моих скитаниях по планете с фотографией о моём пребывании на Бродвее. Я его, как и знаменитый Брайтон-Бич, прошёл пешком.

В июле 2007 года в «Южной столице» подробно рассказывалось о моих загадках.

25 апреля 2008 года в «Крымской правде» появилась статья «Неистребимый оптимист, или Миша, который любит много работать». Так меня прозвали американцы, поражённые тем, что в отличие от всех остальных членов команды только я работал не только днём, но и по ночам. Мне просто хотелось собрать побольше научного материала.

В марте я отметил своё 70-летие. Этому была посвящена и статья в «Вестнике зоологии». Этот солидный журнал назвал меня всемирно известным исследователем гельминтов ластоногих. Как говорил один магаданец: «Пустячок, а приятно!» Я получил моральное право назвать подзаголовок этой книги «Моё обретение планеты». Я её всю прошёл и в своей области как исследователь везде оставил свой след. Так что перед наукой я честен, хоть и пошёл в неё ради литературы.

Жизнь моя стремительно покатила к горизонту. Дальше откладывать было уже нельзя, и я стал делать первые робкие шаги навстречу своей главной, юношеской любви. Меня заметили и 1 декабря 2009 года наградили литературной премией Автономной Республики Крым «За книги для детей (детская азбука, раскраски, загадки)».

По-прежнему основные силы я тратил на учебный процесс. К сожалению, декан С.Котов плохо исполнял свои обязанности и факультетом фактически управляла его секретарша, девушка, не имевшая даже высшего образования. Бороться с её самодурством и самоуправством было тяжело. В подтверждение этих слов привожу своё заявление на имя заместителя декана:

Заместителю декана
биологического факультета
доценту В.Л.Апостолову
заведующего кафедрой зоологии
профессора М.В.Юрахно

Заявление

Убедительно прошу при составлении объёма учебной работы на 2009–2010 учебный год часы (лекционные и лабораторные) по основным зоологическим курсам распределить по семестрам следующим образом:

I семестр

Зоология беспозвоночных (1 курс): лекций – 32; лабораторных – 32.

Зоология позвоночных (2 курс): лекций – 24; лабораторных – 28.

II семестр

Зоология беспозвоночных (1 курс): лекций – 32; лабораторных – 58.

Зоология позвоночных (2 курс): лекций – 24; лабораторных – 26.

Нынешнее соотношение часов по семестрам сказывается резко отрицательно на качестве преподавания зоологии. Когда лабораторные опережают лекционные часы, студентам всё время приходится новый материал осваивать самостоятельно. Интерес к плетущимся позади лекциям падает. Требовательность на лабораторных занятиях при опросе снижается. В общем, ситуация ущербна со всех сторон. Попытка корректировать проблему в ручном режиме полностью её не решает. В итоге всё равно в первом семестре выдается 32 часа лекционных и 58 часов лабораторных. Как результат, в начале второго семестра лабораторные опять-таки оказываются далеко впереди лекций. Только переброской лишних часов лабораторных с первого семестра на второй можно безболезненно решить эту искусственно и бездумно созданную деканатом проблему.

Да поможет Вам бог!

Надеюсь на положительное решение вопроса. Три года я боролся с этой несправедливостью, но, к величайшему удивлению и сожалению, успеха не добился.

С уважением Подпись

11.03.2009

Как и мафия, дебилизм бессмертен. Когда заместитель декана принял положительное решение, ко мне прибежала взъерошенная, как общипанная курица, секретарша и злобно прошипела:

– Это только на один год!

Судьба факультета по-прежнему находилась в кривых лапках этого пернатого существа.

2009 год для меня оказался переломным. В науке я последний раз бабахнул из тяжёлого орудия. В «Вестнике зоологии» в соавторстве с А.А.Стрюковым по настоятельной просьбе редакции опубликовал статью «Гельминтологические данные как показатель путей и направлений расселения ластоногих по Мировому океану». Никто в мире этим вопросом по-настоящему не занимался. Так что работа моя была оригинальной и довольно значимой для понимания эволюционного прошлого тюленей и моржей. Однако в целом в науке я решил потихонечку сдавать позиции. Во-первых, я почти полностью ослеп. Во-вторых, развал Союза лишил меня возможности собирать новые материалы в любимом направлении. А в литературе дела пошли в гору. Ещё в 2007 году появились две мои книжки, за которые уже не было стыдно. Это «Весёлые обучающие загадки о животных» и «Весёлые обучающие загадки о птицах». Они были красочными и нравились людям.

В 2009 году я изловчился и шарханул в литературе из самой крупнокалиберной мортиры. Из ствола по всему миру полетели двухкилограммовые красавицы «400 загадок о животных». Женщины тут же окрестили моё дитя «обалденной книгой», а многие малыши стали спать с ней в обнимку. Это был настоящий успех.

А ведь никто – ни дети, ни внуки – не верили, что такую книгу удастся издать. Денег не было, спонсоров – тоже. Я оползал все пляжи Крыма. Кланялся перед тысячами и тысячами лежащих тел, предлагая свои раскраски с загадками и азбуку. И получилось. Насобирал 130 тысяч гривен (16 250 долларов). Именно такую сумму запросил издатель – «Эверест-Принт». Я поставил условие, чтобы качество книги соответствовало названию издательства. Эверест – самая высокая вершина планеты. Значит, качество книги должно быть высочайшим. Издатель сдержал слово. Бумага великолепная. Книга прошита. Все 400 фотографий животных – на всю страницу. Качество отменное. Шрифт стихотворных текстов моих загадок крупный: читается легко. Получилось то, что надо. Первое издание быстро разошлось по России, Украине, Белоруссии, по ближнему и дальнему зарубежью. Вот некоторые отзывы.

Женщина из Партенита: «Купила Вашу книгу. Мы внука никак не могли приучить к чтению, а с Вашей книгой он спит в обнимку. Можно купить ещё одну – второму внуку, чтобы не ругались».

Декан физического факультета: «Послала Вашу книгу в Америку. Там её из семьи в семью передают и все в восторге».

Сотрудница научного сектора: «На выходные поехала к четырёхлетнему внуку в гости. Говорю: давай почитаем. На столе лежали сказки Андерсена и другая классика, но он взял именно Вашу книгу и сказал: читай!»

Конечно, приятно осознавать, что ты полезен людям. Пришлось готовить второе издание.

27 марта 2010 года в «Крымской правде» подробно рассказывалось о нашем музее и моих «похождениях».

В сентябре 2011 года в газете «Литературный Крым» была помещена положительная рецензия профессионала (поэтессы и журналистки) Елены Осминкиной на мою книгу «400 загадок...», а 17 ноября она же подробно рассказала обо мне как о детском писателе в «Крымских известиях». На приложенном фото было шесть детских писателей, но автор почему-то выбрала именно меня. Я был удивлен, смущён, но должен признаться, что было приятно осознавать свои первые успехи в литературе. Всю жизнь я шёл к этому.

В том же году вышла ещё одна моя книга – «Сказки крымского леса»: яркая, красочная. Она воспевала честность, скромность, справедливость и верность.

В апреле 2012 года в «Первой крымской» известная журналистка, моя бывшая студентка Наталья Якимова поместила задорную статью «Михаил Юрахно пришёл в детскую литературу через... кишечник морских млекопитающих!» Это было сущей правдой, но для меня было важно то, что появилось ещё одно доказательство моих литературных успехов.

20 февраля 2013 года Елена Осминкина в «Крымских известиях» презентовала читателям мою следующую книгу – «Северное сияние». Это был мой гимн любимой Арктике. Дочь Наташа, перечитав её несколько раз, вынесла вердикт: «Это твоя лучшая книга!» Я спорить не стал, ведь человек и должен с каждым шагом совершенствоваться. Однако при распространении её я столкнулся с очередным парадоксом. Охотнее всего приобретали «400 загадок...», хотя эта книга была самой дорогой. На втором месте – «Азбука...», на третьем – «Сказки...», а «Северное сияние» лишь четвёртая. Что ж поделать. Всё справедливо. Романтиков пока меньше, чем прагматиков.

Меньше чем через месяц – 3 апреля – на страницах «Крымской правды» по случаю Международного дня детской книги мне пела дифирамбы прелестная девушка Ирина Ковалёва. Однако настоящий триумф наступил в декабре, когда Крымская литературная Academia объявила меня писателем этого холодного месяца. К хвалебному предисловию прилагался мой любимый рассказ «Куропаточья любовь». Я опять оказался в родной стихии.

Любопытен один факт, связанный с моим декабрьским успехом. Несколько месяцев назад я стал посещать заседания литературного кружка в «Русском национальном центре». Будучи старым человеком, я не высывался, не вступал ни в какие кружки или союзы. Мне было достаточно того, что я – профессор и заведующий кафедрой. Вела кружок Ольга Голубева – неплохая поэтесса и очень симпатичная женщина, однако в некоторых других вопросах она показалась мне глуповатой. Заметив меня, она устроила грубый допрос, кто я и чего сюда прихожу, когда увидела

на общей фотографии, бросилась ко мне чуть ли не с кулаками: как, мол, посмел я мутить её питьё своим нечистым рылом!

Надо было видеть её в декабре, после объявления меня писателем этого месяца с сообщением об этом в «Литературной газете». Оказавшись передо мной лицом к лицу, она вдруг сникла и на полусогнутых робко и растерянно поздоровалась. «Вот так тебе и надо!» – подумал я.

11 сентября 2014 года в «Семейном лекаре» приятно было прочитать восторженный отзыв моего бывшего студента Игоря Куприянова о моём физическом состоянии через 24 года после нашей разлуки. Да, я был ещё активен и в 2016 году получил благодарность от многочисленных культурных организаций Крыма «за приобщение подрастающего поколения к чтению и развитие творческих способностей детей».

В завершение, как бы в знак благодарности и признания моих общих заслуг, 27 апреля 2017 года под рубрикой «Лики Тавриды» в «Крымском времени» была помещена моя мордуленция весьма внушительных размеров.

На этом описание моих биографических данных можно закончить. Остаётся поделить некоторыми результатами моих общих наблюдений, впечатлений, размышлений в процессе познания интереснейшего явления на нашей планете, которое называется жизнью.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ

Ещё раз о любви. Она тесно связана с размножением. А размножение появилось только у живых существ. Оставим в стороне растения. Я – зоолог, а не ботаник. Привык говорить только о том, что более или менее знаю. Поэтому начнём с животных – наших предков. Размножение у них изначально было разнообразным, и это разнообразие сохранилось до наших дней. Однако сразу же стал доминировать половой процесс. Он тоже был разнообразным, как и все его составляющие. Например, диву даёшься, познавая многоножек, какое многообразие у них способов оплодотворения. Эволюция прямо корчилась от мук, изобретая наиболее оптимальный выход. Итак, детали полового процесса у всех различны, однако в основе своей сам процесс у всех, начиная с одноклеточных животных и кончая человеком, сходен. Он сводится к слиянию мужской и женской половых клеток. В этом суть размножения. Оно, как мне кажется, возникло на основе могучего инстинкта самосохранения. Не было бы его у животных, все погибли бы.

Что касается любви, то её корни тоже уходят в царство животных. Чего стоят только брачные ухаживания у птиц и зверей! Иным нашим человечьим кавалерам стоило бы у них поучиться. Поведение животных в брачный период резко меняется: борьба за самку, самопожертвование, невероятная агрессия и никакой пощады. А что мы видим у человека? В принципе – то же самое. Конечно, человек благодаря серому веществу выделил любовь в самостоятельное понятие и придал ей загадочный смысл. Мол, данная

богом, недоступная для понимания и т. д. Однако, если внимательно приглядеться, то можно увидеть, что любовь – это болезнь, это ненормальное состояние физиологии. Именно поэтому влюблённые совершают так много необдуманных, а порой и трагических поступков.

Конечно, любовь – это великое явление: её надо беречь, как аленький цветочек на снегу. Она ласкает, она согревает, спасает, посылает на великие подвиги и, безусловно, составляет основу семьи. А семья – это главная ячейка социума в любой части планеты. Ничего крепче среди своих социальных структур человек не придумал.

Возникает вопрос, почему семья – общепризнанная, необходимая форма сосуществования особей – часто даёт сбой. Мне кажется, дело в генетике человека. У женщины – XX, у мужчины – XY. Эти различия в геноме дают разницу в физиологии. А физиология в свою очередь формирует характер. Характер проявляется визуально, поэтому именно на этом уровне мы видим существенную разницу между женщиной и мужчиной. В семейной жизни она (эта разница) важнее даже морфологических отличий. Чаще всего, грубо выражаясь, женщину «бьют по морде» не за округлости её тела, а за её поведение, которое в данном случае мужчине кажется несносным. На своё поведение мужчина, как правило, внимания не обращает и критически его не оценивает.

Разница в геноме особенно ярко проявляет себя в начальный период семейной жизни. Именно тогда, то есть в молодых семьях больше всего сыплется искр. Каждый из вступивших в брак старается переделать партнёра на свой копыл, часто пытаясь ломать его через своё колено. В результате такой «притирки» многие семьи распадаются. Этого можно было бы избежать, если бы до свадьбы молодожёны получали бы хорошую порцию знаний о генетических отличиях мужчин и женщин. Тогда бы они принимали своего партнёра в качестве «богом данного» бриллианта, не требующего дополнительной огранки. Однако не следует забывать, что говорить всегда легче, чем дело делать. Конечно, любой молодой семье нужна притирка. Такая семья, если посмотреть на неё глазами математика, напоминает прямой угол, стороны которого, как известно, отстоят друг от друга на 90 градусов. Эти стороны видят друг друга, но не всегда между ними наблюдается полное взаимопонимание. Дабы оно наступило, нужно, чтобы стороны начали сближаться, перемещаясь каждая на 45 градусов. В результате их слияния образуется биссектриса. Именно движение по биссектрисе семейного угольника может дать наиболее приемлемый результат для каждого из партнёров. И тогда совместный путь будет счастливым.

Одним из чудовищных парадоксов нашего времени стал терроризм. Как ни странно, его породила цивилизация. Казалось бы, с развитием образования и просвещения человек с каждым днём должен становиться всё умнее, добрее, толерантнее. А что получилось? Убить человека, чаще всего абсолютно невинного, для террориста – величайшее счастье. Видите ли, он после этого попадёт в рай. Разве не парадокс?

Хочется понять, как могло возникнуть в наше время это чудовищное явление.

Конечно, одна из причин, к сожалению, не самая важная, лежит на поверхности. Это абсолютно бессовестное, наглое, предельно шкурное культивирование буржуазной цивилизацией насилия. Пропаганда его стала удушливым газом для всех нормальных людей. И правительства разных стран почему-то не борются с этой заразой. А телевидение и другие СМИ распоясались, как бешеный пёс. И конца-краю этому безумству не видно. Понятно, что в основе этого безобразия лежат деньги. Борьаться с ними, особенно когда они криминальные, трудно. И всё же деньги – не главная составляющая платформы, на которую взгромоздился терроризм. Основная часть платформы – это религиозное мракобесие. Пока человек будет верить, что есть загробная жизнь и что он после своего подлого поступка обязательно попадёт в рай, ему не страшно будет умирать даже в молодом возрасте. Этот дурман надо снять с мозгов молодёжи всех стран. А для этого нужна основательная умная и деликатная антирелигиозная пропаганда. К сожалению, в последнее время она сошла на нет. Креститься стало модно, и такое впечатление, что «опиум для народа» возвращается. А ведь учить тому, чего не было, преступно, ибо это значит – дурачить людей.

Все религии без исключения возникли давно на базе страха и невежества дремучих людей тех далёких времён. Но времена поменялись. Космические корабли бороздят просторы Вселенной. Они видят всё и видят, что нет места как материального субстрата ни для одного из придуманных многочисленных богов. Верующие говорят: бог сотворил всё. А кто бога сотворил в таком случае? Ответа нет. Известно: из ничего ничего и не бывает.

Я не против религиозных атрибутов и обрядов. Храмы люблю, колокольный звон – тоже. Всё это можно сохранить и веселиться, как на Масленице, вспоминая прошлое, но утверждать, что есть загробный мир – преступно, ибо это уводит от истины. Если каждый потенциальный террорист будет ясно представлять это, он будет ценить и свою жизнь, и жизни других. Итак: просвещение и ещё раз просвещение. Оно наверняка в итоге будет более эффективным, чем высокоточное оружие. И терроризм будет побеждён.

В заключение хотелось бы коснуться ещё одной очень деликатной и очень важной глобальной проблемы, которая называется антисемитизм. Лучшая подруга моей покойной жены Аня Итенберг-Гуревич-Глизерина позвонила как-то мне из Израиля и пожаловалась:

– Нас нигде не любят.

И она права. Антисемитизм тлеет веками в разных странах.

Возникает вопрос: почему? Пришлось задуматься. Вспомнилось, как в школьные годы в спорах защищал евреев так, что слюна изо рта раструбом летела во все стороны.

Потом жизнь понемногу стала корректировать мою ортодоксальность в этом вопросе. Достаточно сказать, что только на моей сравнительно небольшой кафедре два еврея стали предателями Родины, а один – преда-

телем закадычной дружбы. Не много ли для одной нации, в то время как у всех остальных этот показатель остался нулевым? Чубайс как-то раскрылся и чистосердечно заявил:

– Нам не хватает наглости!

Именно эту черту он, очевидно, считает главной в особенностях своей нации. Тогда пусть мирится с тем, что его не любят. Мне кажется, что против антисемитизма можно найти действенное лекарство. Если каждый еврей, проснувшись рано утром, произнесёт молитву всего лишь из одного предложения и будет придерживаться её в течение всего дня, антисемитизм очень скоро исчезнет как явление и всех евреев любить будут. Молитва эта следующая: «Помоги мне, Господи, не обмануть сегодня ни одного представителя других наций! Аминь!»

Я не антисемит. Из всех моих друзей в живых остался один. И он – еврей. Этим всё сказано. Так что ко мне никаких претензий! Я лишь высказал своё мнение о проблеме в целом. Аминь!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почему я взялся за эту книгу? По двум причинам. Во-первых, чтобы в конце концов как-то начать свою родословную. Стыдно признаться, что я не знаю могил моих дедушек и бабушек. Они просто утеряны. И это раньше считалось нормой среди тёмных, забитых, безграмотных крестьян. Сгнившие деревянные кресты не возобновлялись, поэтому захоронения уходили в небытие. Так не должно быть! Это бескультурье! Поэтому я и решил немножечко рассказать о времени и о себе. Пусть эта книга станет отправной точкой для дальнейшего написания летописи моей многочисленной родни.

Во-вторых, возможно, моя исповедь станет поддержкой для тех деревенских мальчишек, которые не верят в свои силы и не решаются отправиться в безбрежный бушующий океан окружающей их жизни.

Я тоже не верил в свои силы ни в науке, ни в литературе. Поэтому много работал, чтобы хоть что-то получилось, чтобы поражение, если свалится на мою голову, не стало сокрушающим. В результате кое-что получилось. Более того, я просто счастлив, что на склоне лет сбылись мои детские и юношеские мечты! Я стал писателем!

Конфуций выделил три разновидности счастья: счастье – когда тебя понимают, большое счастье – когда тебя любят, настоящее счастье – когда любишь ты! Я бы добавил к ним ещё одну категорию: счастье – когда сбываются мечты юности! Рад, что испытал это на себе.

И напоследок хотел бы оправдаться за слишком претензионное название подзаголовка этой книги: «Моё обретение планеты». Из-за него я чувствую себя неуютно, боюсь, что обвинят в мании величия. Чистосердечно признаюсь, что я чувствую себя всего лишь маленькой серенькой мышкой, но эта мышка пробежала по планете более 200 000 километров и как путешественница, безусловно, добилась глобальных успехов. Она умудрилась, будучи сугубо сухопутным существом, пересечь все океаны Земли. И, наконец, как исследователь в своей специальности она наследила во многих странах обоих полушарий. Так что в подзаголовке книги я не погрешил против истины. После длительных мучений я его всё-таки сохранил, но не для того, чтобы подчеркнуть величие успехов, а для того, чтобы показать масштабы некоторых парадоксов.

Февраль 2018 года
Михаил Юрахов

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ	6
ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.....	6
ОСВОБОЖДЕНИЕ.....	10
ГИБЕЛЬ ОТЦА	11
НЕУКЛЮЖАЯ ТЯГА К ГРАМОТЕ	13
ЕЩЁ ОДНА СЕСТРИЧКА	14
ШКОЛА.....	15
БЕЗОТЦОВЩИНА	17
МАТЬ.....	22
МУРЗА	25
ЧЕРТИ И ПРОЧАЯ НЕЧИСТЬ.....	28
ДРАКИ.....	30
ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.....	31
ИЗБИЕНИЕ НА ОЗЕРЕ	33
УЧАСТИЕ В РАСКУЛАЧИВАНИИ	34
ЧТО ТАМ – ЗА ГОРИЗОНТОМ?.....	35
ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ.....	37
КНИГИ	39

НАОБОРОТУШКИ	40
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	42
ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ.....	44
ВТОРОЕ ПОРАЖЕНИЕ.....	45
ТРЕТЬЕ ПОРАЖЕНИЕ	46
ЧЕТВЁРТОЕ ПОРАЖЕНИЕ.....	49
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА!.....	53
ДРУЖБА.....	53
ВТОРАЯ ЛЮБОВЬ.....	54
МАЛЕНЬКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ	55
КРАСАВИЦА ОДЕССА	56
КАФЕДРА ЗООЛОГИИ	59
БЕЛОЕ МОРЕ	60
ЧУКОТКА – ЛЮБОВЬ МОЯ!	77
Страшный удар	77
Москва	78
Магадан.....	79
Чёртовы ворота Чукотки.....	80
Бухта Провидения	82
Кровавые дороги Чукотки.....	83
Янтракинот.....	86
Нешкан	97
Энурмино	99
Очень грустная история.....	102
«Передовой» оленевод.....	103
Радоваться рано.....	103

Поход за белым гусем.....	104
Схватка	107
Скелет нерпы.....	108
Там, где начинается Россия	109
Мыс Дежнёва	112
Большая конюга	114
Ипатки.....	114
Тяжёлое испытание.....	115
Интуиция	115
Охота на уток	117
Последнее письмо с Чукотки.....	119
В Инчоуне	121
Некоторые итоги первой чукотской экспедиции.....	125

БЕРИНГОВОМОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1967 ГОДА.....	126
---	-----

МЕЖДУ ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЁРТОЙ

ЭКСПЕДИЦИЯМИ	188
--------------------	-----

ПЕРВАЯ СОВМЕСТНАЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛЕДОВЫХ ФОРМ ЛАСТОНОГИХ	190
---	-----

ВТОРАЯ СОВМЕСТНАЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	210
--	-----

СТРАШНЫЙ УДАР.....	229
--------------------	-----

КОМАНДОРЫ И КАМЧАТКА.....	233
Жемчужина в тумане.....	233
Некоторые итоги командорских экспедиций	236
Охота за мёртвым каланом	238

АНТАРКТИКА.....	242
Подготовка к поездке	242
КАРЬЕРНЫЙ РОСТ	287
ИСПАНИЯ	290
Первая поездка (1993 год).....	290
Вторая поездка (1996 год)	298
НА РОДИНЕ.....	331
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ	343
ПОСЛЕСЛОВИЕ	348

Знак информационной 18+
продукции

Литературно-художественное издание

Михаил Владимирович Юрахно

**ПЛЯСКА ПАРАДОКСОВ,
или
МОЁ ОБРЕТЕНИЕ ПЛАНЕТЫ**

Подписано к печати с оригинал-макета __.__.2022.

Формат 70x100 ¹/₁₆. Гарнитура «Myriad Pro».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,5. Тираж 150 экз.

Заказ № ...

ИП Дымникова Н.В. 91 № 000002810
от 25.11.2014 г.

Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Старозенитная, 7.
Тел.: 8 (3652) 604919, 8 (978) 7267668.
Email: norianda@mail.ru; <http://norianda.ru>

Полиграфическое исполнение: